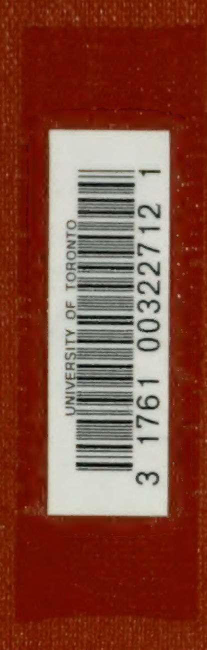
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322712 1

ВАСИЛИСА

РОМАНЪ

въ четырехъ частяхъ

Н. А. Арнольди.

> Домашній божокъ изъ воска стоялъ случайно забытый передъ огнемъ, въ которомъ обжигались драгоцѣнные кампанскіе сосуды. Онъ началъ таять и горько жаловался огню: „Смотри“, говорилъ онъ, „какъ ты жестоко со мной поступаешь! Имъ ты сообщаешь прочность, меня же — разрушаешь!“ Огонь отвѣчалъ ему: „Жалуйся не на меня, а на свою природу, потому что я, что до меня касается, одинаково для всѣхъ огонь“.
>
> Ardinghello.

1909.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВАСИЛИСА.

> Домашній божокъ изъ воска стоялъ случайно забытый передъ огнемъ, въ которомъ обжигались драгоцѣнные кампанскіе сосуды. Онъ началъ таять и горько жаловался огню: „Смотри“, говорилъ онъ, „какъ ты жестоко со мной поступаешь! Имъ ты сообщаешь прочность, меня же — разрушаешь!“ Огонь отвѣчалъ ему: „Жалуйся не на меня, а на свою природу, потому что я, что до меня касается, одинаково для всѣхъ огонь“.
>
> Ardinghello.

I.

Кончалась обѣдня въ русской православной церкви въ Ниццѣ. Пѣвчіе-итальянцы дружно гласили съ клироса: „Отче нашъ“; разряженныя горничныя и круглолицыя кормилицы, столпившись у дверей, клали земные поклоны и усердно крестились; церковный староста ходилъ между прихожанами; слышалось слабое бряцаніе падающихъ на тарелку монетъ.

Съ лѣвой стороны отъ входа, у одной изъ колоннъ, стояла молодая женщина, съ дѣвочкой лѣтъ четырехъ. На ребенкѣ было синее суконное платье съ широкимъ поясомъ; свѣтлые волосы, подстриженные на лбу, спускались на плечи мягкими волнами; нѣжное личико смотрѣло умно и выразительно. Она держалась очень прямо, съ какой-то дѣтской важностью, и только по временамъ оборачивалась и взглядывала на мать, которая улыбалась ей въ отвѣтъ, и указы-

вала глазами на царскія двери. Она была вся въ черномъ. Волосы у нея были свѣтлые, съ золотистымъ отливомъ, цвѣтъ кожи смуглый, губы свѣжія и румяныя. Какая-то неуловимая улыбка блуждала на этихъ губахъ, а тонкія брови были слегка сдвинуты и темносѣрые глаза смотрѣли задумчиво, почти строго, изъ подъ черныхъ рѣсницъ.

Когда кончилась обѣдня и священникъ вышелъ съ крестомъ, она взяла дѣвочку за руку и направилась къ выходу.

У дверей, прислонясь широкими плечами къ стѣнѣ, стоялъ молодой человѣкъ высокаго роста, съ красивымъ, нѣсколько худощавымъ лицомъ. Онъ не раскланивался ни съ кѣмъ, и, сложивъ на груди руки, равнодушно поглядывалъ на проходившую мимо него толпу.

Когда подошла къ двери молодая женщина, онъ посторонился, чтобы дать ей пройти и въ то же время поклонился, не столько ей самой, сколько шедшей съ нею дѣвочкѣ. Она слегка наклонила голову, какъ отдаютъ поклонъ незнакомому человѣку и прошла мимо, не подымая глазъ.

— Ma chère madame Zagorsky, раздался за ней голосъ, куда вы такъ торопитесь? Дайте съ вами поздороваться.

Та, которую называли Загорской, остановилась. Къ ней подошла старушка въ обношенномъ шерстяномъ капотѣ коричневаго цвѣта, съ капоромъ, вмѣсто шляпы, на головѣ и въ вязанныхъ перчаткахъ. Это была знаменитая когда-то красавица Елкина, блиставшая лѣтъ тридцать пять тому назадъ въ Петербургѣ, являвшаяся при дворѣ и — какъ выражались въ тѣ времена — плѣнявшая собою всѣ сердца. Молодость прошла, красота исчезла; остались мелкія заостренныя черты лица, покрытыя морщинами и быстрые каріе глаза, которые смотрѣли бойко, пытливо и недобро.

Онѣ поздоровались. Загорская какъ-то сдержанно, словно нехотя, отвѣчала на привѣтъ, и тотчасъ-же примолвила:

— Мнѣ пора домой; до свиданія.

— Куда вы спѣшите? вѣдь дома васъ никто не ждетъ! Я пройду немного съ вами; мнѣ по дорогѣ.

Не дождавшись отвѣта, она поровнялась съ Загорской.

— Скажите, пожалуйста, начала она, стараясь поспѣвать за своей спутницей, отчего вы живете такой нелюдимой? —

старыми знакомствами пренебрегаете, новыхъ не дѣлаете... Это не хорошо; въ ваши лѣта, и особенно въ вашемъ положеніи, нужно стараться поставить мнѣніе свѣта за себя...

Загорская вспыхнула; какой-то гнѣвный огонь сверкнулъ въ ея глазахъ и мгновенно потухъ.

— Я въ свѣтѣ не живу, сказала она тихимъ голосомъ, мнѣ до него нѣтъ дѣла, и свѣтъ, я полагаю, обо мнѣ не заботится.

— Напрасно вы такъ думаете, вы слишкомъ спѣсивы... Свѣтъ вправѣ требовать отъ васъ извѣстнаго къ себѣ вниманія. A propos, скажите, пожалуйста, кто этотъ молодой человѣкъ, что вамъ при выходѣ поклонился?

— Какой-то русскій...

Она прибавила въ видѣ объясненія:

— Я его не знаю... Онъ живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я... Моя дочь въ саду съ нимъ познакомилась.

— Вы не знаете, какъ его зовутъ?

— Его имя, кажется, Борисовъ.

— Борисовъ! воскликнула старуха. Вы навѣрное знаете, что Борисовъ?

— Кажется...

— Ну поздравляю!.. Подарила васъ судьба сосѣдомъ!

— А что?

— Что?... Такъ вы не слыхали?... Не знаете?

— Я ничего не слыхала, сказала Загорская.

— Въ такомъ случаѣ считаю долгомъ просвѣтить васъ...

Елкина съ жаромъ принялась разсказывать какую-то исторію.

Загорская слушала, раскрывъ немного губы отъ удивленія.

— Неужели? произнесла она, и подумавъ прибавила:

— Какъ же вы, все это такъ подробно знаете?

— Мнѣ разсказывалъ графъ Толстовъ, который это дѣло самъ разсматривалъ... Притомъ же, этотъ молодой человѣкъ довольно интересная личность, своего рода герой. Добро бы былъ Сидоровъ или Карповъ, а вѣдь онъ изъ нашего круга, человѣкъ съ состояніемъ, съ именемъ и — вдругъ бросилъ все и пошелъ въ народъ проповѣдывать про какую-то сво-

боду, какое-то равенство! Такого рода фанатиковъ не всякій день встрѣчаешь!

— Это правда, проговорила задумчиво Загорская; для этого нужно много силы воли и горячую вѣру...

— Ради Бога, не увлекайтесь!.. Какая вы восторженная! Я вамъ это разсказала для того, чтобы вы были осторожны, не знакомились бы съ своимъ сосѣдомъ; такіе люди опасны.

— Благодарю за участіе, проговорила Загорская, невольно улыбаясь.

Елкина глянула на нее искоса.

— Въ васъ очень много самонадѣянности... Впрочемъ, это не удивительно, — на то вы и молоды. Опытность-то, охъ, какъ горько дается!... Но все таки повторяю: берегитесь. Вы однѣ, вамъ болѣе, чѣмъ всякой другой слѣдуетъ быть осторожной.

Они дошли до угла́ улицы.

— Здѣсь, кажется, наши дороги расходятся, сказала Загорская. Извините меня; мнѣ надо домой. Прощайте.

Она поклонилась, не подавая руки, и скорымъ шагомъ пошла далѣе.

— До свиданья, ma chère; я у васъ буду, проговорила ей во слѣдъ старуха.

По другой сторонѣ улицы, мѣрнымъ шагомъ, проходилъ красивый, высокій, среднихъ лѣтъ мущина.

— Графъ Ѳедоръ Ивановичъ! позвала громкимъ голосомъ Елкина.

Графъ поднялъ голову, посмотрѣлъ, поклонился и хотѣлъ идти далѣе; она еще разъ позвала его.

— Подите сюда, мнѣ надо вамъ что-то сказать.

Онъ перешелъ улицу.

— Вотъ что, добрѣйшій графъ, вы меня звали въ прошлое воскресенье къ себѣ завтракать; я тогда не могла, а сегодня хочу воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ. — Дома графиня?

— Она изъ церкви уѣхала съ Ганскими; кажется они условились вмѣстѣ завтракать въ London-House.... Жена будетъ очень жалѣть, прибавилъ онъ вѣжливо.

— Вы также идете въ London-House?

— Да.

— Такъ я съ вами пойду; приглашаю себя безъ церемоній на вашу partie de cabaret. Можно?

Графъ поклонился, ничего не отвѣтилъ, даже не улыбнулся.

Мимо нихъ проѣхала коляска, въ которой сидѣли двѣ дамы и нѣсколько дѣтей.

Елкина замахала руками; коляска остановилась.

— Вы куда, Анна Петровна?

— Домой, проговорила Анна Петровна.

— Хотите взять меня съ собой? Вотъ графъ зоветъ меня завтракать съ своей женой въ London-House, но я уже давно обѣщала провести у васъ день en famille.

— Ахъ, мы будемъ очень рады, сказала, какъ-то робѣя и краснѣя, Анна Петровна.

— Есть для меня мѣсто въ коляскѣ?

Анна Петровна оглядѣлась въ смущеньи и еще болѣе покраснѣла.

— Ежели вы хотите подождать немного, я отвезу дѣтей домой и пріѣду за вами.

— Хорошо, такъ поѣзжайте же, я васъ здѣсь подожду.

Коляска покатилась. Елкина обратилась къ графу.

— Знаете, кто была та молодая женщина, что вышла вмѣстѣ со мною изъ церкви?

— Не знаю.

— Загорская.

— Какъ Загорская? рожденная баронесса Позенъ? съ оживленіемъ спросилъ графъ. Неужели это она?

— Она самая; — та, что имѣла, три года тому назадъ, эту скандальную исторію.

— То есть, какъ скандальная, замѣтилъ графъ. Она развелась, или лучше сказать, разъѣхалась съ мужемъ, потому что развода, кажется, выхлопотать не могли... Она была права; я Загорскаго знаю, пустой малый и просто негодяй.

Какъ ихъ тамъ разобрать, кто правъ, кто виноватъ! зло замѣтила Елкина. Дѣло въ томъ, что эта бабенка a fait

parler d'elle и находится теперь въ самомъ двусмысленномъ положеніи.

— Дурнаго про нее я ничего не слышалъ, сказалъ графъ. Говорили, что она купила у мужа свою свободу и право оставить при себѣ дочь цѣною своего состоянья, и что она живетъ теперь съ самыми скромными средствами. Двусмысленнаго тутъ ничего нѣтъ.

— Вы подкупной судья, графъ: увлекаетесь хорошенькими глазками.

Подъѣхала Анна Петровна.

Графъ помогъ Елкиной сѣсть въ коляску, раскланялся съ дамами и пошелъ своей дорогой. На поворотѣ улицы онъ встрѣтилъ свою жену, которая за нимъ ѣхала. Онъ сѣлъ къ ней въ карету. По тротуару проходила Загорская съ дочерью. Графъ поклонился.

— Кто это? спросила графиня.

Загорская, Василиса Николаевна .. Вообрази!...

— Василиса! неужели? Съ какихъ же поръ она здѣсь? Надо будетъ непремѣнно къ ней съѣздить; мнѣ ужасно хочется ее видѣть.

— Я разузнаю сегодня же ея адресъ, сказалъ графъ. Предметъ этихъ разговоровъ, Василиса Николаевна Загорская, подходила въ это время къ своему жилищу, находившемуся въ одномъ изъ узенькихъ переулковъ отдаленнаго квартала. Домъ, въ которомъ она жила, былъ маленькій, старенькій; онъ стоялъ посреди большаго запущеннаго сада, гдѣ олеандры и лимонныя и апельсиновыя деревья росли перемѣшанныя съ грядами капусты и артишоковъ. Квартира Загорской была во второмъ этажѣ; подымались въ нее по наружной лѣстницѣ полукаменной, полудеревянной, съ расшатанными перильцами и уставленной, въ видѣ украшенія, горшками съ алоэ. Изъ крошечной прихожей входили въ гостинную, служившую вмѣстѣ и столовою. Въ углу стоялъ диванъ и рабочій столикъ, по сторонамъ камина два большія кресла, въ простѣнкѣ висѣло зеркало надъ неизбѣжной консолью съ мраморной доской и облупившейся позолотой. Рядомъ съ этой незатѣйливой гостинной была спальная Василисы Николаевны и еще комната, которая слу-

жила дѣтской. Все было просто, немного потерто, немного старо, но смотрѣло уютно и привѣтливо. Единственной прислугой Загорской была русская няня, Марфа Ильинишна. Это была женщина или, лучше сказать, дѣвица лѣтъ пятидесяти, высокая, полная, съ умными карими глазами и всегда веселымъ выраженіемъ лица. Она любила поговорить, поподчивать, помолиться Богу; казалась простой, но была сметлива и не безъ хитрости. Предана была своей госпожѣ безпредѣльно. Поступила она къ Василисѣ Николаевнѣ еще въ лучшія времена, когда ея должность ограничивалась уходомъ за новорожденной Наташей. Съ той поры многое перемѣнилось; Василиса разсталась съ мужемъ, уѣхала за границу; няня поѣхала съ нею. Сначала онѣ жили въ гостинницахъ и пансіонахъ; потратилась порядочно Василиса Николаевна, вслѣдствіе своей неопытности; захворала было отъ мелкихъ заботъ и безпрестаннаго страха, что вотъ, вотъ не хватитъ денегъ. Докторъ посовѣтовалъ спокойствіе и тихую жизнь; Марфа Ильинишна настояла, чтобы наняли маленькую квартиру и предложила свои услуги по части хозяйства. Съ той поры она превратилась въ женскаго калеба, исполняла въ домѣ всѣ должности, замѣняла своей особой повара, дворецкаго, горничную и нянюку. Хозяйство шло на славу: няня оказалась отличной стряпухой; варила русскія щи, жарила битки, пекла ватрушки и все это стоило дешевле и было лучше жидкихъ суповъ и засушенныхъ boeuf à la mode табль д'отовъ.

Первое время Василиса Николаевна читала французскіе романы, лежа на диванѣ, или просто ничего не дѣлала, молча дивилась нянѣ и благодарила судьбу; ей въ голову не приходило, что она можетъ помочь ей въ чемъ нибудь. Какъ-то разъ няня вошла къ ней съ озабоченнымъ лицомъ.

— Вотъ, матушка, платьице барышнино все порвалось, надо бы починить, да времени нѣтъ.

— А я, няня, сама починю.

— Съумѣете ли? Чай шить-то не учились.

— Какъ не съумѣть, что за пустяки!

Василиса Николаевна принялась за починку платья. Она дѣйствительно шить хорошо не умѣла и первый опытъ не

удался. Но это заставило ее съ большимъ рвеніемъ взяться за работу. Впродолженіи двухъ недѣль иголка не выходила у нея изъ рукъ, она пріобрѣла всѣ нужныя свѣдѣнія по части швейнаго искусства, привела въ порядокъ весь гардеробъ дочери, попробовала скроить и сшить для нея новое платье и тогда только успокоилась.

Скоро она начала присматриваться и къ хозяйству.

— Нянюшка, я вамъ въ кухнѣ помогу, сказала она однажды.

— Что вы, сударыня, господь съ вами, бѣлыя-то ручки пачкать!...

Но Василиса Николаевна не жалѣла своихъ бѣлыхъ ручекъ и поставила на своемъ. Избалованныя искусственной атмосферой въ которой родились и выросли, извѣстнаго рода женщины долго сохраняютъ дѣтскую наивность въ своихъ пріемахъ и не сразу понимаютъ, въ чемъ дѣло, когда жизнь обращаетъ къ нимъ свою будничную сторону; онѣ поэтизируютъ неприглядную дѣйствительность, невольно внося въ нее извѣстную долю безсознательной, совершенно искренней позы. Василиса стала ходить въ кухню и думала, что совершаетъ великій подвигъ. Ее занимало смотрѣть, какъ няня стряпаетъ; она брала въ руки то ту, то другую посуду, дѣлала кулинарные опыты и интересовалась знать, что изъ этого выйдетъ. Но это ребячество скоро съ нея соскочило; таланта къ хозяйству въ ней не оказалось; мелкая хлопотня была противна ея природѣ и скоро надоѣла ей; она перестала ходить въ кухню для развлеченія, за то понабралась кое-какихъ практическихъ пріемовъ и не безъ нѣкоторой гордости сознавала, что въ случаѣ надобности могла замѣнить Марфу Ильинишну у хозяйственнаго очага.

Няня ждала Василису Николаевну на крыльцѣ.

— Съ праздникомъ, матушка, проговорила она, кланяясь. Хорошо Богу помолились?

— Устала, няня. Солнце-то какъ жжетъ...

Няня отлично читала выраженіе лица своей госпожи и угадывала расположеніе ея духа по звуку ея голоса. Ея вопросъ пошелъ прямо къ цѣли.

— Чай повстрѣчали кого нибудь? промолвила она.

— Да... эту старуху Елкину. Какая сплетница!

— Эхъ, матушка, что на сплетни смотрѣть-то, ихъ не оберешься! Пожалуйте-ка лучше покушать, биточки вамъ приготовила, да лапшу, какъ вы любите.

Няня взяла Наташу на руки, какъ маленькаго ребенка, и онѣ пошли на верхъ.

II.

Исторія Василисы Николаевны Загорской, хотя и имѣла свою драматическую сторону, была самая обыкновенная, и не отличалась ничѣмъ отъ исторій тысячи другихъ женщинъ ея круга и рожденія. Она принадлежала къ хорошей семьѣ, выросла и воспитывалась частью въ Петербургѣ, частью заграницей. Мать ея, очень красивая, свѣтская женщина, мало занималась дочерью, предоставивъ ее съ ранняго дѣтства на попеченіе русскихъ и французскихъ гувернантокъ, которыя мудрили надъ ней и каждая на свой ладъ додѣлывала и передѣлывала ея воспитаніе. Восемнадцати лѣтъ ее стали вывозить въ свѣтъ, а черезъ годъ ее выдали замужъ. Бракъ этотъ не оказался счастливымъ; любви между супругами не было, — одинъ женился, потому что представилась хорошая партія, другая вышла замужъ съ полнымъ равнодушіемъ, — не вѣдая, что творила. Она очнулась, когда уже было поздно, когда судьба неразрывно связала ее съ человѣкомъ, образъ мыслей, характеръ и нравственное и физическое существо котораго были ей ненавистны. Сначала она возмущалась, плакала, рвалась вонъ; но потомъ все это застыло въ сознаніи безпомощнаго, безвыходнаго горя.

Загорскій былъ человѣкъ дюжинный, крайне сухой и эгоистичный. Онъ скоро понялъ, что въ лотереѣ супружества на его долю выпалъ неудачный номеръ, и предложилъ Василисѣ Николаевнѣ разстаться на неопредѣленное время, съ тѣмъ, чтобы она отдала въ его распоряженіе небольшое свое приданое, въ замѣнъ чего онъ обязывался предоставить ей воспитанье дочери, родившейся въ первый годъ ихъ

супружества, и выплачивать ежегодно извѣстную, весьма незначительную сумму на ея прожитье заграницею. Василиса Николаевна приняла предложенье, и разлука ихъ совершилась безъ всякаго шума, что, однако, не помѣшало людямъ, подобнымъ Елкиной, намекать на какую-то скандальную исторію.

Заграницей Загорская вела жизнь самую скромную; она жила въ полномъ уединеньи, не выѣзжала, никого не видала. Она провела зиму въ Гейдельбергѣ; дѣвочка ея заболѣла, какъ-то не поправлялась, — ей посовѣтовали югъ; она собралась со средствами и поѣхала въ Ниццу.

Перемѣнивъ мѣсто жительства, она не перемѣнила образа жизни. Изъ многочисленныхъ ея знакомыхъ, находящихся въ Ниццѣ, она ни съ кѣмъ вновь не сблизилась. Она бывала въ русской церкви изрѣдка, не всякое воскресенье. Домъ, въ которомъ она жила, стоялъ въ глухомъ переулкѣ, не по дорогѣ ни къ кому и ни къ чему, такъ что и попасть къ ней было довольно трудно. Дни ея проходили тихо, мирно, одиноко. Иногда это однообразіе жизни наводило на нее тоскливую скуку.

„За то я свободна!“ мелькнетъ у нея въ головѣ.

„Но, на что мнѣ эта свобода,“ опять задумается Василиса Николаевна. „Я веду жизнь затворницы; съ утра до вечера все тѣ же мелкія заботы, однообразныя занятія. Сижу я и вышиваю; черезъ часъ Наташа вернется изъ сада, прочту съ ней страницу въ букварѣ, потомъ чай, потомъ спать ее уложу, опять сяду за работу; въ девять часовъ няня начнетъ зѣвать; мы съ ней простимся; я возьму книгу, почитаю, а тамъ и сама лягу... И такъ сегодня... завтра... всякій день!... мѣсяцы... годы!... Какая цѣль всего этого? Какой смыслъ этой жизни? Наконецъ, жизнь сама, въ чемъ она выражается? Гдѣ ея интересы и задачи?.. Какое мое дѣло? Дочь воспитывать? Да это, покуда, не работа и цѣли окончательной я все таки не вижу. Выроститъ дочь, выйдетъ замужъ, начнетъ жить своею жизнью, будетъ сама имѣть дѣтей, будетъ ихъ воспитывать, любить ихъ, въ свою очередь съ ними разставаться... И такъ, поколѣнья за поколѣньями исчезаютъ, какъ листья, что вѣтеръ

срываетъ съ дерева и уноситъ. Какъ мало значитъ судьба одного человѣка въ безконечной вереницѣ поколѣній! А все таки какъ-то хочется жить, что нибудь дѣлать — подняться на ноги, не лежать безпомощно подъ давящимъ гнетомъ обстоятельствъ. Но какъ? За что ухватиться? Какъ взяться за жизнь, чтобы заставить ее быть полезной и счастливой?

Воротясь изъ церкви, она сидѣла послѣ обѣда, съ книгой у камина. Наташа бѣгала въ саду. Ничѣмъ не прерываемое молчаніе, какъ затишье, царило вокругъ нея. Раздался звонокъ у входной двери. Няня пошла отворять; Василиса Николаевна услышала незнакомый голосъ: послѣ недолгаго разговора дверь опять затворилась и все утихло.

— Няня, Марфа Ильинишна! позвала Василиса тревожнымъ голосомъ. Кто тамъ былъ?

— Ничего, не безпокойтесь, матушка: сейчасъ пріиду, руки только вытру.

Няня вошла и подала письмо.

— По ошибкѣ снесли сосѣду, русскому, что внизу живетъ; онъ и принесъ на верхъ.

Помолчавъ, няня прибавила:

— Просила его войти, не хотѣлъ.

Хорошо сдѣлалъ, сказала Загорская: мнѣ не до гостей, да къ тому же еще и незнакомыхъ.

Она распечатала письмо. Няня стояла, ожидая сообщенія какихъ нибудь извѣстій.

— Ничего, няня, новаго нѣтъ; пересылка денегъ за треть...

— И то слава Богу! въ пору пришли, а то безпокоиться изволили бы.

Няня ушла. Минутъ черезъ десять опять послышался звонокъ. Марфа Ильинишна вбѣжала, оторопѣлая и въ попыхахъ.

— Сударыня! лакей спрашиваетъ, дома ли вы... Графиня, какая-то, къ вамъ съ визитомъ пріѣхала.

Василиса посмотрѣла на поданную ей карточку. Легкая краска покрыла ея лице.

— Скажите, что дома нѣтъ, проговорила она.

— Уже поздно-съ; просила пожаловать. Вонъ и карета въ садъ въѣзжаетъ.

Слышался шумъ колесъ по усыпанной мелкимъ камнемъ узенькой алеѣ сада.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла графиня Сухорукова съ мужемъ.

Василиса встала имъ на встрѣчу спокойная, привѣтливая; тѣни волненія не видпѣлось на ея лицѣ.

— Извините меня, сказала она своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, что я имѣла нескромность принять васъ, и заставила подыматься по моей неудобной лѣстницѣ.

— Мнѣ слѣдуетъ извиняться, что я къ вамъ явилась такъ, ни съ того, ни съ сего! перебила цѣлуясь съ нею графиня. Но я такъ желала васъ видѣть, возобновить прежнее знакомство...

Они сѣли. Разговоръ завязался оживленный. Болѣе всѣхъ говорила графиня. Она разсказывала про общихъ знакомыхъ, про Петербургъ, про самую себя, про разныя новости и свѣтскія сплетни, и съ такой же простодушной откровенностью разспрашивала Василису Николаевну про ея дѣла и упрекала ее въ отшельнической жизни.

— Вы такая хорошенькая, такая умная! говорила она, вы всегда имѣли такой успѣхъ! кому же и жить въ свѣтѣ, ежели не вамъ...

И графъ прибавилъ:

— Вы не имѣете права, Василиса Николаевна, лишать общество лучшаго его украшенія.

Загорская только улыбалась на лестныя рѣчи и отвѣчала уклончиво.

Когда графиня встала, чтобы ѣхать, она выразила надежду скоро опять увидѣться.

— Я не буду ждать отъ васъ формальнаго визита, сказала она: пріѣзжайте къ намъ вечеромъ. Мы почти всегда дома, а по вторникамъ у насъ собирается небольшой кругъ друзей. — Обѣщайте, что будете.

— Я буду у васъ, отвѣчала Василиса.

— Вечеромъ, — да?

— Постараюсь: во всякомъ случаѣ благодарю за любезное приглашеніе.

Проводивъ своихъ посѣтителей, Василиса сѣла опять въ кресло у камина, и задумалась. Она сидѣла на томъ же мѣстѣ, въ той же позѣ, какъ часъ тому назадъ, но настроеніе ея духа измѣнилось: ее что-то тревожило, у нея было непокойно на душѣ, — словно графиня, въ складкахъ своего платья, внесла въ ея затишье духъ волненія и свѣтской суеты. Дремлющія желанія и потребность всего того, что составляетъ блескъ и наружное убранство жизни, проснулись въ ней съ небывалой силой. Она сравнивала свою участь съ участью женщины, только что отъ нея уѣхавшей, счастливой, беззаботной, проживающей свой вѣкъ въ довольствѣ, порхающей, какъ бабочка, отъ одного пріятнаго впечатлѣнія къ другому. — А я? что моя жизнь? какія мои радости? — Ей представлялся рядъ годовъ, проведенныхъ въ глуши, въ холодной скукѣ, въ отчужденіи отъ всякихъ живыхъ, волнующихъ умъ и сердце интересовъ... И такъ пройдетъ молодость, и вся жизнь, думала она. Отчего такая несправедливость, — отчего я, именно я, должна покориться и прозябать безполезно, когда я чувствую силы и желаніе жить! — Ей хотѣлось заплакать, но она стыдилась этихъ слезъ, и сжавъ руки, сдвинувъ брови, сидѣла и смотрѣла въ огонь. Красное пламя охватило дрова и разгораясь взвилось яркими цвѣтами къ верху. — Какъ бы я хотѣла знать, думала она, будетъ ли какой нибудь просвѣтъ въ моей жизни?.. Глаза ея глядѣли въ огонь, а мысли старались разгадать незримое будущее.

Графиня, между тѣмъ, сидя съ мужемъ въ каретѣ, сообщала ему свои впечатлѣнія.

— Ахъ, Федя, какъ я довольна своимъ визитомъ! Вотъ что значитъ умная женщина! даже несчастье свое умѣла привлекательно обставить. Эти маленькія комнатки, полныя цвѣтовъ! эта няня! все это прелесть! и сама она, какая поэтичная въ этомъ темномъ платьѣ... Надо узнать, кто ея портниха. Замѣтилъ, какіе у нея прелестные глаза! Надѣюсь она будетъ часто у насъ. Только прошу въ нее не влюбляться, слышите? — прибавила графиня, кокетливо по-

глядывая на мужа. Я помню, въ Петербургѣ всѣ въ нее влюблялись.

— Только она ни въ кого, замѣтилъ графъ. — Cela fait compensation.

— Да, она слыла за недоступную. Какъ всѣ блондинки, она холодна, неспособна увлекаться, рѣшила графиня, имѣвшая черныя косы и темные какъ ночь глаза. Ея добродѣтель ей ничего не стоитъ; а вамъ, messieurs, по дѣломъ, — не сходите по ней съ ума.

На другое утро Загорская гуляла съ дочерью въ саду. Подойдя къ бесѣдкѣ, она увидѣла молодаго человѣка, который наканунѣ въ церкви ей поклонился. Онъ сидѣлъ возлѣ стола на скамейкѣ и запустивъ обѣ руки въ густыя пряди темнорусыхъ волосъ, весь погрузился въ чтеніе раскрытаго передъ нимъ журнала. Наташа подбѣжала къ нему. Первымъ движеніемъ Загорской было отозвать ее и пройти мимо: но она упрекнула себя за это чувство, въ которое входило, какъ ей показалось, столько же гордости, какъ и неумѣстной застѣнчивости. Она остановилась у входа бесѣдки. Въ это мгновеніе Борисовъ поднялъ голову и взглянулъ на нее. Она сдѣлала шагъ впередъ, и очень просто, безъ излишней привѣтливости, но и безъ холодности, сказала:

— Вы были такъ добры, принесли мнѣ вчера письмо. Позвольте поблагодарить васъ.

Онъ привсталъ и поклонился.

— Не за что, проговорилъ онъ.

Въ звукѣ его голоса, въ его поклонѣ, въ непринужденной улыбкѣ, съ которою онъ смотрѣлъ на нее, было что-то мягкое и открытое, что довѣрчиво къ нему располагало. Василиса почувствовала мгновенно, какъ всякая натянутость была бы тутъ неумѣстна. Передъ ней стоялъ вполнѣ простой человѣкъ, съ которымъ и обращаться слѣдовало просто.

— Мы, кажется, сосѣди, сказала она.

— Да, я живу въ этомъ домѣ.

Наташа ласкалась къ нему, онъ гладилъ ея длинные волосы.

— Какая у васъ славная дочка...

Вы любите дѣтей?

— Да, когда они не избалованы. Съ вашей дѣвочкой мы друзья.

— Она мнѣ разсказывала, какъ вы къ ней добры... Однако, мы вамъ помѣшали, вы были заняты. До свиданія.

— До свиданія, отвѣчалъ онъ.

Прошло нѣсколько дней. Василиса Николаевна возвращалась разъ домой, по Rue de France. Утромъ шелъ дождь, узенькіе тротуары были покрыты скользкой грязью: она шла, подбирая одною рукою платье и держа въ другой нѣсколько свертковъ. Ей встрѣтился Борисовъ. Они поздоровались.

— Вамъ неудобно нести всѣ эти пакеты, позвольте, я вамъ помогу, сказалъ онъ.

Она передала ему одинъ изъ свертковъ.

— Однако, какой тяжелый! замѣтилъ Борисовъ. Какую вы это такую полновѣсную покупку совершили?

Василиса засмѣялась.

— Не мудрено, что тяжелая: это кусокъ свинца.

— На что же вамъ свинецъ?

„Какой онъ странный, зачѣмъ это онъ спрашиваетъ", подумала Василиса. Однако, она объяснила ему, что этотъ кусокъ свинца обвернется въ вату, обтянется чахломъ и будетъ служить рабочей подушкой.

— Это практично. Что же вы такое шьете?

— Мало ли что: платья для дочери, для себя разныя вещи...

Василиса дивилась своей сообщительности. Послѣ небольшого молчанія она спросила:

— Васъ какъ будто удивляетъ, что я шью?

— Нисколько. Отчего же не шить, если это занятіе кажется вамъ полезнымъ и пріятнымъ.

Они дошли до дому. Загорская поблагодарила своего спутника и пошла на верхъ.

— Какъ онъ простъ въ обращеніи, опять подумала она; какой онъ долженъ быть добрый... Неужели это тотъ ужасный революціонеръ, про котораго говорила Елкина!...

У нее промелькнуло въ головѣ: Онъ еще такъ молодъ. Неужели невозможно отвлечь его отъ опаснаго пути?

Недѣли двѣ спустя, няня, подавая обѣдъ, замѣтила:

— А Сергѣй Андреевичъ вѣдь больны.

— Какой Сергѣй Андреевичъ?

— Сосѣдъ нашъ; уже три дня изъ комнаты не выходитъ. Бывало, какъ встанетъ, бѣжитъ себѣ голубчикъ... Знать, не хорошо ему.

— Бѣдный! Онъ, должно быть, одинъ, некому за нимъ ходить. Сойдите къ нему, няня, спросите, не надо ли ему чего нибудь. Не хочетъ ли онъ русскаго чаю?

Няня пошла и принесла отвѣтъ, что Сергѣй Андреевичъ приказали благодарить, имъ немного лучше; русскій чай у нихъ есть, а только просили няню заварить.

Марфа Ильинишна занялась этимъ дѣломъ очень усердно, и слѣдующіе дни то и дѣло, возилась съ самоваромъ и бѣгала къ больному. Въ концѣ недѣли она доложила Василисѣ Николаевнѣ, что онъ совсѣмъ поправился и велѣлъ спросить, можно ли прійти поблагодарить за участіе.

Василиса хотѣла было отклонить это посѣщеніе, — няня настояла.

— И, матушка, что за бѣда!... Прійдетъ, посидитъ, поговоритъ съ вами; онъ говоритъ гораздъ. Ему, сердечному, не такъ будетъ скучно, и вамъ веселѣй; а то все однѣ, да однѣ...

Борисовъ пришелъ на слѣдующій день. Василиса приняла его привѣтливо.

— Я очень рада, что вамъ лучше; вы вѣрно простудились?...

— Должно быть простудился, вышелъ безъ пальто, и прихватило. А ваша нянюшка ужъ совсѣмъ собралась отходную надо мною читать! Все чаемъ поила, пробовала даже подчивать липовымъ цвѣтомъ, но я отказался.

— Эхъ, баринъ, молоды! здоровьемъ шутить изволите! А здоровье что птаха, — улетитъ, не вернешь.

— Ваша правда, Марфа Ильинишна. Вотъ ежели меня когда нибудь не на шутку прихватитъ, я васъ въ сердобольныя возьму.

— А что, я пойду, право пойду... коли барыня пустятъ.

Василиса Николаевна засмѣялась.

— Вотъ что, няня, дайте-ка намъ чаю. Вы не откажетесь, Сергѣй Андреевичъ?

— Я отъ хорошаго дѣла никогда не отказываюсь.

Загорская придвинула широкое кресло къ камину и усадила въ немъ своего гостя. Она въ первый разъ видѣла Борисова такъ близко. Ей показалось симпатично его худощавое лицо съ тяжелыми прядями волосъ, повисшихъ на широкій лобъ, и съ ласковымъ, немного пытливымъ выраженіемъ темныхъ глазъ. Онъ держалъ себя очень просто, говорилъ свободно, смѣялся добродушно и какъ-то по дѣтски.

Выпивъ чашку чая, онъ спросилъ:

— Можно закурить?

Василиса замялась. Онъ положилъ портъ-сигаръ обратно въ карманъ.

Ей сдѣлалось вдругъ почему-то совѣстно.

— Пожалуйста курите, промолвила она.

Онъ воспользовался позволеніемъ такъ же просто, какъ принялъ сначала отказъ.

Заговорили о погодѣ.

— Вотъ хорошіе дни опять настали, сказала Василиса, славу Богу, а то безъ солнца какъ-то скучно.

— Да, солнце вещь хорошая; да вообще Ницца безъ солнца немыслима; на то она и Ницца.

— Вы Ниццу любите?

— Такъ себѣ, край ничего: жить можно. А вы, любите?

— Я?... нѣтъ. Мнѣ вообще южная природа какъ-то не симпатична.

— Почему же вы тутъ живете?

— Для дочери: климатъ здѣшній для дѣтей говорятъ, полезенъ.

— Ну, ваша дочь смотритъ вовсе не тщедушной! трудно вообразить себѣ болѣе здороваго ребенка.

— Не правда ли! сказала Василиса и все лицо ея просвѣтлѣло. — Она такъ выросла, такъ развилась; никто не вѣритъ, что ей только четыре года.

— Богатырь барышня, говорить нечего. — Но она на васъ не похожа.

— Она лицомъ похожа на своего отца... А вы давно уже здѣсь? спросила Василиса.

— Съ начала зимы. Пріѣхалъ повидаться съ больнымъ товарищемъ, да и зажился.

Василиса придвинула къ себѣ рабочую корзинку и развернула шитье по канвѣ. Борисовъ, имѣвшій привычку постоянно вертѣть что нибудь въ рукахъ, когда говорилъ, взялъ раскрытую на столѣ книгу.

— Можно полюбопытствовать?

Онъ посмотрѣлъ на заглавіе. — Это былъ недавно появившійся русскій романъ. Рядомъ лежала другая книга, онъ и въ нее заглянулъ:

— „Les Neveux de Rameau", — протестъ здраваго смысла, замѣтилъ онъ. Которую же изъ этихъ двухъ книгъ вы предпочитаете?

— Какой странный вопросъ! подумала Василиса и отвѣчала:

— Разумѣется — Дидро.

— Для чего же вы читаете этотъ пошлый романъ, произведеніе свѣтскаго хлыща, не имѣющее даже достоинства быть написаннымъ порядочнымъ слогомъ? Ежели вамъ понятенъ и вообще симпатиченъ смѣлый образъ мыслей Дидро, васъ не можетъ занимать описаніе великосвѣтскихъ гостиныхъ.

— Я взяла эту книгу для того, чтобы почитать что нибудь по русски...

— Русскихъ книгъ я принесу вамъ сколько хотите, у меня съ собой есть, да и здѣсь можно достать. Угодно?

— Я буду очень благодарна.

Посидѣвъ еще немного, Борисовъ простился и ушелъ.

На другой день онъ принесъ цѣлую кипу русскихъ книгъ и брошюръ: Бѣлинскаго, Добролюбова, Некрасова, нѣсколько современныхъ романовъ и повѣстей.

— Вотъ хорошая вещь, прочтите, ежели васъ интересуетъ этотъ вопросъ, сказалъ онъ, указывая на небольшую брошюру.

— Прочту. А вы, Сергѣй Андреевичъ, заходите къ намъ иногда, въ свободную минуту; — развлеченія большаго я вамъ предложить не могу, я сижу всегда одна съ дочерью и няней... Ежели вамъ это не покажется скучнымъ, милости просимъ.

— Какого же надо веселья. Я буду очень радъ, — вотъ иной разъ вечеркомъ, — ежели позволите.

— Отлично; мы пьемъ чай въ девятомъ часу, — приходите.

Онъ обѣщалъ и пришелъ на другой же день.

Загорская была ему рада. Она показала это просто и безъ всякихъ лишнихъ извиненій въ томъ, что онъ засталъ ее въ расплохъ. Она сидѣла на диванѣ и занималась вечернимъ туалетомъ своей дочери. — Дѣвочка полураздѣтая, въ длинной ночной рубашкѣ, съ туфлями на голыхъ ножкахъ, сидѣла на табуретѣ у ея ногъ и весело болтала; мать расчесывала ея длинные волосы и заплетала ихъ бережно въ косу.

— Вотъ вы застали насъ въ какомъ négligé! сказала она весело. Но въ четыре года можно не конфузиться. — А посмотрите какая у насъ коса! прибавила она съ гордостью.

— Да, коса первый сортъ; три шиньона изъ нея можно сдѣлать. Наталья Константиновна, подарите мнѣ вашу косу.

— Нѣтъ; — я поцѣловать васъ хочу, сказала дѣвочка.

Она взобралась къ нему на колѣни; онъ сталъ съ ней играть, она шалила, смѣялась и совсѣмъ разгулялась. Василиса принималась нѣсколько разъ ее унимать, наконецъ позвала няню, которая взяла шалунью на руки и понесла спать. Она заплакала, но не противилась и только черезъ плечо няни, съ порога спальни, посылала Борисову поцѣлуи.

— Вы, я вижу, совсѣмъ не строги, замѣтилъ онъ; барышня няни боится гораздо болѣе, чѣмъ васъ.

— Да я и не хочу, чтобы она меня боялась. Прійдетъ время, она будетъ понимать мои совѣты, а до той поры, безусловное послушаніе было бы только пустою формою.

— Это вѣрно; богъ съ ней, со всякой формальностью.

Василиса прибрала разбросанныя игрушки, подвинула на мѣста кресла и табуреты, поправила лампу, горящую подъ бѣлымъ абажуромъ и тогда только усѣлась съ своей работой. Она любила порядокъ; ея маленькая квартира была во всякое время прибрана какъ игрушка; крошечная гостинная, съ незатѣйливой меблировкой, смотрѣла какъ-то свѣжо и нарядно; въ ней пахло всегда свѣжими цвѣтами, огонь весело горѣлъ въ каминѣ, на столахъ лежали мелкія бездѣлушки, придающія комнатѣ тотъ видъ осѣдлости и уютности, безъ которыхъ какъ-то непріятно живется.

— Прочли вы брошюру, на которую я вамъ указывалъ? спросилъ Борисовъ.

— Прочла. — Сергѣй Андреевичъ, я хочу у васъ спросить, въ чемъ, по вашему, заключается то, что называютъ соціальнымъ вопросомъ?

— То есть вы хотите знать, въ чемъ заключается вообще соціальный вопросъ?

— Нѣтъ; — я желала бы знать какъ именно вы къ нему относитесь.

— Да тутъ, Василиса Николаевна, не можетъ быть различныхъ точекъ зрѣнія. Вопросъ очень простъ; — онъ основанъ на самомъ неопровержимомъ законѣ природы: когда вы голодны, вамъ слѣдуетъ кушать. Вотъ чтобы во всякій голодный желудокъ попалъ кусокъ хлѣба, необходимый для существованья, эта задача и составляетъ соціальный вопросъ.

— Отчего же онъ представляется иногда такимъ сложнымъ?

— Онъ самъ по себѣ не сложенъ; — непониманье его настоящей сути, незнанье фактовъ, человѣческій эгоизмъ дѣлаютъ его такимъ. Знаете поговорку, „сытый голоднаго не разумѣетъ?“ Пріобрѣлъ человѣкъ, или получилъ отъ своихъ праотцевъ, готовое состоянье, — сытъ, одѣтъ, обутъ, живетъ въ свое удовольствіе, — онъ этимъ и удовлетворяется, жмуритъ глаза, не хочетъ глядѣть далѣе, по ту сторону черты его личнаго благоденствія, гдѣ простирается, широко и угрюмо, поле роковой и безвыходной нужды. Голодающій людъ — большинство человѣчества, громадное большинство: онъ многочисленъ, какъ песокъ на днѣ морскомъ;

онъ состоитъ изъ тружениковъ и темныхъ созидателей нашего конфорта, изъ черни, что въ трущобахъ живетъ, изъ фабричныхъ, которые за двадцать копѣекъ работаютъ двѣнадцать часовъ въ сутки и должны прокормить семью; изъ безчисленнаго количества женщинъ, которыхъ голодъ толкаетъ въ развратъ, изъ пятилѣтнихъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ и въ угольныхъ копяхъ, — изъ всѣхъ неимущихъ, безпомощныхъ, согнутыхъ подъ бременемъ непосильнаго труда, которыхъ современная цивилизація клеймитъ общимъ именемъ пролетаріата.

Василиса слушала, устремивъ на Борисова внимательный взоръ; когда онъ кончилъ, она сидѣла нѣсколько минутъ молча.

— Неужели, проговорила она, это все правда, и нужно допустить, что огромное большинство человѣчества терпитъ голодъ и умираетъ отъ него? Я всегда думала, что такіе страшные случаи — исключенія.

— Нѣтъ, Василиса Николаевна, не исключенія; масса человѣчества мретъ съ голоду, — это фактъ, который ежеминутно совершается вокругъ насъ, только мы про это не знаемъ, не хотимъ знать. Историческія событія разрываютъ иной разъ занавѣсъ и указываютъ на настоящее положеніе дѣлъ въ минуты рѣшительнаго кризиса. Мы тогда ужасаемся и называемъ это смутными временами. Такимъ моментомъ было во Франціи возстаніе іюньскихъ дней, въ сорокъ восьмомъ году. Въ голодающей Ирландіи до сихъ поръ раздаются слабые вопли подавленнаго протеста; въ свободной Америкѣ ведется отчаянная борьба труда и капитала, въ Китаѣ цѣлыя народонаселенія продаютъ себя за кусокъ хлѣба!... Да зачѣмъ ходить такъ далеко. Посмотрите, что дѣлается у насъ на родинѣ; прочтите простые статистическіе отчеты. Если хотите, я принесу вамъ завтра журналъ. Онъ издавался прежде въ Цюрихѣ, теперь издается въ Лондонѣ; программа журнала не совсѣмъ подходитъ къ цѣли практическаго примѣненія, а редакція дѣльная. Но объ этомъ успѣемъ потолковать въ другой разъ. Мнѣ хочется, чтобы вы выслушали повѣсть о народномъ горѣ, къ которому вы

такъ скептически отнеслись: по этому вопросу журналъ богатъ матерьяломъ.

На другой день Борисовъ принесъ полугодовой сборникъ журнала и прочелъ нѣсколько бойкихъ, горячо написанныхъ статей. Василиса слушала со вниманіемъ; она впервые внимала свободно льющемуся слову на родномъ языкѣ. Новая область мысли открывалась передъ нею. Все въ этомъ мірѣ протеста и безпощаднаго анализа было ей чуждо: смѣлость теорій, критическое изложеніе фактовъ, самый оборотъ рѣчи, гдѣ встрѣчались незнакомыя ей выраженія... Невольное чувство сомнѣнья возникало въ ней; въ то же время какая-то струна въ глубинѣ ея души была затронута и внятно отзывалась. „Правда ли все это?“ думала она. Она боялась увлечься тѣмъ впечатлѣніемъ, которое испытывала, или вѣрнѣе, ей было больно довѣрять ему.

— Вотъ вамъ яркая картина народныхъ бѣдствій, сказалъ Борисовъ. И не думайте, что это преувеличено; факты почерпнуты изъ разныхъ оффиціальныхъ газетъ, иной разъ самаго буржуазнаго содержанія; — въ ихъ дѣйствительности стало быть сомнѣваться не приходится. Все это существуетъ, а ежели оно существуетъ, то можетъ ли и должно ли такъ остаться? Вотъ вопросъ.

— Какъ же перемѣнить настоящій строй общества? Мнѣ кажется, это невозможно; при одной мысли о такой задачѣ, голова кружится.

— Гдѣ же невозможность? Человѣкъ побѣдилъ природу и сдѣлался надъ ней полнымъ хозяиномъ; неужели же онъ не можетъ устроиться въ общественной жизни такъ, чтобы пользовалось, наслаждалось той природой, которую онъ себѣ побѣдилъ, не извѣстное меньшинство, а вообще все человѣчество? Вокругъ васъ, по всей вѣроятности, часто произносили, да и вы сами не разъ употребляли громкія слова: цивилизація, культура, прогрессъ. Въ чемъ же суть этихъ словъ? — Въ движеніи впередъ, къ лучшему, не такъ ли? А въ чемъ выражается это лучшее, ежели не въ томъ, чтобы человѣчество имѣло бы какъ можно болѣе потребностей и какъ можно легче удовлетворяло бы ихъ; именно человѣче-

ство, а не извѣстное сословіе, классъ, группа, меньшинство. Вы какъ объ этомъ судите, Василиса Николаевна?

Она не тотчасъ отвѣчала.

— Не спрашивайте, сказала она: все это очень ново для меня; мнѣ нужно вдуматься, отдать себѣ отчетъ. Мы въ другой разъ съ вами поговоримъ.

Когда Борисовъ уходилъ, она попросила его оставить ей журналъ до слѣдующаго дня.

Долго за полночь Загорская сидѣла у горящаго камина, перелистывая страницу за страницею и задумываясь. Самъ по себѣ предметъ, о которомъ трактовалось въ длинныхъ, тѣсно напечатанныхъ столбцахъ, казался ей сухъ и даже скученъ; но въ ея ушахъ звучалъ еще голосъ Борисова: она вся была подъ впечатлѣніемъ его живаго слова.

— Счастливецъ, думала она: какъ онъ вѣруетъ искренно, горячо! — Эта вѣра казалась ей самымъ завиднымъ счастьемъ.

III.

Василиса стала видать своего новаго знакомаго довольно часто. Онъ приходилъ обыкновенно по вечерамъ, сидѣлъ часъ, или два, они дружески бесѣдовали, толковали о разныхъ предметахъ, иной разъ читали; но къ концу вечера разговоръ почти всегда принималъ одинъ и тотъ же оборотъ: то есть, переходилъ на тему соціальныхъ и политическихъ переворотовъ. Для Загорской, какъ болѣе или менѣе для всѣхъ женщинъ ея среды и воспитанія, эти вопросы принадлежали до сей поры къ самой отвлеченной области мысли; она имѣла о нихъ очень смутныя понятія. Ея симпатіи тянули ее на сторону движенія впередъ, теоретически она признавала надобность протеста и смѣлыхъ преобразованій; но въ тоже время въ ней существовалъ развитой средою инстинктъ консерватизма, который давалъ отпоръ. Она возражала Борисову въ силу предвзятыхъ, но далеко не усвоенныхъ идей, которыя окружали мысль искусственной атмосферой и мѣшали ей вникать съ перваго же взгляда

глубоко въ извѣстные вопросы. Ей казалось, что Борисовъ увлекался; она считала какъ бы долгомъ доказывать ему, не столько по убѣжденію, сколько ради принципа, несостоятельность его теорій. На видъ образъ ея мысли отдѣлялся рѣзко отъ образа мыслей Борисова; она съ нимъ спорила, горячилась, — и становились тогда два міросозерцанія, совершенно различныя, другъ противъ друга и обмѣнивались тѣми абсолютными аргументами, которые, именно въ силу своей абсолютности, ни къ какому заключенію никогда не приводятъ, а только служатъ къ тому, чтобы ознакомить два противоположные взгляда съ свойственными каждому изъ нихъ пріемами. Притомъ же способы борьбы были у нихъ неравные; Борисовъ владѣлъ словомъ, его сжатая діалектика, строго-логическая послѣдовательность въ выводахъ, сбивали Василису съ ногъ и часто заставляли ее умолкать. Сознаніе какого-то внутренняго разлада рождалось въ ней тогда. — Неужели онъ правъ, думала она, и я это сознаю; такъ зачѣмъ же я спорю? Иногда ей становилось стыдно, точно она не совсѣмъ добросовѣстно играла словами тамъ, гдѣ онъ выходилъ на честный бой. Они толковали о Дарвинѣ, о Стюартѣ Миллѣ, о Спенсерѣ; Борисовъ отстаивалъ школу утилитаризма, онъ старался уяснить основные ея принципы; Василиса соглашалась съ нимъ въ отдѣльныхъ предложеніяхъ, но, когда Борисовъ пытался доказать, что все стоитъ на этихъ началахъ и что утилитаризмъ есть альфа и омега человѣческаго прогресса, она возмущалась и, въ свою очередь, приводила, не всегда удачно, тѣ доводы, которые черпала отчасти просто въ нравственномъ чувствѣ, отчасти въ тѣхъ авторахъ, мнѣніе которыхъ она привыкла считать авторитетомъ.

— Это все старая пѣсенька, отвѣчалъ Борисовъ. Я привожу вамъ факты, а вы отвѣчаете мнѣ выдержками изъ прописной морали. — Докажите.

— Есть истины, не нуждающіяся въ доказательствахъ. Какъ доказать, напримѣръ, безнравственность лжи? а эта безнравственность существуетъ, потому что лгать стыдно и унизительно.

— Кто вамъ это сказалъ? А я, вотъ напротивъ, нахожу, что лгать въ иныхъ случаяхъ можетъ быть даже очень возвышенно и благородно!.. Гдѣ тотъ кодексъ нравственности, который между нами рѣшитъ, — кто его писалъ?

— Его никто не писалъ, но онъ существуетъ, онъ живетъ въ совѣсти. Возьмите въ доказательство хотя то, что человѣкъ краснѣетъ, когда онъ говоритъ неправду.

— Не всякій краснѣетъ. Я первый не покраснѣлъ бы, ежели бы мнѣ пришлось соврать и я считалъ бы это нужнымъ и полезнымъ. Но положимте, что краснѣютъ; — что же изъ этого? Краснѣть есть дѣло темперамента, слѣдствіе впечатлительности нервовъ, и обусловливается тѣми привычками ума, которыя выработались изъ поколѣнія въ поколѣніе и посредствомъ атавизма перешли на индивидуума. Вотъ вы бы, напримѣръ, непремѣнно покраснѣли, ежели бы у васъ съ плечъ упала косынка, — а на островахъ Отаити самыя цѣломудренныя дѣвицы ходятъ безъ всякаго одѣянія, кромѣ пояска изъ павлиныхъ перьевъ. И вы правы, и онѣ правы, потому что всѣ, въ этомъ случаѣ, чувствуютъ сообразно съ тѣми понятіями о скромности, которыя вселила въ нихъ среда.

Загорская молчала, покоренная, но не убѣжденная. Такіе споры возобновлялись при каждой встрѣчѣ.

Борисовъ еще ни разу не говорилъ ни о своемъ прошломъ, ни о своей семьѣ; Василиса тоже не касалась, въ разговорѣ съ нимъ, этого предмета.

Разъ вечеромъ, сидя у чайнаго стола, онъ вынулъ изъ кармана фотографическую карточку и показалъ ее Василисѣ.

— Письмо сегодня отъ своихъ получилъ; посмотрите, какая у меня хорошенькая сестренка.

Загорская взглянула на карточку и съ удивленіемъ подняла глаза на Борисова.

— Это ваша сестра? спросила она.

Да; вамъ не вѣрится? Она красавица; мы вовсе другъ на друга не похожи.

Василиса не отвѣтила и продолжала глядѣть на фотографію. Борисовъ замѣтилъ ея смущеніе.

— Вы, можетъ быть, знавали мою сестру? спросилъ онъ нерѣшительно.

— Да; я встрѣчала княгиню Анну въ свѣтѣ; мы часто съ ней видались... но я никакъ не могла предполагать, что вы ея братъ... Стало быть, ваше настоящее имя...

Она остановилась.

Борисовъ нахмурилъ брови; выраженіе не то досады, не то смущенья, пробѣжало по его лицу; но это продолжалось не долго; онъ разсмѣялся веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ.

— Ну, тѣмъ лучше... Вотъ вамъ теперь и извѣстны моя семья и мое легальное прозвище... Да я и не намѣревался скрывать. Зову себя за границею Борисовымъ, потому, что такъ удобнѣе, проще выходитъ, не по барски; — да и для сестры: имя отца, дескать, компрометируешь — фамильная честь терпитъ. Ну, и сложилъ съ себя это имя. — Не все ли равно, какъ называться?

Неожиданное открытіе взволновало Василису.

— Неужели это вы, тотъ младшій братъ, про котораго княгиня Анна мнѣ такъ часто говорила? твердила она, съ любопытствомъ вглядываясь въ Борисова. Теперь я вспоминаю; я видѣла у нея вашъ портретъ; вы были тогда гимназистомъ. Она васъ такъ любила... такъ о вашей будущности мечтала!... Да Боже мой, вырвалось у Загорской, какъ же вы попали на эту дорогу?

— Какая дорога? произнесъ съ неудовольствіемъ Борисовъ. Не по какой особенной дорогѣ я не иду, да и нѣтъ такихъ дорогъ; все это слова одни. Человѣкъ сбросилъ съ себя барство, выработалъ себѣ здоровый взглядъ на жизнь и дѣйствуетъ въ силу своихъ убѣжденій. Все это очень просто, очень нормально, ничего тутъ особеннаго нѣтъ.

— Да какъ же это случилось? спросила Василиса. Она чувствовала, что ступила на тряскую почву и не знала, хорошо ли дѣлаетъ, что спрашиваетъ.

— То есть, что случилось? Что не вышло изъ меня салоннаго хлыща, или — какъ желала того моя сестра — порядочнаго молодаго человѣка, съ блестящей карьерой впереди?

— Зачѣмъ же непремѣнно сдѣлаться салоннымъ хлыщемъ? Какъ будто человѣкъ не можетъ мыслить, развиваться и — все таки не переставать принадлежать къ тому кругу общества, въ которомъ онъ родился?

Борисовъ ходилъ по комнатѣ; онъ зажегъ папироску, курнулъ два-три раза, бросилъ ее въ каминъ, и сѣвъ противъ Загорской, сказалъ:

— Вы, Василиса Николаевна, барыня умная; многое понимаете, а этого разсудить не хотите. Развѣ можно развиваться, пріобрѣтать независимый образъ мыслей, не выходя изъ той тѣсной рамки, которую вы сами называете какимъ-то *своимъ кругомъ*? Одно уже слово: кругъ, выражаетъ ограниченность, замкнутость. У мыслящаго человѣка никакого своего круга нѣтъ... Чтобы развиться, выработать себѣ какую нибудь самостоятельность въ убѣжденіяхъ, надобно жить, — а живешь только на свободѣ, между людьми, — всякими людьми. Поприглядишься, узнаешь, понаберешься опыта; мысль тогда сама собой разовьется и приведетъ къ извѣстнымъ заключеніямъ. — Не такъ развѣ?

Онъ посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Обстоятельства для меня съ самаго начала уже такъ сложились. Отецъ и мать умерли рано: осталось насъ двое, сестра и я. Росъ я внѣ семейнаго элемента, въ домѣ опекуна, который, по равнодушію, баловалъ меня. Воспитаніемъ моимъ занимался нѣмецъ-гувернеръ. Консерваторъ закоснѣлый, канальня былъ! даромъ что самъ бѣднягa, за старые порядки крѣпко держался; въ самомъ что ни есть феодальномъ духѣ воспитывалъ. Подышалъ я этимъ тлетворнымъ воздухомъ до четырнадцатаго года; мальчишка я былъ своевольный, упрямый, учился порядочно только чему хотѣлъ; желалось мнѣ вырваться на свободу, пожить независимо; добился, наконецъ, отставки гувернера и поступилъ въ гимназію. Тамъ сошелся съ товарищами; случайно познакомился съ нѣкоторыми личностями, — и новая жизнь началась для меня. Не то чтобы разомъ озарила какимъ нибудь свѣтомъ, — нѣтъ, а просто, живя съ людьми настоящими, мало по малу самъ сталъ человѣкомъ. Мысль созрѣла, выработалось опредѣленное направленіе, сталъ я на положи-

тельную почву анализа и опыта, и съ нея уже болѣе не сходилъ.

— Что же ваши близкіе, на это, говорили?

— Что говорить? Понятно, я дома не дѣлился ни съ кѣмъ своею внутреннею жизнью, — въ голову не приходило да и не съ кѣмъ было бы. Жилъ полною душою только съ товарищами, въ средѣ единомыслящихъ людей. Въ семнадцать лѣтъ я сталъ страшно кутить, до пьяна. Не виномъ опивался, не думайте, — хотя и это бывало, — а такъ, жизнью, избыткомъ силъ, которыя не знали себѣ еще мѣры и предѣла. Влюблялся до безумія... Ну, да все это скоро прошло. Когда стало нужно, стряхнулъ съ себя этотъ хмѣль, и усилія-то большаго, по правдѣ сказать, не стоило. — Видали вы, какъ закаливаютъ желѣзо? Разогрѣютъ до красна и окунутъ въ холодную воду. Такъ и человѣкъ: тотъ только и годенъ, кто побывалъ въ огнѣ и въ водѣ, всего попробовалъ, все испыталъ... Получилъ, значитъ, закалъ; ну и довольно, на всю жизнь хватитъ.

Василиса смотрѣла на блѣдное, оживленное лицо Борисова. Темные глаза его разгорѣлись, какая-то рѣшимость звучала въ голосѣ; обычная добродушная улыбка исчезла; красивыя губы, вокругъ которыхъ ложилась небольшая темнорусая борода, выражали волю и энергію.

— Да, этотъ человѣкъ умѣетъ хотѣть! подумала она.

Ей вспомнился ея разговоръ съ Елкиной.

— Родственникъ мой, какъ водится, хотѣлъ опредѣлить меня на военную службу. Нельзя же, генеральскій сынъ! Но я на эту штуку не поддался; пошелъ въ университетъ, по естественнымъ наукамъ.

— И кончили курсъ? спросила Василиса.

Борисовъ посмотрѣлъ на нее изъ подлобья.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ коротко. Не до ученья мнѣ тогда было: подоспѣла настоящая работа, другимъ дѣломъ надо было заняться.

— Какимъ же дѣломъ?

— А вотъ какимъ. Извѣстно вамъ, что на Руси народъ, то есть рабочая сила, изнываетъ подъ самымъ возмутительнымъ гнетомъ деспотизма и произвола. Вотъ эту силу, эту

массу надо просвѣтить, — указать ей ея права, освободить ее отъ рабскаго чувства самоуниженья, исторически въ ней выработавшагося. — Василиса Николаевна, есть губерніи, гдѣ мужикъ выручаетъ изъ земли шесть рублей, а податей платить восемь!... Развѣ это не вопіюще? Первая задача, стало быть, дать возможность мужику выйдти изъ этого положенія. Но какъ же это сдѣлать? Самостоятельно дѣйствовать онъ не можетъ. Вѣковое рабство и вѣковая нищета слишкомъ обезсилили, исковеркали его. Нужно вмѣшательство другого элемента, который, въ силу политическихъ и экономическихъ условій, можетъ болѣе сознательно отнестись къ народному бѣдствію. Этотъ элементъ у насъ въ Россіи болѣе многочисленъ, силенъ и развитъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, и называется мыслящимъ пролетаріатомъ. Народное бѣдствіе ему не чуждо оно ему сродни: самъ онъ не успѣлъ испортиться, извратиться: въ массѣ онъ не катается и подчасъ голодаетъ не хуже крестьянина. Вотъ этотъ-то элементъ и долженъ, опираясь на народныя силы, разрушить политическія формы, которыя мѣшаютъ создать новый общественный строй.

— Сергѣй Андреевичъ, спросила помолчавъ Загорская, я слышала, что много молодежи пошло въ народъ... такъ, кажется, выражаются?

— Да. Было время, когда молодежь думала, что войдя въ народную жизнь, она внесетъ въ нее потребность протеста; — но практика показала другое: пришлось разочароваться и искать другаго способа.

— Какая же была цѣль этого хожденія въ народъ?

— Цѣль была агитировать, возбуждать протесты, устраивать стачки между рабочими и поддерживать ихъ нравственными и, разумѣется, матеріальными средствами. Вы имѣете понятіе объ Интернаціоналѣ?

— Я что-то читала.

Загорская прибавила съ невольнымъ испугомъ:

— Вѣдь, вы, Сергѣй Андреевичъ, не принадлежите къ Интернаціоналу?

— А на что вамъ знать; не все ли равно, принадлежу я къ нему, или нѣтъ? Дѣло въ томъ, что ежели вы

читали, вамъ извѣстно, хотя отчасти, какую цѣль имѣетъ въ виду эта ассоціація рабочихъ, какими средствами она располагаетъ, и какая ея роль въ тѣхъ столкновеніяхъ, гдѣ трудъ и капиталъ стоятъ лицомъ къ лицу. Впрочемъ, Интернаціоналъ, который былъ явленіемъ важнымъ, имѣющимъ глубокій историческій смыслъ, утратилъ теперь свое значеніе въ дѣлѣ соціальной революціи. Тѣ, которые стояли во главѣ его, забыли, что экономическая жизнь народа тѣсно связана съ его политическою жизнью; борясь исключительно на экономической почвѣ, Интернаціоналъ не занимался борьбой съ политическимъ строемъ; это-то и было причиною его гибели. Извѣстная часть членовъ хотѣла вывести эту ассоціацію на путь настоящей борьбы, но болѣе многочисленный элементъ протестовалъ. Пошли раздоры — и такимъ образомъ могучая сила, которая должна была создать революцію, утратила всякое для нея значеніе.

Борисовъ задумался и молча смотрѣлъ въ огонь.

— Сергѣй Андреевичъ, начала Василиса, не примите мой вопросъ за простое любопытство; но вы все это такъ хорошо знаете, стало быть, вы тамъ были? вы сами участвовали въ этихъ дѣлахъ? Какъ же сестра ваша, зять вашъ на это смотрѣли? Неужели они ни о чемъ не догадывались?

Лицо Борисова повеселѣло.

— Препотѣшное дѣло вышло! Вы знаете, какой человѣкъ мужъ моей сестры: аристократъ, консерваторъ - либералъ, стоитъ за земство, за обязательную воинскую повинность и такъ далѣе, — а впрочемъ, славный малый и джентельменъ самыхъ утонченныхъ понятій. Вообразите, что сталось съ этимъ сторонникомъ мирнаго прогресса, когда онъ узналъ про мои немирныя дѣла! Когда меня схватили...

— Какъ схватили?

— Такъ, какъ хватаютъ, — пришли, да и взяли. Я былъ тогда на Волгѣ, въ одномъ фабричномъ селѣ, занимался для вида слесарнымъ мастерствомъ, имѣлъ съ собою, разумѣется, книги, и дѣло шло у меня успѣшно. Какъ-то распознали, стали за мной слѣдить, нагрянули разъ и стащили, куда слѣдуетъ. Начались допросы; вотъ тутъ-то мой любезнѣйшій зять очутился между двумя огнями, —

гонеръ и гражданскій долгъ, съ одной стороны, родственныя чувства, съ другой. Потѣха, да и только! Пріѣдетъ ко мнѣ, бывало, въ арестантскую, сидитъ, толкуетъ, увѣщеваетъ; даже похудѣлъ за это время, — право. А человѣкъ онъ съ вліяніемъ, съ связями; могъ бы выручить не совсѣмъ прямыми путями, — не выручилъ. Я его за это уважаю. Просидѣлъ я два мѣсяца, наконецъ, по недостатку доказательствъ, выпустили. Пообождалъ я немного, пожилъ у сестры, — и опять пошелъ на Волгу. Вотъ, ежели бы второй разъ попался, было бы плохо. Друзья, однако, во время предупредили, я успѣлъ убраться: распростился съ матушкой Россіей, — и вотъ теперь я заграницей, — русскій эмигрантъ, бездомный скиталецъ, citoyen de l'univers!

— Какъ же вы переѣхали границу?

— Переѣхать! Гдѣ намъ, безпаспортнымъ, переѣзжать? — перешелъ-съ. Жидъ провелъ. На границѣ Царства Польскаго и Познани они главнымъ образомъ этимъ и промышляютъ, да перевозкой контрабандныхъ книгъ, — первый ихъ доходъ! Я чуть-чуть не попалъ въ бѣду. Иду это я, переодѣтый жидомъ, съ своимъ провожатымъ, несемъ на спинѣ тюки, прошли благополучно часть дороги, натыкаемся на пограничнаго стражника. „Кто такіе?“ Купцы. „Съ товаромъ идете?“ Съ товаромъ. „Куда?“ Видимъ, дѣло дрянь. Пропускъ неудобно показывать. Назвали ближнее мѣстечко. „Ну, идите. Да смотрите вы, нехристи, не плутовать, а то у меня, того, не отпляшетесь!“ Пошли мы это вдоль границы, по направленію къ мѣстечку; солдатъ, каналья, такъ и уперся намъ во слѣдъ глазами; а въ полуверстѣ стоитъ другой. Ночь наступала; жидъ мой шепчетъ: „Нельзя, баринъ, перейти, ружье у него заряженное; подстрѣлитъ, ой вай! — подстрѣлитъ, какъ зайца; а у меня жена, дѣти малыя“. Заныль мой жидъ: воротимся да воротимся, и съ мѣста не двигается. Я его за шиворотъ. Нѣтъ, шалишь, Авраамово отродье: взялся провести, такъ веди! А возлѣ дороги течетъ рѣченка; жидъ на нее и показываетъ: „Такъ полѣзай, баринъ, въ воду; обождемъ ночи.“ Залѣзли мы въ камыши; слышимъ, идетъ стражникъ. „Ложись, баринъ, ложись!“ Легли на брюхо, одна голова торчитъ; вода за

воротъ и въ сапоги такъ и льется; а дѣло было въ ноябрѣ, погода стояла скверпѣйшая... Такъ и пролежали часа два. Солдатъ проклятый, какъ будто чуялъ, съ мѣста не сходилъ; сдѣлаетъ двадцать шаговъ направо, двадцать шаговъ налѣво, прійдетъ и станетъ опять на то же мѣсто. Наконецъ, совершенно стемнѣло. Жидъ потихоньку тащитъ меня за рукавъ: ползи—молъ осторожно за мной. Переползли мы такимъ образомъ рѣченку, вылѣзли на противоположный берегъ; жидъ сталъ на ноги, я тоже хочу встать, — не могу. Жидъ меня подымаетъ, а у меня, какъ пудовики на ногахъ. Что за дьяволъ? Минутъ съ десять провозился, наконецъ, догадался: у жида на босу ногу дырявые башмаки, а у меня здоровенные охотничьи сапоги. Вода какъ попала за голенища, ступить и нельзя! Стащилъ я сапоги долой и ну бѣжать черезъ поле. Такъ и добѣжалъ босикомъ до первой прусской деревни. Тамъ только, благодаря жиду, обулся и переодѣлся. А вѣдь честный, каналья, былъ. Моихъ восемьсотъ рублей все время у него за пазухой лежали: могъ бы сказать, что въ водѣ обронилъ, — ничего не бывало — всѣ отдалъ, до послѣдняго рубля.

Борисовъ умолкъ; въ комнатѣ стемнѣло; огонь въ каминѣ потухъ. Борисовъ подложилъ дровъ, бросилъ еловыхъ шишекъ, сталъ раздувать тлѣющій уголь; скоро вспыхнуло и пламя.

— Видите, какой я мастеръ разводить огонь; остатки кузнечнаго ремесла...

Онъ усѣлся на полу, у камина.

— О чемъ вы задумались, Василиса Николаевна?

Она подняла глаза:

— Я думала о васъ.

— Что же вы думали; нельзя знать?

— Можно, отвѣтила она. Я проходила мысленно нашъ разговоръ. Меня удивляетъ опытность, которая проглядываетъ въ вашихъ словахъ. Вы еще такъ молоды, начинаете только жить, а у васъ уже будто цѣлая жизнь лежитъ позади, вы все знаете, все понимаете, у васъ такая опредѣленность въ сужденіяхъ... Откуда вы все это почерпнули?

— Какъ будто для этого нужны лѣта! Иной человѣкъ въ двадцать два года прожилъ болѣе, чѣмъ другой въ цѣлыхъ пятьдесятъ. Живешь и пріобрѣтаешь житейскій опытъ; внутренній человѣкъ складывается раньше и полнѣй, очень естестественно. За то мы и старѣемъ скоро, прибавилъ онъ смѣясь. Въ тридцать пять лѣтъ я буду человѣкъ отжившій, а вы вотъ, Василиса Николаевна, въ тридцать пять лѣтъ будете все еще цвѣтущей красавицей!

— На что мнѣ молодость и красота?.. Скажите, Сергѣй Андреевичъ, неужели вы покинули Россію навсегда?

— Зачѣмъ навсегда! нужно будетъ, попадемъ туда, а теперь работа есть и здѣсь.

— Что же вы будете дѣлать?

— Въ какомъ смыслѣ, Василиса Николаевна?

— Вообще. Чѣмъ вы займетесь? какую дадите вы цѣль своей жизни за границей?

— Цѣль моя вамъ извѣстна; а что я буду дѣлать? Вотъ поживу въ Ниццѣ еще мѣсяцъ или два, — поѣду въ Англію; въ Лондонѣ есть люди, съ которыми нужно повидаться. Потомъ думаю отправиться въ Женеву и до поры до времени, вѣроятно, тамъ и поселюсь.

— Въ Женевѣ?

— Да; мѣстожительство, по многимъ причинамъ, удобное; да кромѣ того я думаю слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ.

— Какія лекціи?... Медицины?

— Медицины, или агрономіи, — соображаясь съ обстоятельствами. Однимъ расположеніемъ къ извѣстной наукѣ руководствоваться я не могу, потому что готовлю себя не къ научной дѣятельности, а къ чисто общественной. Буду изучать ту спеціальность, которая покажется мнѣ болѣе нужной и для моихъ цѣлей болѣе практичной.

— Да какая же именно цѣль? настойчиво, хотя и не безъ тайной робости, переспросила Василиса.

—Ахъ, Василиса Николаевна, вы пречудной, ей Богу, человѣкъ! Цѣль, для которой я и другіе работаютъ, вамъ объяснена: уничтоженіе старыхъ порядковъ и замѣна ихъ новыми, болѣе справедливыми, подходящими къ идеѣ, кото-

рую мы себѣ составили о правильномъ общественномъ строѣ. Къ осуществленію этихъ идеаловъ я и буду способствовать всѣми моими силами. Затѣмъ, мало ли что можетъ случиться? Мы стоимъ наканунѣ великихъ переворотовъ. На Востокѣ, въ славянскихъ земляхъ, сильное броженіе умовъ... Да, наконецъ, во Франціи соціальная революція можетъ и должна вспыхнуть въ непродолжительномъ времени.

— Опять парижская коммуна?

— Да, коммуна; но не такая, какъ въ 71-мъ году. Это былъ неудачный опытъ, а не удался онъ потому, что элементъ революціонеровъ-теоретиковъ, — элементъ, который погубилъ впослѣдствіи и интернаціоналъ, взялъ перевѣсъ. Тутъ нужны люди дѣла, а не теорій.

— Неужели вы поѣхали бы въ Парижъ драться на баррикадахъ? — Вы, русскій!

— Дерутся за идею, а развѣ идея можетъ быть русская, французская или американская? — Идея общечеловѣческая, и для мыслящаго человѣка все равно, торжествуетъ ли она на французской, или на русской почвѣ.

— Наконецъ, продолжала Василиса, вы можете быть убиты. Неужели жизнь ваша никому не дорога? — вашей семьѣ... вамъ самимъ, для вашего же дѣла?

— Разумѣется, желалось бы не умереть!... А ежели какая-нибудь шальная пуля повалитъ, бѣда невелика. Что я такое? Лучше, сильнѣе, полезнѣе меня люди умирали. Индивидуумъ самъ по себѣ ничего не значитъ, ничтожная единица въ общей силѣ; важенъ принципъ. Мало ли нашихъ погибаетъ, не на однихъ баррикадахъ? Свобода кровью покупается, Василиса Николаевна. Посмотрите въ исторію: ни одинъ шагъ къ прогрессу не совершался безъ страшныхъ жертвъ. Одно христіанство какихъ потоковъ крови стоило, — а это была идея мира и любви! Съ тѣхъ поръ, что свѣтъ стоитъ, люди умирали за свободу. Пора же свободѣ восторжествовать!

IV.

Борисовъ досталъ романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“, и по вечерамъ читалъ его въ слухъ Загорской. Длинные споры завязывались у нихъ по поводу этой книги, гдѣ затрогивается вопросъ, такъ близко касающійся нравственной жизни женщины. Загорскую возмущала развязность, съ которою героиня предается страстному влеченью къ другу своего мужа. — Она называла это распущенностью.

— Да вѣдь она боролась, возражалъ Борисовъ.

— Развѣ такъ борятся? Такая неуспѣшная борьба, по моему, просто малодушіе и доказываетъ только отсутствіе воли...

— Неужели вы не допускаете, что страсть, въ данную минуту, можетъ взять верхъ надъ силою воли?

— Въ данную минуту, да; но здѣсь не про данную минуту говорится; здѣсь цѣлый рядъ недѣль и мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ длится борьба. Я не вѣрю въ эту борьбу, Сергѣй Андреевичъ; мнѣ кажется, для истинно честной женщины, такія колебанія существовать не должны. Вопросъ очень простъ, стоитъ только поставить его просто и не мудрить съ своей совѣстью: одно изъ двухъ: или признаешь свое чувство законнымъ и отдаешся ему, — или же, наоборотъ, сознаешь, что оно незаконно и тогда откладываешь всякія желанія и надежды въ сторону. Это даже не вопросъ нравственности, а просто дѣло логики и разсудка.

— Стало быть, по вашему, отъ любви слѣдуетъ лечиться, какъ отъ какого-нибудь припадка лихорадки?

— Да, только хининой нравственной. Надо работать, заниматься, стараться отвлечь свое вниманіе отъ болѣзненно-раздраженнаго чувства, дать мыслямъ болѣе широкое направленіе, и тогда, право, все само собой исчезнетъ: успокоишься, отрезвишься и стряхнешь съ себя это влюбленье, какъ пыль послѣ дороги... Вотъ какъ борятся, мнѣ кажется, честныя женщины.

— Однако, вы строго судите! Желалось бы посмотрѣть на васъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, что бы вы дѣлали?

— Я? Не знаю, что бы я дѣлала; но, во всякомъ случаѣ, я смотрѣла бы дѣйствительности прямо въ глаза и, вѣроятно, съумѣла бы съ нею справиться.

— Вотъ вы какая сильная! А ежели нѣтъ?

— Ежели нѣтъ... Сергѣй Андреевичъ, мнѣ кажется не должно допускать такой невозможности...

— Вы не можете не допускать ее; въ противномъ случаѣ вы либо себя обманываете и передъ другими шарлатаните, либо не отдаете себѣ, какъ слѣдуетъ, отчета.

Загорская покраснѣла.

— Разумѣется, все можетъ быть... Я допускаю, что бываетъ любовь, влеченья которой стоятъ выше всякихъ добродѣтелей; я даже придаю такой любви высокое значеніе, и думаю, что это могучій рычагъ, высшее и самое свѣтлое человѣческое счастье...

— Вотъ видите, усмѣхнулся Борисовъ.

— Да, но условимтесь. Я не говорю про обыкновенныя банальныя увлеченья, источникомъ которыхъ бываетъ жажда новыхъ ощущеній, праздное воображеніе или, просто, случайность. Я думаю, что есть любовь иная, горячая, непреодолимо охватывающая все существо... Это чувство такъ полно, такъ совершенно соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ ума, сердца и души, такъ богато заставляетъ жить всѣми силами, что человѣкъ подъ его вліяніемъ растетъ, преображается, достигаетъ высшей степени своего развитія. Но, — такое чувство исключительно и рѣдко; не всякому дано его испытывать, какъ и не всякій способенъ внушить его; оно внѣ обыкновенныхъ законовъ, и я все таки прихожу къ своему заключенію, что въ большинствѣ, случаевъ, борьба возможна и обязательна.

— Вотъ какъ! Слѣдовательно, вы признаете на поприщѣ любви существованіе какой-то аристократіи, привилегированнаго класса, которому все дозволено, который знать не хочетъ, законны или незаконны его стремленія, и все ломитъ на колѣно, въ силу лишь того афоризма, что,

дескать, я есмь, стало быть я правъ! Вы не хуже Декарта разсуждаете.

— А вы какъ объ этомъ судите?

— Никакого особеннаго разсужденія я къ этому не прилагаю. Къ чувству любви, какъ и ко всякому другому явленію, я отношусь съ точки зрѣнія чисто реальной. А впрочемъ я съ вами соглашусь. Есть въ томъ половомъ чувствѣ, про которое вы говорите, своего рода сила, дѣйствующая возбуждающе и, вслѣдствіе этого, пожалуй, и благотворно, на человѣческій организмъ. По моему, самый естественный идеалъ счастья, въ извѣстную пору лѣтъ, то есть въ молодости, есть сильная работа и, для отдыха, сильная страсть! Жизнь тогда полна: настаетъ гармоническое равновѣсіе двухъ противуположныхъ потребностей — потребности дѣятельности и потребности наслажденія: упоеніе страстнаго счастья даетъ рабочей энергіи свѣжій импульсъ и обратно; человѣкъ дышетъ полною грудью, онъ счастливъ, цѣль достигнута! — Вотъ отчего, прибавилъ Борисовъ, послѣ небольшаго молчанія, настоящій строй общества кажется такимъ уродливымъ на здоровый глазъ. Общественныя условія почти всегда ставятъ препятствія нормальному ходу страстей. Человѣку нужно работать, заняться дѣломъ, а какая-нибудь любовь ляжетъ поперекъ его дороги, онъ и давай себя ломать, бороться съ неудовлетворенными желаніями, — силы тратятся даромъ и человѣкъ выходитъ изъ этой внутренней ломки исковерканнымъ, ни на что болѣе негоднымъ. А все это во имя какихъ-то отвлеченныхъ принциповъ, никому ненужныхъ, никому неполезныхъ. Скажите сами, Василиса Николаевна, не есть ли это нравственное компрачикосство?

— Однако, нельзя же допустить полную свободу страстей.

— Отчего же нельзя? Разумѣется, ежели вы возьмете общество такимъ, каково оно есть въ настоящую минуту, изуродованное, испорченное, — нравственная свобода имѣла бы свои неудобства. Но вообразите себѣ общество здоровое, подготовленное воспитаніемъ нѣсколькихъ поколѣній, привыкшее относиться реально ко всякому явленію, какъ къ матеріальному, такъ и психическому: развѣ то,

что теперь кажется невозможнымъ, не станетъ первой потребностью на естественныхъ началахъ построенной жизни? Новая форма и новый духъ; понятно, что одно безъ другаго не идетъ. Въ Писаніи даже сказано: „никто не вливаетъ вина молодого въ мѣхи старые."

— Вотъ вы сейчасъ привели Св. Писаніе, проговорила Василиса. Мнѣ часто приходитъ на умъ, что вы и единомыслящіе съ вами похожи на тѣхъ исповѣдниковъ, которые въ первые времена христіанства выходили возвѣщать добрую вѣсть и такъ горячо вѣровали, что умирали за свою вѣру...

— Богъ съ вами, не прочьте намъ мученическаго вѣнца: мы жить хотимъ! А вотъ что, Василиса Николаевна, мнѣ хотѣлось бы спросить васъ о чемъ-то. Можно?

— Да, отвѣтила Василиса.

— Вотъ видите, вы относитесь ко всѣмъ почти вопросамъ довольно непрактично, то есть, съ слишкомъ идеальной точки зрѣнія. Объ одномъ же вопросѣ, именно о томъ, о которомъ мы съ вами сейчасъ толковали, вы судите гораздо болѣе реально; стало быть, вы его хорошо проанализировали, прочувствовали... Не примите мой вопросъ за нескромное любопытство: но мнѣ хотѣлось бы знать, имѣли ли вы въ своей жизни то, что вы называете увлеченьемъ?

Василиса выпрямилась: яркій румянецъ покрылъ ея лицо. Она взглянула на Борисова съ недоумѣньемъ и, какъ ему показалось, нѣсколько строго.

— Я поставилъ себѣ задачу, и вашъ отвѣтъ поможетъ мнѣ разрѣшить ее, продолжалъ онъ. Вѣдь мы разсуждаемъ съ вами въ настоящую минуту, какъ два психолога, неправда ли?... Разсматриваемъ вопросы съ точки зрѣнія чисто критической, отрѣшившись отъ всякихъ субъективныхъ соображеній... Отвѣчайте же мнѣ прямо, не по женски.

Онъ смотрѣлъ на нее съ улыбкой, пытливо.

— Я буду откровенна, проговорила она. У меня были увлеченія, иначе я не могла бы судить о нихъ; но я также знаю по опыту, что можно имъ не поддаваться, и что сила воли, честно приложенная, можетъ удержать на скользкомъ пути. Я встрѣчала людей, которые были мнѣ очень симпатичны; я увлекалась ихъ умомъ, талантомъ, той стороной

ихъ природы, которая соотвѣтствовала моимъ тогдашнимъ стремленіямъ. Я не буду скрывать, эти впечатлѣнія были иной разъ очень сильны: мнѣ стоило съ ними бороться; но, когда первый чадъ проходилъ, и разсудокъ бралъ верхъ, мнѣ становилось стыдно, и я благодарила судьбу, что не поддалась искушенію! Вотъ вамъ моя исповѣдь. Вы видите, что я безъ всякаго женскаго кокетства сбросила съ себя мантію непогрѣшимости, въ которую вы меня, быть можетъ, одѣвали.

Борисовъ подошелъ къ ней и пожалъ ея руку.

— Хорошій вы человѣкъ, Василиса Николаевна. Не потому, что вы цѣломудренно устояли, — богъ съ ней, съ цѣломудренностью, это дѣло пустое, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, — а потому, что вы прямо и честно судите. Умница вы, вотъ что; говорится съ вами хорошо.

Загорская не привыкла къ такой безцеремонной оцѣнкѣ своей нравственной особы. — Хорошо ли я дѣлаю, что позволяю ему такъ со мной обращаться? подумала она.

Пробило двѣнадцать. — Вотъ насъ психологія до какого часу довела, проговорила она весело. Пора спать идти; прощайте, Сергѣй Андреевичъ.

— Гоните? ну, богъ съ вами... До свиданія; спокойной ночи...

Въ этотъ вечеръ Загорская долго не могла заснуть. Она лежала и думала. Какое-то тревожное чувство притаилось на днѣ ея души и волновало ея внутренній міръ. Образы рисовались ярко, мысли складывались отчетливо въ ея головѣ.

— Да, думала она, это жизнь, какъ она должна быть, какъ сама природа имѣла ее въ виду, когда создала человѣка и велѣла ему жить и наслаждаться жизнью. Трудъ, полезный, здоровый, по силамъ, и, для отдыха, страсть, — вотъ счастье! Здѣсь нѣтъ болѣе мѣста для скуки, для разочарованія, для напрасныхъ стремленій.... Все ясно, все просто и все такъ радостно! Старость и смерть болѣе нестрашны; поживешь всѣми силами души, выпьешь чашу счастья до дна, сердце успокоится, страсти улягутся; настанетъ покой, такой же ясный, такой же здоровый, какъ были въ свое

время работа и любовь. Правъ онъ, продолжала думать Василиса. Пора разбить застарѣлыя формы, выйти изъ узкихъ, полусгнившихъ рамокъ... Но какъ?... Гдѣ дорога, что ведетъ къ новой жизни? Гдѣ путеводная звѣзда, лучъ которой озарить душу полнымъ, чистымъ свѣтомъ нравственной правды? Нужно сознать свои силы и приложить ихъ къ дѣлу.... Но гдѣ это дѣло? Что оно? Какъ взяться за него?....

Долго бесѣдовала съ собою Василиса и безпокойно металась на подушкѣ. Мало по малу мысли ея начали путаться, глаза закрылись: она дремала и вдругъ просыпалась, словно толкнетъ ее кто-нибудь. Она вздрагивала и широко раскрывала глаза. Тихое дыханіе ребенка чуть слышалось у изголовья ея постели; изъ сосѣдней комнаты раздавался сильный, ровный, изрѣдка прерываемый глубокимъ вздохомъ храпъ спящей няни; Василиса прислушивалась и снова начинала дремать. Къ утру она уснула.

Марфа Ильинишна давно убрала комнаты, поставила самоваръ; Наташа бѣгала по саду и ждала мать; а Василиса все спала. Огонь въ лампадкѣ вспыхнулъ и погасъ: лучъ утренняго солнца пробивался черезъ ставню; онъ тянулся золотой полосой до постели и касался свѣтлыхъ волосъ, разбросанныхъ на подушкѣ.

Василиса сдѣлала движеніе, открыла глаза и прищурилась отъ яркаго блеска. Она лежала въ полудремотѣ и что-то припоминала; невѣдомое до той поры радостное, полное свѣжей жизни ощущеніе прихлынуло къ ея сердцу; улыбка скользнула по губамъ, и она проснулась.

Протянувъ руку, она посмотрѣла на часы, лежавшіе возлѣ нея на столикѣ.

— Десятый часъ... Боже мой, что же это я такъ заспалась! Наташа, няня, гдѣ вы?

— Здѣсь, матушка, раздался голосъ няни въ сосѣдней комнатѣ: барышню чаемъ пою. Хорошо почивать изволили?

— Ахъ, няня, даже совѣстно! Откройте-ка окно...

Василиса встала и начала торопливо одѣваться. Струя холодной воды побѣжала по плечамъ. Она расчесала длинную косу, приколола ее на скорую руку красивымъ плотнымъ узломъ; надѣла суконное платье, которое какъ-то по

дѣвичьи охватывало ея тонкій станъ, повязала синій галстукъ и вышла въ гостиную, гдѣ Наташа и няня пили чай, — стройная, красивая, свѣжая....

— Съ добрымъ утромъ, матушка! поздоровалась няня. Въ прокъ вамъ, сударыня, утренній сонъ! Какой красавицей расцвѣли!

— Хороша красавица, засмѣялась Василиса: у меня дочь въ невѣсты скоро годится. Налейте мнѣ чаю, няня, да покрѣпче, и хлѣба дайте: что-то ѣсть хочется.

— На здоровье кушайте; въ кои вѣки захотѣлось...

Василиса сѣла у открытаго окна, взяла Наташу на колѣни и стала пить чай, болтая съ дочерью, отхлебывая поочередно съ ней изъ чашки.

— Кушайте сами, матушка, приговаривала няня. Наталья Константиновна уже напились. Ишь, ѣдятъ, дѣти, точно ненасытныя, право!

Василиса смѣялась; золотые лучи солнца играли на стѣнахъ маленькой комнаты, легкій вѣтерокъ шевелилъ занавѣску и приносилъ запахъ фіалокъ. Ей казалось, будто что-то радостное было разлито въ воздухѣ: самое небо смотрѣло празднично.

— Знаете, что, нянюшка? сказала она, спуская Наташу на полъ и вставая со стула. Поѣдемте-ка кататься: день такой чудесный, право, сидѣть дома грѣшно. Взяли свой завтракъ, и поѣхали бы въ горы. Наташѣ здорово побѣгать на волѣ.

— Какъ угодно, сударыня; собраться недолго. Прикажете послать за коляской?

— А вотъ что, няня: сходите-ка къ Сергѣю Андреевичу и, ежели онъ дома, спросите, не поѣдетъ ли онъ съ нами? Скажете, что я и Наташа его приглашаемъ.

— Вотъ это хорошо, одобрила няня. Богъ знаетъ, что можетъ случиться; съ мущиной все вѣрнѣй.

Марфа Ильинишна пошла къ своему любимцу и принесла отвѣтъ, что Сергѣй Андреевичъ очень рады, приказали благодарить и сказать, что, ежели угодно, пойдутъ сами за коляской.

А въ саду уже раздавался голосъ Борисова.

— Здравствуйте, Василиса Николаевна! Какъ почивали?

Она кивнула ему головой.

— Хорошо, даже проспала. Ѣдете съ нами въ горы?

— Куда хотите, хоть на край свѣта!... Я сейчасъ вернусь съ коляской.

Онъ весело махнулъ шапкой и исчезъ за калиткой.

— Экой красавчикъ какой! замѣтила няня, глядя ему вослѣдъ.

— Ну, нѣтъ, няня: онъ вовсе не красавецъ, сказала Василиса и отвернулась, потому что чувствовала, что краснѣла.

Марфа Ильинишна уложила въ большую корзину завтракъ, предусмотрительно собрала теплую одежду для обратнаго пути и не забыла забѣжать въ комнату Сергѣя Андреевича и захватить его пледъ, — а то, сердечный, самъ не догадается, подумала она.

Все было уже готово, когда Борисовъ воротился съ коляской. Уложили вещи и поѣхали.

V.

День былъ ясный, похожій на лѣтній; ниццкое декабрьское солнце такъ и свѣтило, и жгло. Синее небо уходило въ неизмѣримую глубь; воздухъ былъ пропитанъ запахомъ цвѣтовъ и сильнымъ ароматомъ лимонныхъ листьевъ.

Дорога, по которой они ѣхали, была знаменитая Corniche, ведущая по берегу моря, изъ Ниццы въ Геную. По мѣрѣ того, какъ подымались въ гору, видъ становился шире и величественнѣе. Городъ съ узкими улицами, портомъ, виллами, садами, широко раскинулся между горами и моремъ. Марфа Ильинишна искала домъ, въ которомъ они жили и, когда Борисовъ указалъ ей небольшую точку, бѣлѣвшую между деревьями, она ахнула и даже перекрестилась.

— На какую высь-то забрались, легко сказать!

Горы, какъ великаны окружали небосклонъ, и, чѣмъ выше подымалась дорога, тѣмъ вершины ихъ становились много-

численнѣе и сами онѣ какъ будто выростали. Скоро показались, въ направленіи Тенды, снѣжныя очертанія высокихъ приморскихъ Альповъ.

— Никакъ, снѣгъ, матушка! восклицала изумленная Марфа Ильинишна. При лѣтней погодѣ-то. Вотъ диво!

При поворотѣ, гдѣ въ первый разъ видна долина Пальона, стоитъ маленькая часовня.

— Какое поэтическое мѣстоположеніе для молитвы и уединенія, не правда ли? сказала Василиса. Когда мнѣ было лѣтъ четырнадцать, я была съ матерью въ Ниццѣ и часто, въ сопровожденіи гувернантки, ѣздила сюда кататься. Она была англичанка, такая педантная: бывало, во время нашихъ прогулокъ толкуетъ про исторію среднихъ вѣковъ; я сижу и какъ будто слушаю, а мысли мои, Богъ вѣсть куда уносятся. Вотъ эта часовня имѣла для меня какую-то таинственную прелесть... Я по цѣлымъ часамъ думала, какъ было бы хорошо жить здѣсь совсѣмъ одной, молиться по ночамъ у этого алтаря, на мраморныхъ плитахъ, освѣщенныхъ луною; никого не видѣть, ни съ кѣмъ не говорить, жить съ своими мечтами, въ какомъ-то святомъ сообществѣ съ Богомъ и съ природой... Я такъ вдумалась въ эту отшельническую картину, что, бывало, стоитъ только закрыть глаза — я вижу эти горы, эту долину, — слышу шопотъ вѣтра въ оливковыхъ деревьяхъ, и мнѣ чудится, что я сижу на ступенькахъ часовни и смотрю на звѣздное небо...

— Вѣдь какія все болѣзненныя воображенія бываютъ у этихъ барынь! замѣтилъ Борисовъ.

— Какая же барыня? мнѣ не было тогда пятнадцати лѣтъ...

— Ну, барышня, все равно. The child is father to the man, говоритъ Шекспиръ. — А все это отъ чего? Отъ того, что такой благовоспитанный дѣвицѣ не даютъ жить, не даютъ чувствовать самостоятельно. Съ малыхъ лѣтъ внушаютъ ей про одно приличіе: держись, молъ, прямо, говори скромно, не смѣй думать, не смѣй дохнуть безъ спросу... Небойсь, природу не перехитришь; она возьметъ свое: подавленные инстинкты и прорываются въ безобразной формѣ, — понятно.

— Я сама не сторонница этихъ тепличныхъ воспитаній, хотя и росла подъ такимъ началомъ, замѣтила Василиса. Но все таки оно не совсѣмъ дурно: кладетъ основаніе, — впослѣдствіи можно передѣлаться.

— Передѣлаться? А нравственная ломка для этого какая нужна, силъ богатыхъ что даромъ потрачивается!

Онъ спросилъ, указывая на Наташу:

— Неужели вы и ее будете воспитывать въ этомъ же духѣ?

— Теперь время не то, да и обстановка жизни другая.

— Положимъ, времени ушло немного. Вѣдь вы бесѣдовали такъ-то, in aparte, съ своими думами, подъ глазами дальновидной гувернантки, какихъ-нибудь лѣтъ десять тому назадъ, не богъ вѣсть, какъ давно. Дѣло, значитъ, только въ обстановкѣ. Будь рамка жизни, приличествующая вашему положенію, вы бы шли по битой дорогѣ и дѣлали бы изъ своей дочери то, что старались сдѣлать изъ васъ самихъ; такъ, Василиса Николаевна?

— Право, не знаю. Я прежде всего, мнѣ кажется, старалась бы сдѣлать изъ своей дочери честную, добрую женщину, а потомъ сама жизнь дала бы ей направленіе.

— Эхъ, Василиса Николаевна, слова все одни! Какъ можно сдѣлать честнаго или добраго человѣка? При нормальномъ воспитаніи можно развить способность правильно мыслить, здраво разсуждать, — а сдѣлать, то есть, передѣлать природу — нельзя, даже у ученыхъ собачекъ и стриженыхъ елокъ. А вы говорите такъ серьезно, какъ будто вѣрите этому!

— Не браните меня, сказала Василиса ласковымъ голосомъ. Мнѣ сегодня какъ-то весело, хорошо на душѣ....

— Почему такъ особенно? спросилъ Борисовъ.

— Не знаю, бываютъ такіе дни...

— Бываютъ, но никогда безъ причины...

Онъ взглянулъ на нее и прибавилъ:

— А вѣдь мы съ вами вчера порядкомъ поспорили. Вы не сердитесь на меня?

— За что сердиться? Я долго думала о нашемъ разговорѣ.

— До чего же вы додумались? Можетъ, быть теперь вы со мной согласны?

Онъ глядѣлъ на нее пытливо и, какъ ей казалось, насмѣшливо.

— Въ чемъ же именно? Мы о стольких вопросахъ толковали … отвѣчала она уклончиво.

Онъ усмѣхнулся.

— Я вамъ дамъ совѣтъ. Никогда не обдумывайте никакого разговора. Извѣстныя истины могутъ быть вамъ не по нутру, не подходить подъ ваши принципы; вы ихъ прямо и отвергайте. А уже ежели начали понимать логичную связь всего, не щурьтесь трусливо отъ свѣта. Взяли нитку въ руку, мотайте до конца; — вотъ что …

Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Вѣрно?

Она невольно улыбнулась.

— Вѣрно, Сергѣй Андреевичъ. Хотя и не хочется признаться, а вы опять взяли мою логику въ расплохъ.

— А очень обидно?

— Обидно не за себя… за учителя: неблагодарный трудъ для него выходитъ.

— Объ учителѣ не безпокойтесь, не съ такой бѣдой справится. — Посмотрите, какое хорошенькое мѣстечко: итальянскія сосны повисли надъ самымъ обрывомъ, видъ прелестный. Прикажите-ка остановиться, и расположимся здѣсь бивуакомъ; отъ вѣтра будемъ защищены, и солнце не будетъ припекать.

Они вышли изъ коляски. Наташа бросилась рвать цвѣты. Василиса пошла за нею. Разостлали ковры подъ соснами; Марфа Ильинишна, съ помощью Борисова, распаковала корзинки. Сѣли завтракать.

Василиса сняла шляпу; золотистые волосы, разбитые вѣтромъ, играли вокругъ ея лица. Она сидѣла, прислонясь къ дереву, мало говорила, разсѣянно прислушивалась къ говору другихъ и смотрѣла въ даль. Нина сдѣлала чай, напоила всѣхъ, и сама принялась за дѣло съ такимъ усердіемъ, что между каждой чашкой утирала платкомъ свое влажное лицо. Борисовъ лежалъ на травѣ, разбиралъ со

бранные Наташею цвѣты и бесѣдовалъ съ Марфой Ильинишной.

— А что, Марфа Ильинишна, у васъ въ молодости, вѣрно, былъ женихъ купецъ?

— Отчего вы такъ полагаете, сударь?

— Такъ, ужъ знаю... На роду вамъ было написано быть статной купчихой и сидѣть за самоваромъ, распивая чай! Очень вамъ это къ лицу.... Какъ же вы такъ свою судьбу миновали?

Польщенная Марфа Ильинишна самодовольно улыбалась.

— Вотъ вы все шутить изволите, что я чай люблю, а вѣдь я привыкла къ нему по неволѣ.

— Какъ по неволѣ?

— Да такъ-съ. Изволите видѣть, когда барышня маленькія были, еще при кормилицѣ, онѣ занемогли, а я, чтобы не засыпать по ночамъ, и стала выпивать вечеромъ рюмочку водки, — да такъ-то привыкла, что Наталья Константиновна уже давно здоровы, а меня, какъ вечеръ прійдетъ, бывало, такъ и тянетъ, ничего не подѣлаешь. Разъ сижу я такъ, да и думаю: А что, какъ Господь Богъ за грѣхи мои накажетъ меня, и я сдѣлаюсь пьяницей! Подумала я это, и такой страхъ меня, сударь, взялъ, что въ тотъ же мигъ снесла рюмку и графинъ въ буфетъ... Съ той поры въ ротъ не брала. Зато вотъ чайкомъ, не взыщите, досыта напиваюсь.

— Жаль, Марфа Ильинишна, что вы не во Франціи родились. Вамъ непремѣнно поднесли бы Prix Monthyon.

— А что это такое, батюшка?

— Награда такая, за добродѣтель. Мудреная очень штука, сразу не поймешь. Слыхали вы про машину, что цыплятъ высиживаетъ? Вотъ такъ точно придумалъ французъ высиживать искусственнымъ образомъ добродѣтельныхъ людей. Да что, развѣ это одна его выдумка! Есть еще много потѣшнѣе, да больно ужъ того... не знаю сказывать ли?

— Скажите, батюшка, просила любопытная и любившая поболтать няня.

— За цѣломудренность, Марфа Ильинишна, награждають! Живеть себѣ дѣвка въ селѣ, и, коли до восемнадцати лѣтъ грѣха съ ней не приключилось, такъ соберутъ это въ воскресный день весь честной народъ, надѣнутъ ей на голову вѣнокъ и ведутъ ее въ церковь, а впереди идутъ пожарные и трубачи трубятъ; потомъ, приданое ей дарятъ, по всему краю молва о ней идетъ, въ газетахъ печатаютъ, что вотъ, молъ, въ такомъ-то селѣ, нашлась такая цѣломудренная дѣвка.

— Безстыдники! Срамъ какой! промолвила, опустивъ глаза, Марфа Ильинишна.

— Какъ кому. Вотъ, по вашему, срамъ, а по ихнему, честь великая.

Такъ просвѣщалъ Борисовъ Марфу Ильинишну насчетъ французскихъ нравовъ.

Василиса сидѣла, не шевелясь: она вся погрузилась въ свои мысли; выраженіе тихой, свѣтлой радости лежало на ея лицѣ.

— Въ какихъ вы это сферахъ витаете? сойдите на землю, проговорилъ Борисовъ, дергая ее за кончикъ платья. Хотите, пройдемся немного? повыше есть прекрасный видъ.

Она встала, и они пошли по дорогѣ въ гору. Щегольской фаетонъ съѣзжалъ въ эту минуту къ нимъ навстрѣчу; въ немъ сидѣли графъ и графиня Сухоруковы. Увидѣвъ Загорскую, они велѣли остановиться и вышли изъ экипажа.

— Фу, ты, чортъ, вотъ не думалъ повстрѣчать! воскликнулъ Борисовъ съ досадой.

— А что?

— Родственники мои; послѣ скажу.

Загорская пошла къ нимъ навстрѣчу. Они поздоровались. Графъ прищурился и съ недоумѣньемъ посмотрѣлъ на Борисова.

— Сергѣй! никакъ это ты?

— Я самый, какъ видишь.

Они обнялись.

Serge! воскликнула въ свою очередь графиня, протягивая Борисову руку, которую онъ поцѣловалъ; — какъ, вы въ Ниццѣ и не были у насъ?

— По правдѣ сказать, я и не зналъ, что вы здѣсь; я нигдѣ не бываю.

— Что же ты тутъ дѣлаешь? спросилъ графъ.

— Въ настоящую минуту сопровождаю Василису Николаевну Загорскую съ дочерью на прогулкѣ, въ качествѣ тѣлохранителя; а, вообще, шляюсь днемъ по Promenade des Anglais, а вечеромъ съ курами спать ложусь.

— Ну, не повѣрю, сказала графиня, вовсе на васъ непохоже. Слушайте-ка, mon cousin, я вамъ прощу, что вы не были у меня, подъ однимъ условіемъ: послѣзавтра у насъ вечеръ, вы непремѣнно должны явиться, слышите?

Графиня обратилась къ Загорской.

— Я собиралась ѣхать къ вамъ; вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ,—быть у насъ послѣ завтра; это день рожденія моего мужа. Дайте слово, что измѣните для меня, на этотъ разъ, своимъ отшельническимъ привычкамъ.

— Право, не знаю: я никогда по вечерамъ не выѣзжаю.

— Одинъ разъ, какъ исключенье, ну, я прошу! Мой мужъ и я, мы будемъ такъ рады.

— Мнѣ просто совѣстно; хорошо, я постараюсь.

— Вотъ душечка! благодарю васъ. Теперь прощайте, тороплюсь, пять визитовъ надо сдѣлать до обѣда.

— А ты, Сергѣй, гдѣ остановился? спросилъ графъ у Борисова.

— Не трудись, я самъ у васъ буду. Притомъ же, я скоро уѣзжаю.

—Что такое? спросила графиня. Мы васъ не пустимъ, — я не пущу. Я слышала про ваши ужасныя тамъ дѣла! Мнѣ надобно еще, по родственному, прочесть вамъ мораль.

— За моралью я явлюсь; вѣдь за уши не выдерете?

— Балованный! сказала графиня, садясь въ коляску, знаетъ, что всегда былъ моимъ любимымъ cousin. Ну, Богъ съ вами, а послѣзавтра будьте непремѣнно, а то мы не друзья.

Коляска тронулась.

— Зайди сегодня вечеромъ, хоть на минутку, крикнулъ графъ. Приходи обѣдать, мы садимся за столъ въ семь часовъ.

— Хорошо.

Они уѣхали.

— Нашли, кого на вечеръ звать! проговорилъ Борисовъ. Человѣкъ бѣжалъ отъ всѣхъ этихъ салонныхъ безобразій, а тутъ изволь опять изъ себя шута разыгрывать. Какъ же! Да у меня и фрака въ заводѣ нѣтъ.

— Который изъ нихъ вамъ родня? спросила Василиса.

— Онъ. Она кузина, такъ, съ боку припека. Добрые люди; но уже очень своимъ аристократизмомъ проникнуты.

Дорога подымалась круто въ гору. Повернувъ направо, она извивалась между голыми вершинами, откуда не было уже видно ни Ниццы, ни моря; однѣ скалистыя вершины горъ, съ зелеными долинами между ними, наполняли кругозоръ. Нѣсколько далѣе картина вдругъ мѣнялась. Дорога, обогнувъ сѣверную покатость горы, выходила на южную, и волшебный видъ открывался передъ глазами. Море, какъ синій сафиръ, сверкающій блескомъ брилліанта, уходило въ необозримую даль и, казалось, дышало, подымаясь и опускаясь ровной волною. Подъ самымъ обрывомъ, по вершинѣ котораго дорога бѣжала карнизомъ, полуостровъ св. Іоанна врѣзывался въ море и напоминалъ, въ маломъ видѣ, своими изгибами, чертежъ итальянскаго материка на картѣ. Направо виднѣлась долина Вара, Антибскій мысъ съ маякомъ, горы Прованса и далѣе, отдѣленный отъ берега синей полосой моря, островъ св. Маргариты. Налѣво тянулась гряда красныхъ, освѣщенныхъ солнцемъ утесовъ, съ безчисленными бухтами; а въ туманной дали, облитыя розовымъ свѣтомъ, проглядывали Бордигера и итальянское прибрежье.

Василиса остановилась и молча любовалась.

— Да, опалѣешь, сказалъ Борисовъ. Ширь-то какая!... глядишь, не насмотришься. Сядьте-ка сюда, отдохните.

Они помѣстились у самого обрыва, на скалѣ.

Борисовъ первый прервалъ молчаніе.

— Да, проговорилъ онъ вполголоса, красенъ божій міръ! жаль только, что въ немъ такъ скверно живется...

Василиса повернула голову: эти слова отвѣчали на мысли, которыя проходили въ эту минуту въ ея головѣ.

— Сергѣй Андреевичъ, я хочу спросить у васъ: вы вѣрите въ будущее счастье человѣчества?

— Ежели бы не вѣрилъ, работать не стоило бы; оттого и работаю, что вѣрю.

— Какого же рода будетъ это счастье?

— Разумѣется, прежде всего матерьяльное. Человѣкъ будетъ сытъ, обезпеченъ, богатъ общимъ довольствомъ. Онъ будетъ свободенъ, вотъ и нравственное счастье.

— А далѣе?...

— Какъ далѣе? Кажется, и этого довольно.

— Это все для земли; оно землей и кончается. А потомъ?

— Это вы объ душѣ безсмертной хлопочете? Отбросьте такое попеченіе, Василиса Николаевна; пишите „nihil,“ а ежели не можете, предоставьте невѣдомымъ силамъ распоряжаться вашей душею, какъ онѣ знаютъ, — и опять таки не заботьтесь объ этомъ вопросѣ. Онъ васъ ни до чего не доведетъ.

— Можетъ быть; но я не о безсмертіи души думала въ эту минуту. Я думала, вообще, о духовной жизни человѣка. Надъ этимъ благополучіемъ и матерьяльнымъ счастьемъ неужели не будетъ царить идея о Богѣ, не будетъ для человѣка чувства упованія на существо высшее, болѣе совершенное, чѣмъ онъ самъ?

— Зачѣмъ же упованіе, когда есть наслажденіе?

— Наслажденіе не все. Вы сами, Сергѣй Андреевичъ, вѣрите же во что-нибудь?.. Я помню, я васъ въ церкви видѣла...

— Въ церкви здѣсь, въ Ниццѣ, точно, я бываю, — и, если хотите знать, въ силу какихъ побужденій, могу удовлетворить ваше любопытство. Поютъ дьячки; — гласитъ попъ про православныхъ христіанъ; — пахнетъ ладаномъ; крестится народъ, — ну, забудешься на минуту, и кажется, какъ будто находишься тамъ, на Руси.....

Голосъ у него дрогнулъ, онъ отвернулся...

— Вамъ очень хочется въ Россію?

Да, иной разъ тянетъ... Кажется, все бы отдалъ, чтобы степь широкую увидѣть, подышать роднымъ воздухомъ.

Слеза блеснула въ его глазахъ.

— Да что!... Все это ребячество, старые предразсудки: нѣтъ отечества. Весь человѣческій родъ, вотъ отечество, для него и работай.

Послѣ небольшаго молчанія онъ прибавилъ:

— А я все таки буду въ Россіи. Не прямымъ путемъ, такъ иначе, а ужъ попаду. Проберусь на Волгу. Хорошо вѣдь будетъ... а? Василиса Николаевна?

— А ежели васъ возьмутъ?...

— Зачѣмъ брать!.. Мы еще поглядимъ, заставимъ за собой побѣгать.

Онъ расправилъ свои широкія плечи.

— Ежели вы будете въ ту пору въ Россіи, и мнѣ прійдется скрываться, я къ вамъ явлюсь. Спрячете?

— Разумѣется, спрячу. Только я на это дѣло не гожусь.

— Эхъ, храбрая барыня, уже испугались!

— Нѣтъ, я не испугалась; но мнѣ за васъ больно. Скрываться — это какъ-то недостойно, какъ-то уменьшаетъ человѣка.

— А по вашему какъ? Такъ, прямо прійти и сказать: вотъ, дескать, я, берите. Нѣтъ, шалишь! Мы, Василиса Николаевна, люди чернорабочіе, должны дѣло дѣлать; намъ такія рыцарскія штуки выкидывать не приходится.

Настало молчаніе. Борисовъ вертѣлъ между пальцами вѣтку душицы, кусты которой росли кругомъ въ разсѣлинахъ скалы; онъ смотрѣлъ на море, гдѣ вдали, у самаго небосклона, бѣлѣло нѣсколько парусовъ. Василиса также туда смотрѣла.

— Сергѣй Андреевичъ, спросила она, не поворачивая головы, вы, въ самомъ дѣлѣ, собираетесь скоро ѣхать?

— Да, собираюсь.

— Что такъ внезапно?... Мнѣ казалось, что вы хотѣли пробыть здѣсь еще мѣсяцъ или два...

— Не всегда дѣлаешь то, что хочешь. Надо.

— Отчего же надо?

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— А вамъ очень хочется знать? Климатъ здѣшній для меня не годится, въ голову бьетъ; вотъ вамъ и причина. А вы что думали?

— Я ничего не думала... Мнѣ будетъ очень жаль, когда вы уѣдете.

— Хорошая вы моя! сказалъ Борисовъ мягко; отчего же вамъ будетъ жаль? Вѣдь у насъ съ вами, кромѣ споровъ ничего не бывало.

— Зачѣмъ вы это говорите? произнесла тихо Василиса, вы знаете, что я вамъ многимъ обязана...

— Вотъ я, такъ другое дѣло, продолжалъ Борисовъ; мнѣ точно будетъ жаль съ вами разставаться, даже очень скверно будетъ на душѣ первые дни.

— Зачѣмъ же ѣхать? спросила Василиса.

— Зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ: человѣкъ очень скоро привыкаетъ ко всему хорошему и вслѣдствіе этого балуется. Сидишь день за день съ симпатичной барыней у камина, бесѣдуешь о разныхъ вопросахъ, толкуешь съ ней обо всемъ, какъ съ добрымъ другомъ, заглядываешь въ ея душу, перебираешь ея думы и мысли, какъ драгоцѣнные камни. Все это баловство, ни къ чему не ведетъ, а потому предаваться этому не слѣдуетъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ протяжно, точно ожидалъ возраженія. Но возраженія не было, Василиса сидѣла задумавшись.

— Хорошее вы слово сказали: „какъ съ добрымъ другомъ,“ промолвила она. Говорятъ, дружба невозможна между мужчиной и женщиной. Я этому не вѣрю, я думаю, наоборотъ, что такая дружба одна естественна и прочна... Вы какъ думаете?

— Какая женщина!... А впрочемъ, я не отрицаю возможности такой дружбы, — при извѣстныхъ условіяхъ, конечно.

— Какія же особенныя условія?

— Во первыхъ, чтобы женщина была, какъ говорится, вся тутъ, не кокетничала бы...

— Само собой разумѣется.

— Ну, не всегда. Во вторыхъ, и это условіе sine qua non, — она должна быть дурна, имѣть, ежели возможно, одну или даже двѣ бородавки на носу...

— Я думала, вы дѣло скажете, а вы шутите!

— А вы, небось, серьезно говорите?

— Я?... очень серьезно. Можетъ быть, моя откровенность неумѣстна, но я скажу вамъ прямо, Сергѣй Андреевичъ: я желала бы быть вашимъ другомъ, дѣлиться съ вами моими мыслями, знать, что и вы относитесь ко мнѣ съ довѣріемъ. Словомъ, прибавила она, я желала бы осуществить свой идеалъ, доказать самой себѣ, что я не ошибаюсь.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Мы съ вами и друзья. Довѣріе между нами, кажется, существуетъ: я, по крайней мѣрѣ, никакихъ тайнъ отъ васъ не имѣю: обмѣниваться мыслями мы можемъ; а когда я уѣду, мы будемъ переписываться. — Вы мнѣ будете аккуратно отвѣчать?

— Еще бы.

— И будете писать длинныя письма?

— Да.

Василиса отвернула голову: какая-то мягкость нашла на нее. Ей было досадно на самое себя, но она чувствовала, что не можетъ совладать съ нахлынувшими вдругъ на нее ощущеніями. Она плакала: слезы неудержимо бѣжали по лицу. Одна изъ нихъ, тяжелая и блестящая, скатилась съ рѣсницъ и упала ей на руку. Борисовъ увидалъ это.

— Василиса Николаевна! Что съ вами?...

Онъ нагнулся и взглянулъ ей въ лицо.

— Эхъ! эхъ! эхъ!... Я думалъ, вы молодецъ, а выходитъ, вотъ вы барыня нервная какая: походили по горамъ, уже и готовы! Вы, какъ птичка, отъ воздуха и солнца пьянѣете.

Онъ взялъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ.

— Вотъ я выпилъ вашу слезу. Соленая какая... Видите, какой я ужасный реалистъ! — даже въ слезахъ поэзіи не нахожу, а просто на просто глотаю и опредѣляю ихъ вкусъ.

Василиса сидѣла смущенная и молча глядѣла передъ собой. Солнце клонилось къ закату, послѣдніе багровые лучи его отражались въ морѣ.

— Знаете, какая мысль пришла мнѣ въ голову, сказалъ Борисовъ. Возьму я васъ въ охапку, спущусь съ горы, посажу въ одну изъ тѣхъ лодочекъ и увезу съ собой... Поминай, какъ звали!

Онъ говорилъ не то шутя, не то серьезно.

— Право; что бы вы на это сказали?

Она усмѣхнулась.

— Куда? спросила она.

— Куда самъ поѣду; сначала въ Лондонъ.

— Что же мнѣ тамъ дѣлать?

— Будете учиться жить, знакомиться съ людьми, съ дѣломъ. Вы до сихъ поръ еще не жили; вы сидѣли въ своей рамкѣ и только издалека смотрѣли, какъ другіе люди живутъ. А жизнь можетъ быть такая богатая, такая прекрасная! Вы этого не знаете. Вы еще не испытывали, что такое чувство солидарности съ людьми, которые мыслятъ одинаково съ вами, работаютъ для той же цѣли, вѣрятъ въ тѣ же идеалы. Вы не знаете, какъ легко и хорошо дышится въ такой средѣ! стулъ, на которомъ сидишь, и тотъ дѣлается дорогъ!

— Не говорите... Ужъ и такъ тяжело!

— Зачѣмъ же оставаться тамъ, гдѣ тяжело?

— Что же дѣлать?

— Выйти изъ тѣсной рамки, пойти туда, куда тянутъ убѣжденія и сочувствіе къ дѣлу.

— Нельзя, нельзя... вы это знаете.

Она закрыла лицо руками.

— Все можно, только надо хотѣть, надо рѣшиться протянуть руку и взять то, чего хочешь.

Въ это время послышались голоса; показались няня и Наташа. Борисовъ всталъ и пошелъ имъ навстрѣчу. Скоро подъѣхала коляска, и стали собираться въ обратный путь.

— О чемъ мечтаете? спросилъ Борисовъ, подходя къ Василисѣ, которая сидѣла неподвижно на томъ же мѣстѣ.

Она подняла на него свои влажные отъ слезъ глаза.

— Сергѣй Андреевичъ, трудно бываетъ съ своимъ прошлымъ прощаться?

— Какое прошлое... Иной разъ бываетъ, напротивъ, очень отрадно, — идешь, не оглядываясь, къ свѣтлому будущему.

Она вынула изъ кармана записную книгу и подала ее Борисову.

— Напишите мнѣ что-нибудь въ память сегодняшняго дня.

Онъ пожалъ плечами, но, подумавъ, взялъ книгу и написалъ нѣсколько строкъ.

— Не теперь, послѣ прочтете, сказалъ онъ, отдавая ее.

На обратномъ пути всѣ были молчаливы. Наташа дремала на колѣняхъ у няни; Борисовъ сидѣлъ на козлахъ и курилъ; Василиса, закутанная въ плэдъ, прижалась къ углу коляски и ни слова не говорила. Разъ только Борисовъ обернулся и, указывая на садящееся солнце, сказалъ:

— Посмотрите, какая заря... Огнемъ горитъ! Мы прямо на нее ѣдемъ. Вотъ такъ и въ жизни, надо всегда идти по направленію къ свѣтлой точкѣ.

Стемнѣло, когда пріѣхали домой. Борисовъ простился и ушелъ къ своимъ родственникамъ. Наташу уложили спать; няня занялась хозяйственными дѣлами. У Василисы болѣла голова; она распустила волосы и легла на диванъ. Огонь въ каминѣ слабо освѣщалъ комнату; она лежала, не шевелясь, завернутая въ мягкія складки бѣлаго капота, который обрисовывалъ стройныя линіи безукоризненно-прекраснаго тѣла. Всякія мысли проходили у нея въ головѣ: имъ не было ни словъ, ни названія, онѣ пестрѣли передъ ней длинной вереницей и приходили всѣ къ одному заключенію, что нелегко живется.

Раздался звонокъ у входной двери. Василиса услышала голосъ Борисова; Марфа Ильинишна отворила дверь въ гостинную.

— Это Сергѣй Андреевичъ, матушка; можно имъ?

Борисовъ вошелъ.

— Что съ вами? Я вернулся домой немного пораньше и взбѣжалъ на минутку узнать, какъ вы можете?

— Я рада, что вы пришли.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ возлѣ нея.

— А я совсѣмъ не радъ, что нахожу васъ на диванѣ. Вотъ они пейзажи и вышки, только голова отъ нихъ разбаливается! Дайте-ка пульсъ; нѣтъ ли у васъ лихорадки? Я вѣдь немного докторъ.

— Да я не больна, даже не устала, а такъ лѣнюсь...

Она прибавила:

— Я прочла, что вы въ книжку написали.

— Что же, нравится? — по душѣ?

— Очень. Прочтите мнѣ сами.

Онъ прочелъ вполголоса стихи Некрасова:

„Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
„Обагряющихъ руки въ крови
„Уведи меня въ станъ погибающихъ
„За великое дѣло любви!“

„Великое дѣло любви!“ повторила Василиса. Да, высокое, свѣтлое дѣло! За него радостно погибать! Какъ прекрасно выраженіе: „Уведи меня,“ словно берешься за руку сильнаго, добраго друга, который поможетъ.

— Такъ и слѣдуетъ. Когда не знаешь дороги, берешь провожатаго.

— Но куда ведетъ эта дорога?

— Куда?... Къ свободѣ, къ свѣту...

— А ежели и тамъ неудовлетвореніе?

— Видите, какой вы неисправимый скептикъ! Вы ищете свѣта и боитесь его. Вамъ душно въ тѣсной средѣ; застарѣлыя формы не имѣютъ болѣе для васъ смысла и значенія, а вы все таки не рѣшаетесь съ ними разстаться. Нѣтъ ничего хуже сомнѣнія: оно разслабляетъ, парализируетъ нравственныя силы человѣка. Полно вамъ раздумывать! Ступите смѣло на новую почву; начните новую жизнь, съ новыми людьми, съ людьми вѣрующими, борящимися за то дѣло, которое они считаютъ правымъ. Ваше мѣсто посреди насъ. Богатыя силы, которыя теперь даромъ въ васъ погибаютъ, найдутъ себѣ приложеніе. Вы станете между нами, какъ своя; первая будете...

Онъ дотронулся до ея руки. Въ полутьмѣ комнаты онъ болѣе угадывалъ, чѣмъ видѣлъ выраженіе ея лица.

Она молчала.

— О чемъ вы задумались? спросилъ онъ, подождавъ нѣсколько минутъ.

— Я не задумалась. Я въ эту минуту ни о чемъ не думала. Мнѣ было такъ хорошо! — словно я въ первый разъ живу.

У Борисова руки похолодѣли.

— Дорогая моя! произнесъ онъ тихо.

Она повернула къ нему голову. — Мы скоро разстанемся Сергѣй Андреевичъ, мнѣ очень тяжело думать объ этомъ.

— Я не сейчасъ ѣду, проговорилъ онъ; еще недѣли двѣ-три можно повременить.

— Но вы все таки уѣдете, и настанетъ минута, когда я буду одна... Я хочу, чтобы вы знали, что я буду долго вспоминать васъ... очень долго... Моя жизнь получила новое направленіе, съ тѣхъ поръ, что я васъ знаю. Хотя вы моложе меня, но я смотрю на васъ, какъ на учителя: ваши рѣчи не пропали даромъ; всякое слово запало мнѣ въ душу. Когда вы уѣдете, я буду жить вашимъ духомъ, буду руководиться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ вашимъ образомъ мыслей... Вы будете мнѣ часто писать, — да?

Борисовъ молча сжалъ ея руку.

— Вы сдѣлали изъ меня другого человѣка, продолжала Василиса. Я была самолюбивая, недовольная: меня мучила мысль, что жизнь не дала мнѣ полной доли счастія; всякій мелкій эгоизмъ и свѣтское притворство были во мнѣ.. Вы заглянули въ мою душу своимъ чистымъ, строгимъ взглядомъ, и мнѣ стало стыдно за себя. Въ васъ есть какая-то сила правды, которая покоряетъ вамъ совѣсть людей. Вы видите все такъ ясно, такъ просто, — живя съ вами, самъ дѣлаешься лучше, нравственный горизонтъ расширяется, начинаешь относиться ко всему справедливѣе, мягче, не такъ эгоистично... Въ каждомъ вашемъ словѣ чувствуется духъ любви, безконечнаго сочувствія къ человѣческимъ страданіямъ!... Я уважаю васъ и вѣрю въ васъ, какъ никогда никого не уважала и ни въ кого не вѣрила. Я всѣ мои мысли

отдаю на вашъ судъ, вы для меня больше, чѣмъ другъ, вы стали моей живою совѣстью...

Приподнявшись на локоть, она наклонилась впередъ и старалась уловить выраженіе его лица.

Борисовъ сидѣлъ, опустивъ голову; сосредоточенное, почти суровое выраженіе, лежало на его лицѣ.

— Василиса Николаевна, проговорилъ онъ, вы увлекаетесь. Воображеніе рисуетъ вамъ какого-то идеальнаго человѣка — я вовсе не таковъ. Я не добръ и не искрененъ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ смыслѣ, какъ вы это понимаете. Мой кодексъ справедливости ограничивается тѣмъ, что я на шею никому не сажусь, — но и не позволяю другимъ садиться мнѣ на шею. Иныхъ законовъ нравственности я не признаю, да и необходимости въ нихъ не вижу.

— И только? сказала она. Нѣтъ неправда; въ васъ есть самоотверженность и любовь къ ближнему, иначе вы не пошли бы на такое дѣло.

— Вы ошибаетесь. Самоотверженіе и то, что называютъ любовью къ ближнему, очень прекрасныя добродѣтели, но онѣ не достаточно сильные факторы, чтобы могли служить мотивомъ для борьбы противъ существующихъ несправедливостей. Ивана и Петра я не знаю, мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ; человѣчество, какъ коллективное цѣлое, — понятіе слишкомъ абстрактное, чтобы отдавать ему свои силы. Единственный мотивъ, который заставляетъ меня поступать такъ, а не иначе, это разумное отношеніе къ дѣйствительности. Мой интеллектъ отказывается признать нормальными извѣстныя несправедливости, потому что онѣ слишкомъ явно противорѣчатъ міросозерцанію, логически выработавшемуся въ моей головѣ. Ученый не можетъ помириться съ неправильными научными выводами; такимъ же образомъ человѣкъ, просто разумный, не можетъ безучастно и хладнокровно относиться къ тѣмъ непослѣдовательностямъ, которыя встрѣчаются въ жизни дѣйствительной, имѣя единственнымъ raison d'être грубую силу и безсмысленную рутину. — Вотъ вамъ моя profession de foi. Вы видите, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего поэтичнаго, ничего такого, чѣмъ можно было бы увлечься. Одинъ голый, сухой разумъ, и только. Но,

ежели дѣйствовать согласно съ разъ начертанной себѣ программою, идти твердо по указанному пути, жертвовать всѣмъ для достиженія цѣли, —является въ вашихъ глазахъ чѣмъ-то возвышеннымъ, въ этомъ смыслѣ я оправдаю вашу горячую вѣру и достигну высоты, на которую вы ставите вашъ нравственный идеалъ.

Онъ прибавилъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Не я, а вы хорошій человѣкъ! Все прекрасное, что вы хотите во мнѣ видѣть, находится въ васъ самихъ, а я служу только объектомъ для вашей идеализаціи. — Покиньте воздушныя пространства и станьте на землю: мы пойдемъ рядомъ, рука объ руку, какъ хорошіе товарищи. Въ васъ такой богатый запасъ энергіи... Ежели мнѣ когда-нибудь измѣнять силы въ тяжелой борьбѣ, я обращусь къ вамъ за нравственной помощью,—вы поддержите меня, вдохнете живой огонь, заставите идти впередъ съ свѣжей энергіей.

Онъ взялъ ея руку и спросилъ:

— Заставите, — да?

Василиса не отвѣчала. Эта минута казалась ей торжественною. Человѣкъ, котораго она чтила такъ высоко и въ котораго такъ безгранично вѣровала, поднималъ ее на нравственный пьедесталъ, предъ которымъ самъ стоялъ съ обнаженной головою. Ее наполняла свѣтлая, гордая радость, для выраженія которой у нея не было словъ.

Въ комнатѣ было совсѣмъ тихо, когда вошла Марфа Ильинишна съ лампой въ рукахъ и подала записку.

— Сейчасъ принесли, отвѣта не ждутъ.

Поставивъ лампу на столъ, няня спросила:

— А что, матушка, головка у васъ все еще болитъ? Подать вамъ чайку?

— Подайте, няня.

— Кто это вамъ пишетъ? спросилъ Борисовъ.

— Не знаю, — да и читать не хочется.

— Напрасно; хотите, я вамъ прочту?

— Пожалуйста.

Онъ подошелъ къ лампѣ и распечаталъ маленькій конвертъ.

— Фу, какимъ амбреемъ разитъ! и гербъ во всю бумагу...

Онъ прочелъ:

Chère belle,

„Пишу эти строки, чтобы напомнить вамъ обѣщаніе быть у насъ послѣ завтра вечеромъ. Вы его сдержите, не правда ли?

„Хотѣлось бы заѣхать къ вамъ завтра, но réception въ префектурѣ; боюсь, не успѣю. Mille tendresses.

Toute à vous

Comtesse Vèra G.

„P. S. Вы найдете у меня нѣсколько старыхъ знакомыхъ и между ними князя Кирилу Сокольскаго, который сгораетъ желаніемъ васъ видѣть, но не дерзаетъ явиться къ вамъ, en forçant la consigne, какъ сдѣлала это я.“

— Ужъ очень хочется моей любезнѣйшей кузинѣ видѣть васъ у себя; не знаетъ, чѣмъ заманить! засмѣялся Борисовъ. Что же, поѣдете?

— Обѣщала, должна ѣхать. А вы?

— Я къ нимъ отправлюсь какъ-нибудь утромъ.

Борисовъ посидѣлъ еще немного и простился.

— Завтра потолкуемъ, сказалъ онъ, уходя.

VI.

Но Борисову не удалось на другое утро потолковать съ Василисой. Онъ только что пришелъ, какъ Марфа Ильинишна доложила о гостьѣ. Вошла Елкина.

— Здравствуйте, chère madame Zagorsky: вотъ и я, наконецъ! давно къ вамъ собиралась. Что вы подѣлываете? Все такую же уединенную жизнь ведете?

Она взглянула вскользь на Борисова.

— Господинъ Борисовъ, Марья Антоновна Елкина, — представила Василиса. Прошу васъ, садитесь.

Борисовъ собирался уйти и стоялъ, держась за спинку стула и ожидая удобной минуты, чтобы раскланяться. Но Елкина взяла его къ допросу.

— Очень рада съ вами познакомиться. Вы родственникъ Ивана Васильевича Борисова? Я хорошо знала покойнаго генерала и его жену.

— Нѣтъ, они мнѣ не родственники, отвѣчалъ Борисовъ.

— Такъ вѣроятно вы Борисовыхъ пензенскихъ? Хорошая, старинная семья.

— И пензенскихъ Борисовыхъ не знаю.

Неужели? Позвольте; были еще Борисовы въ Москвѣ, домъ у нихъ, если не ошибаюсь, на Покровкѣ: да, именно на Покровкѣ...

— Въ Москвѣ я ни съ какими Борисовыми даже и незнакомъ.

— Скажите! произнесла съ удивленіемъ Елкина. Къ какимъ же, наконецъ, Борисовымъ вы принадлежите? Я знаю, болѣе или менѣе, всѣ дворянскія фамиліи наперечетъ: кромѣ названныхъ мною Борисовыхъ, никакихъ другихъ въ Россіи нѣтъ.

— Вы, по всей вѣроятности, и не ошибаетесь. Только почему же вы заключили, что я непремѣнно принадлежу къ дворянской фамиліи?

Лукавая старуха не нашлась.

Борисовъ продолжалъ спокойнымъ тономъ:

— Моихъ однофамильцевъ очень много. Есть на Лубянкѣ, въ той же Москвѣ, книгопродавецъ Борисовъ: другой, на Апраксиномъ дворѣ, въ Петербургѣ, торгуетъ сырами. Есть еще очень почтенное семейство Борисовыхъ — жена бѣлошвейка, а мужъ дворецкимъ въ какомъ-то домѣ служитъ; можно сказать, благочестивые люди.

Загорская ничего не говорила; глаза у нея весело смѣялись, она слегка закусывала розовыя губы.

— Что же! сказала Елкина, изъ всякаго слоя общества можетъ выйти честный и порядочный человѣкъ. Я сторонница прогресса и сама, надо вамъ сказать, ужасная либералка. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго:

вѣдь я славянофилка. Всѣ мои друзья передовые люди; я со многими чехами знакома, меня тамъ очень любятъ. Прошлое лѣто я шесть недѣль въ Прагѣ у Ригера гостила, на мельницѣ у него жила.

— Вотъ вы въ Прагѣ у Ригера на мельницѣ жили, а на Руси только дворянъ Борисовыхъ наперечетъ знаете; про насъ, плебеевъ, и думать не хотите! проговорилъ Борисовъ, и лицо его при этомъ выражало такое простодушіе, что Елкина почти усомнилась въ вѣрности распространяемыхъ ею же слуховъ.

— Мнѣ пора идти, до свиданія, Василиса Николаевна, сказалъ Борисовъ.

Онъ пожалъ ей руку, поклонился Елкиной и вышелъ.

Старуха посмотрѣла ему вслѣдъ и обратилась къ Василисѣ:

— Скажите, пожалуйста, est-ce que vous le prenez au serieux... Онъ, въ самомъ дѣлѣ, успѣлъ васъ увѣрить, что онъ, Борисовъ, двоюродный братъ какого-нибудь портного?

— Онъ ни въ чемъ не увѣрялъ меня, да и какое мнѣ дѣло, кто кому родня?

— Однако же, это нельзя: вы живете съ нимъ въ одномъ домѣ, вы должны знать, кого вы у себя принимаете. Я вамъ всю исторію въ подробности разскажу...

— Благодарю васъ, но, право, мнѣ кажется, это будетъ совершенно лишнее... Что нужно, я, по всей вѣроятности, уже знаю — остальное мнѣ неинтересно.

— Какъ хотите... Только, право, такая деликатность вовсе неумѣстна, надо знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло...

— Разумѣется, засмѣялась Василиса, un homme averti en vaut deux... Чтобы отблагодарить васъ за попеченіе обо мнѣ и вполнѣ васъ успокоить, могу сообщить вамъ пріятное извѣстіе: этотъ опасный человѣкъ скоро изъ Ниццы уѣзжаетъ...

Елкина нѣсколько разъ сряду поспѣшно перекрестилась.

— Слава Богу!.. я за васъ рада!... Никогда не знаешь, чѣмъ могутъ кончиться такія знакомства. Этотъ молодой человѣкъ обладаетъ очень симпатичной наружностью; увле-

чешься сначала его идеями, а потомъ въ него самаго влюбишься... Примѣры бывали.

Загорская вспыхнула.

— Въ такихъ людей не влюбляются, проговорила она рѣзко.

Елкина усмѣхнулась.

— Вы хотите сказать, что ихъ любятъ! Въ настоящее время дѣлаютъ такое различіе; но я стара для этихъ тонкостей. Полюбить или влюбиться, по моему, все одно. За примѣромъ ходить не далеко: на прошедшей недѣлѣ была свадьба княжны со студентомъ какимъ-то, недоучившимся лекаремъ — Богъ знаетъ съ кѣмъ! Вѣдь также началось съ того, что она понимала и цѣнила его, а кончила тѣмъ, что повѣнчалась съ этимъ косматымъ господиномъ...

— Что же, она была права, сказала Василиса.

— Права была сдѣлать такую ужасную mésalliance! подарить свою семью такимъ родствомъ!... Кто же изъ порядочныхъ людей женится теперь на ея сестрахъ?

Елкина сдѣлала притворно-удивленное лицо и устремила свои пытливые глаза на Василису.

— Выходятъ замужъ для себя, а не для своей семьи, проговорила Загорская. Дѣвушка не находитъ въ своемъ кругу человѣка, ей симпатичнаго, соотвѣтствующаго требованіямъ ея сердца и ума, она встрѣчаетъ его въ другой сферѣ общества: этотъ человѣкъ сочувствуетъ ея стремленіямъ, онъ способенъ руководить ею, развить ее, — неужели она не имѣетъ права полюбить его, а, полюбивъ, отчего же ей не выйти за него замужъ?

Такъ говорила Василиса и въ то же время думала: Отчего это я разсуждаю въ настоящую минуту именно такъ? Сколько разъ я спорила съ Борисовымъ и поддерживала совершенно противное мнѣніе! а теперь я говорю то, что говорилъ бы онъ самъ, ежели бы былъ здѣсь... Неужели я начинаю видѣть вещи иначе?

Елкина, между тѣмъ, покачивала неодобрительно головой.

— Да вы, я вижу, совсѣмъ заразились новыми идеями. Какъ вамъ не совѣстно, madame Zagorsky! Вамъ слѣдовало

бы удержать молодого человѣка, постараться возвратить его на путь истины, а вы сами туда же, за нимъ! Нехорошо... нехорошо...

Василиса не отвѣчала на эти благонамѣренныя рѣчи и перемѣнила разговоръ. Елкина посидѣла еще нѣсколько времени, сообщила всѣ городскія сплетни, перебрала знакомыхъ и незнакомыхъ, пожаловалась на судьбу, на свои ревматизмы, на своихъ сыновей, — и, наконецъ, простилась, обѣщая скоро прійти опять.

Когда она ушла, Василиса позвала няню и приказала Елкину въ другой разъ не принимать.

Она испытывала непріятное чувство, которое выносишь изъ разговора съ несимпатичнымъ и любопытнымъ собесѣдникомъ, когда тому удалось задѣть, противъ нашей воли, какія-нибудь струны внутренней жизни. Она досадовала на Елкину, на самое себя, за свою, какъ ей казалось, недостаточную сдержанность. „И зачѣмъ она ходитъ ко мнѣ!" думала она. Она утѣшала себя мыслью, что своимъ приказаніемъ нянѣ оградила свое спокойствіе отъ будущихъ нарушеній, но въ то же время, какъ ни старалась она убѣжать отъ сознанія главнаго факта, сознаніе это становилось поперекъ всѣхъ утѣшительныхъ размышленій: Василиса чувствовала, что въ намекахъ Елкиной была правда, и эта правда уязвляла ее.

Она одѣла Наташу и пошла съ ней гулять на Promenade des Anglais.

Пестрая толпа расхаживала по широкой аллеѣ, усаженной пальмами и олеандрами. Василиса спустилась по подмосткамъ, ведущимъ къ купальнямъ, и сѣла на голышахъ, у самаго края воды. Широкое море простиралось въ даль, синее и гладкое, какъ озеро; чуть замѣтная волна прибивала къ берегу съ тихимъ журчаньемъ; разноцвѣтные камешки, влажные отъ воды, блистали на солнцѣ; Наташа собирала ихъ и приносила матери. Подъ звукъ ея лепета Василиса думала о вчерашнемъ днѣ и вечерѣ. — Она была собой недовольна. — „Все это глупо и до крайности смѣшно, рѣшила она. Я вела себя, какъ семнадцатилѣтняя институтка, — расчувствовалась, расплакалась, и изъ-за чего? Ужъ и

впрямь я, какъ онъ говоритъ, отъ воздуха опьянѣла. Что онъ подумалъ?... Онъ такъ молодъ, онъ могъ ошибиться... понять, богъ знаетъ, какъ!... Надо будетъ ему объяснить; не могу же оставить его подъ такимъ ошибочнымъ впечатлѣніемъ! Но какъ это будетъ неловко! Во всякомъ случаѣ, не надо болѣе впадать въ чувствительный тонъ... Вѣдь отъ меня зависитъ... Я буду теперь осторожна... А впрочемъ, я рада, что онъ скоро ѣдетъ. Лучше, право.... Богъ знаетъ, куда бы все это повело!“ заключила Василиса свои разсужденія словами Елкиной.

Она возвратилась домой. День прошелъ въ какомъ-то безпокойствѣ. Она пробовала работать, читать; но книга показалась ей скучною, шитье валилось изъ рукъ. Нервное, томительное бездѣлье овладѣло ею.

Вечеромъ, часу въ девятомъ, пришелъ Борисовъ. Онъ засталъ ее на диванѣ, противъ обыкновенія, безъ работы въ рукахъ.

— Лѣнитесь; что такъ?

Онъ сѣлъ возлѣ нея.

— А старая эта вѣдьма, Карга Ѳоминишна — долго еще у васъ сидѣла?

— Порядочно. Отдѣлали же вы ее! Я не думала, что вы обладаете такимъ талантомъ школьничать...

— Почему же мнѣ и не обладать имъ? А ей подѣломъ, не хитри. Вѣдь она очень хорошо знаетъ, кто я такой... Хотѣлось сконфузить неопытнаго юношу, и получила сдачи. О чемъ же вы бесѣдовали, когда я ушелъ?

— Она мнѣ мораль читала... про васъ говорила...

— Про меня? Что же она такое говорила?...

— Что вы очень опасный человѣкъ, — что васъ слѣдуетъ остерегаться...

Василиса старалась принять развязный тонъ, но эта искусственная непринужденность плохо ей удавалась.

— Вотъ какъ!... А мораль вамъ какую читала?

— Просила меня не увлекаться.

— Чѣмъ?

— Вами, и вашими идеями.... вообразите!

— А вы что ей на это отвѣтили?

— Не помню... но она болѣе не пробовала объ этомъ говорить.

— Ахъ, богиня вы моя олимпійская! Люблю я на васъ смотрѣть, когда вы народъ морочите.

— Какъ народъ морочу?

— Такъ, сами не отдавая себѣ отчета. Смотрите такой степенной, положительной, все выходитъ у васъ такъ обдуманно — лишняго слова не скажете; пади огонь небесный къ вашимъ ногамъ, бровью, кажись, не поведете. А все это только такъ, для виду! Подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ бьется, охъ, какое человѣческое сердце, наполненное всякими волненіями и желаніями, и никто про это не знаетъ! Вѣдь это нехорошо, Василиса Николаевна; вѣдь это своего рода обманъ...

Она смѣшалась и немного покраснѣла.

— А знаете что? вы правы.... Я никогда объ этомъ не думала.

— Уже сейчасъ и повѣрили, что обманъ.... Каяться готовы!... Совѣсть у васъ больно изнѣженная! Я только такъ, провѣрку хотѣлъ сдѣлать вашей самостоятельности. Ну посудите сами, развѣ можно упрекнуть человѣка въ обманѣ, потому что онъ чувствуетъ и желаетъ, и не высказываетъ всякому свои мысли и желанія. Послѣ этого, и платье, что мы на себѣ носимъ, тоже обманъ?

— Не играйте словами, Сергѣй Андреевичъ. Когда вы относитесь такъ легко къ инымъ вопросамъ — я не могу вамъ этого объяснить — но во мнѣ какъ будто что-то расшатывается....

— Небось, васъ не скоро расшатаешь... Вы крѣпкая.

Она засмѣялась и покачала головой.

— Некрѣпкая, стало быть... нѣтъ?

Онъ нагнулся и взялъ ея руку.

— Такихъ-то, какъ вы, намъ и нужно.... Снаружи все тихо и гладко, а во всякой жилкѣ страсть бьетъ ключемъ... Такія женщины — сила...—Онѣ за собой увлекаютъ, ведутъ, куда хотятъ... Онѣ—рычагъ, съ помощью котораго можно свѣтъ перевернуть.... Но для этого нужно, чтобы онѣ сами вѣрили.... любили.... эти царицы красоты и наслажденія! А

онѣ умѣютъ любить.... Все ихъ существо проникнуто огнемъ, въ ихъ глазахъ пьешь какое-то страшное счастье ..

— Вотъ оно!... подумала Василиса.

Тайный страхъ начиналъ овладѣвать ею. Она отняла руку.

— Я хотѣла вамъ сказать, Сергѣй Андреевичъ... мнѣ нужно объяснить вамъ....

Она искала слова, ей становилось невыносимо тяжело говорить съ нимъ.

Борисовъ глядѣлъ на нее со вниманіемъ, но весело и ласково. Его не смущалъ ея озабоченный видъ.

— Что вы хотите сказать, что объяснить, красавица вы моя?.... Говорите, я васъ слушаю.

Онъ опять взялъ ея руку и, не спѣша, не спуская съ нея потемнѣвшихъ отъ страсти глазъ, провелъ губами по кончикамъ ея пальцевъ и нѣсколько разъ беззвучно поцѣловалъ ихъ. У Василисы начинала кружиться голова. Ей казалось, что отъ концовъ этихъ пальцевъ, которые онъ цѣловалъ, до глубины ея души сверкнуло пламя и сжигало ее.

— Что же вы хотите сказать? повторилъ Борисовъ неровнымъ голосомъ. Дорогая моя.... милая.... Вѣдь моя?... да?.... вся моя?....

Онъ обнялъ ее за плечи и привлекъ къ себѣ. Она не противилась, у нея въ глазахъ потемнѣло, она вся обмерла. Онъ цѣловалъ ея волосы и закрытые глаза. Василиса не шевелилась, только отвернула голову и прижалась лицомъ къ его плечу. Она слышала тяжелый стукъ его сердца, шопотъ несвязныхъ словъ... Ей было страшно, и въ то же время казалось, что счастье цѣлыхъ столѣтій стѣснилось въ эту минуту и неслось ей навстрѣчу свѣтлой волной.

Что со мной? подумала она и сдѣлала движеніе, чтобы освободиться.

— Сергѣй Андреевичъ... нельзя!... Оставьте меня... шептала она чуть слышно.

Онъ опустилъ руки, которыя держали ее, какъ въ желѣзныхъ оковахъ.

Она прислонилась головой къ дивану и лежала съ закрытыми глазами, вся блѣдная, тяжело дыша.

Борисовъ смотрѣлъ на нее. Страсть тяжелой волной билась во всемъ его существѣ. Онъ нагнулся, губы его касались уже края ея щеки... но сила воли взяла верхъ, онъ остановился. Нѣсколько мгновеній онъ оставался неподвиженъ, — потомъ откинулъ голову, тяжело вздохнулъ, словно переломилъ себя, и всталъ съ дивана.

— Василиса Николаевна! окликнулъ онъ тихо.

Она не отвѣчала. Онъ провелъ рукой по ея похолодѣлому лицу и отправился въ сосѣднюю комнату, откуда принесъ стаканъ съ водою.

— Выпейте воды... Это ничего, это пройдетъ...

Онъ поддерживалъ ея голову, самъ онъ былъ блѣденъ, и руки у него дрожали.

Загорская отпила глотокъ, Борисовъ поставилъ стаканъ на столъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Лучше вамъ? спросилъ онъ, подходя къ дивану.

— Да. — Глаза у нея блистали, лицо горѣло румянцемъ.

— Сядьте сюда, ко мнѣ, дайте мнѣ вашу руку, проговорила она.

Онъ сѣлъ возлѣ нея, она взяла его руку.

— Скажите мнѣ что-нибудь...

— Что же я вамъ скажу? Что вы меня очень перепугали, это, да?

— Не браните, скажите что-нибудь доброе, хорошее. Скажите, что мы съ вами друзья..... что вы меня любите.

— Вы и такъ знаете, что я васъ люблю, — очень люблю.

— Какъ друга, да?

— Всячески, — и какъ друга.

— Вотъ это слово хорошее. Теперь я счастлива, мнѣ ничего болѣе не нужно.....

Она вздохнула и прижалась щекой къ его рукѣ.

— Дорогая моя, началъ Борисовъ дрожащимъ отъ волненья голосомъ: вѣдь это не дружба, развѣ вы этого не понимаете? Неужели вы въ настоящую минуту ничего не желаете... болѣе полнаго счастья, и довольны тѣмъ, что сидите около меня и держите мою руку? Мнѣ больше, го-

раздо больше надо. Я васъ хочу обнять, хочу поцѣловать, я васъ всю, всю хочу...

Темные глаза его горѣли, все лицо его, молодое, прекрасное, дышало страстью.

Василиса положила руку на эти глаза, чтобы не видѣть ихъ блеска.

Онъ тихонько отвелъ ея руку.

— Помните одинъ нашъ разговоръ? Вы тогда говорили, что надо смотрѣть всякой дѣйствительности прямо въ лицо. Смотрите же теперь на нее, не отворачивайтесь.

Онъ повернулъ къ себѣ ея голову.

— Вы думаете, мнѣ это не стоило борьбы? Я прежде васъ увидалъ истину, долго не вѣрилъ, думалъ, передумывалъ, подводилъ итоги и пришелъ, наконецъ, къ настоящему заключенію. Прежнія простота и спокойствіе отношеній нарушены навсегда. Теперь поздно объ этомъ сокрушаться, — теперь насталъ новый фазисъ того же чувства. Это явленіе нормальное, естественное, ему слѣдовало быть, и мы съ вами не дѣти, не больные нравственно люди, чтобы этого пугаться.

— Господи! вырвалось у Василисы. Я была такъ счастлива вчера, а теперь...

— Голубчикъ, произнесъ тихо Борисовъ, вы заблуждаетесь. Вы, такой правдивый, честный человѣкъ, въ настоящую минуту, сами того не сознавая, страшно шарлатаните, хотите свою совѣсть обмануть. Вчера было то же, что и нынче, только оно не имѣло названія, слово не было еще выговорено. Но развѣ правда, даже самая ужасная, не во сто кратъ лучше самой прекрасной иллюзіи? Про какое счастье говорите вы? Оно не ушло: оно здѣсь, въ вашихъ рукахъ, берите только его.

— Я не свободна, вы это знаете, съ усиліемъ проговорила Василиса.

Борисовъ нахмурилъ брови:

— То есть какъ не свободны? Въ какомъ это смыслѣ?

— У меня есть мужъ, дочь. Я съ мужемъ, правда, не живу, но я все таки съ нимъ связана... я ношу его имя.

— И будете продолжать носить это имя. Развѣ это можетъ стѣснить вашу нравственную свободу?

— А дочь?

Борисовъ не тотчасъ отвѣтилъ.

— Василиса Николаевна, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, я самъ обо всемъ этомъ думалъ. Мнѣ кажется, что исходная точка вашихъ разсужденій невѣрна. Вообразите себѣ такого рода обстоятельства: встрѣчаются двое людей, ихъ сближаетъ сначала взаимная симпатія, нѣкоторое, можетъ быть, и отдаленное сходство въ ихъ понятіяхъ, между ними завязывается живой обмѣнъ мыслей. Затѣмъ, умственная связь дѣлается тѣснѣй, отношенія принимаютъ характеръ дружескаго довѣрія, является потребность высказываться, заглядывать глубже во внутренній міръ одинъ другого. Рѣчь идетъ уже не просто о наслажденіи умственными бесѣдами —здѣсь входятъ въ игру другіе факторы психической жизни, рождается душевное влеченіе, привязанность, любовь... и наконецъ является страсть со всѣми своими требованіями,— требованіями вполнѣ законными, естественными, безъ удовлетворенія которыхъ немыслима никакая гармонія, да, наврядъ ли, и само чувство можетъ достигнуть своей полноты. Что же должны дѣлать тогда эти люди? Надо полагать, что они дѣйствовали сознательно и привыкли относиться реально къ явленіямъ жизни: въ такомъ случаѣ они поймутъ, что стоятъ передъ очень простой загадкой, къ разрѣшенію которой ихъ вело все предыдущее, и тогда мнѣ кажется, второстепенныя соображенія сами собой исчезаютъ, и добродѣтельные предразсудки утрачиваютъ значеніе, которое придаетъ имъ условная мораль. Такъ, Василиса Николаевна, или нѣтъ?

Она молчала.

— Предполагается, что люди, про которыхъ мы говоримъ, продолжалъ Борисовъ, достаточно увѣрены каждый въ самомъ себѣ и другъ въ другѣ, чтобы знать, что они не увлекаются мимоходнымъ впечатлѣніемъ, минутной вспышкой воображенья — по крайней мѣрѣ, что касается меня, то я имѣю эту увѣренность. Ежели бы я видѣлъ въ васъ только красивую женщину, къ которой влекла меня одна страсть, я воспользовался бы той минутой, что была четверть часа тому

назадъ, когда вы лежали здѣсь, на диванѣ, — и я принесъ вамъ воды... Вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что немного бы стоило мнѣ труда заставить замолчать вашъ разсудокъ... Я этого не сдѣлалъ, потому что я настолько же люблю въ васъ женщину, какъ и уважаю свободнаго, мыслящаго человѣка. Я не хочу васъ увлечь, пользуясь минутной слабостью. Мнѣ дорого васъ убѣдить. Вы должны прійти сами, прямымъ путемъ анализа, къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и я, сознательно хотѣть того же.

Онъ держалъ ея холодныя руки, грѣлъ и цѣловалъ ихъ.

— Отвѣчайте же. Скажите что-нибудь, докажите мнѣ, если можете, что я не правъ.

— Вы правы, но....

— Но что? Вы боитесь мнѣнія свѣта, le qu'en dira-t-on, да? или, быть можетъ, въ силу религіозныхъ понятій, вы смотрите на страсть, какъ на преступленіе?

Она покачала головой.

— Какія у меня религіозныя убѣжденія!... и мнѣніемъ свѣта я не дорожу. Но мнѣ ужасно... Это — какъ будто посягательство на что-то святое. Неужели вы не понимаете!..

— Отчего ужасно? Дорогая моя! Вѣдь вы меня любите, стало быть, ничего ужаснаго быть не можетъ. Слово, пустая форма, смущаетъ васъ. Взгляните на вещи такъ, какъ они есть, а не такъ, какъ вамъ ихъ рисуетъ болѣзненный идеализмъ. Даже съ точки зрѣнія условной морали, не все ли равно, стремиться къ человѣку всѣми силами своихъ желаній, или отдаться ему? Принципъ строгой нравственности, который вамъ такъ дорогъ, въ одномъ и въ другомъ случаѣ одинаково попранъ: иллюзироваться на этотъ счетъ — жалкая игра въ жмурки. Или, можетъ быть, вы думали муками неудовлетворенныхъ желаній искупить вину невольнаго чувства? Въ такомъ случаѣ казнь будетъ безнравственнѣе грѣха.

— Желанія свои можно заставить молчать, чуть слышно произнесла Василиса.

— Вы полагаете? Конечно, все можно, можно убить и задушить себя собственными руками. Вопросъ въ томъ, насколько такой образъ дѣйствій практиченъ и послѣдователенъ.

Онъ нагнулся, и увидалъ слезы въ ея глазахъ.

— Голубчикъ мой, о чемъ же вы плачете? Что съ вами? Скажите, не мучьте меня. Мои слова не могли оскорбить васъ: все, что я говорилъ, очень реально, очень грубо, можетъ быть, вы привыкли въ вашемъ свѣтѣ къ болѣе смягченнымъ формамъ, — но вѣдь чувства тамъ искуственнѣе и слабѣе...

— Ваши слова добрыя и хорошія, онѣ не могутъ оскорбить... Мнѣ жаль нашей дружбы, которая была для меня такимъ свѣтлымъ счастьемъ...

— Вы не должны о ней жалѣть, — вѣдь это были иллюзіи, злыя, вредныя иллюзіи.

— Я была ими счастлива, я ничего другого не желала!

Неподдѣльная искренность звучала въ этомъ восклицаніи. Борисовъ почувствовалъ это и былъ пораженъ.

— Ничего болѣе не желали? повторилъ онъ. Такъ неужели же я все время заблуждался!

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Василиса Николаевна, помогите мнѣ понять, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, что въ васъ происходитъ. Я положительно теряюсь. Вы, насколько я вижу, не допускаете возможности свободной любви между вами и мною. Отвѣтьте, если можете, на слѣдующій вопросъ: какое имя давали вы трагикомедіи, которая впродолженіе послѣднихъ недѣль разыгралась въ вашей душѣ? Не могли же вы не отдавать себѣ вовсе отчета?

Она молчала.

— Значитъ, вы понимали, куда вели васъ эти стремленія? или же, въ самомъ дѣлѣ, прійдется допустить, что вы чистосердечно принимали это чувство за дружбу?

— Я его не провѣряла, — никакихъ названій не пріискивала. Я васъ любила, въ васъ вѣрила. Я думала, что вы останетесь навсегда моимъ другомъ... самымъ близкимъ... дорогимъ.

Послѣднія слова она произнесла чуть внятно.

Борисовъ усмѣхнулся.

— Дружба?... Положимъ, что вы все прикрывали этимъ несчастнымъ словомъ, которымъ такъ злоупотребляютъ. До-

пустимъ, что вамъ удалось обмануть себя и меня: мы съ вами друзья, вы счастливы, по своему. Что же дальше? Дружба не можетъ наполнить всю жизнь. Ежели вы для меня не все, другая женщина встанетъ когда-нибудь около меня. Вы съ этой мыслью можете помириться?

— Не допытывайтесь! не мучьте меня допросомъ! проговорила она, рыдая.

По лицу Борисова мелькнуло выраженіе не то досады, не то жалости къ слабому существу. Онъ отвернулся и нѣсколько минутъ просидѣлъ молча, прислонясь головой къ мраморной доскѣ камина.

— Вы правы, проговорилъ онъ наконецъ: этотъ допросъ, какъ вы его называете, ни къ чему не приведетъ. оставимъ его. Я исчерпалъ всѣ аргументы: видно, приходится сдаться. Не плачьте, прибавилъ онъ мягко,—слезы еще никогда никакой бѣдѣ не помогали. Мы все обдумаемъ и переговоримъ съ вами, когда оба будемъ спокойнѣе: теперь никакая мысль не идетъ въ голову. Утрите ваши глазки, хорошая вы моя.

Онъ придвинулъ табуретъ и сѣлъ у ея ногъ.

— Все будетъ по вашему, вы поведете, какъ хотите. Я отдаюсь въ ваши руки. Довольны? да? — Вотъ вы какого покорнаго изъ меня сдѣлали. Скажите же мнѣ за это доброе слово, — или нѣтъ, лучше ничего не говорите, я буду на васъ смотрѣть, и самъ прочту въ вашихъ глазахъ, что мнѣ нужно.

Онъ положилъ голову къ ней на колѣни. Черезъ нѣсколько минутъ вѣки его опустились, тѣнь длинныхъ рѣсницъ легла на блѣдныя щеки, онъ тихо и ровно дышалъ. Василиса сидѣла, не шевелясь, и всматривалась въ черты его успокоеннаго лица.

— Вы думаете, я заснулъ? сказалъ Борисовъ, не открывая глазъ. Нѣтъ. Знаете, что такое реакція? Налетитъ буря, поломаетъ человѣка и броситъ его на землю: оправляйся, какъ знаешь. Вотъ и лежишь.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ въ ладонь.

— Прощайте, пора, второй часъ. Лягте, усните, не думайте ни о чемъ. Утро вечера мудренѣе. А я пойду, пройдусь по саду, свѣжаго воздуха вдохну. Душно что-то.

Долго раздавался его мѣрный шагъ въ саду. Василиса сидѣла неподвижно и прислушивалась. Когда онъ смолкъ, она встрепенулась и пошла въ свою комнату.

На другое утро дверь ея спальни тихонько растворилась, и вошла няня. Она поставила на туалетный столъ, передъ которымъ стояла Василиса и чесала волосы, корзинку, полную розъ и бѣлой сирени. Въ комнатѣ такъ и запахло весной.

— Сергѣй Андреевичъ приказали пожелать вамъ добраго утра, и вотъ цвѣтовъ принесли.

Няня спросила:

— Сами изволите убрать?

— Да, я сейчасъ въ гостиную прійду.

Смуглое лицо Василисы покрылось румянцемъ и рдѣло ярче розановъ.

— Сударыня, замѣтила Марфа Ильинишна, кажись, вѣдь сегодня вечеръ у графини... — Надѣть что изволите?

— Въ самомъ дѣлѣ, няня, хорошо, что напомнили... Приготовьте черное бархатное платье и кружево для головы.

— Слушаюсь.

— Да еще ботинки, не знаю, есть ли. Надо будетъ купить.

— Ботинки атласные есть, съ застежками и высокими каблуками, разъ только надѣванные. Эхъ, эхъ, эхъ! вздохнула Марфа Ильинишна.

— Чего вы вздыхаете, няня?

— Такъ, матушка, припоминаю времячко, когда всего было вдоволь, дюжинами лежали готовые—и перчатки, и башмачки, и кружевные платки, въ шкапахъ платье къ платью висѣли, выбирай только, а теперь!...

— И, няня, стоитъ объ этомъ горевать! Что въ нихъ, въ этихъ тряпкахъ? я и думать про нихъ забыла. Вспомните-ка, сколько несчастныхъ вовсе безъ башмаковъ ходятъ. А за то у насъ цвѣты какіе. Я не отдала бы ни одной изъ этихъ розъ за всѣ сокровища земли!

Она нагнула голову съ распущенными волосами надъ корзинкой и прильнула лицомъ къ пахучимъ вѣткамъ.

— Дорогой мой! шепнула она.

Василиса одѣлась и принялась разбирать вмѣстѣ съ Наташей цвѣты.

Борисовъ пришелъ въ двѣнадцатомъ часу и засталъ ее за этимъ занятіемъ. Онъ подсѣлъ къ столу, на которомъ стоялъ рядъ вазъ разныхъ формъ и размѣровъ, и взялъ Наташу на колѣни.

— Хорошо спали? спросилъ онъ у Василисы.

— Да. А вы?

— Я всегда хорошо сплю.

Его непринужденность, дружескій и простой тонъ, съ которымъ онъ говорилъ, успокоили ее. Она немного боялась этой встрѣчи, вообразивъ почему-то, что прочтетъ во взглядѣ Борисова чрезмѣрную нѣжность или холодность, и заранѣе смущалась проявленіемъ того и другого чувства. Ничего подобнаго не было видно на лицѣ Борисова, оно было спокойно и имѣло выраженіе самое будничное. Онъ разговаривалъ, шутилъ съ Наташей и ни разу, самымъ дальнимъ намекомъ, не далъ знать, что въ немъ происходило что-нибудь необыкновенное. Онъ смотрѣлъ, какъ Василиса выбирала вѣтки, стригла ножницами тонкіе стебельки и размѣщала цвѣты въ вазахъ.

— Вы совсѣмъ мастерица своего дѣла! сказалъ онъ, и, вызвавшись ей помогать, сталъ наливать воду изъ графина и разбирать связанные пуки папоротника.

Свѣтлые лучи солнца золотили комнату, запахъ розъ, видъ свѣжихъ цвѣтовъ, разбросанныхъ на столѣ, беззаботный смѣхъ Борисова, лепетъ дѣвочки, все это составляло рядъ впечатлѣній, успокоивающихъ по своей простотѣ и безстрастности. Василиса испытывала ихъ тихое вліяніе; ей становилось съ каждой минутой легче на сердцѣ. Предыдущіе дни съ тревожными волненіями и борьбой уходили отъ нея вдаль: это былъ сонъ, отъ котораго она проснулась, и видѣла, что ничего не выходило изъ обычной колеи.

Когда вазы были убраны и разставлены по мѣстамъ, Василиса подошла къ Борисову.

— Теперь я могу съ вами поздороваться, какъ слѣдуетъ, сказала она, протягивая ему свои свѣжія, душистыя отъ прикосновенія къ цвѣтамъ руки.

Онъ крѣпко сжалъ ихъ.

— Что съ вами? спросилъ онъ, глядя въ ея свѣтлые, счастливые глаза, и прибавилъ тихо: Мучительница вы моя!

Она засмѣялась и покачала головой.

— Мы съ вами друзья, не забывайте своего обѣщанія. Все радостно, все хорошо! У меня въ душѣ — точно звонъ воскресныхъ колоколовъ раздается!

Борисовъ взглянулъ на нее пристально, и легкая усмѣшка скользнула по его чертамъ.

— Неземная вы этакая! проговорилъ онъ.

— Отчего же неземная?

— Такъ, больно не по человѣчески чувствуете. На какую высь вознеслись! За вами не взберешься.

VII.

Борисовъ не вѣрилъ въ заоблачныя пространства и потому считалъ икаровы крылья, которыя люди любятъ привязывать къ своимъ плечамъ, однимъ изъ злыхъ и вредныхъ обмановъ человѣческой природы. Василиса, наоборотъ, вѣрила въ способность души подыматься надъ всѣмъ земнымъ и страстнымъ и, однимъ взмахомъ крыла, достигать тѣхъ лазурныхъ высотъ, гдѣ свѣтитъ вѣчное солнце идеальнаго счастья. Въ ней все какъ будто притихло, и въ ея сердцѣ, дѣйствительно, раздавался, какъ она выразилась, звонъ праздничныхъ колоколовъ. Откуда проистекало это чувство горячей радости, куда оно стремилось, какія были ея цѣли и надежды? Василиса не знала, да она и не старалась знать; ее подхватила свѣтлая волна счастья, она отдавалась ей и вѣрила, что эта волна вынесетъ ее на желанный берегъ.

Цѣлый день она оставалась въ этомъ настроеніи духа. Часы проскользнули быстро, незамѣтно, въ какомъ-то блаженномъ оцѣпѣненіи.

Послѣ обѣда она пошла съ дочерью гулять и встрѣтила Борисова, который шелъ по противуположной сторонѣ улицы.

Сердце у нея забилось, кровь бросилась въ лицо: она была рада, что онъ къ ней не подошелъ.

Вечеромъ она легла на диванъ, дѣвочка пріютилась около нея, и, долго въ полутьмѣ комнаты раздавался разсказъ о Жаръ-Птицѣ и Бовѣ Королевичѣ. По временамъ Василиса умолкала: Наташа дожидалась нѣсколько минутъ терпѣливо и потомъ тихонько маленькой ручкой трогала мать за подбородокъ.

— Ну что же, мамаша, что дальше?

Василиса снова принималась за разсказъ.

Въ девятомъ часу Марфа Ильинишна пришла напоминать, что пора одѣваться. Она лѣниво встала и пошла въ спальню.

Часъ спустя, она стояла, уже совсѣмъ одѣтая, передъ зеркаломъ и застегивала длинную перчатку. Черное бархатное платье стройно обхватывало тонкую фигуру и оттѣняло нѣжную бѣлизну кожи.

Василиса смотрѣла на себя. Она до той поры придавала мало значенія своей красотѣ; въ настоящую же минуту сознаніе этой красоты наполняло ее какой-то тревожной радостью. Она тихонько провела вѣеромъ по обнаженнымъ рукамъ: эти молодыя, круглыя, съ тонкими кистями руки были прекрасны... Она улыбнулась.

— Хороша я, няня? спросила она хлопотавшую вокругъ нея Марфу Ильинишну.

— Что и говорить, матушка,—красавица! Богъ не обидѣлъ. Одни глазки чего стоятъ! синіе вѣдь, а при огнѣ черными свѣтятся. Наталья Констатиновна, дай имъ, Господи, здоровья, въ васъ пошли — такая же стройная растетъ.

Загорская не носила ни серегъ, ни браслетовъ, ни брошекъ,—и въ настоящемъ случаѣ не измѣнила своему обыкновенію, какъ ни упрашивала ее Марфа Ильинишна надѣть изумрудный медальонъ, остатокъ прежней роскоши.

— Зелененькаго цвѣта ради! убѣждала Марфа Ильинишна. А то все въ черномъ, словно монашенка...

Василиса выбрала двѣ темныя розы, на которыя Борисовъ обратилъ утромъ ея вниманіе, и приколола одну на грудь, другую въ волосы. Потомъ подошла къ кроваткѣ, гдѣ спала

Натаna, поцѣловала ее и, въ сопровожденіи Марфы Ильинишны, которая въ одной рукѣ несла лампу, а другой подбирала шлейфъ ея платья, сошла внизъ.

— Юбочку-то кружевную поприддержите, матушка, твердила она заботливо. Вишь, соръ-то какой на лѣстницѣ! подмести не могутъ, а господамъ въ наемъ отдаютъ, деньги берутъ! Сущіе жиды, прости, господи!

Марфа Ильинишна, по обыкновенію русскихъ людей, сильно не жаловала хозяевъ дома.

— Богъ милостивъ, прибавила она, себѣ въ утѣшеніе, все приведетъ къ концу. Не вѣкъ же по фатерамъ жить!...

Карета выѣхала на Promenade des Anglais и остановилась у подъѣзда большой виллы, окна которой были ярко освѣщены. Ливрейный лакей выскочилъ на подъѣздъ и открылъ дверцы кареты. Василиса взошла по широкой мраморной лѣстницѣ въ большую переднюю, гдѣ стояли пальмовыя деревья въ японскихъ горшкахъ, и сильно пахло куреньемъ. Половинки широкой двери были открыты на анфиладу гостинныхъ, убранныхъ цвѣтами, широколистыми растеніями и освѣщенныхъ люстрами. Человѣкъ тридцать гостей — вечеръ только что начинался — группировались вокругъ камина и угловыхъ дивановъ; слышался слабый гулъ разговоровъ. Вытянутыя фигуры мущинъ въ бѣлыхъ галстукахъ, фигуры женщинъ съ высокими прическами, съ обнаженными плечами и длинными, обтянутыми спереди юбками изъ яркаго бархата и атласа, выдавались тутъ и тамъ и производили, въ общей массѣ, впечатлѣніе чего-то наряднаго и изящнаго. На Загорскую такъ и повѣяло свѣтскимъ воздухомъ, той знакомой и уже забытой атмосферой, внѣ которой ей когда-то казалось невозможнымъ дышать. — Зачѣмъ я сюда пріѣхала? подумала она. Я къ этимъ людямъ болѣе не принадлежу. Я ношу въ себѣ думы, которыя — не ихъ думы, желанія, которыя — не ихъ желанія. У меня ничего нѣтъ съ ними общаго...

Покуда она такъ думала и внутренно смущалась, она уже стояла въ дверяхъ гостинной, спокойная, стройная, съ легкой улыбкой на зарумянившемся лицѣ, и искала глазами хозяйку дома. Графиня, въ сѣромъ атласномъ платьѣ, съ

жемчугами на шеѣ и пунцовыми азаліями въ волосахъ, увидѣвъ ее, стремительно встала ей навстрѣчу.

— Какъ я рада!... Я васъ поджидала и, признаться сказать, все боялась, что вы не пріѣдете.

Графъ тоже подошелъ и выразилъ свою благодарность. Онъ довелъ Загорскую до дивана и усадилъ ее.

— Вы знакомы? спросилъ онъ.

Сосѣдка Василисы оказалась старинной знакомой: онѣ, дѣвушками, выѣзжали вмѣстѣ, но съ тѣхъ поръ потеряли другъ друга изъ виду.

Завязался разговоръ.

Къ нимъ подошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, сутуловатый, съ полнымъ, розовымъ лицомъ, чисто выбритымъ подбородкомъ и карими глазами, насмѣшливо глядѣвшими изъ-подъ бѣлаго, круглаго лба.

— Василиса Николаевна, позвольте напомнить о себѣ...

— Ненужно, графъ, я васъ не забывала.

— Вы въ Ниццѣ, и я только сію минуту объ этомъ узналъ! Какъ же я не имѣлъ счастья встрѣтить васъ до сихъ поръ?

— По очень простой причинѣ: я нигдѣ не бываю.

— Не выѣзжаете, наслаждаетесь природой въ полномъ уединеніи? Впрочемъ, я это понимаю: природа здѣсь восхитительна.

— Да, промолвила Василиса.

— Но, съ другой стороны, это очень эгоистично удаляться такъ отъ свѣта. Наше общество нынѣшній годъ довольно вяло; оно нуждается въ молодыхъ, прелестныхъ женщинахъ, которыя дали бы ему толчокъ, оживили бы его. Принимать и выѣзжать ваша прямая обязанность въ отношеніи насъ, бѣдныхъ смертныхъ, которые не знаютъ, куда дѣваться отъ тоски.

— Въ принимающихъ и выѣзжающихъ, кажется, нѣтъ недостатка, замѣтила Василиса.

— Да, но все это перелетныя птицы, или до того застарѣлыя, вывѣтрившіяся вывѣски, что и глядѣть на нихъ не хочется. Вотъ, противъ васъ сидитъ виконтесса Бранкомаръ:

двадцать лѣтъ сряду ѣздятъ танцовать на ея космополитные балы, но развѣ это un salon, какъ вы могли бы его имѣть?

Василиса взглянула на группу, центромъ которой была женщина самыхъ представительныхъ формъ и размѣровъ. Бархатное платье блѣдно-зеленаго цвѣта, залитое шитьемъ и кружевами, стлалось по полу роскошными складками и до того съуживалось и уменьшалось въ направленіи кверху, что, начиная отъ пояса, платья, такъ сказать, уже болѣе не существовало; гирлянда бѣлыхъ нарцисовъ, перекинутая съ одного плеча на другое, скудно замѣняла его. Руки, шея, спина и всѣ формы выставлялись изъ этой скромной рамки, какъ нѣчто громадное, поражающее своей ослѣпительной бѣлизной. Василисѣ вспомнилось то мѣсто въ Гейне, гдѣ говорится про Красное море. Толпа поклонниковъ окружила виконтессу и тѣснилась вокругъ нея, какъ рой черныхъ жучковъ вокругъ огромнаго подсолнечника. Тутъ былъ одинъ французъ, худой и жиденькій, съ тоненькими усиками и быстрыми глазами: онъ фронтомъ велъ дѣла любовныя и государственныя, говорилъ вполголоса комплименты и жаловался на то, что въ настоящее время во Франціи не умѣютъ цѣнить людей съ именемъ и положеніемъ. „Le temps est à la canaille“, говорилъ онъ съ презрѣніемъ. Отецъ его былъ извѣстный игрокъ, спустившій милліонное состояніе въ рулетку, и вслѣдствіе этого сынъ, не пользовавшійся популярностью въ своемъ департаментѣ, провалился на депутатскихъ выборахъ, гдѣ ему предпочли одного богатаго фабриканта. Былъ австрійскій князь, юноша съ громкимъ именемъ и хорошенькой, женоподобной, ничего не выражающей головкой на длинномъ туловищѣ: онъ былъ одѣтъ очень изящно и носилъ въ бутоньеркѣ, вмѣсто ордена, цвѣтокъ изъ букета виконтессы. Былъ также одинъ русскій — красивый, широкоплечій малый, съ курчавой головой и нахальной улыбкой; онъ старался придать своему лицу еще болѣе дерзкое выраженіе и весьма успѣшно подражалъ французу въ его парижскомъ жаргонѣ.

— Это одна изъ здѣшнихъ львицъ, сказалъ графъ Рѣпевъ, любившій посплетничать. Она имѣетъ мужа, титулъ, большое состояніе, великолѣпную виллу въ восточномъ вкусѣ, гдѣ принимаетъ всю проѣзжую знать, а была, лѣтъ

тридцать тому назадъ, пѣвицей изъ нѣмецкихъ жидовокъ. А вотъ тамъ, въ углу, этотъ господинъ съ сумрачнымъ лицемъ, это счастливый супругъ. Онъ ревнивъ — судите о его радостяхъ. Впрочемъ и его біографія довольно любопытна. Почтенный родитель его былъ гражданиномъ города Парижа и, первый, при Людовикѣ-Филиппѣ, устроилъ крытыя купальни на Сенѣ. Онъ нажилъ большое состояніе и былъ возведенъ королемъ-ситуайеномъ въ бароны. Сынъ по всѣмъ правиламъ геральдики называется виконтомъ. Кто-то съострилъ про эту чету, что: tous deux ont fait leur fortune sur la Seine.

— Вы, я вижу, по прежнему, очень злы, графъ, замѣтила, смѣясь, Василиса, — всю скандальную хронику знаете. Переверните-ка страничку и скажите, кто эта барыня тамъ, возлѣ камина, руками размахиваетъ и глазами такъ странно вскидываетъ. Она въ розовомъ платьѣ, и у нея страшно худыя, обнаженныя плечи.

— Какъ, вы ее не знаете? Это Любовь Ивановна Заборова, знаменитая Любовь Ивановна! Со всѣми знакомится, ко всѣмъ липнетъ, со всѣми ссорится и, къ довершенію всѣхъ бѣдъ, одержима злополучной привычкой влюбляться. Самое богопротивное существо! Этотъ толстякъ, что сидитъ возлѣ нея, съ унылымъ выраженіемъ лица, — самъ генералъ Заборовъ, ея мужъ. Вообразите, что она съ нимъ недавно сдѣлала... Онъ человѣкъ солидный, занимаетъ видное мѣсто, вслѣдствіе чего пользуется извѣстнымъ почетомъ, — на сколько заслуженнымъ, это иной вопросъ. На одномъ обѣдѣ, при двадцати человѣкахъ — я самъ былъ свидѣтелемъ — она ему вдругъ говоритъ: Митя, съ тобой нельзя выѣзжать въ порядочное общество, ты рѣшительно не умѣешь себя держать!... Такъ таки и сказала. Онъ только глаза опустилъ и сталъ жевать концы усовъ.

Въ эту минуту подошелъ человѣкъ небольшаго роста, съ изящно расчесанными бакенбардами и съ безукоризненно натянутыми на небольшой рукѣ перчатками. Отъ него такъ и вѣяло тѣмъ, что называютъ порядочнымъ человѣкомъ. Начиная съ его поклона и кончая бантомъ его бѣлаго галстука и лакированными носками ботинокъ, все въ немъ и на

немъ было до тонкости прилично и аккуратно; даже голосъ его имѣлъ особенную, утонченную мягкость.

— Вы, вѣроятно, не узнаете меня, Василиса Николаевна. Я имѣлъ счастье кланяться вамъ въ церкви, но не удостоился вашего вниманія... Я Скромновъ, Алексѣй Степановичъ. Я имѣлъ нѣсколько разъ удовольствіе обѣдать съ вами у княгини Lise въ Петербургѣ...

— Ахъ, Алексѣй Степановичъ, я очень рада васъ видѣть, промолвила Загорская.

— Узнавъ отъ графини Вѣры, нашей милой хозяйки, что вы обѣщали быть сегодня вечеромъ, я поспѣшилъ сюда, чтобы возобновить пріятное знакомство.

— Это очень любезно...

— Гдѣ вы сегодня обѣдали, Алексѣй Степановичъ? спросилъ графъ Рѣповъ.

— Ахъ, не спрашивайте! У Заборовыхъ; далъ себѣ слово никогда болѣе тамъ не обѣдать.

— А что? Разскажите; Василисѣ Николаевнѣ очень хочется слышать.

Графъ съ намѣреніемъ употребилъ эту маленькую хитрость, и она ему удалась.

— Вамъ это угодно, Василиса Николаевна, извольте, — хотя я врагъ привычки говорить дурно про своихъ друзей, а генералъ, cet estimable homme, — мой пріятель. Я былъ званъ къ нимъ обѣдать сегодня. Въ семь часовъ безъ пяти минутъ я звоню у ихъ двери; вхожу въ гостиницую, Димитрій Андреевичъ сидитъ у камина и читаетъ газету, Любовь Ивановны нѣтъ дома. Ждемъ полчаса, еще четверть часа, — все нѣтъ. Въ восемь часовъ генералъ звонитъ и приказываетъ подавать обѣдать. Мы идемъ въ столовую, садимся; уже подаютъ жаркое, — какъ вдругъ раздается звонокъ; входитъ Любовь Ивановна, вся запыхавшись, и, разумѣется, сейчасъ же дѣлаетъ мужу выговоръ, отчего не подождалъ. Димитрій Андреевичъ, по обыкновенію, ничего не отвѣчаетъ. Она обращается ко мнѣ и начинаетъ жаловаться на судьбу, вообще, и на свое супружество въ особенности... Пріятное мое положеніе!?... Потомъ садится за столъ и, не снимая шляпы, начинаетъ кушать, то есть приказываетъ поставить всѣ блюда передъ

собой и накладываетъ изъ нихъ все на одну тарелку, — и рыбу, и filet aux champignons, и горошекъ... Весьма неаппетитно это выходитъ. Послѣ обѣда, въ гостиной, Любовь Ивановна хотѣла возобновить неоконченную сцену и начала опять дѣлать мужу упреки, но Димитрій Андреевичъ, взявъ свою чашку кофе, пригласилъ меня курить въ свой кабинетъ. Я, признаюсь, былъ очень радъ этому приглашенію. Только что мы ушли, раздался звонъ колокольчиковъ, забѣгали горничныя, и по всему дому запахло гофманскими каплями.

— А на вечеръ все таки поѣхала. Сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, замѣтилъ графъ Рѣповъ.

— Графъ, эта молодая дѣвушка въ сосѣдней комнатѣ, съ гладкой прической, — это княжна Брянская? я не ошибаюсь? спросила Василиса.

Графъ посмотрѣлъ.

— Да, это она, т. е. не княжна Брянская, а m-me Остенъ.

— Она замужемъ? давно ли?

— Второй годъ.

— Кто ея мужъ?

— Гвардейскій офицеръ; теперь при посольствѣ, военнымъ агентомъ гдѣ-то служитъ, — въ Вѣнѣ или въ Парижѣ, не помню. Замѣчательно красивый и очень оригинальный господинъ.

— Уменъ?

— Да, онъ неглупъ, но... на весь міръ смотритъ, какъ-то негодуя, словно обидѣлъ его кто-нибудь.

Василиса встала и отправилась въ сосѣднюю гостиную. Бывшія пріятельницы возобновили знакомство и сѣли рядомъ.

M-me Остенъ была женщина очень маленькаго роста, съ продолговатымъ лицомъ, съ свѣжимъ цвѣтомъ кожи, съ черными, какъ смоль, волосами и темными, блестящими глазами. Ея рѣчь, ея движенія, все ея существо было проникнуто какимъ-то спокойствіемъ, какою-то нешумливостью, если можно такъ выразиться: и говорила она просто, и смѣялась тихо, и ходила легкой походкой, не задѣвая ничего на пути. Вся ея фигурка занимала какъ-то мало мѣста и привлекала своею

миловидностью. Она была нѣсколькими годами старше Василисы, но казалась моложе ея.

— Давно мы съ тобой не видались, сказала она, съ самаго Петербурга...

— Ты замужемъ?

— Да. Позволь представить тебѣ моего мужа. Constantin...

Блѣдный, высокій молодой человѣкъ, сидѣвшій поодаль, всталъ и подошелъ.

— Костя, другъ дѣтства моего Василиса Загорская желаетъ съ тобой познакомиться.

Остенъ молча поклонился.

Василису поразили идеальная красота его лица и угрюмое, безучастное его выраженіе, словно горе какое или скука неизлечимая застыли на днѣ его души. Онъ, даже приличія ради, не улыбнулся.

— Сядь къ намъ, Костя, попросила жена.

Онъ сѣлъ.

— Вы давно въ Ниццѣ? спросила Василиса.

Ее до того озадачивалъ его холодный видъ, что она не знала, о чемъ съ нимъ заговорить.

— Мы здѣсь не живемъ, сухо отвѣтилъ Остенъ.

— Мы живемъ въ Ментонѣ, подхватила жена, мой мужъ Ниццу не любитъ. Мы здѣсь только проѣздомъ.

— Говорятъ, въ Ментонѣ очень скучно, замѣтила Василиса.

— Вездѣ скучно, проговорилъ Остенъ угрюмо и замолчалъ.

Василиса не пыталась болѣе вступать съ нимъ въ разговоръ. Ей казалось, что на другой вопросъ онъ ей вовсе не отвѣтитъ.

— Мы ведемъ въ Ментонѣ очень уединенную жизнь, проговорила m-me Остенъ, никого не видимъ, много гуляемъ, рано ложимся спать...

Остенъ закашлялъ въ эту минуту, жена его заботливо обернулась.

— Ахъ, окно здѣсь открыто, а я и не видала. Ты простудишься, Костя, отойди подалѣе.

Онъ всталъ, не говоря ни слова, и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Мой мужъ немного грудью слабъ, объяснила М-ше Остенъ... Ну, какъ ты его находишь?

Василиса не успѣла выразить своего мнѣнія: — въ дверяхъ показался хозяинъ дома, въ сопровожденіи человѣка лѣтъ сорока, съ просѣдью, съ тонкими, словно вычеканенными чертами лица и съ той осанкой, которую французы называютъ le grand air. Оба подошли къ Загорской.

— Василиса Николаевна, сказалъ графъ Сухоруковъ, вашъ давнишній поклонникъ и усерднѣйшій обожатель, князь Кирила Федоровичъ Сокольскій желаетъ предстать передъ ваши ясныя очи...

При входѣ князя, легкій румянецъ покрылъ лицо Василисы. Она привѣтливо улыбнулась и протянула ему руку.

— Здравствуйте, князь, какъ я рада васъ видѣть.

Онъ низко поклонился, молча сжимая кончики ея пальцевъ.

Они сѣли. Графъ заговорилъ съ madame Остенъ. Князь смотрѣлъ на Василису; взоръ его долго покоился на ея лицѣ.

— Все такая же, проговорилъ онъ, — ни черточки не измѣнились, даже не похорошѣли, а только словно расцвѣли. А вѣдь цѣлыхъ три года мы не видались!

— Да, но вотъ и встрѣтились, наконецъ... Я рада этой встрѣчѣ, прибавила она.

— Рады?! Что же, и я радъ: доказательствомъ этому мое здѣсь присутствіе; а то, вѣдь, я, какъ медвѣдь, живу въ своей берлогѣ, никуда ни ногой. Какъ вы поживали эти три года, Василиса Николаевна? Что подѣлывали?

Улыбка сошла съ ея лица, словно тучка набѣжала на солнце.

— Я жила все время заграницей... Невеселые были эти годы.

— Невеселые! повторилъ князь,— да для кого же, вообще, жизнь бываетъ веселая? Идешь, идешь, все на что-то надѣешься, и придешь къ концу, не повстрѣчавъ ни на какомъ перепутьи того рѣдкаго гостя, что называютъ счастьемъ! Я

не о васъ говорю, вы счастья не ищете: такимъ непогрѣшимымъ оно и ненужно, гордость имъ замѣняетъ все.

Черные глаза князя, блестящіе и ясные, какъ два брильянта, смотрѣли на нее пытливо. Ей вдругъ представилась ея маленькая комнатка, столъ съ рабочей корзинкой, цвѣты на каминѣ, и посреди этой знакомой обстановки возникъ образъ Борисова, какимъ онъ впечатлѣлся въ ея душѣ, сильный и чистый, съ горячею вѣрою въ свое дѣло, съ строгой красотой мысли и воли на молодомъ лицѣ... Сердце у нея дрогнуло и такъ и рванулось къ нему. Я люблю его, и я права! мелькнуло у нея въ мысляхъ.

Князь смотрѣлъ на нее вопросительно.

— Вы говорите, что гордость все замѣняетъ? спросила Василиса.

Она чувствовала, что улыбка сознательнаго счастья, помимо ея воли, пробивалась на ея уста; она произнесла эти слова, чтобы что-нибудь сказать.

Князь понялъ ихъ по своему.

— Кто васъ разгадаетъ! проговорилъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ. Вы всегда были и остаетесь для меня непонятнымъ существомъ. Можетъ быть, гордость... а можетъ быть, просто сердца у васъ нѣтъ, и въ жилахъ, вмѣсто крови, течетъ розовая водица...

— Очень можетъ быть. Вотъ видите, какъ вы легко разрѣшили загадку!

— Сфинксъ! вздохнулъ князь; знаете, что не такъ, оттого такой скромной и прикидываетесь,—какъ божество, покоитесь въ своей силѣ. Меня одно утѣшаетъ: не удалось мнѣ заглянуть въ вашу душу, зато и никому другому не удастся: сфинксовъ до сихъ поръ никто не разгадывалъ.

— Потому что ихъ нѣтъ, сказала Василиса.

Ей вспомнился одинъ разговоръ съ Борисовымъ и безцеремонное его опредѣленіе миѳологическаго чудовища, перенесенное на почву современныхъ нравовъ. „Надъ людьми, не умѣющими разгадывать загадки, этотъ звѣрокъ — не звѣрь — дѣлается властелиномъ; но отгадай его загадку, скажи ему, кто онъ, дикій звѣрокъ обращается въ домашнее животное: вся суть въ красивой шерсткѣ“, такъ раз-

суждалъ Борисовъ. Что бы князь на это сказалъ? подумала Василиса.

— Нѣтъ сфинксовъ? продолжалъ князь. А вы сами что?

— Я? Да я самый простой и мирный человѣкъ, во всякомъ случаѣ, вовсе не загадочный.

Князь усмѣхнулся. Но ему не пришлось продолжать интересной бесѣды... М-me Остенъ обратилась вновь къ Василисѣ, разговоръ сдѣлался общимъ.

Къ нимъ присоединились Скромновъ и графъ Рѣпновъ. Графиня Вѣра также подошла и присѣла на пуфъ, сзади Василисы.

— Наконецъ, мнѣ удается съ вами побесѣдовать, сказала она. А я все поджидаю моего негоднаго cousin! Вообразите, зашелъ сегодня утромъ и объявилъ, что не будетъ, и какой, вы полагаете, выдумалъ предлогъ?... смѣшно сказать.

Графиня нагнулась и шепнула на ухо Василисѣ: Фрака нѣтъ, а!? Не дикій ли человѣкъ?...

Она махнула рукой.

— Да что, il en a fait bien d'autres! Теперь въ свѣтъ показываться не хочетъ, изображаетъ изъ себя нигилиста, а два года назадъ было совсѣмъ противное. Онъ былъ влюбленъ тогда или, лучше сказать, влюбилъ въ себя маленькую графиню Лидову, Nadine, помните? Бывало, по средамъ уже, навѣрное, видишь его въ ея ложѣ aux Italiens, сидитъ за ея кресломъ, такой хорошенькій, элегантный, съ бѣлой камеліей въ бутоньеркѣ. Что онъ тамъ ей проповѣдывалъ подъ звуки оркестра, богъ его знаетъ; только бѣдная Nadine чуть съ ума не сошла. Въ одно прекрасное утро она объявила мужу, что бракъ безъ страсти унизителенъ и деморализація, и что она рѣшилась отъ него уйти... Куда бы вы думали?.. въ рабочую артель варить похлебку для какихъ-то переплетчиковъ!

Графиня проговорила послѣднія слова съ разстановкой, чтобы дать имъ полный вѣсъ.

— Какъ вамъ это покажется! Но графъ Павелъ, молодецъ, долго не раздумывалъ, взялъ жену и увезъ ее заграницу. Сначала она страшно скучала, но потомъ попала въ Мюн-

хенъ и влюбилась въ музыку Вагнера,—это ее вылечило. Но что вы скажете про моего cousin? Вѣдь мальчишка, ему тогда двадцати лѣтъ не было, а какихъ было бѣдъ надѣлалъ. Вы его давно знаете?

— Нѣтъ, я съ нимъ только здѣсь познакомилась. Онъ живетъ въ томъ домѣ, гдѣ и я.

— Неужели? Онъ намъ этого не говорилъ. Ѳедя! позвала графиня своего мужа, вообрази, Serge живетъ въ одномъ домѣ съ Василисой Николаевной, а намъ про это ни слова. Каковъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?...

Графъ подсѣлъ къ Василисѣ.

— Правда ли, мнѣ говорили, что онъ проживаетъ здѣсь подъ чужимъ именемъ, Борисова или Иванова?...

— Да, онъ называется Борисовымъ, сказала Василиса.

— Зачѣмъ эта ненужная комедія? замѣтилъ съ неудовольствіемъ графъ. И такъ довольно компрометированъ.

— Сдѣлалъ глупость, всю жизнь свою испортилъ, проговорила графиня. А мальчикъ былъ умный, большія надежды подавалъ, очень жаль...

— Про кого вы говорите? спросилъ князь Кирила Федоровичъ.

Про одного доморощеннаго Лассаля, отвѣтилъ графъ, — ихъ теперь много развелось на Руси.

— Болѣзнь вѣка, замѣтилъ равнодушно князь. Была когда-то пора байронизма, потомъ вертеризма, носили длинные волосы, имѣли разочарованный видъ, теперь мода перемѣнилась, настала очередь соціализму, надѣваютъ красную рубаху и — новизны ради — идутъ въ народъ.

— Совершенно справедливо, князь, проговорилъ, улыбаясь, Скромновъ. Нынѣшняя молодежь сама не знаетъ, чего хочетъ. Причиной всему упадокъ образованія. Когда я встрѣчаю такого заблуднаго юношу, я не упускаю случая твердить: учитесь, молодой человѣкъ, учитесь!

— Что такое соціализмъ? съ оттѣнкомъ раздражительности продолжалъ князь. Собственно говоря, соціализмъ есть не что иное, какъ обратное дѣйствіе принципа индивидуализма, на которомъ все построено и до сей поры преблаго-

получно держалось. Возьмите исторію съ самаго начала, что вы видите? Борьбу сильнаго съ слабымъ: сильный беретъ верхъ, покоряетъ слабаго и, въ лицѣ императора, короля, феодальнаго барона и такъ далѣе, по всѣмъ градаціямъ, авторитетъ сильнаго становится закономъ. Отдѣльныя личности царятъ надъ массами, сосредоточиваютъ въ себѣ цѣль и причину историческихъ измѣненій. Теперь движеніе дѣлается въ обратномъ порядкѣ: принципъ индивидуализма исчезаетъ передъ стремленіемъ слить отдѣльныя силы въ общую совокупность. Я, вотъ видите ли, — ничего, идея человѣчества — все! Эту идею возвели чуть не на степень религіи. А въ сущности, все это тотъ же эгоизмъ, только въ измѣненномъ видѣ. Bonnet blanc, blanc bonnet, заключилъ князь.

Всѣ съ княземъ согласились. Одинъ графъ Рѣновъ ничего не сказалъ и только скептически улыбался. Онъ шелъ далѣе другихъ по пути отрицанья: для него подобные вопросы вовсе не существовали.

Василиса тоже молчала, она считала неумѣстнымъ вмѣшиваться въ разговоръ. Глаза у нея разгорѣлись, раза два губы шевельнулись для смѣлаго протеста; но ей удалось овладѣть этими порывами, — она понимала, что одного сочувствія къ дѣлу недостаточно, и, чтобы защищать успѣшно симпатичные ей принципы, въ кругу предубѣжденныхъ людей, требуется болѣе вѣскихъ и доказательныхъ аргументовъ, чѣмъ тѣ, которыми она владѣла.

Втеченіе вечера нѣсколько разъ подходили хозяинъ и хозяйка дома и знакомили ее съ разными лицами. Въ комнатахъ начинало дѣлаться тѣсно. Мужчины, въ началѣ вечера удобно располагавшіе свои жиденькія особы въ широкихъ креслахъ, сидѣли теперь торчкомъ на пуфахъ и тоненькихъ золоченыхъ стульчикахъ, или стояли вдоль стѣнъ и уныло глядѣли въ пространство.

Толпа, наполнявшая гостинныя графини Вѣры, была крайне разнообразна. Извѣстно, что русскіе заграницей не выказываютъ, въ выборѣ своихъ знакомствъ, той исключительности, которой они такъ строго придерживаются дома. Тутъ были французы, англичане, американцы; соотечествен-

ники были въ большинствѣ. Между ними представители извѣстныхъ именъ и, рядомъ съ ними, темныя личности, про которыхъ никто не зналъ, откуда они и кто они. Графиня Вѣра улучила минуту и шепнула Загорской: Вы, пожалуйста, не удивляйтесь этому разнообразію. У всѣхъ этихъ людей здѣсь виллы; они даютъ балы и праздники, на которые я ѣзжу. Je leur rends leur politesse.

Отрывки разговоровъ долетали до Василисы.

— Вы изъ какой части Россіи? освѣдомлялся вѣжливый французъ у одного юноши, въ шикозномъ парижскомъ фракѣ и съ проборомъ во весь затылокъ. Юноша, не задумываясь, отвѣчалъ добродушно и увѣренно: изъ Карпиловки. Французъ только приподнялъ брови и, боясь обнаружить свое невѣжество, не сталъ добиваться, что это за страна Карпиловка.

Въ сосѣдней группѣ толковали о государственныхъ дѣлахъ, о восточномъ вопросѣ, о недавно появившейся брошюрѣ „Наше положеніе". Господинъ въ черномъ парикѣ, съ выдающейся впередъ, по обезьяньи, нижней челюстью, увѣрялъ, что подобныя брошюры только разжигаютъ политическія страсти и тормозятъ ходъ либеральныхъ намѣреній правительства, а что всего важнѣе, въ концѣ концовъ, приводятъ къ тому лишь вѣрному результату, что русскія бумаги падаютъ нѣсколькими процентами на европейскомъ рынкѣ.

Загорская была очень окружена. Она являлась лицомъ новымъ: тѣ немногіе, которые ее знали, относились къ ней съ особеннымъ почитаніемъ, остальные находили ее красивой и привлекательной. Вокругъ нея образовался кружокъ; говорилось много пустого и вздорнаго, но то что говорилось дѣльнаго, было сказано для нея и обращалось къ ней. Даже женщины какъ будто заискивали ея вниманія. Это маленькое торжество было ей пріятно. Она слишкомъ полно жила всѣми нервами своего существа, чтобы не ощущать возбуждающаго вліянія, присущаго всякому успѣху.

Вечеръ кончился музыкой. За піанино сѣлъ тотъ широкоплечій, курчавый молодецъ, который такъ усердно ухаживалъ за виконтессой. Втеченіе вечера онъ былъ представленъ Василисѣ, и кто-то сказалъ ей про него: отличный

музыкантъ, но страшный кутила. Онъ этой репутацией не конфузился и, въ разговорѣ съ нею, самъ отрекомендовалъ себя *богемомъ*. Онъ спѣлъ звучнымъ баритономъ одинъ изъ глинковскихъ романсовъ. Въ гостиной все притихло, дружныя рукоплесканія раздались при концѣ, и обычныя bravos и c'est charmant полетѣли изъ устъ въ уста. Затѣмъ послѣдовала народная пѣсня, удалая и заунывная; передана она была мастерски, но ее слушали уже съ меньшимъ вниманіемъ; начался опять разговоръ, сначала вполголоса, потомъ громче. Господинъ за піанино не обращалъ вниманія на равнодушіе своихъ слушателей и, казалось, пѣлъ уже не для нихъ, а для самаго себя. Онъ перепробовалъ два, три мотива и перешелъ на какую-то тихую тему, полную гармоніи и задушевной грусти.

Василиса прислушалась и подошла къ фортепьяно.

— Что за чудная мелодія, сказала она. Что это такое?

— Вамъ нравится?

— Очень. Откуда это?

— Изъ Лоэнгрина, прощанье съ лебедемъ. Хотите послушать сначала? прибавилъ онъ, не подымая глазъ.

— Да, я буду очень рада.

Онъ спѣлъ всю арію вполголоса, но такъ искусно, что она не утратила ни малѣйшей красоты. Аккомпанементъ однообразно повторяющихся аккордовъ звучалъ, какъ будто вдали, сладкіе звуки пѣсни лились и переливались, то возрастая, то замирая, словно неровный полетъ птицы надъ гладкой поверхностью озера.

Когда онъ кончилъ, онъ молча взглянулъ на Василису. Съ его лица исчезло выраженіе пошлаго нахальства, дерзкая улыбка не кривила рта, глаза смотрѣли свѣтло и вдохновенно.

Василиса тоже ничего не сказала въ первую минуту, потомъ съ невольнымъ увлеченіемъ произнесла: Вотъ это музыка!

Онъ кивнулъ головой.

— Но, отчего же, продолжала она, вы пѣли вполголоса? Никто почти васъ не слышалъ.

— Да я и не желалъ, чтобы слышали. Развѣ это — онъ повелъ презрительно кругомъ глазами — для нихъ писано?

— Однако же искусство...

— Ничего они не понимаютъ... филистеры... А хотите, я сейчасъ заставлю всѣхъ обернуться, и посыпятся восхищенія?

— Какимъ же образомъ?

— А вотъ увидите.

Онъ ударилъ по клавишамъ и съ какимъ-то неистовствомъ заигралъ ritournelle изъ Fille de m-me Angot. Тотчасъ же всѣ головы повернулись въ его сторону. Онъ запѣлъ знаменитый вальсъ, раздались аплодисменты.

— Вотъ это для нихъ! промычалъ онъ сквозь зубы.

Одна барыня повторяла съ неподдѣльнымъ восторгомъ: Ахъ, какъ мило, какъ прелестно! Спойте намъ что-нибудь изъ Belle-Helène, вы такъ неподражаемо поете, совсѣмъ парижскій шикъ и акцентъ.

— Слышали? обратился онъ къ Василисѣ. Вотъ вамъ и искусство!

Восхищающейся барынѣ онъ ничего не отвѣтилъ, а, прищуря глаза и дерзко на нее уставившись, запѣлъ, кривляясь, звучнымъ голосомъ:

„Je suis celui qui vous adore“.

Василиса тихонько отошла отъ фортепіано. Она посидѣла немного съ m-me Остенъ, потомъ пожала ей руку, и въ половинѣ перваго незамѣтно ускользнула изъ гостинной. За ней послѣдовалъ князь Кирила Сокольскій.

— Можно явиться къ вамъ, Василиса Николаевна? спросилъ онъ, прощаясь съ нею.

— Я буду очень рада, князь, только я боюсь, вы меня дома не застанете, я очень часто гуляю съ моей маленькой дочерью.

— Я постараюсь застать, сказалъ князь.

VIII.

Когда Василиса очутилась въ каретѣ, она глубоко и свободно вздохнула. Всѣ впечатлѣнія послѣднихъ часовъ разомъ отъ нея отлетѣли, и она опять погрузилась въ міръ внутренней своей жизни, который на время уходитъ на второй планъ. Она вспомнила о завтрашнемъ днѣ и о той радостной минутѣ, когда она увидится съ Борисовымъ. Сердце билось сильнѣе при этой мысли — онъ становился съ каждымъ часомъ для нея болѣе близокъ и дорогъ! Она думала о будущемъ; длинный рядъ ясныхъ, тихихъ дней представлялся ей, что-то счастливое свѣтило впереди; оно мерцало въ неопредѣленной формѣ, и эта неопредѣленность успокаивала ее. Она не вдумывалась, не всматривалась, а только всей душой неслась навстрѣчу счастью, которое такъ внезапно озарило ея жизнь. Она почти вслухъ произнесла: Завтра я его увижу! и ни о чемъ уже болѣе не хотѣла думать. Она закуталась въ шубку, прижалась въ уголъ кареты и, счастливая, успокоенная, вся проникнутая тихой радостью любви, смотрѣла, сквозь опущенныя рѣсницы, на мелькающіе мимо фонари и дома.

Она переживала самый ясный моментъ счастья, который, какъ заря, длится одинъ мигъ и уже болѣе не возвращается.

Карета въѣхала въ садъ и остановилась у подъѣзда. Кто-то отворилъ дверцу; знакомый голосъ спросилъ:

— Въ цѣлости обрѣтаетесь?

— Это вы, Сергѣй Андреевичъ?

— Онъ самый.

— Неужели вы меня дожидались?

— А то какъ же? Запропастилась барыня, мы съ Марфой Ильинишной уже думали, что совсѣмъ сбѣжала.

Онъ высадилъ ее изъ кареты, отпустилъ кучера и взошелъ вмѣстѣ съ нею по лѣстницѣ. Наверху ожидала Марфа Ильинишна.

— Можно войти на минутку? спросилъ Борисовъ.

— Конечно. Какъ тутъ хорошо! воскликнула Василиса, входя въ уютную гостиную, гдѣ пахло розанами, и на столѣ горѣла лампа подъ абажуромъ.

— Не даромъ говоритъ пословица: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше! проговорила няня, снимая съ барыни шубку. Что, весело, матушка, было? Щечки-то у васъ какъ раскраснѣлись, чай, устали?

— Нѣтъ, жарко.

Она не могла говорить отъ внутренняго волненія. Ее влекло къ Борисову, ей хотѣлось подойти къ нему, протянуть ему обѣ руки. Не зная, какъ скрыть свое волненіе, она подошла къ зеркалу и стала поправлять волосы.

Няня, прибравъ шубку и перчатки, ушла.

Борисовъ стоялъ поодаль. Она чувствовала, что онъ на нее глядѣлъ, и сознавала надобность сказать что-нибудь, чтобы прервать натянутое, какъ ей казалось, молчаніе.

— Что вы устремили на меня такой критическій взоръ, Сергѣй Андреевичъ? спросила она, силясь придать своему лицу равнодушное выраженіе.

— Любуюсь вами, развѣ это запрещено? Какъ свѣтскій-то воздухъ на васъ дѣйствуетъ!

— А что?

— Другимъ человѣкомъ стали, узнать нельзя. Изъ застегнутой до подбородка пуританки въ какую пышную дочь міра сего превратились.

— Сергѣй Андреевичъ!...

— Развѣ неправда? поглядите сами.

Она взглянула въ зеркало, куда онъ указывалъ.

Огонь, горящій въ каминѣ, освѣщалъ снизу темносиніе глаза, тонкія брови, весь нѣжный очеркъ головы и плечъ, закутанныхъ въ черное кружево, и ту трепетную улыбку, которая выдавала такъ несмѣло сознаніе завѣтнаго, дорогого счастья.

Загорская закраснѣлась и отвернулась.

— Убѣдились? спросилъ Борисовъ. А теперь разскажите, что подѣлывали цѣлый вечеръ, съ кѣмъ и о чемъ бесѣдовали.

Онъ подвинулъ къ камину низкое кресло для нея, а самъ расположился, полусидя, полулежа, на коврѣ у ея ногъ.

— Ну-съ, разсказывайте, я слушаю.

— Разскажите вы мнѣ лучше, какъ вы графиню Nadine звали въ артель, рабочимъ похлебку варить.

— Уже успѣли вамъ наболтать? Языки-то какіе! Ничего подобнаго не бывало. Такъ, была бабенка пустенькая, нахваталась кое-чего изъ моихъ словъ, и давай туда же: Хочу, дескать, тоже женщиной быть, а не куклой, хочу дѣло себѣ найти... Извѣстно, избалованная барыня, которой все пріѣлось. А мнѣ и даромъ ее не надо было, — ни на какое дѣло не годилась.

— Вы были въ нее очень влюблены? спросила Василиса, и сама удивилась, какъ ее вдругъ что-то въ сердце кольнуло.

— А вы какъ объ этомъ думаете?

— Я думаю, что были.

— Влюбленъ, не влюбленъ, а такъ забавлялся, отъ нечего дѣлать. У нея были такіе невинные, вѣчно смѣющіеся глаза, — хотѣлось видѣть, каковы будутъ эти глаза, когда въ нихъ вспыхнетъ страсть.

— И ради этого... опыта вы не побоялись посягнуть на ея семейное счастье?

— Оберегать семейное счастье было ея дѣло, не мое; да оно и не пострадало. Мужъ увезъ ее заграницу лѣчить отъ гнусныхъ идей, и, по всей вѣроятности, успѣлъ въ этомъ.

Неужели онъ ко всѣмъ женщинамъ относится такъ легко? промелькнуло въ головѣ Василисы.

— Вамъ еще не хочется спать? спросилъ Борисовъ.

— Нѣтъ.

— Такъ можно посидѣть? Мы съ вами поболтаемъ, а когда вамъ захочется почивать, вы меня прогоните.

Онъ зажегъ папиросу и сталъ курить въ каминъ.

— Мнѣ сейчасъ пришло на память, помните, когда я въ первый разъ попалъ къ вамъ, какъ васъ покоробило, когда я спросилъ позволенія закурить?

Она засмѣялась.

— Помню.

— А вѣдь съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось?

— Да, многое, сказала Загорская и задумалась.

Борисовъ докурилъ папиросу, бросилъ ее въ огонь и повернулся къ Василисѣ.

— Вотъ вы сейчасъ сказали — многое, а ежели поразобрать хорошенько, такъ очень мало перемѣнилось, даже ничего. Вы теперь, пожалуй, не посмотрите такъ грозно, случись другому такому неотесанному революціонеру, какъ я, обойтись съ вами такъ безцеремонно, но въ душѣ вы почувствуете то же негодованіе, потому что вы, какъ тутъ ни верти, все та же свѣтская барыня и неисправимая аристократка.

— Я, аристократка? откуда же вы это взяли? Развѣ въ такой обстановкѣ живутъ свѣтскія барыни и аристократки?

— Вы ссылаетесь на низенькія комнаты и на то, что прислуга у васъ — одна нянюшка? Это ничего не значитъ: question d'argent, какъ говорятъ французы; обстановка не вашего выбора. Но вы, по своей натурѣ, эпикурейка; вы любите комфортъ, роскошь, утонченную роскошь... Вамъ мало, чтобы руки ваши были чисты, вамъ непремѣнно нужно, чтобы онѣ хорошо пахли, какъ цвѣтокъ какой, и во всемъ такъ.

— Упрекъ это?

— Нѣтъ. Всякій человѣкъ имѣетъ свои особенности. Вамъ это изящество, пожалуй, и къ лицу.

— Развѣ вы изящество не любите?

— Очень люблю; но я хочу, чтобы это было наслажденіе, доступное для всѣхъ, а покуда просторныя хоромы, батистовыя рубашки, тонкія вина и жирные обѣды будутъ достояніемъ только привиллегированнаго, ничтожнаго меньшинства, они для меня противны. Впрочемъ, не заключайте, что я совсѣмъ вандалъ, продолжалъ Борисовъ. Мнѣ вотъ очень пріятно, въ настоящую минуту, касаться бархатнаго платья,

мять этотъ кружевной платокъ, видѣть кончикъ ножки, обутой въ атласную ботинку. Какой бы я ни былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, иконокластъ, я сознаю, что все это гораздо красивѣе и привлекательнѣе дерюги.

— Выходитъ, что не я, а вы эпикуреецъ! засмѣялась Василиса.

Она отколола отъ пояса розу и бросила ее Борисову.

— Вы не были на вечерѣ, а вашъ розанъ былъ. Возьмите его.

Борисовъ поймалъ на лету цвѣтокъ, подышалъ его запахомъ и началъ осторожно отгибать лепестки.

— Что вы дѣлаете? спросила Василиса.

— Вы видите, искусственнымъ образомъ распускаю розу.

— То есть насильственнымъ?

Онъ засмѣялся.

— Хорошая вы моя! Когда розанъ самъ собой не развертывается, надо же помочь природѣ.

— Но розану больно.

— Неправда, не больно! А ежели и больно, зачѣмъ же онъ такой красивый, и зачѣмъ онъ такъ крѣпко свернулся, что съ нимъ ничего не подѣлаешь?

Онъ бросилъ цвѣтокъ и придвинулся къ Василисѣ.

— Такъ больно? сказалъ онъ, глядя ей ласково въ глаза. Это ничего, это боль здоровая, отъ нея крѣпнешь и ростешь. Въ васъ цѣлый міръ нетронутый лежалъ, онъ пропадалъ даромъ,—я дерзнулъ расшевелить дремлющія силы... Самъ не знаю, что меня толкало, но я шелъ впередъ, прорубалъ дорогу, давалъ доступъ свѣту и воздуху... Теперь будетъ ваша забота, чтобы расчищенныя дорожки не заглохли и не заросли бы снова мхомъ.

Никогда еще, казалось Василисѣ, эти глаза не смотрѣли на нее такъ мягко, съ такимъ добрымъ, дружескимъ выраженіемъ. Ей было очень хорошо на душѣ.

— Сидите смирно, не шевелитесь, продолжалъ Борисовъ. Я снимаю теперь мысленно для себя вашъ портретъ. Когда я буду въ Лондонѣ и погружусь по уши въ свою работу, невсегда веселую, я буду иной разъ отпирать

завѣтный тайничекъ своей души и смотрѣть на ликъ пречистой Мадонны.

— Но вѣдь вы еще нескоро будете въ Лондонѣ, замѣтила какъ бы вскользь Василиса.

Онъ посмотрѣлъ на нее пристально, словно раздумывалъ что-то.

— Нѣтъ, скоро, сказалъ онъ, наконецъ, очень скоро. По настоящему, слѣдовало бы уже давно бѣжать безъ оглядки... а я не рѣшаюсь!... Лежу вотъ тутъ и упиваюсь понемногу ядомъ. Вы думаете, это можетъ долго такъ продолжаться?

Василиса чувствовала, что онъ болѣе не шутилъ; ей самой было не до смѣху, она поблѣднѣла.

— Не уѣзжайте, проговорила она тихо.

— Отъ васъ зависитъ. Все въ руцѣхъ вашихъ! Вы это знаете.

— Да, но мы не будемъ объ этомъ говорить, произнесла она торопливо.

— Какъ хотите, и въ этомъ вы властелинъ. До поры, до времени у меня своей воли нѣтъ, — весь тутъ, вяжите.

— Вотъ какой я смирненькій сталъ! продолжалъ онъ, смѣясь. Изъ хищнаго волка въ агнца какого превратился. Сижу, укрощенный, у вашихъ ногъ, смотрю на васъ, какъ голодный смотритъ на пищу, кончикомъ пальца не прикасаюсь къ вамъ. Что значитъ—забрать себя въ руки! Но вѣдь это смѣха достойно. Разскажи кто-нибудь такую штуку: изъ тысячи людей, ей Богу, двое не повѣрятъ. Да вы сами въ правѣ считать меня за дурака.

— Не говорите такіе ужасы, сказала Василиса и ударила его тихонько вѣеромъ по губамъ. Ваша кузина увѣряла меня сегодня, что въ васъ скрывается „un don Juan manqué." Я начинаю думать, что она права, и что въ васъ, точно, кроется свѣтскій mauvais sujet, только особаго пошиба... Lauzun какой-нибудь или Morny. Это вѣдь также были очень сложныя натуры.

— А я, по вашему, сложная натура?

— Еще бы. Васъ не сразу разберешь. Въ васъ бездна противорѣчій: и простота, и проницательность, и мягкость характера, и страшная сила воли... Мнѣ иной разъ ужасно

хотѣлось бы знать, что вы сами о себѣ думаете, что вы, вообще, въ извѣстныя минуты думаете и чувствуете?..

— Вотъ вамъ и загадка, поработайте-ка надъ ней.

— Я не хочу работать, я хочу, чтобы вы мнѣ сказали.

— Хотите!... Но вѣдь это штука дорогая, Василиса Николаевна, даромъ не дается. Что вы за нее заплатите?

— Я уже дала вамъ свое довѣріе, свою дружбу.

— Этого мало, цѣна неподходящая. Вы хотите, чтобы я отворилъ для васъ самые завѣтные уголочки своей души, ввелъ бы васъ, какъ говорится, въ святую святыхъ... А вы знаете, для какой только женщины это дѣлаютъ?.. знаете?

Онъ понизилъ голосъ и произнесъ тихо: Для любимой. Ей одной отдаются вполнѣ, а друга пускаютъ только въ гостинную...

— Полноте... произнесла тихо Василиса.

Чтобы скрыть свое смущеніе, она стала играть концомъ кружева, что спускалось у нея съ плечъ, и шутя обернула имъ голову Борисова.

Борисовъ схватилъ ея руку. Онъ ни слова не произнесъ, только смотрѣлъ на нее потемнѣвшими глазами и нервно покусывалъ губы.

Ей становилось жутко; она отвернула голову.

— Нѣтъ, смотрите на меня, смотрите! проговорилъ онъ раздраженнымъ голосомъ. Ужъ пьянѣть, такъ пьянѣть до конца... Глаза-то у васъ какіе... насквозь человѣка такъ и жгутъ!... Кажется, ясные, свѣтлые, а посмотришь въ нихъ, ни до чего не доберешься. Что вы за женщина такая!?

Онъ стиснулъ ея руку. Загорская слабо вскрикнула.

— Что, больно? А вы думаете, мнѣ не больно, вы думаете, мнѣ легко? Не только сжать вашу руку, я сломать, задушить васъ готовъ...

— Душите, сказала она и смѣло глянула ему въ глаза.

— Вы это только такъ говорите, вѣдь закричите?

— Нѣтъ.

У нея духъ захватывало. Онъ приподнялся и крѣпко обнялъ ее.

Она не шевелилась и только чуть внятно произнесла:

— Нельзя...

— Отчего же нельзя? Гдѣ преграда? Кто ее поставилъ?...

Василиса чувствовала, какъ онъ охватывалъ ее тѣснѣе... — Горячіе уста касались ея губъ; она откинулась назадъ.

— Одинъ поцѣлуй!... единый... и никогда болѣе... шепталъ Борисовъ прерывающимся голосомъ. Чего вы боитесь?...

Она собрала остатокъ энергіи и еще разъ, слабо, оттолкнула его.

Онъ опустилъ руки. Нѣсколько мгновеній онъ смотрѣлъ на нее молча, точно хотѣлъ проникнуть до глубины ея души. Потомъ, проговоривъ равнодушно: Не хотите, такъ ненадо! отвернулся и положилъ голову къ ней на колѣни.

Прошло нѣсколько минутъ. Онъ лежалъ, не шевелясь; мертвое молчаніе царило въ комнатѣ. Вдругъ Василисѣ показалось, что она не слышитъ болѣе его дыханія. Ей стало страшно: она протянула руку и дотронулась до его плеча.

— Сергѣй Андреевичъ!... Сергѣй Андреевичъ, что съ вами?...

Онъ поднялъ голову.

— Ничего.

Онъ былъ блѣденъ; черные круги окаймляли глаза.

— А вы уже струсили! вообразили, что умеръ? Нѣтъ, такъ скоро не умираютъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ зеркалу, вынулъ изъ кармана гребень и причесалъ волосы. Потомъ обернулся къ ней.

— Вотъ что, Василиса Николаевна, проговорилъ онъ спокойнымъ голосомъ. Я обдумалъ и рѣшился: я завтра ѣду.

Она почувствовала, какъ у нея вдругъ сердце замерло.

— Вы завтра хотите ѣхать? произнесла она, совсѣмъ... уѣхать?...

— Да, совсѣмъ.

Она встала и подошла къ нему.

— Сергѣй Андреевичъ... какъ же это?... Вы не можете этого сдѣлать... Я... я, мнѣ кажется... умру...

— Я долженъ это сдѣлать, и вы не умрете; напротивъ, жить будете. Настоящее положеніе невыносимо; тутъ, чортъ знаетъ, до чего дойдешь, всякое самоуваженіе потеряешь.

Василиса въ слезахъ упала на кресло, около котораго

она стояла. Борисовъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Вотъ она нравственность!... Принципы!... до какого безобразія доводятъ! произнесъ онъ, останавливаясь передъ нею. Завидные результаты!...

— Боже мой... да что же дѣлать!

— Что дѣлать? Я уже вамъ сказывалъ: ѣхать надо: а чего не надо было дѣлать, такъ это — доводить до этого. Я не буду васъ обвинять; я не думаю, что вы намѣренно кокетничали, играли со мной, какъ кошка съ мышью; но вы увлекались и меня увлекли, и теперь приходится платиться

Василиса не могла возражать ему. Ей казалось, что его устами говорила ея совѣсть и произносила судъ надъ ея неправдами.

— Мы, реалисты,—безнравственные люди, иначе понимаемъ честность женщины, продолжалъ Борисовъ. По нашему, предавайся она, или не предавайся своимъ страстямъ, это не составляетъ для нея ни особаго безчестія, ни добродѣтели; но разъ она полюбила и допустила, чтобы ее полюбили, будь пряма, иди до конца. Вотъ мы чего вправѣ отъ нея требовать, какъ отъ мыслящаго существа! А не хочетъ она, или не можетъ, такъ съумѣй скрыть свое увлеченіе такъ, чтобы никто и не догадался, — чтобы стѣны про это не знали!

— Вы правы! произнесла Василиса. Она опустила голову въ руки, слезы капали между ея судорожно сжатыми пальцами.

Борисовъ не переносилъ женскихъ слезъ, притомъ онъ чувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Ему стало ее жаль, онъ сѣлъ на табуретъ возлѣ нея.

— Голубчикъ мой, послушайте: вы плачете теперь, какъ дитя, у котораго отнимаютъ любимую игрушку. Будьте молодцомъ! взгляните на вещи прямо, реально... При такихъ условіяхъ, мнѣ нельзя около васъ оставаться, вѣдь нельзя?

— Что же измѣнилось со вчерашняго дня? спросила она.

— Въ томъ и дѣло, что вчерашній день былъ ошибкою съ моей стороны. Мнѣ не слѣдовало поддаваться вашимъ иллюзіямъ, брать на себя невозможную роль. Я долженъ былъ видѣть далѣе и вѣрнѣе васъ.

— Почему же роль друга невозможна?

— А потому, что вы молодая, красивая, чрезвычайно привлекательная женщина! Въ вашей красѣ есть какая-то адская сила, она жжетъ, какъ огонь... Каждое движеніе, каждый вашъ взглядъ, помимо всякаго съ вашей стороны намѣренія, возбуждаютъ страсть.... Вы можете замучить человѣка, съ ума его свести! Я не считаю себя въ правѣ тратить на такую борьбу свои силы. Вотъ отчего я ѣду. Вдали это впечатлѣніе, по всей вѣроятности, утратитъ свою силу, и я опять буду видѣть въ васъ умнаго, добраго друга; но теперь я неспособенъ на дружбу съ вами... И надо же было мнѣ васъ встрѣтить! продолжалъ онъ: прожилъ бы я свой вѣкъ, не горюя, а теперь — ломай себя, желай несбыточнаго счастья!... Не родились бы вы никогда!

Голосъ у него оборвался. Онъ припалъ къ ея колѣнямъ, въ нѣмой, страстной тоскѣ.

Василиса обняла его голову. Въ это мгновеніе для нея исчезли всѣ мелкія приличія и условное чувство сдержанности.

— Нельзя ѣхать, дорогой мой! милый! говорила она, цѣлуя его мягкіе, густые волосы.

— Надо, надо, проговорилъ Борисовъ. Не разстанемся теперь, хуже будетъ. Любовь должна давать людямъ энергію, а не обезсиливать ихъ. Такъ вѣдь, моя радость? Мы съ вами не разъ уже объ этомъ разсуждали. Посмотрите, какъ всякая ненормальность отношеній влечетъ за собою уродливыя явленія. Разсудите безпристрастно: развѣ наше настоящее положеніе не есть самое страшное насилованіе природы, совершаемое во имя какихъ-то непонятныхъ принциповъ? Моя голова лежитъ у васъ на груди, губы мои касаются нѣжной, бѣлой кожи, и я долженъ оставаться равнодушнымъ, ничего не чувствовать, ничего не желать! Я и лежу, смиренъ, какъ дитя, но это — пытка, которая нравственно и физически уродуетъ человѣка.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Борисовъ приникъ губами къ рукѣ Василисы, онъ ничего не сказалъ, но она чувствовала, что онъ собирался уйти и прощался съ ней. Ледяной холодъ пробѣжалъ по ея тѣлу.

— Неужели это былъ нашъ послѣдній вечеръ! сказала она.

— Отчего же послѣдній? гора съ горой не сходится, мы какъ-нибудь встрѣтимся и будемъ бесѣдовать по прежнему.

Онъ всталъ, Василиса тоже поднялась.

— Нянюшка спитъ, я вамъ посвѣчу, сказала она.

Она взяла лампу и пошла передъ нимъ. Кружево скатилось съ плечъ; коса распустилась, тяжелыя, золотыя ея волны падали по черному бархату платья; лицо было печально, щеки блѣдны, — слѣды слезъ блистали на мокрыхъ рѣсницахъ.

Они дошли до двери, Борисовъ остановился:

— Прощайте, сказалъ онъ отрывисто... Всякому самообладанію есть граница... Никогда вы еще не были такъ раздражительно прекрасны! Тутъ всякая душевная любовь пропадетъ...

Онъ поцѣловалъ ея руку и, не оглядываясь, пошелъ внизъ.

Василиса вернулась въ гостиную и упала на колѣни у кресла, на томъ мѣстѣ, гдѣ Борисовъ лежалъ у ея ногъ. Думы и слезы хлынули изъ ея души, какъ изъ глубокаго родника. Вся ея жизнь прошла передъ нею. Она вспомнила себя ребенкомъ, своенравнымъ, причудливымъ, то веселымъ до шалости, то молчаливымъ и не по лѣтамъ сдержаннымъ; всѣ ощущенія, волновавшія ея дѣтское сердце, живо представились ей: непокорная ненависть къ тупымъ пріемамъ, которыми руководствовались при ея воспитаніи, безотчетная грусть, глухіе періоды равнодушія и внезапные, страстные порывы нѣжности къ окружающимъ ее нянькамъ и воспитательницамъ. Она начала рано думать о Богѣ и праведной жизни, о чемъ-то великомъ, о жертвѣ или подвигѣ, которые она мечтала совершить. Вспомнилось, какъ, стоя на балконѣ, вечеромъ, ей въ первый разъ пришла мысль о вѣчности. Ей показалось, что она падаетъ съ балкона и летитъ въ пространство, все дальше и дальше, и нѣтъ конца той безднѣ, въ которую она опускается. Вотъ вѣчность! подумала она, и ея маленькое сердце забилось мучительно. Воспитательница ея была сухая, педантная,

ученая англичанка, она знала отлично свое дѣло и вела его съ систематичностью педагога и безпощадною жестокостью инквизитора. Главною ея задачею было сломить въ непокорной дѣвочкѣ своенравную, не терпящую ига волю. Надъ этимъ сильно и много работалось. Работалось также надъ укрощеніемъ той страстной, почти болѣзненной потребности счастья, которая съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ ней проявлялась. „Васъ увлекаетъ ваше воображеніе, говорили ей: счастье не есть цѣль жизни; исполненіе своего долга, пріобрѣтеніе знанія, усовершенствованіе нравственнаго человѣка, вотъ высокія цѣли, къ которымъ слѣдуетъ стремиться". Такія назидательныя рѣчи были выслушиваемы ею тысячу разъ, и всегда оставались мертвой буквою. Гораздо поразительнѣе подѣйствовалъ на нее любимый афоризмъ ея воспитательницы: „Пожелайте чего-нибудь очень сильно, — часто твердила эта скептическая особа, рано проученная какимъ-нибудь горькимъ опытомъ жизни, и вы можете быть напередъ увѣрены, что желанье ваше не осуществится, или осуществится такъ, что не доставитъ вамъ радости, которой вы ожидали. Самый вѣрный способъ не быть разочарованнымъ — никогда ничего не желать." Парадоксъ этотъ въ одинъ прекрасный день почему-то врѣзался ей въ душу; она сдѣлала страшное усиліе надъ своей природой, и весь пылъ, вся молодая свѣжесть порывовъ стали мало-по-малу исчезать. Она утратила то, что невозвратимо: самобытность характера и цѣльность воли. Въ ней что-то надломилось, какая-то невидимая тонкая пружина лопнула, и весь процессъ развитія пошелъ по ложному направленію. Ее стали мучить сомнѣнія, внутренній анализъ, разрѣшенія сложныхъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Не находившія приложенія силы бродили безцѣльно въ ея душѣ, томили ее и, наконецъ, разрѣшались припадками меланхоліи и міросозерцанія самаго безотраднаго. Прочтя нѣсколько романовъ Диккенса, она начала думать о такъ называемомъ вопросѣ пауперизма. Нищета неотразимая, безнадежная, въ извѣстномъ смыслѣ, роковая, выпадающая на долю, изъ поколѣнія въ поколѣніе, большинства человѣчества, показалась ей чѣмъ-то невыразимо жестокимъ и ужаснымъ. Милліоны людей живутъ въ

трудѣ, умираютъ медленно съ голода, до гробовой доски не знаютъ отдыха, и нѣтъ для нихъ помощи: всякая попытка помочь, въ сравненіи съ неизмѣримой громадой бѣдъ, остается незначительною, какъ капля въ морѣ!... Она долго носилась съ этимъ вопросомъ, мучительно добивалась его разрѣшенія и, наконецъ, пришла къ заключенію, что онъ неразрѣшимъ. Ее тревожила также мысль о смерти: ея живучая натура не могла помириться съ этимъ основнымъ закономъ жизни. Зачѣмъ жить, думала она, если и каждому человѣку, какъ бы онъ ни былъ великъ, полезенъ и счастливъ, суждено умереть! Не есть ли любовь къ жизни обманъ природы? самое желаніе счастья не есть ли такой же обманъ? Всякое счастье, какъ и человѣкъ, подвержено закону смерти, оно должно непремѣнно, неизбѣжно когда-нибудь прекратиться, и тогда, не все ли равно, существовало ли оно когда-нибудь, или нѣтъ?

Послѣ продолжительныхъ дней хандры и мрачнаго настроенія, въ ней пробуждались порывы совсѣмъ иного характера: ее тянуло въ самый водоворотъ жизни, ей хотѣлось что-нибудь сдѣлать, достигнуть чего-то: она съ рвеніемъ принималась за свои несложныя занятія.

Когда Василису представили въ свѣтъ, свѣтъ остался ей доволенъ. Она была дѣвица благовоспитанная, благонравная, умѣла себя держать, умѣла говорить, — нашли, что она умна и привлекательна. Сначала она выѣзжала нехотя, потомъ полюбила свѣтъ, потому что внѣшній его блескъ удовлетворялъ нѣкоторымъ, не самымъ возвышеннымъ, сторонамъ ея природы. Скоро явились на сцену поклонники: она не полюбила никого, но ея самолюбіе было польщено. Въ концѣ второй зимы она вышла замужъ. Если бы она нашла въ своемъ мужѣ человѣка обыкновеннаго, то есть неглупаго и честнаго, въ предѣлахъ посредственности, она, быть можетъ, сжилась бы съ нимъ и со временемъ сдѣлалась бы отличной матерью семейства или блестящей свѣтской женщиной. Но Загорскій стоялъ ниже этого уровня, онъ положительно и рѣзко противорѣчилъ ея идеаламъ. Въ немъ была та холодность и та пошлость, которыя происходятъ отъ полнаго отсутствія духовной жизни. Онъ былъ

весь — пустословіе, внутренняго человѣка въ немъ никакого не было. Онъ только послѣ свадьбы постигъ, какую взялъ себѣ жену, и съ той же минуты отнесся къ ней враждебно. Она презирала и ненавидѣла его. Чтобы заглушить какъ-нибудь чувство горя, она много выѣзжала, но держала себя строго: за ней ухаживали, никто не дерзалъ волочиться. Черезъ три года она разсталась съ мужемъ. То были тяжелые дни, воспоминаніе о которыхъ, даже теперь, тревожило ее. И вотъ она одна. Мужъ, свѣтъ, опредѣленное положеніе въ этомъ свѣтѣ, исчезли вмѣстѣ. Она за границей, съ маленькой дочерью, она вырвалась изъ ненавистной среды, она свободна; но жизнь лежитъ передъ нею, какъ пустынная дорога среди голыхъ полей: все кругомъ однообразно, тихо и плоско. Сонливая скука пала ей на душу. Фантазія не рисовала ей никакихъ картинъ, все дремало, какъ будто глохло въ ней. Въ это время она встрѣтила Борисова. Сначала ее поразили въ немъ простота и сила рѣчи, та цѣльность воли и пылкость въ убѣжденіяхъ, которыя дѣлали изъ Борисова человѣка, противоположнаго ей самой. Положительность его возбуждала въ ней довѣріе и внушала чувство нравственной опоры: его реализмъ былъ, какъ твердая почва, на которую она ступала послѣ шаткой трясины безплоднаго внутренняго анализа, въ которомъ вязла съ тѣхъ поръ, что себя помнила. Она не привыкла, да и не умѣла высказываться; съ раннихъ лѣтъ была взята привычка мыслить и думать одной, не впускать никого въ свой маленькій мірокъ. Борисовъ вытащилъ ее, какъ бы силой, изъ узкой нравственной кельи. Онъ касался смѣлою рукою всѣхъ струнъ ея души, овладѣлъ мало-по-малу ея внутреннимъ міромъ, сдѣлался господиномъ и судьей ея нравственной жизни. Онъ этого не искалъ, — оно далось ему само собой, словно онъ держалъ въ своей рукѣ волшебный ключъ, про который говорится въ сказкахъ, отпирающій безъ усилія, однимъ своимъ прикосновеніемъ, самые сложные замки. Его талисманами были правда и естественность. Василиса увлеклась ими, какъ обыкновенно увлекаются блескомъ и наружной красотой. Она стала глубоко и безусловно его уважать. Она въ него вѣрила, и эта вѣра живымъ огнемъ раз-

лилась по ея душѣ. Она была счастлива. Короткія мгновенія этого счастья, идеально чистаго и прекраснаго, промелькнули, какъ молнія. Она открыла глаза и увидала, что идетъ по самой битой дорогѣ. Страсть легла поперекъ ея пути. Она чувствовала, что омутъ беретъ ее,—уже взялъ, крутитъ и вертитъ, и тянетъ книзу.

— Нѣтъ, думала Василиса, видно, не суждено человѣку дѣлиться ни съ кѣмъ своею душевною жизнью, призывать къ себѣ на помощь чужую силу. Вотъ какой цѣной платишься! Иди всякій своей дорогой одинъ и перерабатывай молча въ себѣ свои сомнѣнія. Дойдешь до чего-нибудь,—хорошо, не дойдешь,—знать, такъ суждено было. На чужую душу не уповай!

Въ эту горькую для нея минуту разлуки и расторженія всѣхъ иллюзій она не могла отрѣшиться вполнѣ отъ условленныхъ формъ морали. Онѣ всосались ей въ плоть и въ кровь. Съ дѣтства усвоенныя понятія о нравственности и добродѣтели были сильнѣе всѣхъ стремленій и логичныхъ доводовъ. Онѣ отдѣляли ее отъ любимаго ею человѣка, не только матеріально, но и нравственно: цѣлая бездна лежала между нимъ и ею, и въ этомъ она была послѣдовательна.

На другой день, рано утромъ, няня постучалась къ ней въ дверь.

— Изволите знать, матушка, Сергѣй Андреевичъ сегодня уѣзжаютъ, объявила она тревожнымъ голосомъ.

— Знаю, отвѣтила тихо Василиса и начала одѣваться.

Марфа Ильинишна посмотрѣла на ея блѣдное лицо, покачала головой и ничего не сказала. Она пошла внизъ укладывать вещи Борисова и, вѣроятно, порядкомъ тамъ всплакнула, потому что вернулась съ опухшимъ носомъ и красными глазами.

Борисовъ ѣхалъ съ утреннимъ поѣздомъ.

Василиса сидѣла съ дочерью за чайнымъ столомъ, когда Борисовъ, совсѣмъ готовый, въ дорожномъ платьѣ, пришелъ съ ней проститься. Онъ держалъ въ рукахъ небольшой свертокъ.

— Вотъ, Василиса Николаевна, я хотѣлъ васъ попросить: тутъ книги и нѣсколько нужныхъ бумагъ. Я не же-

лалъ бы поручить ихъ хозяину дома. За ними прійдетъ одинъ человѣкъ,—будьте такъ добры, прикажите вашей нянѣ передать ему этотъ пакетъ.

Борисовъ сѣлъ около Наташи.

— Ну-съ, барышня, прощайте. Растите и цвѣтите, а мы съ вами, богъ дастъ, когда-нибудь увидимся.

Онъ взглянулъ на Василису; она сидѣла, не подымая глазъ.

Прошло четверть часа томительной напряженности, которая предшествуетъ всякому отъѣзду. Чѣмъ ближе стоятъ другъ къ другу люди, которые разстаются, тѣмъ эти минуты кажутся скучнѣе и безсодержательнѣе; — настоящая разлука уже совершена.

— Вотъ мой адресъ въ Лондонѣ, сказалъ Борисовъ, подавая ей карточку. Но первое письмо адресуйте poste restante. Какъ пріѣду, пойду за нимъ, а покуда, ѣхавъ, буду знать, что вы мнѣ пишете.

Стукъ колесъ раздался въ саду. Онъ взглянулъ въ окно.

— Извощикъ пріѣхалъ, пора.

Василиса встала.

— Прощайте, Сергѣй Андреевичъ. Я молю Бога, чтобы онъ послалъ вамъ всего хорошаго и счастливаго.

Онъ поцѣловалъ ея руку и такъ крѣпко и настойчиво сжималъ ее, что заставилъ Василису поднять голову и взглянуть ему въ лицо. Выраженіе его глазъ противорѣчило равнодушному спокойствію его голоса и улыбки. Въ нихъ было темно и очень невесело.

— Правъ я, что ѣду? проговорилъ онъ вполголоса. Вымолвите словечко.

— Правы, отвѣчала она.

Слезы ее душили, она не могла говорить.

— Все можетъ случиться, продолжалъ Борисовъ. Ежели вы, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, перемѣните свой настоящій образъ мыслей, и вамъ понадобится какая-бы ни была опора, напишите слово, — я съ конца свѣта пріѣду къ вамъ.

Вошла Марфа Ильинишна и доложила, что кучеръ торопитъ.

Борисовъ простился съ Василисой, поцѣловалъ Наташу и, въ сопровожденіи няни, сошелъ съ лѣстницы.

Кучеръ, взваливъ на козлы чемоданъ, проговорилъ: Nous n'avons que le temps, monsieur! и щелкнулъ кнутомъ. Марфа Ильинишна бросилась обнимать и крестить Борисова, карета тронулась и исчезла за воротами.

— Уѣхалъ, сказала Марфа Ильинишна, входя въ гостиную.

Она утирала глаза свернутымъ въ клубочекъ носовымъ платкомъ и промолвила: Сердечный! лица на немъ не было: чай и ему, нелегко. Дай ему, господи, добраго пути!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Съ отъѣздомъ Борисова, все въ домѣ пріуныло. Марфа Ильинишна ходила весь день съ заплаканными глазами, Наташа скучала; Василиса бродила по комнатамъ, не находя себѣ занятія. За обѣдомъ, подавая блюдо, няня вздохнула и примолвила жалобно: „Гдѣ-то онъ теперь, нашъ голубчикъ!“ У Василисы только брови дрогнули, какъ отъ нестерпимой внутренней боли; она ничего не отвѣтила.

Вечеромъ, когда Наташу уложили въ постель, Марфа Ильинишна постояла передъ Василисой, повздыхала, пыталась заговорить о томъ и о другомъ, но бесѣда не клеилась; она пожелала своей госпожѣ доброй ночи и ушла спать. Василиса сѣла за письменный столъ.

Въ комнатѣ и въ домѣ все было тихо, словно вымерло. Маятникъ часовъ ходилъ взадъ и впередъ и слабо постукивалъ подъ стеклянымъ колпакомъ; лампа горѣла подъ абажуромъ; въ вазахъ распускались розаны, принесенные наканунѣ Борисовымъ.

„Еще не успѣли завянуть“... подумала Василиса. Стрѣлка показывала половину девятаго—часъ, въ которомъ приходилъ обыкновенно Борисовъ. Тогда тихій уголокъ ея оживлялся; стѣны комнаты точно расширялись: онъ вносилъ съ собою лучъ радости и свѣта; отъ его рѣчей вѣяло жизнью, и эта жизнь горячей струей вливалась ей въ грудь. Она выходила изъ рамки своего субъективнаго міросозерцанія и, хотя искусственно, хотя на одинъ мигъ, вдохновлялась новой силой, переставала быть въ собственныхъ глазахъ центромъ крошечнаго, изолированнаго микрокосма и начинала сознавать въ себѣ частицу чего-то общаго и цѣльнаго. Слово

„человѣчество“ переставало для нея быть абстрактнымъ понятіемъ: оно переходило въ дѣйствительность. Потокъ стремленій и борьбы живого общественнаго организма дѣлался ей понятенъ. Онъ не проходилъ мимо нея, какъ ей казалось это прежде, гдѣ-то вдалекѣ, за тридевять земель, а непосредственно касался ея самой, заставлялъ ее чувствовать свою солидарность съ остальнымъ міромъ; отдѣльный индивидуальный мірокъ сходилъ съ перваго плана и принималъ свои настоящіе размѣры. Какъ богато жилось ей въ такія минуты! Вѣра въ будущее счастье человѣчества и сознаніе личнаго счастья сливались въ одну лучезарную картину... А теперь!... все пропало... картина поблекла, яркія краски стушевались... Опять пустота, опять одиночество.

— Господи!... воскликнула Василиса.

До той минуты она крѣпилась, сознавая необходимость отъѣзда Борисова. День прошелъ въ томительной внутренней борьбѣ; но теперь, когда первая, острая боль разлуки миновала, и она стала лицомъ къ лицу съ пустотою, которую отсутствіе Борисова дѣлало вокругъ нея, — въ ней совершился переломъ. Всѣми своими нервами, каждою каплею крови она кляла этотъ отъѣздъ и возмущалась противъ него. Она уже не сдерживалась, плакала, рыдала и вся отдавалась своему горю. Въ пароксизмахъ страстнаго отчаянія, которые трясли ее съ головы до ногъ, какъ въ лихорадкѣ, она находила какое-то мучительное удовлетвореніе. Казалось, этими слезами она покупала право любить Борисова. Послѣднія, тонкія покрывала безсознательнаго чувства пали, и одна страсть стояла передъ ней, заслоняя собою остальной горизонтъ нравственнаго міра.

Василиса взяла перо и, не отрываясь, утирая только отъ времени до времени быстро набѣгавшія слезы, стала писать. Страница за страницею покрывались мелкимъ, тонкимъ почеркомъ. Это былъ отчаянный воззывъ къ Борисову. Она молила его воротиться; отдавала въ его руки себя и свою судьбу. „Вы, неподкупный, вы, чистый и праведный, писала она, рѣшайте за меня! Вашему взгляду все доступно: вы лучше меня знаете мою душу; возьмите мою волю въ свои сильныя руки, заставьте молчать мою больную

совѣсть... Я безумно заблуждалась, разсчитывая на свои силы; нѣтъ у меня никакихъ силъ, ежели мнѣ суждено жить въ разлукѣ съ вами". Слова горячей вѣры лились изъ ея души: она не взвѣшивала ихъ, не обдумывала, а только боялась не высказаться ясно, не съ достаточнымъ отрѣшеніемъ положить къ ногамъ Борисова свою совѣсть и свою волю, все, чѣмъ была и чѣмъ готовилась быть. Письмо росло и, по мѣрѣ его возрастанія, душевная боль ея убаюкивалась и понемногу стихала. Когда она кончила, пробило три часа. Она сидѣла, устремивъ глаза въ пространство, тихонько постукивая перомъ по столу. Ей казалось, что она думала и соображала что-то; но она уже не думала и не была въ состояніи ничего сообразить. Голова отяжелѣла, мысли не вязались; во всемъ существѣ чувствовалось притупленіе. Огонь въ каминѣ потухъ; ночная свѣжесть проникала въ комнату и заставляла Василису нервно пожиматься. Она сложила письмо и, только что добралась до подушки, заснула тяжелымъ сномъ.

А въ это время поѣздъ желѣзной дороги мчался между Марселемъ и Ліономъ; въ углу вагона второго класса сидѣлъ Борисовъ, закутанный въ пледъ, и, блѣдный и угрюмый, не смыкая глазъ, смотрѣлъ въ беззвѣздную ночь.

Василиса спала до поздняго утра.

Ночныя грозы нерѣдко смѣняются тихимъ, яснымъ разсвѣтомъ, и чѣмъ сильнѣе была гроза, чѣмъ ярче сверкали молніи, чѣмъ быстрѣе неслись тучи, тѣмъ лазурнѣе проясняется небо и нѣжнѣе блещутъ краски утренней зари. Василиса проснулась съ успокоенными нервами и утихшей душой. Потрясенный организмъ пришелъ въ равновѣсіе, и ощущеніе горя не казалось уже такимъ острымъ. Она вспоминала растерянное состояніе ума и чувствъ, въ которомъ ей мерещились, какъ въ горячкѣ, чудовищные кошмары, и стыдилась его. Вставъ и одѣвшись, она подошла къ бюро и прочла написанное наканунѣ письмо. Не дочитавъ до конца, она разорвала его на мелкіе куски и тутъ же написала нѣсколько короткихъ дружескихъ строкъ, которыя отправила на почту.

Въ это прекрасное утро, наполненное солнечными лучами, пахучимъ вѣтеркомъ, раздувавшимъ занавѣски, громкимъ щебетаніемъ птицъ въ саду, Василиса была расположена смотрѣть на вещи съ практической точки зрѣнія. Она относилась къ совершившимся событіямъ критически и, какъ ей казалось, вполнѣ безпристрастно. Она сознавала, что рѣшеніе Борисова спасло ее отъ великой бѣды, и вся была проникнута пріятнымъ чувствомъ этого спасенія. Нравственная личность Борисова стала рисоваться передъ ней въ опредѣленныхъ очертаніяхъ, подобно тому, какъ выростаетъ горный пейзажъ въ глазахъ путешественника, когда онъ удаляется отъ его подошвы и начинаетъ видѣть его въ перспективѣ. Она, какъ будто въ первый разъ, постигала совершенно ясно, что именно такое Борисовъ, какое значеніе имѣетъ его образъ мыслей, къ какому роду дѣятельности и практическаго примѣненія этотъ образъ мыслей долженъ привести его. Она ужаснулась картинѣ, которую рисовало ей воображеніе. „Это омутъ, хаосъ!" подумала она и содрогнулась при мысли, какъ она была близка сама попасть въ этотъ омутъ.

Съ этого дня жизнь ея потекла опять покойной, тихой струйкой. Она вернулась къ своимъ привычнымъ занятіямъ и мечтамъ. Ничто не нарушало порядка ея дня, гармонію ея внутренняго мірка, который мало-по-малу успокоился, загнавъ въ самую глубь элементы, такъ внезапно въ него вторгнувшіеся и на время такъ мучительно его встревожившіе. Она погрузилась душой въ сонливое бездѣйствіе и не тяготилась имъ, а, наоборотъ, находила въ немъ какое-то отрицательное счастіе. Отсутствіе волнующихъ интересовъ и страстнаго отношенія къ извѣстнымъ вопросамъ жизни получило въ ея глазахъ цѣну, казалось ей самымъ желательнымъ благомъ. Вставая утромъ, она благодарила судьбу, что втеченіе цѣлаго дня ничего необыкновеннаго не предвидится. День наполнялся мелкими занятіями; иногда она сидѣла на солнцѣ, у открытаго окна по цѣлымъ часамъ, впродолженіе которыхъ ничего не дѣлала, даже не думала и не мечтала, а только впивала въ себя теплый, пахучій воздухъ и радовалась тому, что не о чемъ задумываться

и мечтать. Проходя разъ мимо одного магазина, она увидѣла дѣтское платье изъ голубой фланели, обшитое кружевомъ; она купила фланели, отпорола отъ своихъ сорочекъ широкіе валансьены и сшила для Наташи такое же платье, какъ видѣла въ магазинѣ. Шитье платья заняло ее впродолженіе нѣсколькихъ дней. Къ дѣвочкѣ она относилась нѣжно, много ею занималась, гуляла съ ней, слушала ея болтовню и, по прежнему, сама укладывала спать. Вечеромъ, оставшись одна, она пристраивалась у камина, писала письма или перелистывала Revue des Deux Mondes, номера котораго за нѣсколько мѣсяцевъ лежали у нея на столѣ неразрѣзанными. Помимо брошюръ и экономическихъ статей, приносимыхъ Борисовымъ, за послѣднее время она ничего не читала. Словомъ, ея внутренняя и внѣшняя жизнь вошла въ прежнюю колею, и она вся отдыхала въ чувствѣ нѣмого покоя.

Такъ, въ жаркій лѣтній день въ Италіи, когда солнце стоитъ высоко на неумолимо-ясномъ небѣ и воздухъ накаленъ жгучими лучами, усталый прохожій видитъ передъ собою раскрытыя двери храма. Онъ переступаетъ съ чувствомъ благоговѣнія мраморный порогъ. За тяжелой занавѣсью, которая пала между имъ и шумной, знойной улицей, все тихо и прохладно; длинныя ряды колоннъ стройно тянутся кверху; лампада теплится у отдаленнаго алтаря; одинокая старуха стоитъ на колѣняхъ и бормочетъ молитву, перебирая костяныя четки; пахнетъ ладаномъ; солнечный лучъ скользитъ въ узкія окна и играетъ разноцвѣтными огнями на мозаичномъ полу. Чуть внятный звукъ вдругъ встрепенется въ глубинѣ церкви, словно вздохъ спящаго органа, пронесется подъ высокими сводами и замретъ въ чуткой тишинѣ. Мирно, хорошо! Ослѣпленные глаза, усталыя ноги отдыхаютъ; отрѣшеніе отъ всякой житейской суеты вливается въ душу, вмѣстѣ съ чувствомъ величавой гармоніи! Кажется, никогда не ушелъ бы отсюда, не покинулъ бы священнаго пріюта! Но черезъ нѣсколько минутъ эти ощущенія теряютъ свою живость, пріятное чувство отдыха притупляется, тишина и безмолвіе начинаютъ казаться мертвенными, высокія стѣны принимаютъ угрюмый видъ. — и

опять тянетъ на улицу, гдѣ пыль и шумъ, и толпа, живой говоръ людей и ослѣпительно-яркое солнце!

Василисѣ было покуда хорошо въ тихомъ, прохладномъ храмѣ; ея усталые нервы отдыхали, она чувствовала себя покойной и довольной среди обыкновенныхъ занятій и обыкновенныхъ людей. Ее посѣщали старые знакомые. Пріѣхалъ князь Кирила Федоровичъ Сокольскій. Онъ просидѣлъ довольно долго. Бесѣда велась оживленная, въ тонѣ полу-саркастической, полу-серьезной сантиментальности, свойственной князю. Онъ слылъ за очень остроумнаго человѣка, и въ свѣтѣ побаивались его мѣткаго и подчасъ рѣзкаго слова. Самъ онъ какъ будто не довѣрялъ этой репутаціи, и относился съ ироніей къ своему остроумію, что придавало его рѣчамъ оттѣнокъ разочарованія, не лишеннаго привлекательности.

При прощаніи, сжимая въ своей бѣлой, тонкой рукѣ руку Загорской, онъ заглянулъ ей въ глаза.

— Грустны вы, Василиса Николаевна? или вамъ надоѣлъ мой долгій визитъ?

Въ его голосѣ прозвучало въ первый разъ тайное волненіе, которое онъ испытывалъ. Василиса взглянула на него.

— Ни одно, ни другое... Почему вы такъ думаете, князь?

— Такъ, показалось. Если ошибся, тѣмъ лучше... Въ другой разъ пріѣду, не засижусь.

— Напрасно, мнѣ пріятно васъ видѣть. Вѣдь мы съ вами старые друзья.

— Да, старые! вздохнулъ князь. Что такое дружба? Милое, но пустое слово. Впрочемъ и за это спасибо. До свиданія.

Въ тотъ же день пріѣхала графиня Ольга. Она какъ только сѣла, тотчасъ заговорила о Борисовѣ.

— А нашъ нигилистъ уѣхалъ! Такъ ко мнѣ и ни ногой... Хорошъ! проговорила она. Куда это онъ поскакалъ? Мало надѣлалъ бѣдъ, хочется еще запутаться! Сегодня получила отъ его сестры письмо. Бѣдная, безпокоится о немъ, проситъ удержать его въ Ниццѣ. Вотъ и удержали!

Графиня вздохнула.

— Какое испытаніе, въ наше время, имѣть родственниковъ, молодыхъ людей! того и гляди, попадутъ въ бѣду! Сережу мнѣ жаль: онъ очень одаренъ, могъ бы сдѣлать прекрасную карьеру, не бросая даже своихъ либеральныхъ идей. А теперь что изъ него выйдетъ?... Пропащій человѣкъ. Вѣрите ли, даже наружность его измѣнилась. Когда онъ дебютировалъ въ свѣтѣ, совсѣмъ молодымъ мальчикомъ — года три тому назадъ — онъ былъ очень недуренъ собой, ловкій такой, элегантный. Вамъ покажется невѣроятнымъ, но онъ кружилъ женщинамъ головы, — и не то, чтобы съ нимъ флиртировали, а просто таки увлекались имъ, — de grandes passions. Я вамъ разсказывала про Nadine. Въ немъ было что-то особенное, какой-то charme. Теперь, я воображаю, онъ и думать забылъ о томъ, чтобы нравиться, набрался дикихъ идей, совсѣмъ огрубѣлъ. А деньгами, вообразите, такъ и соритъ, сестра его въ отчаяніи. Онъ то и дѣло пишетъ въ Петербургъ, требуя, чтобы высылали субсидій, все крупныя суммы. Разумѣется, это берется изъ капитала, il se ruine... И куда онъ дѣваетъ деньги! Вы сами видѣли, какъ онъ живетъ, — чуть не на чердакѣ, одѣтъ Богъ знаетъ, какъ, никакихъ развлеченій себѣ не позволяетъ. Куда же все это идетъ?... Куда?...

Графиня вздохнула.

— Женился бы онъ поскорѣй на порядочной дѣвушкѣ, это было бы его спасеніе. Но какая порядочная дѣвушка пойдетъ за него, въ его настоящемъ положеніи!

Долго и на разные лады продолжала разсуждать на эту тему словоохотливая посѣтительница. Василиса сидѣла и съ спокойнымъ видомъ слушала эти разсужденія, каждое слово которыхъ проходило по ея душѣ мелкой царапинкой.

Графиня собиралась ѣхать, когда вошли Скромновъ и графъ Рѣповъ. Она снова усѣлась. Завязался разговоръ о текущихъ новостяхъ, въ которомъ хозяйка дома принимала мало участія.

— Слушайте, Алексѣй Степановичъ, сказала графиня, обращаясь къ Скромнову, вы такой милый, обязательный человѣкъ, окажите-ка мнѣ одолженіе.

— Всегда къ вашимъ услугамъ, графиня, отвѣчалъ, сладко улыбаясь, Скромновъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: концертъ Діего устроенъ, остается раздать билеты: я разсчитываю на ваше содѣйствіе, — у васъ такъ много знакомыхъ и друзей...

Лицо Алексѣя Степановича продолжало улыбаться, но выражало уже гораздо менѣе готовности.

— Я радъ содѣйствовать, насколько могу, пробормоталъ онъ.

Графиня вынула изъ кармана пачку билетовъ, связанныхъ розовой ленточкой.

— Вотъ сорокъ билетовъ, по десяти франковъ. Я буду вамъ очень благодарна.

— Сорокъ билетовъ! Помилуйте, графиня, куда же я ихъ дѣну?

— Куда? Раздадите вашимъ знакомымъ, ихъ разберутъ нарасхватъ. Мнѣ отсюда нужно въ Villa Bessale, дорога проходитъ мимо портала вашего пріятеля Григорьева,—хотите, подвезу васъ?

— Григорьевъ билетовъ не возьметъ: у него свой оркестръ великолѣпный, съ какой стати поѣдетъ онъ слушать какую-то посредственность?

— Діего не посредственность! заступилась графиня. У него превосходный методъ, пропасть выраженья, — это будущая звѣзда. А что касается до вашего Григорьева, такъ его и не просятъ пріѣзжать, пусть только возьметъ побольше билетовъ, c'est tout ce qu'on lui demande, à ce золотой мѣшокъ.

— Не возьметъ, проговорилъ Скромновъ.

— Что за отговорка! попросите хорошенько.

Графиня встала.

— Мы вѣдь знаемъ, какой вы тамъ вліятельный человѣкъ, дѣлаете, что хотите. На всѣхъ рычитъ неотесанный медвѣдь, — съ вами смиренъ и обходится ласково. Поѣдемте-ка.

— Что, попались, Алексѣй Степановичъ! усмѣхнулся графъ Рѣповъ. Вотъ и платитесь за свою популярность.

Графиня погрозила ему пальцемъ.

— Полноте, а то и вамъ пришлю десять билетовъ.

— Сдѣлайте милость, графиня, присылайте. Я возьму для себя билетъ и вручу вамъ десять франковъ, а остальные возвращу безъ зазрѣнія совѣсти,— я вѣдь не укротитель медвѣдей.

Всѣ засмѣялись. Графиня уѣхала, посадивъ Скромнова съ собой въ карету.

Графъ Рѣновъ посидѣлъ и также распростился.

Когда онъ ушелъ, Василиса велѣла никого болѣе не принимать. Она взяла книгу и сѣла у камина. Но ей не читалось, у нея на сердцѣ что-то щемило.

— И вотъ люди, съ которыми я должна жить, думала она, въ обществѣ которыхъ находить для себя утѣшеніе, мнѣніями которыхъ дорожить. Пустота, бездушіе!.. Живая мысль, живое слово, гдѣ вы!...

Она глядѣла въ огонь и тихонько пожималась, какъ отъ внутренняго холода. Она не знала, чего ей хотѣлось, а только чувствовала, что ее тянетъ вонъ изъ соннаго затишья.

Первое письмо отъ Борисова пришло дней черезъ десять послѣ его отъѣзда.

„Вотъ я и въ Лондонѣ, писалъ Борисовъ. Какъ видите, опоздалъ на нѣсколько сутокъ. Въ Парижѣ знакомые студенты затащили на какую-то сложную операцію, въ силу чего пришлось прожить лишнихъ два дня въ этомъ Вавилонѣ и только вчера попасть въ Лондонъ. Первымъ моимъ путешествіемъ было отыскиваніе почтоваго бюро, гдѣ я и нашелъ ваше маленькое письмо, за которое очень благодаренъ.

„Пробуду здѣсь недѣли три, послѣ чего отправлюсь въ Женеву, гдѣ, по всей вѣроятности, и поселюсь, на долгое, на короткое ли время — не знаю. Ежели же все устроится, какъ предполагаю, думаю посѣщать въ тамошней академіи курсы естественныхъ наукъ. Слушаніе лекцій не займетъ много времени, а въ будущемъ можетъ пригодиться. Здѣсь повидался съ нужными личностями: невеселая картина: голодъ, холодъ... Впереди много, а передъ тобою люди съ разбитыми надеждами, съ убитыми товарищами и все таки исклю-

чительно живущіе идеей! Плохое житье citoyens de l'univers; но я ношу такой титулъ и думаю, что онъ все таки лучше другихъ.

„Вотъ вамъ, добрый другъ мой, обрисовка одной стороны медали моего теперешняго существованія; контуры другой стороны хотя и рѣзки, но неотчетливы; до поры умолчу о ней. Понятна ли вамъ эта фраза? Мнѣ кажется, что ежели бы возможно было выбивать медали на каждый фазисъ жизни индивидуума съ изображеніями, конечно апологическими, то это былъ бы хорошій матеріалъ для исторіи этой индвидуальной жизни. Вамъ, какъ психологу тонкому и чуткому, предоставляю нарисовать картину для моей медали. Возьметесь-ли?

„Не могу не сказать нѣсколько словъ о погодѣ; она великолѣпная, теплынь, такая же, какъ и въ Ниццѣ, только гораздо постояннѣе, рѣзкихъ переходовъ нѣтъ. Ежели бы побольше зелени и не пасмурные дни, можно было бы и не замѣчать разницу климата. Вотъ о погодѣ. — На душѣ же, скажу вамъ, какъ-то холодновато. Уѣзжая отъ васъ, я покинулъ очень теплую атмосферу, которую я поминутно чувствовалъ, болѣе и болѣе знакомясь съ вами. Въ силу этого, теперешнее одиночество и отсутствіе близкихъ людей чувствуется очень сильно. Ну, да не привыкать, вѣдь живешь не все для того, чтобы цвѣтики рвать да глотать вкусныя ягодки. „Жизнь не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ"—по мѣткому выраженію Базарова, да, въ добавокъ еще, наше поколѣніе—не художники и не мастера, а просто чернорабочіе.—Почему такъ? А потому, чтобы строить фундаментъ, нужно прежде выкопать яму, а это дѣло чернорабочихъ!

„Затѣмъ прощайте; пишите почаще. Цѣлую ручки Натальи Константиновны; не забудьте и нянюшку."

Вашъ Б.

Прочитавъ письмо, Василиса задумалась. Тонъ его, простой и спокойный, заставлялъ сознавать несомнѣнно ясно фактъ, что извѣстный фазисъ отношеній Борисова къ ней

былъ покончень и уходилъ навсегда въ прошлое. Наставалъ новый фазисъ; она не знала, быть ли ей довольной, или печалиться. Чуткимъ ухомъ сердца она слышала, какъ послѣдняя пріотворенная дверь тихонько замкнулась, какъ придвинулись плотно задвижки: но въ то же время она чувствовала, что умственная связь оставалась цѣла, и въ этомъ она признавала превосходство простой естественности, которою руководился во всѣхъ вопросахъ Борисовъ, надъ собственною болѣзненною сложностью чувствъ. Она подавила въ себѣ голосъ эгоистическихъ сожалѣній и всѣмъ своимъ нравственнымъ существомъ вновь обратилась къ Борисову.

Она отвѣчала на это письмо и съ того дня стала аккуратно писать Борисову всякую недѣлю, по середамъ,—день его отъѣзда. Она вся ушла въ эту переписку, сдѣлавшуюся для нея жизненною потребностью, средоточіемъ, къ которому тяготѣли всѣ силы ея внутренняго міра. Она разсчитывала день полученія ея письма въ Лондонѣ, день, въ который ей можно было ожидать отвѣта,—и жила этимъ ожиданіемъ.

Борисовъ писалъ довольно аккуратно, хотя отвѣты его рѣдко получались въ урочный, заранѣе разсчитанный ею день. Иногда онъ не писалъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль. Василиса ждала, потомъ начинала волноваться, и волненіе это возростало и переходило, наконецъ, въ мучительную боль. Она не могла ничѣмъ заняться, ни о чемъ болѣе думать, вся застывая въ чувствѣ ожиданія. Почтальонъ приходилъ утромъ и вечеромъ; она издалека узнавала его шагъ, слышала стукъ калитки, смотрѣла изъ окна, какъ онъ подходилъ къ дому по узенькой аллеѣ олеандровъ; ей казалось, что она угадывала по его походкѣ, по выраженію сморщеннаго лица, на половину закрытаго козырькомъ фуражки, несетъ ли онъ ей письмо, или нѣтъ. Няня сбѣгала съ лѣстницы и черезъ минуту возвращалась съ пустыми руками:

— Ничего нѣтъ, матушка...

Она произносила эти слова равнодушно, и Василиса выслушивала ихъ съ спокойнымъ видомъ. „Можетъ быть, завтра!“ думалось ей. Но и завтра, и послѣзавтра, и еще нѣсколько дней проходило, письма не получалось. И, наконецъ,

когда она уже совсѣмъ отчаявалась, это письмо являлось вдругъ, въ одно солнечное утро, словно неожиданное. Съ замираніемъ сердца она узнавала небольшой, квадратный конвертъ, съ характерно-лаконическимъ адресомъ: Nice, Villa Arèse, M-me Zagorsky. Дрожащей рукой она разрывала тонкую бумагу конверта; ей казалось, что она достигала какой-то давно желанной радости, отъ которой у нея захватывало духъ. Первыя строки она читала, какъ во снѣ: въ глазахъ у нея пестрѣло, кровь стучала въ вискахъ; мало-по-малу она приходила въ себя и перечитывала письмо еще разъ. Каждое слово имѣло для нея значеніе.

Тонъ писемъ Борисова былъ дружески-довѣрчивый; онъ относился къ Василисѣ, какъ къ товарищу по мысли, разсказывалъ о свомъ-житьѣ бытьѣ, толковалъ о людяхъ и событіяхъ, сообщалъ новости изъ той среды, въ которой вращался. Онъ говорилъ обо всемъ, исключая одной стороны своей душевной жизни, до которой ни близкимъ, ни дальнимъ намекомъ никогда не касался. „Утихло, прошло“, думала Василиса и боялась; при этой мысли, провѣрять собственное сердце.

Помимо значенія ихъ для ея душевной жизни, письма Борисова давали пищу ея уму. Въ нихъ было всегда много такого, что заставляло ее думать, и о чемъ она и задумывалась въ долгіе часы своего досуга. Письма замѣняли ей живую бесѣду съ Борисовымъ; онъ излагалъ въ нихъ свой образъ мыслей, затрогивалъ вопросы, служившіе предметомъ споровъ и разговоровъ съ перваго дня ихъ знакомства, дополнялъ и развивалъ ихъ. Теперь, какъ и тогда, она поддавалась его страстной, прямо идущей къ цѣли аргументаціи; но откликнуться на его политическія вѣрованія и надежды она не рѣшалась. Въ области мысли, какъ въ области чувства, между ей и имъ существовала преграда, переступить черезъ которую значило для нея запутаться въ цѣлую бездну противорѣчій. Она стояла насторожѣ каждаго выраженія, когда писала къ Борисову, и не только выраженія, но всякаго движенія души, которое, помимо ея воли, могло выдать разладъ ея внутренняго міра, о которомъ она не могла, — не должна была говорить. Поэтому она многое не

досказывала, многое высказывала иначе, чѣмъ чувствовала. Ея письма къ Борисову, писанныя тонкимъ почеркомъ, на англійской бумагѣ, съ той инстинктивной заботой о красотѣ формы, присущей женщинѣ, когда она пишетъ къ любимому человѣку, были пустыя и безсодержательныя письма. Василиса сознавала это. Почему? спрашивала она себя, но измѣнить этого была не въ состояніи.

Такъ прошли нѣсколько недѣль.

II.

Насталъ февраль мѣсяцъ. Пахучая южная весна стояла на дворѣ: съ нею вмѣстѣ закипѣло шумное веселье карнавала. Графиня Сухорукова впорхнула одно утро и уговорила Василису ѣхать съ ней смотрѣть на карнавальное шествіе.

— Мужъ мой нанялъ балконъ, мы отлично все увидимъ, объясняла она. Возьмите съ собой вашу маленькую дочь, мои сыновья тамъ, и, какъ вѣжливые кавалеры, будутъ за ней ухаживать.

И вотъ Василиса на балконѣ, посреди разгара веселаго празднества. Многолюдная, полная движенія и красокъ картина развертывается передъ нею. Вдоль набережной рѣки, усаженной пальмами, широкія головы которыхъ тихо покачиваются въ воздухѣ, суетится пестрая толпа зрителей, масокъ, ряженыхъ, толкая и окликая другъ друга. Въ публикѣ рѣзко выдаются лица чисто итальянскаго типа, съ смѣлымъ, блестящимъ выраженіемъ глазъ: это коренное населеніе Ниццы; сегодня его праздникъ, оно высыпало на улицу и, не стѣсняясь, предается своему веселью. Звуки музыки долетаютъ отрывками изъ разныхъ направленій. По другой сторонѣ рѣки, наполненной, вмѣсто воды, сплошнымъ слоемъ голышей, между которыми пробирается тоненькая, лѣниво журчащая струйка, подымается другая набережная, тянется другой рядъ домовъ: на балконахъ и у оконъ, увѣшанныхъ коврами и разукрашенныхъ зеленью, виднѣются любопытныя

ница зрителей; а внизу, по улицѣ, двигается та же праздничная толпа.

По одному изъ мостовъ, пересѣкающихъ рѣку, приближалась процессія масокъ и колесницъ; другой мостъ, построенный у самаго устья рѣки, перекидывался бѣломраморной аркой, казалось, черезъ самое море, сверкавшее на солнцѣ темносиней полосой.

Небольшое число мужчинъ, между которыми находились Алексѣй Степановичъ Скромновъ, графъ Рѣповъ и князь Кирилла Федоровичъ Сокольскій, окружали графиню и Василису. Наташею овладѣли сыновья графини, два красивыхъ, одѣтыхъ въ юбки и остриженныхъ à la bretonne, мальчика; они помѣстились съ англичанкой-нянькой у окна.

Князь Кирилла Федоровичъ сидѣлъ за кресломъ Василисы. Корзины съ цвѣтами и „confetti" стояли передъ дамами. Князь только что успѣлъ передать Василисѣ маску изъ тонкой проволоки, которою прикрываютъ лицо, какъ зарядъ confetti, брошенный дюжимъ молодцомъ, переодѣтымъ въ женское платье, съ чепцомъ на головѣ, разсыпался по балкону. Князь отвѣтилъ полнымъ совкомъ того же заряда, и завязалась оживленная перестрѣлка.

Между тѣмъ, голова процессіи перешла мостъ и медленно подвигалась вдоль набережной, мимо балкона. Впереди катилась колесница колоссальныхъ размѣровъ, представлявшая развалины замка съ башнями и амбразурами, изъ которыхъ поминутно высовывались огромныя летучія мыши. Люди, переодѣтые въ этихъ мышей, очень искусно исполняли свои роли, вертѣли головами съ разинутой пастью, и эффектно размахивали своими саженными крыльями. Дамамъ на балконахъ косматыя чудовища подавали, на длинныхъ шестахъ, букеты розъ и фіалокъ.

За этой колесницей слѣдовали другія: странствующій театръ, тинистое болото съ огромными лягушками, кочанъ капусты съ внезапно раскрывающимися гигантскими листьями, между которыми копошились исполинскіе жуки и гусеницы; наконецъ, цѣлая сцена изъ мѣстной народной легенды, представлявшей Ниццкую героиню Катерину Сегю-

ранъ, въ то время, когда она срываетъ турецкое знамя съ бастіоновъ крѣпости.

— Я, по правдѣ сказать, и не знала, что ниццары воевали когда-нибудь съ турками, замѣтила графиня.

— Это происходило въ XVI вѣкѣ, обязательно объяснилъ Алексѣй Степановичъ. Городъ осаждали соединенныя силы турокъ и французовъ, и онъ былъ взятъ въ 1543 году, ежели я не ошибаюсь.

— Не ошибаетесь, Алексѣй Степановичъ, усмѣхаясь, замѣтилъ Рѣповъ. Я прочелъ подробности объ этомъ событіи сегодня утромъ, въ программѣ карнавала.

— Я не читалъ программы, отозвался Алексѣй Степановичъ и принялъ достойный видъ.

— Какимъ способомъ двигаются эти колесницы? спросила Василиса у князя Кирилы Федоровича.

Князь сталъ объяснять, что лошади, запряженныя внутри, двигаютъ колесницы, а иногда рьяные любители, самоотверженно жертвуя собой, тянутъ лямку, замѣняя лошадей.

— Не завидую ихъ положенію, замѣтилъ графъ Рѣповъ. Должно быть, ужасно тѣсно въ этихъ клѣткахъ, задыхаешься, ничего не видишь, и все это для того, чтобы мимоходомъ возбудить какую-нибудь долю вниманія!

— Самое вѣрное изображеніе самоотверженія, усмѣхнулся князь. Залѣзешь, нравственно, въ такую же тѣсную, неудобную клѣтку, двигаешься въ духотѣ и въ темнотѣ, и думаешь, что доставляешь другимъ извѣстную долю удовольствія. А другіе, большею частью, вовсе этого не замѣчаютъ, и выходитъ, что остаешься въ дуракахъ.

— Неужели вы думаете, что самоотверженіе можетъ оставаться незамѣченнымъ? спросила Загорская. Для этого нужно предполагать всеобщее равнодушіе, это очень неутѣшительная мысль.

— Что же дѣлать! Практическій опытъ за меня... Возьмемте частный случай. Какое будетъ, напримѣръ, хоть мнѣ вознагражденіе за самоотверженіе, которое я выказываю въ отношеніи васъ?

— Въ отношеніи меня?...

— Вотъ видите, вы даже не подозрѣвали его существованія, а оно существуетъ.

— Я не понимаю васъ...

— Подумайте хорошенько, смѣясь и наклоняясь къ ней, произнесъ князь. Неужели вы не сознаете, что обязаны питать ко мнѣ нѣкоторое чувство признательности?

— За что?

Василиса встрѣтилась глазами съ княземъ и покраснѣла.

— Я не умѣю разгадывать энигмы, сказала она съ чуть замѣтнымъ выраженіемъ неудовольствія.

Князь понялъ и перемѣнилъ тонъ.

— Энигма незамысловатая. Я отдалъ вамъ свою маску и тѣмъ великодушно оградилъ васъ отъ опасности, подвергая ей собственную физіономію.

— Въ самомъ дѣлѣ, подвигъ геройскій! улыбнулась Василиса, въ особенности, когда рядомъ лежатъ съ полдюжины другихъ масокъ.

— Геройство, или нѣтъ, всякій добродѣтеленъ въ мѣру своихъ силъ, отвѣчалъ князь, опустивъ смиренно глаза и поникнувъ головой. Не всѣмъ же міръ спасать...

Загорская выпрямилась, словно что-то кольнуло ее.

— Что вы сказали? спросила она.

Князь поднялъ голову.

— Я сказалъ, что не всѣмъ міръ спасать... Почему это васъ такъ испугало?

Василиса пожалѣла о своемъ невольномъ движеніи и дорого дала бы, чтобы изгладить сдѣланное впечатлѣніе.

— Почему? повторилъ князь. Онъ смотрѣлъ на нее пристально своими прекрасными, черными глазами и наслаждался ея смущеніемъ.

— Я не зналъ, что вопросъ о спасеніи міра такъ близко касается вашихъ чувствъ... Простите, въ другой разъ не буду.

Василисѣ было досадно на князя, на себя и на тотъ оборотъ, который принялъ разговоръ. Она чувствовала, что она неловко что-то выдала, дозволила чему-то выскользнуть у нея изъ рукъ, и, хотя это что-то было очень незначительно, почти неуловимо, тѣмъ не менѣе сознаніе, что оно

ушло изъ ея исключительнаго владѣнія и попало въ обладаніе другого, было ей чувствительно.

Она обернулась и стала смотрѣть на улицу, гдѣ продолжало тянуться шествіе, и происходили всякія комичныя маскарадныя сцены.

— А вотъ и кавалькада, воскликнулъ графъ Сухоруковъ, за ней ѣдутъ наши, русскіе. Bravo! очень удалось.

Графъ Рѣповъ и графъ Сухоруковъ стали глядѣть въ лорнетку.

Кавалькада состояла изъ десятковъ двухъ наѣздниковъ, одѣтыхъ въ бронзоваго цвѣта трико, съ перьями на головахъ и на поясахъ, откуда болтались длинные волосы скальповъ. Наѣздники размахивали копьями и по временамъ свирѣпо взвизгивали. За ними подвигалась, звеня бубенчиками и красуясь расписной и раззолоченной дугой, русская телѣга, запряженная тройкой. Въ ней помѣщалась крестьянская свадьба: парни и дѣвки въ пестрыхъ нарядахъ стояли вдоль грядокъ телѣги или лежали на сѣнѣ въ живописныхъ положеніяхъ. На передкѣ сидѣлъ молодой, рядомъ съ невѣстой, и правилъ лошадьми. Онъ былъ въ красной канаусовой рубахѣ, въ поддевкѣ, въ поярковой шляпѣ съ павлиньими перьями и съ головы до ногъ смотрѣлъ женихомъ. Молодая была одѣта въ голубой сарафанъ, обшитый галуномъ, бархатную безрукавку и повойникъ изъ парчи: серьги и жемчуги блестѣли изъ подъ тонкой шелковой фаты, спускавшейся на лицо. Парень молодцевато встряхивалъ кудрями и то и дѣло, ухмыляясь, поглядывалъ на красотку, которая отворачивалась и стыдливо закрывалась кисейнымъ рукавомъ.

Картина выходила эффектная: въ публикѣ раздавались аплодисменты; молодая раскланивалась; ее осыпали цвѣтами.

Во главѣ процессіи произошла какая-то задержка: тройка стала подъ самымъ балкономъ. Парень сидѣлъ, перебирая возжи, и вдругъ взглянулъ наверхъ.

— Графиня, помните наше пари? Сейчасъ любимую вашу спою.

Онъ не дождался отвѣта и звонкимъ голосомъ затянулъ:

Ахъ морозъ, морозецъ,
Молодецъ ты русскій!

Графиня замахала вѣеромъ.

— Перестаньте! Съ ума вы сошли!... Охота вамъ дурачиться!

Онъ засмѣялся и умолкъ.

— Напрасно, ей Богу напрасно, проговорилъ онъ. Ахнуть хочется. Что за бѣда?... благо линія такая вышла.

Сладкіе звуки пѣсни пронеслись въ воздухѣ и замерли. Василиса узнала этотъ голосъ; ей вспомнился вечеръ у графини Сухоруковой. Кудрявый парень, облеченный тогда во фракъ и бѣлый галстукъ, сидѣлъ за фортепіано и пѣлъ,— и подъ звуки его пѣсни ей грезились свѣтлыя радости, долгіе дни счастья... все, что не сбылось, не осуществилось... Это недавнее прошлое представилось ей вдругъ съ небывалой яркостью. Она перестала видѣть окружающее, и вся ушла въ свой внутренній міръ. Послѣднее письмо, полученное отъ Борисова, лежало у нея въ карманѣ; она опустила руку и сквозь складки платья дотронулась до него. Письмо это было изъ Бельгіи: Борисовъ, проѣздомъ изъ Лондона въ Женеву, остановился недѣли на двѣ въ Брюсселѣ и писалъ о тамошнихъ своихъ впечатлѣніяхъ.

Василиса ожидала на дняхъ новаго письма. „Вѣрно, завтра будетъ, подумала она, или, можетъ быть, письмо уже пришло и ждетъ меня дома“. — И вдругъ ей представилось, что не письмо, а самъ Борисовъ явится въ Ниццу, что онъ уже пріѣхалъ, не нашелъ ея дома и отправился по улицамъ разыскивать ее. — „Почему же это невозможно? разсуждала она, вѣдь онъ сказалъ, что явится съ конца свѣта, ежели мнѣ будетъ нужно его. Я не рѣшаюсь написать ему, но онъ, можетъ быть, угадалъ, прочелъ между строкъ невысказанное желаніе... самъ, можетъ быть, желалъ...“ Она глядѣла въ толпу, готовясь увидать стройную его фигуру, знакомую походку, небрежно нахлобученную шляпу на головѣ. Вотъ онъ идетъ, увидѣлъ ее, остановился подъ балкономъ, кланяется... Графиня его узнала, зоветъ наверхъ, онъ входитъ въ домъ, подымается по лѣстницѣ... вотъ сейчасъ войдетъ... Сердце у Василисы

забилось. „Господи, бываютъ же такія счастливыя минуты!" восклицаетъ она мысленно. — Она погрузилась въ безпредѣльный міръ фантазій; глаза у нея потемнѣли и заблистали.

— Что вы такое необыкновенное видите? спросилъ князь Кирила Федоровичъ. Подѣлитесь пріятнымъ впечатлѣніемъ.

Картина, въ которую она всматривалась душою, разомъ разсѣялась, но оставалось возбужденіе, которое оставляетъ послѣ себя, какъ свѣтлый слѣдъ, мечта о счастьи.

— Нельзя, князь, отвѣчала она весело. Помните, въ сказкахъ говорится про царевну, въ свѣтлицу которой летать соловей? Онъ пѣлъ чудныя пѣсни, но онъ пѣлъ для нея одной; если бы она кому-нибудь о нихъ повѣдала — вся прелесть пѣсенъ должна была исчезнуть.

— Это въ сказкахъ; въ жизни не такъ. Разскажите, о чемъ пѣлъ вашъ соловей?

Василиса смѣло глянула ему въ глаза и, не то шутя, не то серьезно, промолвила:

— О любви...

Князь сдѣлалъ рукой отрицательное движеніе.

— Не вѣрю. Что вы про любовь знаете!... Холодная, непорочная, вы даже на женщину непохожи... Весталка какая-то... дѣва пречистая...

Василиса улыбнулась и провела рукой по волосамъ дочери, стоявшей возлѣ нея и перебиравшей цвѣты въ корзинѣ на ея колѣняхъ.

— Вы мнѣ скажете: улика на лицо, промолвилъ князь. Но вѣдь это ничего не значитъ. Мурильовскія мадонны также сидятъ съ младенцами на колѣняхъ; тѣмъ не менѣе онѣ дѣвы, даже дѣвочки... матерями сдѣлались такъ, — наитіемъ духа святаго.

Онъ наклонился, дѣлая видъ, что подбираетъ разбросанные Наташею цвѣты.

— Вотъ онъ, сфинксъ, про котораго мы говорили, съ его мучительной загадкой!... Знаешь, что смотрѣть на него вредно, — а между тѣмъ нѣтъ силъ оторваться... То ли дѣло любовь простая, безъ примѣси мифологическихъ мистерій! полюбуйтесь...

Князь указалъ на свадебную телѣгу, двинувшуюся въ эту минуту впередъ. Нарядная чета сидѣла въ граціозной позѣ, приблизясь другъ къ другу, ведя тихимъ голосомъ оживленную бесѣду; слышался ихъ смѣхъ; отъ ихъ красивыхъ, молодыхъ, фигуръ вѣяло какимъ-то беззаботнымъ счастьемъ.

— Что же? спросила, взглянувъ, Василиса.

— Ничего. Встрѣтились, сошлись, разойдутся... Тутъ все просто, никакой драмы ни до, ни по; сама природа, какъ Богъ велѣлъ.

— Вы говорите про прелестную чету? произнесъ Скромновъ, надѣвая pince-nez и нагибаясь, чтобы посмотрѣть во слѣдъ телѣгѣ, которая, побрякивая бубенчиками, поворачивала на мостъ и, вся залитая золотыми лучами солнца, горѣла на синемъ фонѣ неба. Я не понимаю, какая охота нашей миленькой княгинѣ связываться съ этой забубенной головой... Не пройдетъ шести недѣль, какъ онъ ее броситъ.

— Онъ броситъ, а она утѣшится, возразилъ князь. Самый естественный исходъ.

— A propos de естественный и сверхъестественный, проговорилъ графъ Сухоруковъ. Знаменитый Hume прибылъ вчера въ Ниццу. Знаете ли, что? нужно будетъ его позвать на вечеръ и устроить séance.

— Ни за что, вскрикнула графиня. Онъ еще чертиковъ покажетъ... А я всего этого ужасно боюсь.

Она начала разсказывать, какъ на вечерѣ у одной изъ ея пріятельницъ Hume вызвалъ тѣнь ея недавно умершаго ребенка, и какъ эта барыня упала въ обморокъ, почувствовавъ вдругъ въ своихъ рукахъ дѣтскую холодную ручку.

— Боже упаси съ этимъ шутить! серьезно проговорила графиня. Вѣдь никто не знаетъ навѣрное, что правда, что шарлатанство...

Заговорили о спиритизмѣ: всякій приводилъ слышанные имъ факты, но за достовѣрность ихъ не ручался. Василиса сначала прислушивалась; но разговоръ показался ей скучнымъ, она вновь обратила свое вниманіе на улицу.

Торжественное шествіе карнавала приближалось къ концу. Колесницы и кавалькады проѣхали; группы показыва-

лись рѣже, отдѣльныя маски прохаживались по тротуару между зрителями. По улицѣ проѣзжали рысью извощичьи коляски, убранныя зеленью, гирляндами цвѣтовъ, обтянутыя бѣлымъ коленкоромъ, съ арлекинами и пьеро на козлахъ, вмѣсто кучеровъ; въ колясках сидѣли замаскированныя фигуры, плотно закутанныя въ розовыя, голубыя и зеленыя домино. Мостовая, усыпанная цвѣтами и конфетти, напоминала паркетъ бальной залы послѣ маскарада. Уличные мальчишки подбирали упавшіе букеты подъ ногами лошадей и продавали ихъ вторично за хорошую цѣну.

— Я думаю, мнѣ пора идти, сказала Василиса.

Она встала: все общество тронулось за ней и вошло въ комнату.

— Какой, въ сущности, бесмысленный обычай эти народныя празднества, замѣтилъ Алексѣй Степановичъ Скромновъ. Шумъ, пыль, безпорядокъ... Право, если бы не въ такомъ пріятномъ обществѣ, было бы нестерпимо скучно смотрѣть на всю эту суматоху.

— Почему? отозвался князь Сокольскій. Зрѣлище не глупѣе всякаго другого, а, въ извѣстномъ смыслѣ, даже и поучительно: убѣждаешься de visu, каковы эстетическія потребности того слоя общества, котораго выдумали съ нѣкоторыхъ поръ именовать меньшою братіей.

— Мнѣ кажется, что народные праздники всегда будутъ существовать, сказала Василиса, даже когда общій уровень образованія будетъ стоять несравненно выше... Это естественная потребность...

— Вы правы; грубое веселье — естественная потребность грубыхъ народныхъ массъ.

— Почему же грубое?... просто веселье... Вѣдь въ свѣтѣ ѣздятъ на балы, въ театры...

Князь пожалъ плечами.

— Разница большая.. Театры, балы, собранія — формы культурнаго общежитія.

— И это общежитіе, только формы не выработались, а исходная точка все та же: потребность человѣка выйти порой изъ тѣснаго семейнаго кружка, сблизиться съ подобными себѣ, потѣшить свои глаза необыденнымъ зрѣлищемъ, услы-

шать веселые, возбуждающіе звуки... Я часто думаю о томъ, какой характеръ будутъ имѣть народные праздники при совсѣмъ правильномъ общественномъ строѣ.

— Какой же это „совсѣмъ правильный строй“? Слава богу, со времени освобожденія крестьянъ и другихъ реформъ — говоря только о Россіи — общество, мнѣ кажется, стоитъ на довольно правильныхъ основахъ. Нужно только Бога молить, чтобы не пересолили наши реформаторы.

— Совершенно вѣрно, отозвался кто-то.

— Прогрессъ нуженъ, не спорю, продолжалъ князь, но если человѣкъ, какъ говоритъ Joseph de Maistre, вздумаетъ постановлять свои мелкія политическія измышленія и присваивать себѣ функціи Творца въ организаціи человѣчества то игнорируемые имъ законы подавятъ его самого и его изобрѣтенія.

— Но вѣдь Joseph de Maistre былъ страшный реакціонеръ! воскликнула Василиса. Онъ первый далъ опору и кредитъ только что возникавшему тогда ультрамонтанизму. Развѣ его слова могутъ служить авторитетомъ?

— Авторитетъ, или нѣтъ, онъ разсуждалъ правильно, возразилъ князь.

Когда темой разговора дѣлался политическій вопросъ, князь становился раздражительнымъ.

— Да вы, собственно, чего хотите, революціонерка вы этакая?

Василиса засмѣялась.

— Я ничего не хочу... Я вотъ хочу домой идти, а то мнѣ будетъ поздно; по темнымъ улицамъ одной пробираться неудобно.

— Я васъ провожу, сказалъ графъ Сухоруковъ.

Василиса поблагодарила и подошла къ столу, гдѣ дѣти, подъ предводительствомъ англичанки, пили шоколадъ и наѣдались пирожками. Они весело болтали и смѣялись. Наташа, не привыкшая къ дѣтскому обществу, всегда молчаливая и застѣнчивая, неожиданно развернулась подъ вліяніемъ среды. Личико ея оживилось, глаза блистали; сидя на подушкѣ, съ подвязанной подъ подбородкомъ салфеткой, она съ одушевленіемъ что-то разсказывала.

Алексѣй Степановичъ Сѣромновъ объявилъ, что она une délicieuse enfant и подсѣлъ было къ ней, пытаясь снискать ея вниманіе; но дѣвочка оказалась неподатливой на подкупъ конфектъ и пріятныхъ рѣчей; она смотрѣла на улыбающагося Алексѣя Степановича испуганно своими лѣ-ными глазами и рѣшительно отказывалась вступать съ нимъ въ разговоръ. Сконфуженный такой неудачей, Алексѣй Степановичъ отошелъ.

— Вся съ ноготокъ, а уже женскіе пріемы знаетъ, засмѣялся князь. O, les femmes, les femmes!...

— Васъ женщины всегда очень баловали, сказала графиня Ольга, вы не имѣете права жаловаться на нихъ.

— Не всѣ баловали. О, ежели бы всѣ...

Князь принялъ притворно грустный видъ. Василиса одѣла дочь и стала прощаться.

— Недобрая вы, произнесъ князь вполголоса; раздосадовали человѣка и въ бѣгство обращаетесь.

— Чѣмъ же я могла васъ раздосадовать? Не Жозефомъ-де-Местромъ же?...

— Хотя бы и имъ... Можно на дняхъ побывать у васъ? мы возобновимъ интересный споръ...

— Пріѣзжайте, я буду рада; но спорить съ вами не буду.

— Почему?

— Не умѣю. Я, вообще, плохой борецъ, отвѣтила она, смѣясь.

— Неужели?... Я воображалъ совсѣмъ противное. Можетъ быть, вы податливый ученикъ?

— Можетъ быть. Графъ, ежели вы хотите сопровождать меня, пойдемте, пора, обратилась Василиса къ хозяйку дома.

Графъ подалъ ей руку. Графиня со всѣмъ обществомъ вышла на балконъ и глядѣла, какъ они пробирались между толпой масокъ по тротуару. Графъ очень усердно оберегалъ свою спутницу и еще усерднѣе, нагнувшись, бесѣдовалъ съ ней. Они скоро скрылись за угломъ улицы.

— Вотъ преимущество женатаго человѣка, сказала графиня. Вамъ очень завидно, князь?

— Почему это?... Я съ вами, графиня; моя участь кажется мнѣ самой завидной.

Графиня добродушно засмѣялась.

— Я не ревную, богъ съ вами! Но объясните мнѣ, почему это вы всѣ, а въ томъ числѣ и мой мужъ, влюблены въ нее? Что въ ней такое?

Князь развелъ руками, въ знакъ того, что это обстоятельство ставитъ его самого въ тупикъ.

— Полноте... къ чему притворяться? А вы такъ гораздо хуже другихъ, настаивала, шутя, графиня. Объясните мнѣ только причину, что васъ къ ней привлекаетъ?

— Ей богу, графиня, я не въ состояніи объяснить того, чего не испытывалъ... Вы говорите, привлекаетъ? Можетъ быть, причина просто та, что... привлекательна!

— Votre fille est muette, parce qu'elle a perdu la parole, засмѣялась графиня. Впрочемъ, я васъ понимаю; вы всегда были une perle de discrétion. Счастлива та, которая имѣетъ васъ другомъ.

III.

На страстной недѣлѣ няня говѣла. Василиса не выходила изъ дому, сидѣла цѣлые дни съ дочерью и занималась ею. Какая-то тишина лежала у нея на душѣ.

Въ пятницу вечеромъ няня уговорила ее пойдти ко всенощной, приложиться къ плащаницѣ и понабраться „благодати Божіей“, — какъ она выражалась. „А то, матушка, уже очень рѣдко въ церкви-то бываете“..

Тихій весенній вечеръ стоялъ на дворѣ; прозрачное небо чуть розовѣло, въ воздухѣ несся запахъ лимонныхъ и апельсинныхъ цвѣтовъ. Василиса шла въ какомъ-то празднично-ясномъ настроеніи духа. Она вошла въ церковь и, подымаясь по лѣстницѣ, перекрестилась, что рѣдко съ ней бывало. Подъ высокимъ куполомъ стоялъ полумракъ. Плащаница, убранная цвѣтами, возвышалась посрединѣ церкви.

свѣчи горѣли желтоватымъ блескомъ; Загорская пробралась между толпой прихожанъ и стала въ углу.

Кругомъ усердно молились. Пожилая женщина, въ черномъ, тихо опускалась на колѣни и оставалась цѣлыя минуты неподвижною, съ поникнутой головой; рядомъ толстый господинъ съ желтосѣрыми усами размашисто крестился и клалъ земные поклоны; губы у него шевелились, слезы катились по лицу. „Проситъ!“ подумала Василиса. На всѣхъ лицахъ выражалась сосредоточенность и умиленіе, на иныхъ глубокая, горячая вѣра. Взоръ ея перешелъ на иконостасъ; свѣчи разныхъ величинъ, поставленныя набожными молельщиками, горѣли въ серебряныхъ паникадилахъ, передъ мѣстными образами; ликъ Спасителя, спокойный и кроткій, озарялся яркимъ блескомъ. Передъ плащаницей стоялъ священникъ въ черномъ облаченіи; въ его рукѣ дымилось кадило, запахъ ладана распространялся въ церкви...

„И все это совершается даромъ, напрасно!...“ пронеслась вдругъ мысль въ головѣ Василисы. Эти обряды тщетны; эта вѣра не имѣетъ существующаго предмета; эти молитвы не долетаютъ до того, къ кому онѣ возсылаются... Молитва и упованіе — только формы, которыя убаюкиваютъ человѣческое горе утѣшительными иллюзіями, но сами по себѣ онѣ не имѣютъ смысла, такъ какъ ихъ никто не слышитъ... Тамъ, за царскими дверьми, на этомъ престолѣ, гдѣ совершаются таинства, никого нѣтъ... недоступная святыня — одно созданіе человѣческой мысли; сама по себѣ она не существуетъ. На землѣ, въ небесахъ... царитъ невѣдомая сила, но не та, которой поклоняются въ церквахъ...

Ей сдѣлалось страшно, не мыслей своихъ, а того, что онѣ приходили къ ней въ такую именно минуту, въ церкви, посреди молящихся, вѣрующихъ людей. Неприкосновенность извѣстныхъ формъ, которыя она съ дѣтства привыкла считать выраженіемъ чего-то святого, была нарушена, и это нарушеніе было для нея болѣе чувствительно, чѣмъ несостоятельность самой сути, къ которой она давно уже, незамѣтно для себя, привыкла относиться критически.

Служба продолжалась чинная, торжественная. Скорбный напѣвъ разливался тихо и заунывно, какъ надгробный плачъ. Василиса пробовала отгонять отъ себя духъ анализа; но ей не удалось искусственно настроить себя подъ ладъ окружающей религіозной среды, какъ дѣлала она это въ дѣтствѣ и въ ранней молодости, когда она тоже не вѣрила безусловно, но послушная фантазія легко поддавалась впечатлительности нервовъ. Пѣніе, запахъ ладана, видъ молящихся людей, не располагали ее въ этотъ разъ къ сердечному умиленію. Напротивъ, все это дѣйствовало на нее непріятно: она нравственно вся сжалась и продолжала совершенно безучастно относиться къ тому, что вокругъ нея совершалось.

Она наблюдала, какъ одинъ или другой изъ прихожанъ выступалъ впередъ, становился на колѣни, клалъ земной поклонъ и прикладывался къ плащаницѣ. Эти люди казались ей жалкими, ихъ тѣлодвиженія, лишенныя смысла, были смѣшны. „Этотъ священникъ, одѣтый въ черныя ризы, крестящійся и кладущій поклоны съ такимъ видомъ смиренія, — вѣритъ онъ, или нѣтъ?“ допытывалась она въ своихъ мысляхъ. „Онъ такъ близко касается своей святыни... онъ долженъ знать... Какъ ужасно, ежели онъ не вѣритъ!...“

Въ ея умѣ возникъ образъ иной вѣры, живой, могучей, той вѣры, про которую сказано, „что она горами двигаетъ“. Она вспомнила день, когда въ первый разъ въ этой церкви она встрѣтила Борисова; передъ ней предстало его лицо, прекрасное, молодое, съ выраженіемъ строгой думы и неземной страсти въ очахъ... Мысль о Борисовѣ, въ какой бы моментъ она ни являлась къ ней, всегда смягчала ее, вносила въ ея внутренній міръ добрыя начала. „Онъ не сталъ бы осуждать такъ холодно, подумала она; въ немъ есть любовь къ людямъ, пониманіе ихъ душевныхъ потребностей. Онъ, сильный, сноситъ немощи безсильныхъ и не себѣ угождаетъ“, пришли ей на память слова Евангелія.

Всѣ нѣжныя струны души ея зазвенѣли... Встрѣчусь ли я съ нимъ опять? подумала она, и мысль ея унеслась далеко. Тихое пѣніе звучало въ ушахъ; она машинально посмотрѣла на плащаницу, и странное чувство зашевелилось въ ней вдругъ. Ей представилось, что посреди церкви

стоитъ не аллегорическое изображеніе Спасителя во гробѣ, а настоящій гробъ, и въ гробу лежитъ кто-то ея близкій, дорогой, самый дорогой... Борисовъ!.. Наташа! мелькнуло у нея въ головѣ. Это впечатлѣніе прошло такъ же быстро, какъ и явилось. Она черезъ минуту уже не помнила о немъ. Есть бѣды, отъ созерцанія которыхъ сознательная мысль отворачивается; эта бѣда можетъ случиться, но она не случится потому, что слишкомъ ужасна...

Загорская простояла до конца всенощной. Молитвы кончились; сторожъ гасилъ у образовъ свѣчи; около стойки церковный староста и его помощникъ считали сборъ и вполголоса толковали; прихожане кланялись плащаницѣ и тихонько, какъ тѣни, одинъ послѣ другого исчезали. Къ Василисѣ присоединилась было старуха Елкина, но она ей только отдала поклонъ и у дверей разошлась съ нею.

Послѣ удушливой атмосферы церкви, пропитанной дымомъ ладана и запахомъ цвѣтовъ, вечерній воздухъ пахнулъ ей пріятно въ лицо и освѣжилъ ее. Она шла скорыми шагами, не оглядываясь. Непривычка находиться вечеромъ одной на улицѣ дѣлала ее немного трусливой: сердце у нея билось скорѣй обыкновеннаго; она была рада, когда вбѣжала наконецъ, къ себѣ на лѣстницу.

Няня отворила ей дверь; съ перваго взгляда на нее, Василиса увидѣла, что ее что-то тревожило.

— Что такое, няня? Что случилось?

— Ничего, матушка. Христосъ съ вами, даже побѣлѣли всѣ; инда меня испугали!

— Скажите няня... что? проговорила Василиса.

— Да ничего, матушка... Такъ, Наталья Константиновна что-то неспокойно почиваютъ... Жарокъ сильно у нихъ... и кушать не хотѣли.

Василиса сбросила шаль и, пройдя гостиную, неслышными шагами вошла въ дѣтскую. На маленькой кроваткѣ Наташа лежала, разметавшись; головка ея спустилась съ подушки. Василиса ощупала горячій лобъ; отрывистое дыханіе ребенка раздавалось страшно внятно въ комнатѣ.

Смертнымъ холодомъ обдало душу Василисы.

— Доктора! произнесла она.

— Сударыня, матушка, не извольте безпокоиться, начала было ее уговаривать няня. Это ничего, пройдетъ... Это у дѣтей часто бываетъ...

Но Василиса ея не слушала. Подойдя къ ночной лампѣ, она написала нѣсколько словъ карандашомъ на своей карточкѣ.

— Дайте дворнику, чтобы онъ сейчасъ взялъ извощика и привезъ бы съ собою доктора.

Марфа Ильинишна пошла исполнить приказаніе. Когда она вернулась, обѣ женщины долго стояли у постели ребенка, не говоря ни слова, обмѣниваясь отъ времени до времени безпокойнымъ взглядомъ. Въ комнатѣ было тихо; колеблющійся огонь лампадки слабо освѣщалъ ее. Дѣвочка продолжала спать, но по временамъ вздрагивала и тоскливо металась. Вдругъ она закашляла; хриплый звукъ этого кашля былъ непохожъ на человѣческій голосъ. Василиса приподняла ее на подушкѣ; пароксизмъ продолжался минуты полторы, глаза закатились, она вся побагровѣла, густая слюна показалась у рта. Когда кашель прекратился, маленькая головка съ золотистыми кудрями безпомощно опрокинулась назадъ. Дѣвочка простонала и опять впала въ забытье.

— Матушка, да что же это такое? испуганно, шопотомъ спросила Марфа Ильинишна.

У Василисы губы шевельнулись, но она не могла сразу произнести страшнаго слова. Она сдѣлала усиліе и проговорила глухо, не глядя на няню:

— Крупъ... Но, можетъ быть, я ошибаюсь.

Марфа Ильинишна всплеснула руками.

— Господи, Іисусе Христе! Какъ же это я не догадалась!

Она перекрестилась на образокъ въ серебряномъ окладѣ, висѣвшій надъ Наташиной кроватью, и тотчасъ же прибавила:

— Горчишничковъ бы надо...

Василиса ухватилась за это средство. Черезъ нѣсколько минутъ горчишники были готовы и ихъ привязали къ маленькимъ ножкамъ.

Опять настала тишина. Василиса прислушивалась къ отдаленному стуку колесъ по мостовой. Всякій разъ, что

приближалась карета, она думала, что ѣдетъ докторъ, но карета, не завернувъ въ ея переулокъ, катилась мимо. Сердце у ней замирало.

Наконецъ, послѣ чуть ли не часового ожиданія, появился докторъ. Онъ велѣлъ подать лампу, осмотрѣлъ разгорѣвшееся, опухшее лицо ребенка, пощупалъ пульсъ и спросилъ, не было ли кашля. Василиса отвѣчала, что былъ, и описала, какой именно онъ былъ. Докторъ ничего не говорилъ, только покачивалъ головой. Она слѣдила за выраженіемъ его лица; наконецъ, рѣшилась спросить.

— Дифтеритъ, отвѣчалъ безъ запинки докторъ. Но вы, сударыня, не отчаивайтесь: всякая надежда еще не потеряна, много будетъ зависѣть отъ силы припадковъ и отъ характера, который приметъ болѣзнь. Постараемся предупредить ея успѣхи.

Онъ прописалъ лекарство, посовѣтовалъ ванну и одобрилъ горчишники, затѣмъ, проговоривъ нѣсколько словъ ободренія, собрался идти.

— Ежели что случится ночью, пришлите за мной, а я завтра утромъ буду.

Провожая доктора въ передней, няня уговаривала его пріѣхать пораньше.

„Всякая надежда еще не потеряна“, звучали въ ушахъ Василисы слова доктора. Такъ, стало быть, опасность большая, угрожающая... Неужели смерть?! Она чувствовала, какъ какой-то спазмъ сжималъ ей грудь, она хотѣла зарыдать и не могла.

Ночь прошла тревожная. Сдѣлали ванну, но больной не стало легче. Припадки кашля возобновлялись чаще и всякій разъ продолжительнѣе, она задыхалась. Утромъ докторъ сомнительно сдвинулъ брови: онъ приставилъ піявки къ горлу и прописалъ рвотное. Послѣ піявокъ дѣвочка пришла въ себя и тусклыми глазами искала мать. Василиса припала къ ней и въ безумномъ отчаяніи цѣловала ея крошечныя руки.

Къ вечеру болѣзнь сдѣлала значительные успѣхи. Пробовали прижиганіе, но пленки продолжали образовываться, и воспалительное состояніе увеличивалось. Бѣдный ребе-

нокъ задыхался во время длинныхъ пароксизмовъ, а въ промежуткахъ лежалъ въ забытьи. Веселенькая дѣтская обратилась въ мрачную лазаретную комнату. Окно оставалось открыто, но было завѣшено, стклянки стояли на столахъ, припарки, бинты валялись на стульяхъ, пахло аптекарскими снадобьями. Няня втеченіе двадцати четырехъ часовъ похудѣла и пожелтѣла. Василиса не проронила ни одной слезы, она, какъ пришла отъ всенощной, не раздѣвалась, подвязала только тяжелыя косы, которыя выбивались изъ подъ гребня, падали подъ руки и мѣшали дѣло дѣлать. Докторъ объявилъ, что, ежели впродолженіе ночи не будетъ перемѣны къ лучшему, то на слѣдующее утро нужно будетъ приступить къ операціи. Василиса не испугалась этого: всякое новое средство являлось ей спасительной мѣрой — она хваталась за соломинку.

На другое утро сдѣлали операцію. Она держала на своихъ колѣняхъ исхудалое, безчувственное тѣло дѣвочки, покуда докторъ искусной рукой прорѣзывалъ продолговатое отверстіе въ горлѣ и вставлялъ въ него серебряную трубочку.

Эта попытка оказалась безполезной. Припадки возобновлялись, ослабѣвшій организмъ не могъ продолжать борьбы, ребенокъ впалъ въ состояніе тяжелой предсмертной дремоты и къ вечеру этого дня скончался.

На другое утро маленькій трупъ, убранный цвѣтами, лежалъ на столѣ. Свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ горѣли въ ногахъ и у изголовья. Няня читала псалтырь; Василиса сидѣла у стола и неподвижно глядѣла на дѣтское личико, успокоенное вѣчнымъ сномъ. Ей все еще не вѣрилось. Такъ прошелъ цѣлый день, она не трогалась съ мѣста, не плакала. Вечеромъ пришелъ священникъ и отслужилъ панихиду. Какія-то слова утѣшенія были ей сказаны, но она ихъ не слушала и не понимала. Няня принесла чашку чая и попробовала уговорить покушать. Она не противилась, поднесла чашку къ губамъ, но горло ея судорожно сжималось.

— Не могу... произнесла она отрывисто, отдавая чашку, — не мучьте меня.

— Хоть поплакали бы, матушка... На васъ страшно глядѣть, возопила няня, припадая къ рукамъ своей барыни и заливаясь горькими слезами.

IV.

Бѣдную маленькую Наташу схоронили на третій день свѣтлаго праздника.

Въ церкви, при отпѣваніи, почти никого не было. Присутствовали только старуха Елкина и князь Сокольскій. Гробъ стоялъ посреди церкви, на обтянутомъ чернымъ бархатомъ катафалкѣ, слишкомъ для него длинномъ и широкомъ. Солнечный лучъ падалъ въ окно купола и тянулся косой полосой, раздѣляя церковь на двѣ половины: при яркомъ дневномъ свѣтѣ восковыя свѣчи горѣли тускло, желтымъ пламенемъ, заупокойное пѣніе звучало тихо, какъ сдержанный плачъ... Настала послѣдняя минута. Василиса видѣла, точно во снѣ, обращенныя къ ней сострадающія лица, когда она сошла со ступенекъ катафалка, простившись съ безжизненными останками дочери... Няня положила земной поклонъ и съ спокойною важностью, какъ совершаетъ русскій народъ обрядъ, нагнулась и поцѣловала маленькую покойницу въ уста. Она поправила кружевную подушечку, сшитую наканунѣ ея руками, подъ головою своей барышни, спустила кисейное покрывало, и крышка гроба закрылась. Ничьи глаза не увидятъ болѣе страдальчески-блѣднаго, спокойнаго младенческаго лица.

Дорога, ведущая на кладбище, подымалась частью въ гору: день былъ жаркій, душный; карета ѣхала шагомъ; Василиса и няня держали гробъ на своихъ колѣняхъ. Няня утирала слезы и по временамъ крестилась; Василиса, съ безжизненнымъ выраженіемъ лица, смотрѣла въ окно и при всякомъ толчкѣ машинально прижимала къ себѣ крышку гроба.

У воротъ кладбища карета остановилась; священникъ встрѣтилъ тѣло и пошелъ впередъ съ дьячкомъ и причетникомъ, тихо напѣвая „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“.

Могила была готова. Прочли молитвы, опустили гробъ. Загорской подали горсть земли, которую она бросила внизъ; то же сдѣлали вслѣдъ за ней и другіе; рабочіе засыпали могилу, сравняли ее съ землей и отошли, надѣвъ шапки; священникъ поклонился Василисѣ, сказалъ нѣсколько приличествующихъ печальному обстоятельству словъ, упомянулъ о милосердіи Господнемъ и тоже удалился. Солнце жгло и свѣтило ослѣпительно; розаны и геліотропы благоухали, пчелы жужжали въ жаркомъ воздухѣ. Все было кончено.

Странно опустѣлыми и безмолвными глядѣли комнаты, когда Василиса и няня вернулись домой. Василиса сѣла на стулъ въ бывшей дѣтской. Въ открытое окно глядѣло синее небо, запахъ цвѣтовъ несся изъ сада, слышался стукъ экипажей, катившихся по недалекой Promenade des Anglais. Свѣтлый, прекрасный день южной весны дышалъ избыткомъ жизни. Наташина кроватка стояла въ углу, прибранная, съ опущенными занавѣсками. Василиса сидѣла и глядѣла на эту кровать. Въ ней смутно шевелилась мысль, что ей и слѣдуетъ сидѣть такъ, не думая ни о чемъ, ничего не вспоминая: если она выйдетъ изъ состоянія одурѣлаго безчувствія, въ которомъ находилась съ минуты погрома, въ ней подымутся силы, съ которыми ей не совладать, и не убѣжать ей тогда отъ отчаянія, нывшаго теперь, какъ глухая боль, на днѣ ея души.

Няня дивилась ея спокойствію и мысленно творила благодарственную молитву. Раза два она подходила на цыпочкахъ къ двери; Василиса все сидѣла неподвижно на томъ же мѣстѣ.

— Матушка, проговорила она, кушать вамъ не угодно? обѣдъ готовъ.

— Я пріиду, няня.

Василиса пошла, сѣла за столъ; няня поставила передъ ней тарелку супа. Она стала ѣсть медленно, не спѣша, потомъ встала и опять пошла въ комнату Наташи.

Вечеромъ она раздѣлась и легла въ постель. Марфа Ильинишна совершенно успокоилась. „Пусть поспитъ, думала она, завтра поплачетъ, а затѣмъ, Богъ милостивъ, пошлетъ утѣшеніе въ печали“.

Сама Марфа Ильинишна, помолившись слезно, улеглась спать. Она лежала въ тяжеломъ забытьи перваго сна, какъ вдругъ ей почудилось, что раздаются звуки тихаго говора въ комнатѣ Василисы Николаевны. Она перекрестилась и повернулась на другой бокъ: мало ли что можетъ померещиться въ глухую полночь, да еще послѣ покойника! Но вотъ тотъ же шопотъ снова раздается. Няня сѣла на постель и прислушивается. Она не ошибается, кто-то говоритъ у барыни въ комнатѣ; она слышитъ внятно чей-то голосъ, и звучитъ онъ такъ странно, не то плачъ, не то призывъ. Марфа Ильинишна зажгла свѣчу и, накинувъ на себя кацавейку, подошла къ двери спальни: подождавъ немного, она осторожно отворила ее. Василиса сидѣла на постели и, обнявъ свои колѣни обѣими руками, тихонько качалась взадъ и впередъ. Распущенные волосы падали по плечамъ, глаза свѣтились и были неподвижно устремлены въ уголъ комнаты; она что-то приговаривала тихимъ, ласкающимъ голосомъ. Марфа Ильинишна похолодѣла отъ ужаса, остановилась въ дверяхъ и стала прислушиваться.

— Дорогая моя, милая! говорила Василиса, слышишь ли ты меня?... Дай мнѣ еще разъ взглянуть на тебя... Прійди ко мнѣ, родная; сядь на постель, я буду цѣловать твои ручки, плечи, твои длинные волосы... Я хочу въ послѣдній разъ видѣть твое личико. Наташа, милая, дорогая, сокровище мое, отвѣчай мнѣ! Дай знать, что ты меня слышишь. Прійди ко мнѣ. Наташа! Наташа!...

Тихій призывъ звучалъ нѣжно, тоскливо. На послѣднемъ словѣ голосъ немного возвысился и замеръ, словно въ ожиданіи.

Няня бросилась съ кровати.

— Матушка, барыня, Христосъ съ вами! опомнитесь...

Василиса повернула голову и совершенно спокойно посмотрѣла на нее.

— Няня, я хочу Наташу видѣть, я хочу слышать ея голосъ. Няня, почему же она не идетъ?

— Да развѣ это возможно, матушка! что вы это такое... Помолитесь Богу, перекреститесь... Господь поможетъ.

— Няня, больно какъ... какъ тяжело!...

Василиса положила голову на свои колѣни и начала снова качаться взадъ и впередъ.

Марфа Ильинишна стояла передъ ней, совершенно растерянная, и только смотрѣла на нее, не зная, что начать. Слезы катились по ея опухшему лицу, черныя косички съ просѣдью выбились изъ подъ ночного чепчика; она придерживала локтями юбку и застегивала наскоро надѣтую куцавейку.

— Василиса Николаевна, матушка, сжальтесь надъ своей душенькой. Горе тяжелое, кто же говоритъ, но вѣдь послалъ его Господь Богъ. На все Его святая воля. А можетъ, для барышни и лучше, что онѣ маленькія померли, безъ грѣховъ, значитъ, еще, безъ всякихъ. Кто можетъ знать, что имъ въ жизни предстояло? а теперь онѣ навѣки успокоены.

— Но зачѣмъ она такъ страдала? проговорила медленно Василиса. Рѣзали маленькое, нѣжное горло, — не давали ей умереть покойно; всю ее измучили... А теперь она лежитъ въ могилѣ... одна... подъ землей... холодно тамъ... страшно! Черви будутъ ее ѣсть... Ахъ!..

Отчаянный вопль вырвался изъ груди, она схватилась обѣими руками за голову и повалилась на подушки.

Марфа Ильинишна бросилась на колѣни.

— Сударыня, Василиса Николаевна, болѣзная вы моя, вѣдь такъ Богъ велѣлъ, объ этомъ нельзя печалиться! Въ землѣ вѣдь одно тѣло лежитъ, а душенька безгрѣшная у Господа Бога, въ раю съ ангелами Его радуется. Успокойтесь, матушка. Не убивайте себя. Барышню хоть пожалѣйте; покойники вѣдь все чуятъ, все до нихъ доходитъ; слезы и скорбь покой у нихъ отымаютъ! чай, сердце младенческое изныло, на мать родную глядючи. Помолитесь Богу, попросите у него утоленія печали. Великое дѣло молитва, ахъ, великое!

Долго увѣщевала такимъ образомъ няня. Василиса лежала, зарывъ лицо въ подушки, раздавались глухія рыданія, плечи судорожно вздрагивали подъ распущенными волосами.

Няня присѣла на полъ у кровати и машинально стала подвертывать подъ тюфякъ сбившееся одѣяло. Она продол-

жала говорить, но, не получая отвѣта, понемногу умолкла, прислонившись головой къ постели и закрывъ глаза. Вдругъ ее какъ будто что-то толкнуло, она встрепенулась: Василиса сидѣла, выпрямившись, и трогала ее за плечо.

— Няня... на томъ мѣстѣ, въ гостиной, гдѣ она лежала въ гробу... кругомъ стояли цвѣты, лицо у нея такое спокойное... губы синія... маленькія руки сложены и такія блѣдныя... помните... няня?

— Помню, матушка.

— На этомъ мѣстѣ, что было прежде? Что тамъ было?

Няня смотрѣла во всѣ глаза, не понимая, о чемъ она говоритъ.

— Прежде, матушка, тамъ стояло кресло и вашъ рабочій столикъ, подлѣ камина... Развѣ не изволите помнить?

— Ахъ, няня, не то... не то... Кто-то со мной говоритъ... свѣтло такъ... розаны въ вазахъ... Но гдѣ же Наташа была тогда?... гдѣ? тоскливо повторила Василиса.

Она ловила какое-то воспоминаніе, нить котораго обрывалась и ускользала отъ нея. Она глядѣла задумчиво на дверь, ведущую въ гостиную, и вдругъ обратилась къ нянѣ:

— Теперь я помню... Это былъ вечеръ, когда я вернулась съ бала... Мнѣ было такъ хорошо... Я душу свою продала... Вотъ грѣхъ, за который я наказана...

Для няни стало ясно, что ея барыня лежитъ въ бреду. Она встревожилась этимъ открытіемъ, но, съ другой стороны, почувствовала облегченіе. Бредъ, хотя и служитъ признакомъ болѣзни, но все же лучше, чѣмъ какія-то святотатственныя желанія бесѣдовать съ умершими. Марфа Ильинишна почувствовала себя на твердой почвѣ. Она немедленно приступила къ дѣлу и, не обращая уже вниманія на то, что говорила барыня, только заботилась, какъ бы успокоить и заставить ее уснуть.

— Выкушайте водицы съ флердоранжемъ, матушка, вотъ такъ. Лягте на подушечку; я волосики въ косы заплету, вишь, какъ растрепались!.. Ножки-то у васъ какія холодныя; сейчасъ грѣлку принесу.

Марфа Ильинишна хлопотала, прислуживала, уговаривала, убаюкивала свою барыню, какъ маленькаго ребенка. Она скоро

достигла своей цѣли: Василиса повернулась лицомъ къ стѣнѣ и лежала, не шевелясь, повидимому, успокоенная.

Няня думала, что она засыпаетъ, и осторожно потушила свѣчу.

— Няня, проговорила вдругъ Василиса, помните день, когда Наташа въ первый разъ пошла одна? Какая она была хорошенькая... въ одной рубашечкѣ... розовыя ножки такъ твердо ступали... Мы съ вами любовались... Вы ее очень любили, няня?

— Какъ не любить!... Ни одного дитяти такъ не любила... Жалостливая такая была... ласковая... Бывало, смотритъ своими синими глазками, посмѣивается, ажно за сердце беретъ.

Няня, помолчавъ, вздохнула.

— Что же дѣлать! Богу, видно, было такъ угодно... Помолитесь, сударыня, засните; Господь милостивъ, за смиреніе благодати своей пошлетъ.

Настало молчаніе. Няня стояла у постели, какъ часовой, не двигаясь съ мѣста и только по временамъ позѣвывая.

— Няня, вы устали, идите спать, проговорила Василиса.

— Нѣтъ, матушка, я васъ однѣхъ не оставлю; вдругъ что понадобится.

— Идите, проговорила еще разъ Василиса и прибавила: я не могу заснуть, ежели вы будете стоять здѣсь.

Марфу Ильиничну начинала сильно одолѣвать дремота; она разсудила, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, своимъ присутствіемъ въ комнатѣ мѣшаетъ барынѣ заснуть.

— Такъ я пойду-съ, произнесла она, а коли что нужно, вы извольте кликнуть... На всякій случай, оставлю дверь открытою.

— Нѣтъ, няня, ужъ вы лучше и дверь закройте. Я позову. Прощайте.

Василиса отвернулась и закрыла глаза.

Няня постояла нѣсколько минутъ въ раздумьи, потомъ перекрестила барыню и на цыпочкахъ вышла изъ комнаты.

Все утихло; домъ спалъ; мертвая тишина стояла во всѣхъ комнатахъ. Василиса приподняла голову съ подушки. Теперь она одна, она можетъ отдаться своему горю, никто не помѣшаетъ.

— Наташа! милая моя, дорогая!... раздался чуть слышно ея голосъ.

И долго звучалъ онъ нѣжно, призывчиво въ ночной тишинѣ.

V.

Прошло двѣ недѣли. Вседневная жизнь потекла опять своей чередой. Наплакавшись и намолившись досыта, Марфа Ильинишна стряхнула съ себя уныніе и принялась за хозяйственныя дѣла. Василиса не заболѣла, какъ боялась этого няня, она несла свое горе съ большимъ, повидимому, спокойствіемъ, была очень тиха, не плакала, мало говорила и почти никогда не произносила имени дочери. Большую часть дня она проводила въ бывшей комнатѣ дѣвочки, перебирала ея вещи, заглядывалась на куклу, на пару маленькихъ башмаковъ и по цѣлымъ часамъ сидѣла на полу, прислонясь головой къ кровати и ничего не дѣлая. Марфа Ильинишна не знала, радоваться ли ей такому спокойствію. „Поплакала бы, все легче," думала она, но высказывать этого мнѣнія не рѣшалась. „Расшевелишь, а вдругъ хуже будетъ," разсуждала она не безъ основанія и предоставляла дальнѣйшія перемѣны волѣ господней.

Она старалась придумать что-нибудь, чтобы развлечь Василису Николаевну, и очень обрадовалась, когда въ одно утро пришло письмо съ хорошо ей знакомой маркой изъ Швейцаріи.

Няня, немедля, понесла его въ гостиную. Василиса взглянула на адресъ и равнодушно положила письмо къ другимъ бумагамъ на столъ.

— Не отъ Сергѣя ли Андреевича? спросила няня.

Василиса взглянула еще разъ на конвертъ.

— Отъ него.

— Такъ прочтите же, матушка, что онъ, сердечный, пишетъ?

— Не хочется теперь, няня, какъ-нибудь послѣ...

Письмо Борисова пролежало забытымъ нѣсколько дней въ ящикѣ стола. Оно случайно попалось ей подъ руку, она распечатала и прочла его, но вяло, безъ всякаго участія. Борисовъ не зналъ о смерти Наташи и писалъ въ обыкновенномъ своемъ тонѣ, толкуя о постороннихъ вопросахъ. И эти вопросы, и самъ Борисовъ казались Василисѣ чуждыми, отошедшими отъ нея въ какую-то даль. Мысль о Борисовѣ и то, что онъ писалъ, оставляли ее равнодушною: это были звуки совсѣмъ иного міра, съ которымъ душа ея потеряла общеніе; они врывались почти грубо въ застывшую вокругъ нея атмосферу печали.

Вечеромъ Василиса усылала няню спать и сидѣла до поздней ночи одна въ гостиной. Когда все въ домѣ утихало, и она была увѣрена, что няня спитъ и не подойдетъ къ двери посмотрѣть, что она дѣлаетъ, съ желаніемъ утѣшать ее, она вздыхала свободно и сбрасывала маску спокойствія, которую носила впродолженіе дня. Она сидѣла обыкновенно, съежившись, въ углу дивана или на табуретѣ передъ каминомъ, и смотрѣла въ огонь, безъ мысли, отдаваясь давящему чувству тоски. Она не замѣчала, какъ проходило время.

Въ одинъ вечеръ, часу въ девятомъ, раздался звонокъ у входной двери. Няня, только что начавшая раздѣваться, накинула кофту и пошла отпереть. Она очень обрадовалась, узнавъ князя Сокольскаго. Онъ не видалъ еще Загорскую послѣ смерти дочери, но пріѣзжалъ всякій день узнать о ея здоровьи. Марфа Ильинишна почему-то очень любила князя.

— Ну, что? какъ сегодня? спросилъ онъ.

— По прежнему-съ, отвѣчала няня: ничего не говорятъ... тихія такія. Сердце изболѣлось, на нихъ глядя...

Марфа Ильинишна растрогалась и прослезилась. Князь слушалъ ее съ участіемъ, покачивая головой.

— Ваше сіятельство, воскликнула вдругъ няня, бросаясь цѣловать руку князя, которую тотъ отнялъ, и она поцѣловала его въ плечо: хоть бы вы ихъ уговорили!... Онѣ васъ послушаютъ... Я давно собиралась попросить васъ.

Она въ конецъ расчувствовалась и, утирая глаза, съ ожиданіемъ глядѣла на князя. Онъ молчалъ, раздумывая.

— Приметъ меня Василиса Николаевна? спросилъ онъ.

— Доложу-съ.

Няня пошла и очень скоро воротилась. Она не докладывала, а только заглянула въ гостиную, тамъ ли барыня сидитъ. „Такъ и быть, приму грѣхъ на душу!“ успокаивала няня свою совѣсть.

— Пожалуйте-съ.

Князь вошелъ въ гостиную. Василиса сидѣла у камина, на низенькомъ стулѣ. Она сначала не замѣтила его присутствія; потомъ повернула голову и взглянула на него равнодушно.

Князь подошелъ, ступая неслышными шагами по ковру и уже издалека наклонивъ голову къ поклону. Онъ взялъ ея руку.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ онъ, вглядываясь ей въ лицо.

— Я здорова, отвѣчала Василиса.

Взглядъ и вся поза князя выражали участіе. Ему показалось, что она очень измѣнилась, и въ первую минуту онъ не могъ опредѣлить, подурнѣла ли она отъ этой перемѣны, или наоборотъ. Она замѣтно похудѣла, контуры лица стали тоньше и рѣзче, выраженіе болѣе сосредоточено; свѣтлые волосы, гладко причесанные, спускались вдоль спины, заплетенные въ тяжелую косу; черный крепъ окаймлялъ шею и прозрачно-бѣлыя руки; шерстяное платье льнуло къ тѣлу мягкими складками и придавало всей фигурѣ дѣвическую стройность. „Нѣтъ, не подурнѣла,“ рѣшилъ князь.

— Можно побыть съ вами? спросилъ онъ; вамъ это не будетъ въ тягость?

— Садитесь.

Князь придвинулъ стулъ и сѣлъ противъ Василисы. Ему хотѣлось поговорить съ ней, сказать ей что-нибудь въ утѣшеніе; но онъ не зналъ, какъ начать. Она сидѣла молча и глядѣла въ огонь, не обращая на него вниманія.

— Василиса Николаевна, произнесъ тихо князь.

Она повернула голову.

— Нельзя такъ отдаваться горю..... Богъ послалъ вамъ испытаніе, не дѣлайте его тяжелѣй, чѣмъ оно есть. Покоритесь.

— Я не могу покориться, проговорила она глухо.

— Молитесь, чтобы Господь смирилъ ваше сердце; только въ Богѣ найдете вы утѣшеніе.

— Я утѣшенія не ищу — и нѣтъ его.

Князь покачалъ головой.

— Человѣческая душа не вынесла бы иного горя, если бы ее не поддерживала молитва, произнесъ онъ тихо.

— Горе горю розь.

— Годъ тому назадъ, продолжалъ онъ, я потерялъ любимаго брата... Мы съ дѣтства были дружны... Ударъ этотъ былъ для меня самымъ жестокимъ, я думалъ, что не переживу его... Однако вотъ я живъ.

— И я жива.

— Но вы медленно себя убиваете. Вы не имѣете права этого дѣлать. Вы обязаны нести свое горе съ покорностью, беречь себя.

Василиса усмѣхнулась.

— Для кого?

Князь хотѣлъ отвѣчать, она не дала ему времени.

— Слушайте, князь, убивать, беречь себя, все это только слова. Съ горя никто еще не умиралъ, да и одно нежеланіе жить для этого недостаточно. Не будемъ же объ этомъ говорить. Вы вѣрите въ силу молитвы,— я въ нее не вѣрю... и не потому, что не хочу вѣрить, а потому, что не могу... не могу... понимаете вы?

— Отчего же? Если молитва не утѣшитъ, она, по крайней мѣрѣ облегчитъ.

— Нельзя облегчить то, что непоправимо, проговорила она рѣзко. — Впрочемъ, не думайте, прибавила она болѣе мягкимъ голосомъ, что я смотрю на постигшее меня несчастіе, какъ на что-нибудь исключительное. Всякій день матери теряютъ дѣтей... единственныхъ... любимыхъ... Это очень, очень обыкновенное горе...

Голосъ у нея задрожалъ, она отвернулась.

Князь схватилъ ея руку.

— Что же дѣлать, если это общая участь!... Горько, тяжело; но вы сами говорите: непоправимо. Зачѣмъ же убивать себя?

Василиса отняла руку и съ неудовольствіемъ, почти враждебно взглянула на него.

— Вы не понимаете, вы не можете понять... проговорила она. Я схоронила дочь, для меня не могло быть болѣе ужасной потери; но я не спорю малодушно съ судьбою; я не хотѣла бы, даже, если бы и могла, воскресить бѣдную дѣвочку. Она скончалась, тяжелая минута прошла, для нея насталъ покой... Я думаю не о ней, а о себѣ... Вся моя жизнь встала передо мной...

Василиса остановилась, будто спрашивала себя: продолжать, или нѣтъ? Взглянувъ на князя и увидавъ на его лицѣ выраженіе глубокаго вниманія, безъ всякой примѣси любопытства, она продолжала:

— Я ясно вижу, какъ ничтожны были стремленія, которымъ я придавала до сихъ поръ значеніе... Мнѣ всегда казалось, что я задаюсь, богъ вѣсть, какими высокими цѣлями; а когда посмотрѣть поближе — одни иллюзіи и обманъ! Все думаешь, какъ бы угодить себѣ, добиться радости, уйти отъ горя... Вся жизнь — слѣпая погоня за счастьемъ. Какъ все это эгоистично, мелко, грубо... Поневолѣ получаешь къ самому себѣ отвращеніе!

Она опять взглянула на князя:

— Васъ это удивляетъ? Вы не вѣрите? спросила она.

— Я вѣрю, что у васъ сердце наболѣло, и что поэтому вы не въ состояніи судить справедливо.

Онъ прибавилъ съ нѣжностью въ голосѣ:

— Ежели вы эгоистичны и неискренни, кто же послѣ этого добръ и искрененъ!

— Вы меня не поняли, произнесла она. Я никого не обманывала и никогда умышленно никому не дѣлала вреда... Я не объ этомъ говорю. Но у меня нѣтъ любви къ людямъ; я всю жизнь относилась ко всѣмъ какъ-то холодно, недовѣрчиво. Во всякомъ человѣкѣ, съ которымъ сталкивала меня судьба, я искала какихъ-то необыкновенныхъ достоинствъ, и когда не находила, становилась равнодушной

къ нему. Я только теперь поняла, сколько было эгоизму въ моей нелюбви... Вамъ, можетъ быть, кажется страннымъ, что я говорю съ вами такъ откровенно? Мнѣ оно не странно. Видно, есть въ жизни такія минуты, гдѣ перестаешь дорожить неприкосновенностью своего внутренняго міра: пусть всякій въ него смотритъ и судитъ по своему. Къ тому же, прибавила она, вы всегда желали заглянуть въ мою душу... Вотъ она, глядите.

Князь покачалъ отрицательно головой.

— Это въ васъ горе говоритъ... Ваша душа не такая... Я васъ знаю лучше, чѣмъ вы сами себя знаете.

— Какъ хотите, произнесла она; понимайте такъ, или иначе, мнѣ все равно.

Она замолчала и съ усталымъ видомъ стала глядѣть въ огонь.

— Положимъ, что вы правы, произнесъ князь; избранныя натуры склонны судить себя строго. Но нужно брать въ соображеніе и сужденіе другихъ... Вы знаете, что вы были любимы, какъ рѣдко какая женщина; вы, строгая, недоступная, имѣли и имѣете друзей, горячо вамъ преданныхъ. Неужели вамъ это не доказываетъ...

— Нѣтъ, князь, прервала спокойно Василиса. Это доказываетъ только то, что людей очень легко обмануть... Были, я знаю, такіе, которые меня любили и вѣрили въ мою дружбу. А моя дружба къ нимъ, — знаете, изъ чего состояла? Совѣстно признаться... Было въ ней и польщенное самолюбіе, и прихоть, и нежеланіе утратить расположеніе, и просто удовольствіе держать въ своихъ рукахъ чужую душу! Меня называли строгой, я это знала; въ душѣ я гордилась этимъ названіемъ, и этому чувству подчиняла все, можетъ быть, даже собственное желаніе увлечься... Вотъ вамъ моя добродѣтель, разобранная по ниточкѣ... Много она стоитъ, по вашему? По моему — ничего.

Чуть замѣтная краска пробѣжала подъ тонкой кожей князя. Онъ выпрямился и, чувствуя, что тронутъ въ сердце, силился дать своему лицу саркастическое выраженіе.

— И я, по всей вѣроятности, находился въ числѣ ничтожныхъ куколъ, съ которыми вы играли? спросилъ онъ.

Василиса взглянула на него; ей не было его жалко.

— Зачѣмъ обманываться?... и вы, князь. Только вы напрасно употребили слово: *играть*. Я не играла ни съ вами, ни съ другими: у меня не доставало на это искусства — да и желанія. Я только брала то, что давалось мнѣ въ руки, и ничего своего не давала взамѣнъ.

— Неправда, вы на себя клевещете, произнесъ князь. Съ тонкимъ чутьемъ свѣтскаго человѣка, привыкшаго съ пеленокъ анализировать въ самомъ себѣ и въ другихъ всѣ движенія души въ самыхъ неуловимыхъ оттѣнкахъ, князь угадывалъ, что происходило въ Василисѣ. Онъ умѣлъ въ эту горькую для него минуту опредѣлить безошибочно вѣрно, сколько входило горести и душевной боли въ такое безпощадное отдаваніе себя на судъ. Рана, нанесенная его самолюбію, утрачивала свое значеніе. Онъ чувствовалъ, что Загорская была невыразимо-несчастлива, и это заставляло его забывать о самомъ себѣ.

— Неправда, не вѣрю, повторилъ онъ и ожидалъ возраженія. Но Василиса погрузилась въ свои думы; она сидѣла, сдвинувъ брови, съ холоднымъ, безучастнымъ выраженіемъ лица.

„Какія мысли проходятъ у нея въ умѣ"? думалъ князь. Ему представлялось, что она сидитъ, окруженная глубокой тьмой; ему хотѣлось вывести ее изъ этой тьмы, заставить обратиться къ свѣту, къ духовному источнику всякой помощи и утѣшенія. Но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать, какъ прикоснуться къ этой прекрасной, помраченной, по его мнѣнію, душѣ.

Онъ раздумывалъ.

— Василиса Николаевна, началъ онъ, и онъ былъ такъ взволнованъ, что голосъ его дрожалъ. Простите, ежели я коснусь самаго больного мѣста вашего сердца; но я хочу напомнить вамъ, для вашего успокоенія, какъ вы любили свою дочь, какъ вы были ей преданы. Вы такъ немилосердно себя судите... въ этомъ чувствѣ, по крайней мѣрѣ, вы не найдете никакой примѣси эгоизма.

— Вы такъ думаете? Ежели бы я любила дочь всей душой, какъ я должна была это дѣлать, я довольствовалась

бы счастіемъ имѣть ее при себѣ, отдалась бы ей вся, ничего другого не желала бы... А я многаго другого желала; мнѣ иногда казалось очень скучнымъ заниматься ея воспитаніемъ, сознавать ея права на мою преданность... И тутъ не хватило чего-то, какого-то самозабвенія въ любви... что ли! Теперь я сознаю, но поздно, да и безполезно, какъ всякое сожалѣніе.

Князь видѣлъ, что напоминаніе о дочери растравило рану, вмѣсто того, чтобы успокоить ее. Онъ понималъ, какъ глубоко былъ потрясенъ ея нравственный міръ, и душою скорбѣлъ за нее.

„Какъ помочь ей?“ думалъ онъ, глядя на ея исхудалое лицо, на судорожно сжатыя руки. Чувство страстнаго влеченія, которое онъ къ ней испытывалъ съ тѣхъ поръ, что зналъ ее, и съ которымъ онъ вошелъ къ ней въ комнату, пристыженно удалялось теперь на задній планъ и замѣнялось въ его сердцѣ чѣмъ-то болѣе теплымъ и самоотверженнымъ.

— Не говорите такъ холодно и равнодушно, произнесъ онъ мягко; мнѣ больно васъ слушать. Вы относитесь къ жизни, какъ будто вы покончили съ нею свои счеты и ничего болѣе не ожидаете.

— Я и не ожидаю, сказала Василиса. Живу, потому что не умирается; здоровье такое, ничего надломить не можетъ.

Она усмѣхнулась.

— Знаете, князь, мнѣ порой такъ тошно, такъ гадко,— я такъ ясно сознаю отсутствіе цѣли въ своемъ существованіи, что, ежели бы не какая-то физическая трусость, я, ей Богу, съ собой бы покончила.

Она провела рукой по прищуреннымъ глазамъ и слегка на стулѣ потянулась.

— Полноте! сказалъ князь. Онъ испуганно на нее глядѣлъ и не могъ ничего болѣе произнести.

— Право, продолжала она. Разсудите сами, къ чему мнѣ жить?... для кого?... для какихъ цѣлей!... Одно остается... въ монастырь пойти.

И вдругъ ей представилось, по естественной связи мысли, какъ, три мѣсяца тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, у камина, гдѣ она теперь сидѣла, разыгралась послѣдняя сцена душевной драмы, по исходѣ которой она, какъ ошеломленная, лежала въ слезахъ на полу. Это была самая острая боль, которую она помнила но какъ она была ничтожна, чуть не ребячески наивна, въ сравненіи съ тѣмъ, что она испытывала теперь. Вотъ она настоящая драма! подумала Василиса. Волненія и слезы того времени казались ей поэтическимъ романомъ, который никакого существеннаго отношенія къ дѣйствительности не имѣлъ.

Князь оставался подъ впечатлѣніемъ ея послѣднихъ словъ. Они пугали его. Привыкнувъ видѣть въ ней женщину, обладающую въ рѣдкой степени умѣньемъ сдерживаться и владѣть собой, что и составляло, отчасти, въ его глазахъ ея привлекательность, онъ измѣрялъ, по настоящему ея уклоненію отъ привычныхъ ей формъ, бездну отчаянія, въ которую она впала. Ему казалось, что она была въ опасности, и потому слѣдовало прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы спасти ее.

— Василиса Николаевна, произнесъ онъ, вы вѣрите въ мою преданность и въ искренность моей къ вамъ дружбы?

— Вѣрю, сказала она холодно.

— Могу я дать вамъ совѣтъ?

— Отчего же нѣтъ, совѣтуйте.

Князь опустилъ глаза То, что онъ собирался сказать, было ему очень тяжело. Онъ обдумывалъ и не рѣшался. Наконецъ, онъ проговорилъ медленно:

— Василиса Николаевна, сойдитесь съ вашимъ мужемъ.

— Что?...

На мгновеніе зрачки ея расширились, какъ отъ испуга.

— Да, сойдитесь съ нимъ, именно потому, что это для васъ испытаніе... Бываютъ душевныя страданія, отъ-которыхъ невозможно избавиться иначе, какъ накладывая на себя добровольно крестъ.

Она въ раздумьи опустила голову.

— Не мое право судить его, продолжалъ тихо князь, повторяю только общій голосъ: онъ человѣкъ сухой, съ ко-

торымъ трудно живется. Задайтесь мыслью спасти эту душу отъ грѣха, отдайтесь совершенно этому дѣлу. Вотъ вамъ цѣль въ жизни. Такой жертвой вы купите себѣ успокоеніе.

Князь говорилъ съ большимъ наружнымъ спокойствіемъ; внутреннее волненіе его выражалось лишь нервнымъ повертываніемъ стоявшей у него между колѣнъ трости, съ тонко вычеканеннымъ серебрянымъ набалдашникомъ.

Настало молчаніе.

— Что же скажете? спросилъ князь. Не годится?

Василиса подняла голову.

— Напротивъ. Я провѣряла себя. Я думаю, что вы правы. Я это сдѣлаю.

Она протянула ему руку.

— Какой вы добрый, хорошій человѣкъ.

— Хорошій? повторилъ князь, удерживая ея руку и сжимая ее; нѣтъ, я не хорошій, но я васъ очень, очень люблю.

Его голосъ зазвенѣлъ, блестящіе глаза на минуту стали влажными.

— Я это знаю, сказала Василиса.

Но она не думала о немъ; она думала о его словахъ, всматривалась въ картину будущаго, которая развертывалась передъ нею.

— Тяжело, потому и надо, произнесла она. Вы правы. Но какъ же это сдѣлать? Прямо поѣхать, или прежде написать? обратилась она къ князю, довѣрчиво глядя ему въ глаза.

— Лучше напишите. Во всякомъ случаѣ, вамъ слѣдуетъ еще обдумать.

— Нечего обдумывать, я рѣшилась.

Передъ ней возникъ образъ мужа. Всѣ отталкивающія стороны его существа выступили ясно въ ея воспоминаніи.

— Ужасно... сказала она тихо и содрогнулась.

— Если бы было легко, не стоило бы, произнесъ князь.

— Я сегодня напишу, откладывать нечего, сказала Василиса и, взявъ его руку, посмотрѣла на него благодарными, свѣтлыми глазами.

— Вы для меня истинный другъ.

Горькая усмѣшка подергивала красныя губы князя.

— Видите, не вы одни, и я умѣю быть добродѣтельнымъ! Теперь всего важнѣе, чтобы вы не торопились. Такой вопросъ не слѣдуетъ рѣшать съ горяча. Дайте мнѣ слово, что вы не отправите письма ранѣе двухъ недѣль. Ваше намѣреніе, вѣдь, не измѣнится отъ этого.

Василиса согласилась на отсрочку.

Князь всталъ и простился съ нею.

— Богъ вамъ поможетъ! сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.

Черезъ минуту въ саду раздался стукъ уѣзжающей кареты.

VI.

Въ тотъ же вечеръ Василиса написала мужу своему, Константину Аркадьевичу Загорскому, проживавшему въ то время въ Петербургѣ и занимавшему значительное мѣсто при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Письмо, совершенно готовое, уже запечатанное, въ большомъ конвертѣ съ надписью и съ почтовой маркой, было положено въ ящикъ бюро, гдѣ оно, согласно обѣщанію, данному князю, ожидало срока своего отправленія. Василиса приняла рѣшеніе и уже не обдумывала болѣе этого вопроса, даже избѣгала вовсе думать о немъ.

Будущее лежало передъ ней трудное: настоящее было полно грусти. Она нѣсколько разъ ѣздила на кладбище, съ няней, и одна: ее тянуло въ тихій уголокъ, гдѣ ея печаль находила себѣ какъ бы цѣль и пристанище.

Маленькая могила, обнесенная желѣзной рѣшеткой и убранная цвѣтами, находилась на средней площадкѣ, между другими дѣтскими могилами Василиса знала каждую изъ нихъ. Проходя медленными шагами по узкой дорожкѣ, окаймленной плющемъ и барвинкомъ, она изучила мало-по-малу ихъ подробности,—онѣ всѣ принадлежали къ ея горю.

Въ одно утро она сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, возлѣ Наташиной могилы. Кругомъ все было тихо; порхнетъ

только птичка, затрещитъ кузнечикъ, упадетъ листъ съ дерева, что-то зашуршитъ въ травѣ, и снова все затихнетъ. Полуденное солнце горѣло на безоблачномъ небѣ, воздухъ благоухалъ майской роскошью розъ и бѣлыхъ лилій, въ изобиліи растущихъ на могилахъ. По отлогому склону пригорка тянулись колеблемыя легкимъ вѣтеркомъ, серебристыя верхушки оливковыхъ деревьевъ, а за ними синее море сверкало на солнцѣ вѣчно-безучастной красотой.

Чугунныя ворота кладбища отворились, показался священникъ въ черной ризѣ, съ кадиломъ въ рукахъ, и за нимъ простой, крашеный гробъ, который четыре носильщика несли на плечахъ. Позади гроба шелъ старикъ лѣтъ семидесяти, съ непокрытой сѣдой головой, крупныя слезы и капли пота катились по его лицу, тучная фигура была сгорблена. Онъ шелъ нетвердыми шагами, простирая впередъ руки и хватаясь за гробъ, не то съ тѣмъ, чтобы самому удержаться, не то, чтобы охранить этотъ гробъ отъ толчка и неосторожности носильщиковъ. Печальная процессія съ тихимъ пѣніемъ подымалась по средней аллеѣ кладбища и остановилась недалеко отъ мѣста, гдѣ находилась Василиса. Могила ожидала, готовая. Священникъ совершилъ обрядъ, прочелъ молитвы, гробъ опустили; провожавшіе бросили въ могилу привезенные съ собою цвѣты, затѣмъ подходили къ старику, пожимали ему руку, говорили нѣсколько словъ и мало-по-малу разошлись. Старикъ остался одинъ.

Опустившись во время заупокойныхъ молитвъ на колѣни, Василиса, когда все утихло, сѣла снова на камень и уронила голову въ руки. Плачъ надъ чужимъ покойникомъ болѣзненно расшевелилъ ея нервы, заставилъ вновь болѣть свѣжія раны собственнаго горя. Она просидѣла долго, не шевелясь; когда подняла голову, взглядъ ея случайно упалъ на старика. Онъ стоялъ на колѣняхъ, припавъ лицомъ къ землѣ, широкія плечи его судорожно вздрагивали, онъ что-то шепталъ и тихонько всхлипывалъ. Палящіе лучи солнца ударяли прямо въ его плѣшивую голову.

Василисѣ стало жаль этого одинокаго горя. Она подошла и тронула его за плечо.

— Надѣньте свою шляпу, сказала она тихо. Солнце жжетъ, вы можете заболѣть.

Онъ всталъ и посмотрѣлъ на нее заплаканными, одурѣлыми глазами.

— Шляпу надѣньте, повторила она ласково.

Онъ повиновался, какъ ребенокъ, и надвинулъ шляпу себѣ на лобъ, потомъ сталъ снова неподвиженъ.

— Вы очень близкаго похоронили? спросила она нерѣшительно.

— Жену, сударыня, жену...

Подбородокъ у него затрясся; слезы покатились по отвислымъ, багровымъ щекамъ.

— Что же дѣлать!... Вы были съ ней счастливы... И за это благодарите судьбу.

— Благодарю, матушка, благодарю. Но больно-то какъ... жалко. Тутъ-то какъ наболѣло...

Онъ ударилъ себя въ грудь.

— Вѣдь двадцать восемь лѣтъ мы прожили съ ней въ ладу да въ согласіи! Дурного слова я отъ нея не слыхалъ. А теперь, вонъ она лежитъ, моя голубушка!...

Онъ припалъ къ землѣ съ рыданіями и началъ креститься.

— У васъ никого нѣтъ здѣсь родныхъ или знакомыхъ? спросила Василиса.

— Есть добрые люди, на похоронахъ вотъ были, да я ихъ мало знаю. А родныхъ нѣту. Жду шурина съ невѣсткой изъ Петербурга. Депешу прислали.

Онъ полѣзъ въ боковой карманъ, чтобы достать телеграмму, но не нашелъ, а намѣсто ея вытащилъ лиловый фуляровый платокъ, съ желтыми разводами и сталъ имъ утирать глаза.

— Вотъ пріѣдутъ, вамъ будетъ не такъ грустно, сказала Василиса.

Онъ только вздохнулъ и не отвѣтилъ.

Она не знала, что еще сказать ему. Ей хотѣлось уйти и въ то же время казалось, что она не имѣла права покинуть его, безпомощнаго, на этой могилѣ.

Она стояла въ раздумьи.

— Вы бы домой поѣхали, проговорила она.

— Домой? спросилъ старикъ и испуганно глянулъ на нее.

— Да. Вѣдь у васъ, вѣрно, есть квартира? или вы въ Ниццѣ только проѣздомъ?

— Есть квартира, какъ не быть, проговорилъ старикъ. Покойница шесть недѣль проболѣла, въ ней и скончалась.

— Поѣзжайте же домой, повторила Василиса. Вы устали, вамъ нужно отдохнуть.

Она взглянула на его осунувшееся лицо.

— Матушка, заговорилъ вдругъ старикъ и разрыдался, боюсь я домой вернуться! Вѣдь каждый уголокъ напоминаетъ о ней. Какъ же я сяду за столъ, когда нѣтъ ея, моей голубушки!

Онъ былъ жалокъ, — такъ жалокъ, что Василиса не задумалась о томъ, что ей слѣдовало дѣлать.

— Такъ вотъ что, поѣдемте ко мнѣ, хотите? Вы у меня посидите, успокоитесь; можетъ быть, тогда вамъ не такъ тяжело будетъ воротиться домой.

— Благодѣтельница вы моя! вскричалъ старикъ и схватилъ ея руку. Да воздастъ вамъ Господь! Истинно христіанское дѣло вы дѣлаете. Одинъ я пропалъ бы, съ ума бы сошелъ.

— Такъ поѣдемте.

— Сейчасъ, матушка, съ ней только прощусь.

Онъ всталъ на колѣни, размашисто крестясь и шевеля губами, и началъ класть земные поклоны. Василиса отвернулась, и, покуда онъ молился, подошла къ маленькой дѣтской могилѣ и сорвала съ нея нѣсколько цвѣтовъ.

Внизу ждала коляска. Василиса посадила съ собою старика, и они поѣхали по мягкой, немощеной дорогѣ, извивающейся красной полосой между огородами и садами.

— Вотъ мы и дома, сказала Загорская, входя съ своимъ спутникомъ къ себѣ въ гостиную. Вотъ вамъ кресло, Ан-

тонъ Степановичъ (онъ дорогой отрекомендовался ей: Антонъ Степановичъ Бѣлкинъ, отставной капитанъ Ширванскаго полка). Садитесь, отдохните. А это моя няня. Она васъ чаемъ напоитъ. Пожалуйста, няня, поскорѣй.

— Сію минуту, матушка. Самоваръ кипитъ.

Василиса пошла въ свою комнату снимать шляпку.

Марфа Ильинишна принесла чайный приборъ, разставила чашки и подошла къ старику, который сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ растерянно руки и свѣсивъ голову на грудь.

— Вы, батюшка, нездоровы? спросила она, становясь передъ нимъ и глядя ему въ лицо, съ доброй улыбкой, выражающей готовность сочувствовать всякаго рода бѣдѣ.

— Горе у меня, проговорилъ Бѣлкинъ, жену похоронилъ.

Готовыя слезы покатились изъ глазъ и побѣжали вдоль щекъ и переносицы.

Марфа Ильинишна перекрестилась.

— Царство ей небесное, сказала она степенно. Не плачьте, сударь, о покойникахъ тосковать — только Бога гнѣвить. Чай, супруга ваша уже въ лѣтахъ были?

— Шестьдесятъ пятый годочекъ только что пошелъ.

— Чего же больше! Знать, Богу такъ угодно было; на все Его святая воля.

— На все Его воля! повторилъ старикъ.

— Вотъ у насъ, продолжала няня, барышня скончались...

Она стала разсказывать, какъ заболѣла барышня, и какъ ей горлышко прорѣзывали, и какой она необыкновенный ребенокъ была. Указавъ на дверь, въ которую вышла Василиса, она шопотомъ прибавила:

— Вы, сударь, не извольте объ этомъ упоминать при нихъ; очень грустятъ.

Когда Василиса возвратилась, гость ея сидѣлъ у стола и пилъ съ блюдечка чай, заѣдая ложечками малиноваго варенья. Марфа Ильинишна стояла передъ нимъ и ободряющимъ голосомъ уговаривала его кушать.

Онъ, видимо, поднялся духомъ. Его сѣрые на выкатѣ и немного косые глаза глянули черезъ блюдечко на Василису Николаевну умильнымъ и благодарнымъ взглядомъ. Онъ

былъ очень некрасивъ собой и неуклюжъ. Лицо у него было крупное, красное, съ низкимъ, опрокинутымъ лбомъ, толстымъ носомъ, съ густыми, желтовато-сѣрыми усами. Одѣтъ онъ былъ въ опрятный, черный сюртукъ, нѣсколько стариннаго покроя: на шеѣ висѣла, спускаясь на жилетъ, длинная золотая цѣпочка, изъ тѣхъ, что въ старину невѣсты имѣли обыкновеніе дарить своимъ женихамъ. Онъ, должно быть, сильно похудѣлъ за послѣдніе дни: это было видно по его платью, которое висѣло на немъ, и по лицу, щеки и тяжелый подбородокъ котораго также обвисли.

Василиса сѣла противъ него въ кресло и развернула работу.

— Матушка, сударыня, началъ старикъ, я къ вамъ попалъ, какъ къ доброму самаритянину. Вы меня, горемычнаго, призрѣли. Отъ всей души благодаренъ.

Онъ привсталъ и поклонился.

— Полноте, пожалуйста, сказала Василиса.

— Сами вы въ печали, продолжалъ старикъ, слышу, дочку потеряли.

Онъ вспомнилъ просьбу Марфы Ильинишны и сконфуженно сталъ глядѣть вокругъ себя.

Василиса болѣзненно покраснѣла.

— Не будемте объ этомъ говорить, произнесла она.

И въ ту же минуту она подумала: Я не хочу, чтобы онъ касался моего горя; стало быть, и я не имѣю права касаться его горя. О чемъ же я буду съ нимъ говорить?

Ее мучила мысль, что эгоистической своей чувствительностью лишала себя возможности утѣшать старика и, слѣдовательно, быть ему полезной.

Онъ вывелъ ее самъ изъ затрудненія, спросивъ почтительно и добродушно:

— Вы, сударыня, давно изволите въ здѣшнихъ краяхъ проживать.

— Да съ годъ уже. А вы?

— Я пріѣхалъ въ прошломъ декабрѣ, жену привезъ. Плоха уже покойница была; въ Дрезденѣ еще докторъ говорилъ, что нехорошо, ну, да я все надѣялся. На первыхъ порахъ здѣсь, въ Ниццѣ, она какъ будто и поправилась, а

потомъ все плоше да плоше. Ужъ чего я не выстрадалъ, ходючи за ней! Вѣрите, сударыня, пять недѣль не раздѣвался. Прилягу, бывало, на диванъ, только что задремлю, слышу, она стонетъ; встать не смѣю, думаю во снѣ, разбудить боюсь, а стонетъ жалобно такъ. Обожду маненечко и окликну тихонько: Сашенька! Она отвѣчаетъ: „Коли не спишь, Антонъ Степановичъ, подойди, поверни меня на другой бокъ, душитъ меня, моченьки моей нѣтъ.“ А это у нея, значитъ, вода подступаетъ. Подойду это я, поверну ее, перекрещу, думаю—уснетъ; а у самого сердце такъ и ноетъ, такъ и ноетъ. Лягу на диванъ, уткнусь лицомъ въ подушку и возопію душой къ Господу Богу: зачѣмъ не по силамъ посылаешь! — Слезы такъ и бѣгутъ. Слышу, зоветъ: „Антонъ Степановичъ, отчего ты не спишь? Не плачь, все Божья воля: захочетъ — умру, захочетъ — поправлюсь“. Послѣднее время говорить ужъ не могла; бывало, пить пожелаетъ, на губки только показываетъ... Я уже знаю, стаканъ подаю.

— Чѣмъ же была больна ваша жена? спросила Василиса съ участіемъ.

— Да Господь вѣдаетъ, докторовъ вѣдь не разберешь. Сначала говорили, что болѣзнь въ печени, потомъ стали отъ поясницы лѣчить; а вотъ здѣшній докторъ нашелъ, что почки болятъ, онѣмѣли что-ли. Чего-чего не придумывали. А по моему разумѣнію, доложу я вамъ, сударыня, все это одно вранье. Доктора ни бельмеса не смыслятъ. Умираетъ человѣкъ, потому что Богъ по душу пошлетъ, и все тутъ. А Сашенька моя всю жизнь хворая была. Еще въ дѣвицахъ, бывало, какъ свѣча бѣлая ходитъ. А ужъ тихая, тихая была! голоса ея въ домѣ не услышишь. Всѣ ее любили, а прислуга такъ просто на нее молилась, дай ей, Господи, царство небесное!

— Вы долго были женаты? спросила Загорская, замѣчая, что старику пріятно было вспоминать прошлое.

— Да безъ малаго тридцать лѣтъ. Много времени прошло, а кажется — вчера!

Онъ вздохнулъ.

— Вы въ деревнѣ жили, или въ городѣ?

— Въ деревнѣ-съ. У покойницы было хорошее имѣнье въ Курской губерніи, мы тамъ жили. Она его мнѣ и завѣщала.

— Дѣтей у васъ нѣтъ?

— Нѣту-съ. Покойница, когда замужъ вышла, была уже немолода, тридцать пятый годокъ. И чудное дѣло было наша женитьба! Истинно Божіе провидѣніе. За недѣлю до свадьбы я свою невѣсту и не зналъ.

— Какъ же это случилось?

— А вотъ какъ-съ. Сперва доложу вамъ, что батюшка мой былъ очень богатый человѣкъ, и когда родился вашъ покорный слуга, жизнь сулила ему совершенно иное, чѣмъ то, что вышло на дѣлѣ. Родитель мой, не тѣмъ будь онъ помянутъ, любилъ пожить широко и въ одинъ десятокъ лѣтъ спустилъ все состояніе постройками да охотами, да обѣдами на всю губернію. Разорился онъ въ пухъ и скончался скоропостижно, оставивъ матушку и меня при одномъ маленькомъ имѣньицѣ, въ Смоленской губерніи. Матушка моя, дай ей Богъ царствіе небесное, была женщина съ царемъ въ головѣ, сразу бросила барскія привычки и собственноручно принялась за хозяйство. Меня воспитала при себѣ; учился я, разумѣется, на мѣдныя деньги, а когда минулъ мнѣ семнадцатый годъ, опредѣлили меня на службу, и отправился я на Кавказъ. — Тамъ сначала мнѣ повезло, попалъ я въ экспедицію, крестика удостоился, потомъ пришлось всякія невзгоды перетерпѣть, и немало я помаялся. Одно ужъ то: офицеръ молодой! покутить хочется, не отстать отъ товарищей, а покутить не на что; сами изволите знать. Дослужился я такимъ манеромъ до капитанскаго чина, а мнѣ ужъ 40 лѣтъ; въ тѣ поры производства шли туго, не то, что теперь. Матушка мнѣ пишетъ: Подавай въ отставку и пріѣзжай жить со мной. Вышелъ я въ отставку и поселился съ матушкой въ деревнѣ. А добра у меня, если вамъ угодно знать, послѣ двадцати четырехъ-лѣтней службы, мундиръ, да Сенька, крѣпостной слуга, доставшійся отъ покойнаго родителя въ наслѣдство. Живу я съ матушкой: хозяйство, вижу, ведется хорошо, но на женскій манеръ, вездѣ порядокъ, аккуратность, а пользы надлежащей не извлекается и ни-

какихъ улучшеній не вводится. Пообжился я это, поосмотрѣлся и говорю матушкѣ: Мы свой хлѣбъ къ мельнику возимъ, а у насъ подъ горой ручей бѣжитъ: не выгоднѣе ли было бы намъ свою мельницу поставить? Матушка думала, думала и говоритъ: Вотъ тебѣ сто рублей, строй мельницу. Я и началъ строить. Деньги небольшія, за всѣмъ самъ присматриваешь, а когда нужно, такъ и руки приложишь. Стою я разъ съ рабочими на перекладинѣ, мельничный валъ прилаживаемъ, смотрю, съ горы бѣжитъ Сенька и машетъ руками. — Гость пріѣхалъ, васъ ищутъ, пожалуйте-съ. А я неодѣтый; туда, сюда — дѣлать нечего, такъ и пошелъ, какъ былъ на работѣ, въ ситцевой рубахѣ. Мнѣ навстрѣчу идетъ сосѣдъ Филиппъ Ивановичъ Тыкинъ, отставной маіоръ. „А я, говоритъ, за вами, Антонъ Степановичъ. Прикатили ко мнѣ изъ Москвы товарищи; въ картишки поиграемъ, поужинаемъ, выпьемъ, какъ слѣдуетъ, по кавказски“. А онъ тоже служилъ на Кавказѣ при штабѣ и числился въ нашемъ полку. Я было отказываться: дѣло есть, нельзя. „Дѣло, говоритъ, не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, поѣдемъ“. Сталъ уговаривать; и матушка туда же: Поѣзжай, молъ, Антоша. Вотъ я и поѣхалъ. Пріѣхали. Ознакомился я съ товарищами Филиппа Ивановича, два брата, Дмитрій и Андрей Алексѣевичъ Ахлатскіе, можетъ, изволите знать?

— Нѣтъ, не знаю.

— Хорошіе люди, богатые. Старшій братъ, Дмитрій Алексѣевичъ, былъ губернскимъ предводителемъ сколько лѣтъ, теперь въ Питерѣ проживаетъ, а меньшій братъ—Андрей Алексѣевичъ — военный: онъ тотъ самый, что теперь сюда ѣдетъ, дай ему, Богъ, доброе здоровье. Ну-съ, сѣли мы это за карты, поужинали, вспомнили старое времячко, выпили, разумѣется, порядочно, да такъ всю ночь и просидѣли въ пріятной бесѣдѣ. Поутру Андрей Алексѣевичъ говоритъ: „А что братъ Бѣлкинъ, вѣдь жалко разставаться, право, жалко; поѣдемъ-ка лучше всѣ вмѣстѣ ко мнѣ въ деревню, тамъ послѣзавтра храмовой праздникъ, мы и кутнемъ“. Я вспомнилъ мельницу. „Домой, говорю, нужно“. И слышать не хотятъ. Запрягли лошадей и катимъ вчетверомъ въ ко-

ляскѣ. Такъ и подкатили на всѣхъ рысяхъ къ крыльцу. Усадьба, вижу, барская, домъ огромнѣйшій, полонъ гостей; отвели мнѣ комнату вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Филиппомъ Ивановичемъ. Вечеромъ легли мы спать, а онъ мнѣ и говоритъ: „Антонъ Степановичъ, какъ тебѣ, говоритъ, нравится сестра хозяина, Александра Алексѣевна?“ А ихъ двѣ барышни, Митрадора Алексѣевна и Александра Алексѣевна. Александра Алексѣевна была старшая, а другая-то много поможе. „Что же, отвѣчаю я, дѣвица, кажется, хорошая, тихой такой смотритъ“. „А коли такъ, и она, говоритъ, тебѣ понравилась, такъ не откладывай дѣло, женись!“ „Какъ женись? Богъ съ тобой! Она красавица, образованная барышня, съ большимъ приданымъ, а я, хотя и дворянинъ, но образованія не получилъ и гроша мѣднаго не имѣю“. А онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Нужды нѣтъ, ты брату больно понравился. Душа человѣкъ, говоритъ, твой Бѣлкинъ, безъ хитрости; будетъ любить и беречь мою сестру. Право, посватайся!“ А на другой день, самъ Андрей Алексѣевичъ ко мнѣ: „Женись да женись на моей сестрѣ“. Я туда, сюда; Александра Алексѣевна, говорю, меня не знаетъ, и я-то всего разочекъ ее видѣлъ. „Ничего, говоритъ, женитесь, слюбитесь; ты знай свое дѣло, присватайся только, а я съ ней поговорю“. Это было 19 іюля, наканунѣ храмового праздника Ильи пророка, а 25, сударыня вы моя, стояли мы съ ней, съ моей голубушкой, подъ вѣнцомъ передъ аналоемъ, и повѣнчалъ насъ попъ. На мнѣ былъ мой старый мундиръ, который привезъ мнѣ изъ деревни нарочный, вмѣстѣ съ матушкинымъ благословеніемъ, а въ карманѣ у меня болтался, всего на всего одинъ двугривенный. Вотъ какими чудными путями все совершилось!

— А мельница ваша? невольно улыбаясь, спросила Василиса.

— Мельницу матушка уже безъ меня достроила. Мы съ женой уѣхали въ приданое ея имѣніе и прожили тамъ до той самой поры, какъ она заболѣла и послали насъ доктора мыкаться по заграницѣ.

Старикъ умолкъ и опустилъ голову. Василиса думала: Вотъ были же люди счастливы и прожили свой вѣкъ, бла-

гословляя судьбу! А куда несложна была и неразнообразна форма, въ которую вылилось ихъ счастье...

Няня накрыла на столъ и подала обѣдъ.

— Вы желаете, можетъ быть, курить? спросила Василиса, когда послѣ обѣда подали кофе.

— Нѣтъ-съ, я не курю. А вотъ, ежели позволите табачку понюхать...

Онъ досталъ изъ кармана черепаховую табакерку, съ золотыми звѣздочками и, постучавъ пальцемъ по крышкѣ, съ наслажденіемъ и громко затянулся.

— Послѣдній ея подарочекъ, сказалъ онъ, и готовая слеза показалась на глазахъ.

— Какъ же вы думаете, Антонъ Степановичъ, устроить теперь вашу жизнь? спросила съ участіемъ Василиса.

— Да что, сударыня, какъ Богъ пошлетъ. Изволите знать поговорку: „Зацѣпился, мотайся: оторвался, валяйся". Вотъ я и валяюсь. Невѣстка съ мужемъ пріѣдутъ, можетъ, они не оставятъ. Ахъ! горько, горько мнѣ будетъ! не привыкъ я къ одинокому житью.

Когда Антонъ Степановичъ собрался идти домой, онъ поцѣловалъ у Василисы Николаевны руку и назвалъ ее еще разъ своею благодѣтельницею.

Ей было утѣшительно думать, что тѣмъ малымъ, что она сдѣлала, она облегчила этому человѣку первыя тяжелыя минуты одиночества. Черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ съ ней проститься; пріѣхали его родственники и увозили съ собой въ Петербургъ.

Василиса пожелала ему добраго пути, и опять сосредоточилась въ своей грусти.

VII.

Съ утренней почтой пришло письмо.

Когда его подали Василисѣ, она измѣнилась въ лицѣ и нѣсколько мгновеній держала письмо въ рукахъ, не рѣша-

ясь раскрыть. Конвертъ былъ большой, квадратный, съ выпуклымъ вензелемъ, увѣнчаннымъ короною; почеркъ четкій, нѣсколько банальный.

Раскрывъ, наконецъ, письмо, она прочла его медленно и задумалась. Черезъ нѣсколько минутъ прочла еще разъ. Затѣмъ взяла листъ почтовой бумаги, написала нѣсколько строкъ и позвала Марфу Ильинишну.

— Няня, голубчикъ, возьмите сейчасъ извощика; поѣзжайте къ князю Сокольскому и свезите ему эту записку. Только скорѣй, пожалуйста.

— Сію минуту-съ.

Няня взяла записку и немедленно собралась.

Во время ея отсутствія Василиса ходила по комнатѣ взадъ и впередъ. Каждый разъ, что она проходила мимо стола, на которомъ лежало письмо, она на него взглядывала, какъ бы поневолѣ, и презрительная улыбка скользила по ея губамъ.

Черезъ полчаса Марфа Ильинишна воротилась.

— Ну, что? спросила Василиса.

— Велѣли сказать, что сейчасъ будутъ; извиняются, что не пишутъ. Только что проснулись, прибавила уже отъ себя Марфа Ильинишна.

— Хорошо. Няня, приберите немного; я видѣла тамъ въ прихожей какія-то корзины валяются, и дверь въ кухню отперта. Приведите все въ порядокъ. Да, вотъ еще, покуда князь будетъ здѣсь, пожалуйста никого не принимайте.

— Слушаю-съ.

Рѣшительный тонъ, оживленное выраженіе лица удивили радостно няню. Но болѣе всего, маленькія распоряженія по хозяйству послужили ей доказательствомъ, что барыня вышла изъ состоянія равнодушной апатіи.

— Ожила, слава тебѣ Господи! твердила про себя няня, убирая корзинки изъ прихожей и притворяя въ кухню дверь, которую, по обыкновенію русскихъ слугъ, она любила оставлять открытой, за что въ былое время Василиса Николаевна не разъ съ ней воевала.

Скоро явился князь Сокольскій, тщательно выбритый, безукоризненно одѣтый, съ натянутой на лѣвой рукѣ перчаткой и съ нѣсколько взволнованнымъ видомъ, выражающимъ готовность къ участію.

— Простите, что я васъ потревожила въ такую раннюю пору, сказала Василиса, идя ему навстрѣчу. Мнѣ было очень нужно васъ видѣть, посовѣтоваться съ вами.

Она пожала ему руку и, сѣвъ, указала на кресло.

— Я получила сейчасъ письмо и желала прочесть его вамъ.

Она вынула изъ конверта сложенный вдвое листъ, съ большимъ вензелемъ. Князь принялъ внимательную позу. Загорская прочла:

Милостивая Государыня,

Василиса Николаевна!

„Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣстясь изъ Вашей телеграммы о преждевременной кончинѣ любезнѣйшей дочери нашей Натальи...

— А... отъ вашего мужа? произнесъ князь.

— Да, отъ него...

Не спѣша, не дѣлая никакого замѣчанія, Василиса прочла письмо до конца. Оно было не длинно. Послѣ начальной фразы, о дочери болѣе неупоминалось. Загорскій излагалъ неудовлетворительное положеніе своихъ финансовыхъ дѣлъ, вслѣдствіе котораго видѣлъ себя въ необходимости значительно уменьшить высылаемыя Василисѣ Николаевнѣ заграницу средства къ жизни, и кончалъ тѣмъ, что предлагалъ ей вернуться подъ супружескій кровъ. Предложеніе это высказывалось въ формѣ благонамѣреннаго совѣта; весь тонъ письма былъ холоденъ, приличенъ и самоувѣренъ.

Окончивъ чтеніе, Василиса вопросительно взглянула на князя.

— Что же теперь?

Князь сидѣлъ, опустивъ голову; по его тонкимъ губамъ скользнула улыбка недоумѣнія и гадливости.

— Вы вашего письма еще не отправляли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вотъ оно.

Она вынула изъ бювара запечатанный конвертъ.

— Такъ что же? спросила она еще разъ. Стало быть, по вашему, теперь не слѣдуетъ?...

— Я не то хотѣлъ сказать... Сущность вопроса не измѣнилась, но онъ представляется неожиданно въ очень неприглядныхъ краскахъ... Провѣрили ли вы хорошо свои силы?

— Отлично провѣрила, отвѣчала Василиса. И теперь, князь, хочу, въ вашемъ присутствіи, сдѣлать маленькую экзекуцію...

Не распечатывая конверта, она разорвала письмо на нѣсколько кусковъ.

— Вотъ оно!... Никогда не существовало.

Сдержанное негодованіе просилось наружу.

— Вы понимаете, проговорила она, что полученное сегодня письмо ничего новаго мнѣ не открыло; я давно измѣрила все безутробіе этой натуры. Я приняла вашъ совѣтъ потому, что въ минуту отчаянія хватаешься за соломинку; этотъ добрый совѣтъ принесъ свою пользу въ данный моментъ, помогъ мнѣ встать на ноги, но на дѣлѣ онъ былъ непримѣнимъ. Ничего хорошаго изъ натянутой попытки не вышло бы, — вѣрьте. А это письмо заставило меня только очнуться немного ранѣе.

Возбужденное лицо Василисы, съ разгорѣвшимися глазами и гордой улыбкой казалось князю прекраснымъ; и онъ смотрѣлъ на него съ упоеніемъ, забывая о грустной причинѣ ея возбужденія.

— Вы замѣтили съ какимъ бездушіемъ онъ относится къ смерти дочери, продолжала Василиса. Вѣдь онъ отецъ... простой инстинктъ долженъ былъ бы заставить дрогнуть его сердце... Что же касается до его отношеній ко мнѣ, намѣренія его ясны. Онъ хочетъ, чтобы я вернулась, и думаетъ взять меня голодомъ. Онъ ошибается. Благодаря его, я выучилась жить со скромными средствами; въ денежномъ отношеніи я независима. Я буду работать, ежели нужно.

— До работы, положимъ, не дойдетъ... проговорилъ князь, поступокъ и безъ того достаточно..

Выраженіе его лица договорило то, чего онъ не хотѣлъ выразить словами.

— Вы ошибаетесь, сказала Василиса; вы не знаете моихъ средствъ. Онъ высылалъ мнѣ до сихъ поръ ничтожную часть того, что онъ самъ проживаетъ. Я умѣла съ этимъ устраиваться... Я, какъ мышь, забилась въ свою норку, никого не видала, отказывалась отъ всего... Загорскій не слышалъ отъ меня слова жалобы.. Теперь онъ предлагаетъ мнѣ дилемму: либо вернуться къ нему съ повинной головой, либо сѣсть на пищу св. Антонія. Я выбираю послѣднее. Давайте, сочтемте мои будущіе доходы.

Она взяла карандашъ и на оборотѣ письма Загорскаго стала выводить цифры.

— Вотъ, что я буду проживать въ мѣсяцъ. Ну, князь, отъ работы недалеко ушло!

— А васъ это тѣшитъ? О чемъ вы ликуете?

— Какъ же не ликовать! Свободна! Никогда не увижу болѣе ненавистнаго мнѣ человѣка. Ужели вы не понимаете значенія этого слова? А съ мыслью о работѣ примириться мнѣ очень нетрудно, — даже пріятно, прибавила она задумчиво; начинаешь чувствовать себя какъ-то лучше, болѣе въ гармоніи съ общей участью...

— Отъ васъ все станетъ! Вы, въ самомъ дѣлѣ, заберете себѣ въ голову работать.

— Почему же нѣтъ? И не задумаюсь, коли явится необходимость. Въ гувернантки не пойду, — это крѣпостничество; но я буду шить, кружева штопать, книги переводить... Кромѣ своего, я три языка хорошо знаю; это капиталъ.

Она смѣялась. Князь, тоже смѣясь, взялъ ея руки.

— Герой вы этакій, все на самостоятельность бьете! Вотъ докажите мнѣ, что въ васъ истинно живетъ сильный и геройскій духъ...

Лицо князя было взволновано; нѣжныя руки, которыя онъ держалъ въ своихъ рукахъ, жгли его.

— Чѣмъ же я могу это доказать? спросила Василиса.

— Я скажу вамъ; но дайте слово, что выслушаете меня терпѣливо, не разсердитесь...

Она нахмурила брови.

— Какое предисловіе... Сядемте, по крайней мѣрѣ...
Она высвободила свои руки и сѣла на пуфъ, передъ столомъ.

— Вы жаждете труда, началъ князь, не переставая нервно улыбаться. Я знаю для васъ задачу, непріятную, скучную... Хотите взяться за нее?...

Онъ смотрѣлъ на нее, прося взглядомъ поощренія. Но она молчала и только тихонько морщилась, какъ морщится человѣкъ, когда онъ ожидаетъ, что вотъ что-то очень больно и непріятно задѣнетъ его.

— Въ васъ живетъ такое сочувствіе ко всѣмъ неимущимъ и нуждающимся, продолжалъ князь. Нуждающіеся не тѣ только, которымъ не достаетъ куска хлѣба и одежды, есть душевный холодъ и голодъ. Ежели бы вамъ сказали: Вотъ человѣкъ, сердце котораго билось когда-то горячо, душа котораго знала стремительные порывы, но въ немъ все заглохло, потому что онъ не нашелъ на своемъ пути желаннаго счастья: годы его проходятъ даромъ въ эгоистическомъ равнодушіи ко всему окружающему; отъ васъ зависитъ воскресить въ немъ живыя стремленія, пробудить силы, сдѣлать изъ него человѣка полезнаго и дѣятельнаго, въ обширномъ смыслѣ слова. Вы отказались бы отъ такой задачи?

— Что онъ, купить меня хочетъ? подумала Василиса; но, взглянувъ на князя, она увидѣла, что въ мысляхъ его не было ничего, что могло бы оскорбить ее; взглядъ его выражалъ одну покорность и желаніе, чтобы она поняла его и помогла бы сказать то, что она можетъ и хочетъ отъ него выслушать.

Выраженіе лица ея смягчилось.

— Бываетъ, что люди остаются вѣрны воспоминанію, проговорилъ князь. Я оставался вѣренъ надеждѣ, — съ того дня, когда въ первый разъ встрѣтился съ вами. Вашъ образъ не покидалъ моей души. Я жилъ мечтой о васъ...

Войдите же хозяйкой въ домъ, давно для васъ приготовленный...

Онъ умолкъ и, смущенный тѣмъ, что сказалъ, въ ожиданіи смотрѣлъ на нее.

Она чувствовала, что поставила себя и его въ очень неловкое положеніе. Слѣдовало остановить его съ первыхъ словъ; выслушавъ же его до конца, она давала ему право разсчитывать на свое согласіе. Она видѣла свою ошибку и чувствовала, что нужно непремѣнно и неотлагательно вывести его изъ заблужденія.

— Князь Кирила Федоровичъ, проговорила она, мнѣ ваша дружба очень дорога; я не желала бы утратить ее, прекратимте этотъ разговоръ.

Но князь ея не понялъ. Онъ думалъ, что она колеблется, смущаясь своимъ положеніемъ. Онъ видѣлъ себя неожиданно у цѣли; ему стало страшно, что она какимъ нибудь необдуманнымъ словомъ рѣшитъ не такъ, какъ-онъ желалъ, и разрушитъ его надежды. Взволнованный и блѣдный, съ дрожащими руками, онъ тянулся къ ней.

— Не теперь... Когда получите разводъ... Я буду хлопотать...

Василиса не успѣла сообразить, что ей отвѣтить, какъ князь стоялъ уже передъ нею и прощался.

— Ни слова... умоляю васъ!... Обдумайте.

Онъ пожалъ ея руку, низко поклонился и вышелъ.

VIII.

Разговоръ съ княземъ довершилъ реакцію, произведенную письмомъ изъ Петербурга. Василиса вышла изъ своего пассивнаго состоянія.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней она мучительно волновалась. Вопросъ, предоставленный на ея разрѣшеніе княземъ Сокольскимъ, самъ посебѣ не вызывалъ раздумья, онъ былъ для нея простъ: она не чувствовала страстнаго влеченія къ князю и потому не могла принять его любви

Но этотъ вопросъ, возникшій передъ ней неожиданно, въ столь опредѣленной формѣ, нарушилъ святыню ея горя и заставилъ увидѣть ясно, что происходило въ ея душѣ.

Въ ней совершалась усиленная и сложная внутренняя работа. Обстоятельства сложились для нея такъ, что въ какомъ бы смыслѣ она ни рѣшила, въ ея жизни наступалъ переломъ. Сближеніе съ княземъ — какъ его законная жена — открывало широкія перспективы: имя, положеніе, его государственная дѣятельность, на которую ей можно будетъ вліять, — задатки, ежели не счастія, то удовлетворенія честолюбивыхъ стремленій. Ей представлялась жизнь въ деревнѣ, — школы, больницы... Сколько добра можно сдѣлать!... Да, но какой цѣной все это будетъ куплено?... Василиса задумывалась. Возможенъ ли разводъ? а ежели и возможенъ, то, при самомъ счастливомъ исходѣ дѣла, сколько предвидится затрудненій, всякихъ толковъ, униженій. Наконецъ, препятствія устранены, цѣль достигнута; что же она пріобрѣтаетъ такой дорогой цѣной? Душевное удовлетвореніе немыслимо, потому что нѣтъ влеченія; но душевное довольство, это — роскошь жизни, безъ которой должно умѣть обойтись... Что же остается помимо этого? Школы и больницы? — онѣ существовали и безъ нея. Вліяніе на образъ мыслей и дѣятельность престарѣлаго консерватора? — это еще вопросъ проблематическій. Стало быть, положительнымъ итогомъ оставалось только положеніе и просторъ жизненной обстановки. Но вѣдь это уже было, это уже старая, знакомая жизнь, только въ болѣе широкой рамкѣ. — Я не этого хочу; чего же я хочу? думаетъ Василиса.

Сначала въ ней шевелилось лишь смутное понятіе, что есть область мысли, интересы которой стоятъ несравненно выше всякаго личнаго горя и душевнаго недовольства, есть люди, посвятившіе себя идеѣ, и эти люди живутъ, работаютъ и умираютъ, не переставая вѣрить въ то дѣло, во имя котораго они подвизались. Все опредѣленнѣе и ярче выростала передъ ней картина совершенно иной жизни, иного міросозерцанія. Этотъ невѣдомый для нея міръ былъ ей близокъ,

и ей становилось ясно, почему ее тянуло туда всѣми живыми силами ея души.

Она не хотѣла обманываться. Она знала, что прошлое, о которомъ намѣренно забывала, жило въ ея внутреннемъ мірѣ неприкосновенно. Она собралась съ духомъ и вынула изъ особаго портфеля, гдѣ они хранились, письма Борисова. Со времени печальнаго происшествія она не дотрогивалась до нихъ. Теперь онѣ являлись матеріаломъ какъ бы новымъ; она перебрала ихъ, и прочла ихъ всѣ, съ начала до конца.

Первое письмо живо напомнило ей періодъ отрезвленія, наставшій послѣ отъѣзда Борисова, когда она очнулась, какъ ей тогда казалось, на самомъ краю пропасти и, обрадованная своимъ спасеніемъ, старалась отвлечь и его отъ утопическихъ, опасныхъ мечтаній.

„Каждую субботу, писалъ Борисовъ, какъ только возстаю отъ сна, чтобы идти на лекцію, нахожу на своемъ окошкѣ вѣсточку изъ Ниццы. Читать дома некогда, на улицѣ неудобно, потому что бѣжишь скоро; въ силу чего прочитываю уже на лекціи, такъ что первыя слова профессора ускользаютъ отъ моего вниманія. Вы, должно быть, предчувствовали это неудобство и, взамѣнъ плохо слушанной лекціи, постарались прочесть мнѣ другую. Но, мой талантливый учитель, по правдѣ сказать вамъ, что, читая ваши строки, мнѣ казалось, что не я самъ ихъ разбираю и произношу, а будто позади меня стоитъ Алексѣй Степановичъ Скромновъ и своимъ сладкимъ голоскомъ говоритъ: „Учитесь, молодой человѣкъ, бросьте глупые вопросы, которые тѣснятся въ вашей головѣ. Вы сынъ благородныхъ родителей, охота вамъ возиться съ этой дрянью. Вращаясь въ этомъ обществѣ, вы привыкнете къ сквернымъ манерамъ и утратите всякую комильфотность“ и т. д., и т. д. Сравненіе рѣзко и малоосновательно, соглашусь съ вами, — развѣ можно эти искренніе и добрые совѣты ваши сравнивать съ приторными рѣчами Алексѣя Степановича, пропитанными прописною моралью? Простите за это, но я, по своей откровенности, не хотѣлъ скрыть перваго впечатлѣнія, которое, какъ всегда, потому что оно первое, очень поверхностно. Искренно благодарю васъ за ваше участіе... но и только. Хотя я и пте-

нецъ неоперенный, но путь своего полета обдумалъ, и лучше разъ двадцать стукнусь о телеграфную проволоку, а пути своего не измѣню. Зачѣмъ же я пріѣхалъ въ Женеву? Развѣ я не объяснялъ вамъ моихъ цѣлей еще передъ отъѣздомъ? Неужели вы думаете, что трехнедѣльный срокъ все измѣнилъ въ моемъ міросозерцаніи? Наивно. Мое знакомство со всякими людьми, которое васъ такъ пугаетъ, не простая случайность, — это логическое, необходимое слѣдствіе той общей точки зрѣнія, которая у меня выработалась; поступать иначе, значило бы поступать непрактично и нецѣлесообразно. Вамъ это трудно понять, вы слишкомъ далеко стоите отъ этого голоднаго міра, отъ этого бого-страдальца, не знающаго своего всемогущества..."

Письмо оканчивалось словами: „Пишите почаще, ваши письма для меня, какъ теплый лучъ въ холодномъ царствѣ."

Слѣдующее письмо было начерчено на двухъ полулистахъ синей бумаги, небрежнымъ, связнымъ почеркомъ, такъ что съ трудомъ разбиралось.

„Указанныя вами статьи въ Revue des Deux Mondes объ устройствѣ благотворительныхъ учрежденій въ Нью-Іоркѣ прочту и тогда выскажу вамъ свое мнѣніе, а покуда ограничусь небольшой апологіей, которая объяснитъ вамъ мой взглядъ касательно палліативныхъ и радикальныхъ средствъ. Нѣкій индивидуумъ заболѣлъ, открылись у него, положимъ, на рукѣ язвы; больной обращается къ доктору. Къ несчастью, докторъ шарлатанъ, которому хотѣлось получить побольше денегъ. „Сдѣлаю такъ, думаетъ онъ, какъ будто помогу больному, но вмѣстѣ съ тѣмъ продлю болѣзнь, отчего леченіе будетъ продолжаться очень долго, и я получу за пользованіе большія деньги". Вмѣсто того, чтобы начать радикальное леченіе, давая внутреннія средства, укрѣпляющія организмъ и удаляющія худосочіе, докторъ прописываетъ наружныя, заживляющія средства. Раны быстро закрываются, больной въ восхищеніи отъ доктора. Но не проходитъ и мѣсяца, болѣзнь начинаетъ выражаться въ другихъ припадкахъ, въ продолжительныхъ головныхъ боляхъ, въ ломотѣ костей, язвы вновь открываются и распространяются энергичнѣе, чѣмъ прежде. Больной отправляется

опять къ доктору, но, къ счастью, къ другому. Этотъ — человѣкъ понимающій, а главное, честно относящійся къ своей спеціальности. Онъ принимается за лѣченіе серьезно, прописываетъ хорошую пищу, даетъ внутреннія средства, язвы же, напротивъ, растравляетъ, безпрестанно ихъ прижигая... Черезъ очень недолгое время раны начинаютъ заживать, больной начинаетъ себя чувствовать сильнымъ и здоровымъ. — Коментарій на эту притчу дѣлать нечего, она ясна. Сравните индивидуальный организмъ съ общественнымъ, этотъ паталогическій процессъ живого индивидуума съ такими же болѣзненными явленіями общественнаго организма. Заживить раны не значитъ искоренить причины ихъ появленія. Уменьшить пауперизмъ путемъ ассоціацій и школъ, не значитъ вырвать съ корнемъ причину его появленія. Причина появленія зла понятна. Когда нибудь поговоримъ объ этомъ, это вопросъ запутанный и обширный. Теперь же скажу только, что мирный прогрессъ — это миѳъ, понятіе, созданное воображеніемъ идеалистовъ и эгоизмомъ сильныхъ міра сего. Человѣчество идетъ впередъ медленно, и каждый шагъ стоитъ много крови и жертвъ. Забираться далеко не будемъ; начнемъ съ Реформаціи“.

Василиса хорошо помнила это письмо и впечатлѣніе, которое оно произвело на нее. Въ настоящую минуту оно являлось какъ бы отвѣтомъ на самую существенную сторону того сложнаго вопроса, который рѣшался въ ея умѣ. Она прочла до конца мелко исписанныя страницы и задумалась.

Въ другомъ письмѣ она напала на слѣдующее замѣчаніе:

„Вамъ не понравилось мое выраженіе: *если мы когда-нибудь встрѣтимся*. Оно и мнѣ не по душѣ, но употребилъ я его совершенно обдуманно. Впередъ загадывать трудно. Желаніе *эгоистическое* въ этомъ случаѣ слишкомъ слабый факторъ: нужна еще возможность. Мало ли чего я желаю лично для себя, но приходится ограничивать, усыплять всѣ эти стремленія. Почему? — разъяснять, кажется, ненужно.“

Въ слѣдующемъ письмѣ Борисовъ писалъ:

„На ваше предыдущее письмо отвѣчу нѣсколькими словами. Взглядъ вашъ на красное знамя и вообще на ре-

волюціонное движеніе крайне неоснователенъ, а, главное, односторопенъ. Что вы не любите краснаго знамени, это очень понятно; не вѣрить же въ него — легкомысленно. Другіе, ваши собратья, хотя не любятъ его такъ же, какъ и вы, но болѣе дальновидны, чѣмъ вы, и увидѣли его уже издалека. Жалѣю, что не сижу въ настоящую минуту у камина, въ вашей гостинной; привелъ бы массу аргументовъ, которые поколебали бы въ васъ привитыя средою идеи. Бесѣдовать же письменно въ этомъ тонѣ больше не буду. Вы болѣе любите *письма*, чѣмъ *трактаты*.

„Попрошу васъ исполнить одну маленькую просьбу, которая, вѣроятно, не затруднитъ васъ. Здѣсь, послѣ моего пріѣзда, основалась Славянская Библіотека, въ которой я состою кассиромъ и секретаремъ. Такъ какъ это дѣло новое, и Славянъ тутъ покуда немного, то и понятно, что средства матеріальныя очень невелики. Я, какъ одинъ изъ иниціаторовъ этого дѣла, прошу васъ собрать между всѣми золотыми мѣшками, графами и князьями, которые васъ окружаютъ, какую-нибудь лепту. Цѣль этой библіотеки для нихъ дѣло неважное. Скажите имъ, что библіотека будетъ служить центромъ, гдѣ будутъ группироваться проживающіе и на время пріѣзжающіе Славяне. Зачѣмъ этотъ центръ? — можете объяснить всякому, какъ угодно, смотря по личности. Одному говорите: для научныхъ цѣлей, другому — для филантропическихъ, и т. д. Я увѣренъ, что вы успѣете. Только пожелаете-ли?

„Затѣмъ, жму крѣпко вашу руку. Цѣловать заочно не люблю.“

Василиса вспомнила уклончивый отвѣтъ, который она послала на это письмо, и какъ она сочла нужнымъ, ради принципа, отнестись съ негодованіемъ къ такому предложенію. Это былъ одинъ изъ случаевъ, при которыхъ ее особенно поражала условность и пустота ея писемъ къ Борисову. Борисовъ самъ замѣчалъ эту пустоту и однажды выразилъ ей это.

„Вы спрашиваете, почему такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо? Признаться сказать, и теперь съ трудомъ собрался и взялся за перо. Какъ-то неохотно отвѣчаешь на

раздушенные лоскутки, которые вы такъ скупо отправляете по моему адресу.

„Впрочемъ, вы такая поклонница формы, и они такъ изящны: снѣжной бѣлизны листокъ, на которомъ, подъ микроскопомъ, съ трудомъ различаешь нѣсколько растянутыхъ строкъ. Что такое? почему вы стали такъ несообщительны? — Нехорошо. Вы спрашиваете о моемъ житьѣ-бытьѣ. Сначала пораспрошу объ этомъ васъ. Въ вашихъ недлинныхъ письмахъ самое маленькое мѣсто занимаете вы сами, субъектъ наиболѣе для меня интересный.

„Поразскажите мнѣ о вашей индивидуальной жизни. Дверцы магическаго шкапчика закрылись, и всѣ драгоцѣнности, сокрытыя въ немъ, недоступны для моего любопытнаго глаза. Не такъ давно я зналъ секретъ этого магическаго шкапчика; давилъ пружину, дверцы отворялись, и я брался за все въ немъ заключающееся, не руками художника, а просто реалиста-эмпирика, рылся, подвергалъ химическому анализу, взвѣшивалъ... и вдругъ магическій шкапъ закрылся!... Чѣмъ вы занимаетесь? До чего новаго додумались? Хотѣлось бы мнѣ посидѣть часика два у камина и поговорить съ вами: начать съ историко-соціальныхъ вопросовъ и перейти къ чисто индивидуально-психическимъ явленіямъ. Переходъ понятенъ, соціальныя и психическія явленія тѣсно связаны между собою.“

Это письмо было получено во время болѣзни Наташи; Василиса не отвѣчала на него. Борисовъ писалъ еще разъ, и затѣмъ умолкъ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ давалъ свой адресъ въ Женевѣ, прося ее писать на имя m-r Serge.

Окончивъ чтеніе, Василиса подобрала письма по порядку, сложила ихъ въ пачку и связала тесьмой. Она провела руками по волосамъ и, вставъ, потянулась, какъ потягивается человѣкъ, когда онъ кончилъ очень трудное и запутанное дѣло. Процессъ, который производился въ ея умѣ, былъ рѣшенъ; она, какъ добросовѣстный предсѣдатель, разсмотрѣла подробно дѣло, прочла документы, выслушала обвинительную рѣчь и защиту, и, наконецъ, произнесла свой приговоръ.

— Туда, къ новой жизни... къ новымъ людямъ... Будетъ, что будетъ!

IX.

Какъ только вопросъ рѣшенъ съ нравственной стороны, на сцену являются соображенія чисто практическаго характера: когда? какъ? какимъ образомъ?

Срокъ квартиры, занимаемой Василисой, кончался 1-аго сентября. Это обстоятельство послужило ей какъ бы исходной точкой всѣхъ соображеній, посредствомъ которыхъ принятое рѣшеніе переходитъ изъ области мысли въ область матеріальнаго осуществленія. Она положила пробыть въ Ниццѣ до истеченія срока найма квартиры и, въ послѣднихъ числахъ августа, поѣхать въ Женеву.

При дальнѣйшемъ обсужденіи практической стороны дѣла, главныхъ зацѣпокъ оказалось три: князь Сокольскій, няня, — и денежный вопросъ.

Князю Сокольскому Василиса написала записку, дружескую по формѣ, по рѣшительную по содержанію, вслѣдствіе которой онъ сдѣлалъ короткій прощальный визитъ и, спустя нѣсколько дней, уѣхалъ изъ Ниццы.

Денежный вопросъ Василиса порѣшила самымъ простымъ способомъ. Она послала за ювелиромъ и, предоставивъ его оцѣнкѣ довольно крупныя бриліантовыя серьги и изумрудный аграфъ, которыхъ никогда не носила, а берегла на случай надобности, какъ въ настоящую минуту,—согласилась на его условія. Бриліантщикъ вынулъ изъ толстаго бумажника три тысячефранковыхъ билета и, забравъ бархатные футляры, вышелъ, почтительно раскланиваясь.

Деньги нужны были Василисѣ для отправки няни въ Россію, для дороги и для расходовъ, на первыхъ порахъ, въ Женевѣ. „Разъ устроюсь, и на четыреста франковъ въ мѣсяцъ можно будетъ жить“, думала она.

Самый затруднительный и задѣвающій ее больно за сердце вопросъ былъ вопросъ о нянѣ. Она знала, какимъ огорченіемъ будетъ вѣсть о ихъ разлукѣ преданной и привыкшей къ ней Марфѣ Ильиничнѣ. Съ недѣли на недѣлю она откладывала необходимость сообщить ей о своемъ намѣреніи. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, въ началѣ августа ѣхавъ съ ней въ коляскѣ съ кладбища, по пустынной Promenade des Anglais, гдѣ тянулись, съ одной стороны, рядъ опустѣлыхъ словно вымершихъ виллъ съ закрытыми ставнями, а съ другой, мѣрно колыхались въ вечернемъ воздухѣ вѣтвистыя верхушки пальмъ и проглядывали, сквозь накрывающую ихъ густую пыль, ярко-алые цвѣты олеандровъ. Василиса въ нѣсколькихъ словахъ объявила ей о предстоящемъ своемъ отъѣздѣ изъ Ниццы.

— Слушаю-съ, отвѣчала просто Марфа Ильинишна. А скоро ли ѣдемъ, матушка? —

— Да, няня, я поѣду скоро, черезъ недѣли двѣ. А васъ я думаю отправить въ Россію; вамъ будетъ лучше, чѣмъ оставаться здѣсь.

— Матушка, какъ же это? вымолвила няня и на минуту словно обомлѣла. Слезы хлынули вдругъ у нея изъ глазъ, и, не помня что дѣлаетъ, она бросилась къ Василисѣ Николаевнѣ.

— Няня! на улицѣ. Мы послѣ поговоримъ.

Она ласково положила свою руку на толстую, добрую руку няни, и, отвернувъ голову, стала глядѣть на море, гдѣ яркая лазурь золотилась отраженіемъ заката и начинала переливать разноцвѣтными огнями.

Самое трудное было сказано.

Вечеромъ она имѣла длинный разговоръ съ Марфой Ильиничной, въ которомъ объяснила ей, насколько это было нужно и возможно, причины своего рѣшенія, указавъ прямо на недостатокъ финансовыхъ средствъ.

— Разсудите сами, няня, возможно ли съ такими средствами прожить намъ вдвоемъ? Я еще не знаю, какъ сама устроюсь.

Няня хотѣла возражать, Василиса остановила ее.

— Я увѣрена, что вы готовы на всякій трудъ и лишенія, добрая няня, я это знаю и цѣню, но взять васъ съ собой не могу. А о томъ, какъ вы поѣдете, не заботьтесь; я уже говорила съ нашимъ священникомъ; онъ знаетъ семейство, которое ѣдетъ въ Петербургъ, и охотно возьметъ васъ съ собою.

— Охъ! сударыня, что обо мнѣ хлопотать. Вотъ вы-то... вы-то...

Няня заливалась слезами и покрывала поцѣлуями руки Василисы Николаевны.

— Болѣзная вы моя, сердечная, голосила она. Какъ же вы безъ прислуги-то будете? вѣдь вы не привыкли.

— Куда я ѣду, няня, мнѣ прислуги ненужно; тамъ всякій самъ себѣ служитъ.

— Что же это за край, матушка? Чай, далекой?

— Очень далекой, няня.

Дня за три до отъѣзда, няня, охая и вздыхая, начала укладывать вещи Василисы Николаевны. Комнаты приняли видъ разоренія и неосѣдлости, предшествовавшія отъѣзду, — тотъ видъ, который, кажется, такъ и выживаетъ обывателя. Сундуки стояли въ гостинной; на диванахъ, на креслахъ, во всѣхъ углахъ, лежали платья, юбки, накидки, всякаго рода мелочь, составляющая ненужный и никогда неупотребляемый скарбъ, который мало-по-малу накопляется и только въ день генеральнаго смотра, какъ въ настоящемъ случаѣ, появляется на божій свѣтъ. Наканунѣ Василиса пересмотрѣла свой гардеробъ, и, выбравъ нѣсколько шелковыхъ платьевъ и бархатное пальто, подарила ихъ Марфѣ Ильиничнѣ.

— А сами-то, говорила няня, утирая глаза и, въ волненіи чувствъ, не зная, радоваться ли подарку, или печалиться за барыню, — сами-то! Вѣдь кромѣ двухъ черныхъ да суконнаго, да этого,—она указала на траурное платье, что было на Василисѣ, — почитай, что никакого не останется.

— Мнѣ не нужно. Я цвѣтныхъ платьевъ носить болѣе не буду. А вамъ, няня, онѣ пригодятся; принарядитесь иной разъ и меня вспомянете.

— Вѣкъ съ платьицами вашими не разстанусь! Умирать буду, племянницамъ накажу, чтобы берегли и хранили. Ахъ, горестная вы моя...

Дверь между спальной и гостиной оставалась отворенной; няня входила и выходила, неся въ рукахъ свертки, длинные, бѣлые пеньюары, стеганыя саше съ тонкимъ бѣльемъ, обшитымъ кружевомъ, и то и дѣло посматривала на Василису Николаевну, которая сидѣла у окна и разсматривала лежащіе передъ ней на столѣ счеты.

— Пледъ прикажете уложить, или въ дорогу оставить? спросила няня, дрожащимъ отъ сдерживаемыхъ слезъ голосомъ.

— Пожалуй, оставьте. — Няня, подите-ка сюда на минутку.

Марфа Ильинишна подошла къ столу, за которымъ сидѣла Василиса.

— Вотъ, няня, вамъ тысячу франковъ. На эти деньги вы доѣдете до Петербурга, и первое время проживете безъ нужды, пріискивая мѣсто. Я желала бы дать вамъ больше, въ память Наташи, но, вы знаете, что у меня нѣтъ. А вотъ, ежели я какъ-нибудь вдругъ разбогатѣю, прибавила она, улыбаясь сквозь слезы и цѣлуя старуху, я вамъ, няня милая, пришлю.

Марфа Ильинишна бросилась цѣловать ей руки.

— Матушка, барыня, на что мнѣ деньги! и этихъ дѣвать некуда. А вы меня самою тогда выпишите: послужу вамъ по старому, ходить за вами буду,—ручки дорогія расцѣлую...

Няня громко разрыдалась и вдругъ не выдержала:

— Сударыня, Василиса Николаевна, не гнѣвитесь, выслушайте меня, старуху! Пожили вы въ одиночку, помаялись по бѣлу свѣту, — и довольно. Вернитесь къ себѣ госпожей; положите гнѣвъ на милость. Вѣдь все таки онъ вамъ мужъ законный.

Марфа Ильинишна испуганно остановилась, не зная, какъ подѣйствовали на барыню ея слова: обидѣли ли онѣ, или разсердили ее.

Василиса Николаевна только посмотрѣла на нее ласково и серьезно.

— Нельзя, няня. Вы не знаете, чего просите. Это не повело бы ни къ чему хорошему. Повѣрьте, такъ лучше, гораздо лучше.

Когда Василиса легла спать, няня долго стояла у ея постели. Онѣ бесѣдовали, плакали и въ послѣдній разъ вмѣстѣ вспоминали Наташу.

Быстро прошли послѣдніе дни, послѣдніе часы. Василиса и няня въ вокзалѣ желѣзной дороги; билетъ уже взятъ, вещи сданы; онѣ стоятъ у вагона, въ которомъ поѣдетъ Василиса.

— Матушка, въ купе бы сѣли, шепчетъ няня. На ночь наберется народу, безпокоить васъ будутъ.

— Ничего, няня, ко всему надо привыкать.

Она не говорила нянѣ, что намѣревалась взять билетъ второго класса, но въ послѣднюю минуту ей стало страшно, и она не рѣшилась.

Раздался звонокъ, кондукторы суетились, прося садиться. Василиса обняла няню и, облитая ея слезами, вошла въ вагонъ..

— Матушка, сударыня, берегите себя, да поможетъ вамъ Господь!

Она тянулась, чтобы схватить руку Василисы, еще разъ увидать ея лицо. Поѣздъ тронулся и медленно покатился. Няня перекрестилась и долго глядѣла ему вослѣдъ, утирая глаза.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Курьерскій поѣздъ изъ Франціи подъѣзжалъ къ Женевѣ въ половинѣ одиннадцатаго утра. Не доходя вокзала, поѣздъ остановился; кондукторъ обошелъ вагоны, отбирая билеты. Василиса глядѣла изъ окна. Налѣво улица, ниже насыпи желѣзной дороги, высокіе невзрачные дома; направо весь городъ сплошной массой, съ большой площадью на первомъ планѣ. Горъ и озера не было видно. Сѣрый туманъ застилалъ небо, съ утра моросилъ дождь, улицы были грязны, дома глядѣли угрюмо; общее впечатлѣніе непривѣтливое.

Поѣздъ въѣхалъ подъ стеклянную крышу станціи. Genève! Genève! выкрикивали кондукторы, отпирая дверки. Толпа запыленныхъ пассажировъ высыпала изъ вагоновъ и направилась, черезъ полотно желѣзной дороги, по ту сторону вокзала, гдѣ находился выходъ. Коммиссіонеръ въ синей блузѣ вынулъ изъ вагона дорожный мѣшокъ и пледъ Василисы и понесъ ихъ, указывая ей дорогу. У выхода, гдѣ стояла ватага отельныхъ привратниковъ, называя имена гостиницъ, онъ остановился, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій.

— Я въ гостиницу не поѣду, сказала Василиса; я желала бы взять карету...

Коммиссіонеръ кивнулъ головой, поднялъ дорожный мѣшокъ, который поставилъ было на полъ, и, пройдя буфетный залъ, вышелъ на улицу.

Рядъ омнибусовъ съ открытыми дверками тянулся, выстроенный вдоль тротуара. Поодаль стояли извощичьи кареты, въ одну и двѣ лошади, потертыя и неприглядныя. Коммиссіонеръ подозвалъ одну изъ нихъ; кучеръ слѣзъ съ ко-

зелъ, отперъ дверцу своей колесницы и отправился снимать попону съ лошади.

— Другихъ вещей съ вами нѣтъ? спросилъ коммиссіонеръ, укладывая дорожный мѣшокъ и пледъ на переднее сидѣніе.

— Есть, отвѣчала Василиса, только въ настоящую минуту я не желала бы взять ихъ съ собой.

— Бюллетень при васъ? спросилъ коммиссіонеръ и, взглянувъ на него, объяснилъ, что можно оставить вещи въ вокзалѣ и завтра за ними прислать.

Василиса поблагодарила, давъ ему на чай. Кучеръ спросилъ, куда ѣхать; она дала адресъ, и карета задребезжала по мокрой мостовой.

И вотъ, наконецъ, Женева!

Василиса сидѣла, прижавшись въ углу кареты; незнакомыя улицы, широкіе тротуары, магазины съ огромными окнами и вывѣсками мелькали передъ ней, точно во снѣ. Она въ эту минуту не мыслила, не чувствовала; она сознавала только, что она у цѣли, и вся сосредоточивалась въ ожиданіи наступающей минуты.

Ей представлялось, какъ она войдетъ въ комнату Борисова, его маленькую студенческую келью: онъ сидитъ за письменнымъ столомъ и вдругъ, поднявъ голову, увидитъ ее. „Сергѣй Андреевичъ, вы знаете, Наташа умерла!“ скажетъ она, и слезы ея польются. Она выскажетъ ему все, — всю тоску своей души, которую никому не высказывала: передъ нимъ она выплачетъ свое горе, и онъ ее пойметъ: онъ будетъ слушать съ лицомъ, полнымъ участія; онъ произнесетъ добрыя слова утѣшенія, и отъ этихъ словъ, исполненныхъ силы и пониманія, которыхъ никто не могъ ей сказать, ея наболѣлое сердце успокоится.

— Здѣсь? спросилъ кучеръ, останавливаясь и слѣзая съ козелъ. Его, повидимому, озадачивалъ наружный видъ его кліентки въ сопоставленіи съ неаристократическимъ кварталомъ бѣднаго рабочаго центра, куда онъ ее привезъ.

Василиса прочла названіе улицы, взглянула на номеръ дома, 22. Все въ исправности; стало быть, здѣсь.

Она вышла изъ кареты.

— Ждать? спросилъ кучеръ.

— Нѣтъ..... А, впрочемъ, лучше подождите, произнесла Василиса, не зная сама, какому чувству она вдругъ невольно повиновалась. Ей казалось, что она подумала: можетъ быть, это не тотъ домъ и придется ѣхать далѣе.

По обѣимъ сторонамъ узкой входной двери, находились мелочная лавка и небольшой кафе. Василиса не знала, куда идти, подниматься ли по лѣстницѣ, и какъ высоко подниматься. Въ проходѣ и у дверей не видно было ни души.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній она рѣшилась войти въ лавочку.

— Въ этомъ домѣ живетъ m-r Serge, студентъ, русскій? спросила она.

Женщина, стоявшая у прилавка, взглянула на нее, и Загорская покраснѣла подъ вуалью, хотя этотъ взглядъ не имѣлъ ничего пытливаго и былъ даже добродушенъ.

— Не знаю навѣрное, отвѣчала женщина; кажется, живетъ у квартирной хозяйки русскій такого имени.

Она взглянула еще разъ на посѣтительницу и прибавила уже совсѣмъ почтительно: Если madame угодно подождать, я пошлю наверхъ справиться...

— Благодарю васъ, не трудитесь, произнесла Загорская и опять покраснѣла. Будьте только добры указать мнѣ дорогу.

Женщина довела ее до лѣстницы, объяснивъ, какъ высоко слѣдуетъ подыматься.

— Четвертый этажъ, дверь направо, madame Ванья, повторила она ей вслѣдъ еще разъ свои объясненія.

Василиса стала подыматься. На первой площадкѣ жилъ докторъ и какой-то антрепренеръ; на второй — m-lle Rose, модистка, и переплетчикъ; далѣе надписей на дверяхъ не было. Василиса переступала ступеньку за ступенькой; порой ей казалось, что она никогда не дойдетъ: колѣни у нея подкашивались и дыханіе замирало въ груди. Въ хаосѣ ея мыслей ясно выдѣлялось одно только сознаніе: вотъ сейчасъ! и за этой минутой начинался для нея новый міръ.

Наконецъ, она на верхней площадкѣ. На дверяхъ съ одной стороны прибита запачканная визитная карточка съ

именемъ madame Ванья; съ другой виситъ объявленіе: „Меблированныя комнаты“. Василиса звонитъ; но, вѣроятно, рука у нея дрожитъ и она дернула не довольно сильно, потому что никто не отвѣчалъ на первый звонокъ. Она ждетъ и звонитъ второй разъ. Минуты черезъ двѣ раздается шлепанье туфель за дверью; задвижка щелкаетъ, высовывается сморщенное лицо старухи и смотритъ вопросительно на Василису.

— Здѣсь живетъ m-r Serge? спрашиваетъ она.

— M-r Serge? здѣсь. Что вамъ угодно?

— Мнѣ нужно его видѣть.

— Не знаю, дома ли онъ; впрочемъ, ежели вы желаете войти...

Старуха пошлепала туфлями по темному коридору и толкнула дверь. Василиса вошла вслѣдъ за ней въ небольшую комнату, довольно опрятно меблированную.

— Его нѣтъ дома, но онъ скоро воротится, проговорила хозяйка.

— Я подожду, сказала Василиса.

Старуха ушла.

Василиса сначала постояла, потомъ сѣла на диванъ около стола.

Она въ комнатѣ Борисова. Она смотритъ вокругъ себя съ любопытствомъ. Для нея эта комната святыня; здѣсь онъ думалъ, здѣсь работалъ... Какія мечты проходили у него въ головѣ?... Она почти рада, что не застала Борисова; это дастъ ей время опомниться, привести въ порядокъ свои мысли.

Она осматривается, взглядъ ея переходитъ отъ одного предмета къ другому.

По обѣимъ сторонамъ комнаты, вдоль стѣнъ, стояли двѣ кровати, одна прибранная, другая съ измятой подушкой и свѣсившимся на полъ концомъ одѣяла, подъ кроватью валялась пара сапогъ. Комодъ былъ заваленъ книгами, журналами, такіе же книги и журналы и не брошюрованные печатные листы покрывали столъ, передъ которымъ сидѣла Василиса. Напечатанное большими славянскими буквами заглавіе: „Набатъ“ бросалось ей всюду въ глаза. Тутъ же,

на столѣ, стояла стеклянная чернильница съ воткнутымъ въ ней перомъ. Рядомъ валялись спичечница, окурки папиросъ и нѣсколько писемъ въ разорванныхъ конвертахъ, между которыми она узнала одно свое. Около этого письма, почти прикрывая его, лежала какая-то карточка. Василиса машинально взяла ее въ руки и стала разсматривать. Вдругъ она выпустила карточку, словно что-то ужалило ее. Карточка эта, изъ такъ называемыхъ souvenirs, изображала на выбитомъ въ видѣ кружева фонѣ выпуклый букетъ незабудокъ и ландышей. Вокругъ букета обвивалась лента, на которой неумѣлымъ кривымъ почеркомъ было написано: A mon bien aimée Serge, ta fame qui t'addore — Mariette. — а ниже: Aimme mois toujour comme je t'aimmes. Geneve, ce 20 Aout.

— Что это такое? подумала Василиса.

Въ ея мысляхъ странно смѣшались въ эту минуту внезапное ощущеніе какой-то боли и впечатлѣніе комической орѳографіи. Она испугалась того, что вдругъ мелькнуло въ ея головѣ и насильно отворотилась отъ заключеній, которыхъ не хотѣла, но не могла не дѣлать. Ей сдѣлалось неловко и какъ будто совѣстно чего-то. Вставъ съ дивана, она подошла къ окну и стала глядѣть на окна противуположнаго дома, стараясь думать только о томъ, что вотъ сейчасъ придетъ Борисовъ. Но мысли противъ воли зарождались въ головѣ, — и измѣняли мало по малу настроеніе ея духа. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, она открыла книгу и попробовала читать; но эти мысли неотвязно тѣснились въ головѣ и, какъ она себя ни принуждала, она не могла остановить свое вниманіе на томъ, что читала. Она положила книгу на мѣсто и снова подошла къ столу, на которомъ лежала карточка. Ее словно тянуло взглянуть на нее. Въ это время она увидѣла лежавшій тутъ же, между окурками и разсыпаннымъ табакомъ, небольшой медальонъ въ бронзовой оправѣ, котораго до этого времени она не замѣчала. Медальонъ былъ полуоткрытъ; изъ него выглядывала свернутая въ спираль прядь черныхъ волосъ. Прядь была свернута очень тонко, но была такъ длинна, что не помѣщалась въ медальонѣ.

Василиса не дотронулась до него, а только, нагнувшись, глядѣла съ поблѣднѣлымъ лицомъ.

— Неужели?... шевелилось у нея мучительно въ мысляхъ. Она старалась отогнать сознаніе, но сознаніе стояло неотразимо ясно передъ ней. Ей стало страшно и стыдно.

— Бѣжать надо, бѣжать... думала она.

Бѣжать, да; но куда? Она уронила голову въ руки, чувствуя, что въ эту минуту отъ нея отступала возможность надѣяться и уповать. Съ высоты идеала она рухалась въ пропасть.

— Боже мой!... Боже мой!... произнесла она и растерянно глядѣла кругомъ.

Но вдругъ она встрепенулась; легкій шорохъ послышался за дверью. — Вотъ онъ идетъ, что я буду дѣлать?... Что я ему скажу? Сердце громко стучало; она сидѣла, раскрывъ немного губы, и неподвижно глядѣла на дверь. Эта секунда ожиданія казалось ей вѣчностью.

Дверь растворилась и въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ двадцатипяти, высокая, съ круглымъ лицомъ, темными глазами и черными обстриженными на лбу волосами. Она была одѣта по домашнему и носила на шеѣ косынку, вмѣсто воротничка.

Увидавъ незнакомую посѣтительницу, она было попятилась, но, обдумавъ, вошла и остановилась посреди комнаты, окидывая Василису не то любопытнымъ, не то вопросительнымъ взглядомъ.

— Bonjour, madame, проговорила она звучнымъ, довольно пріятнымъ голосомъ.

Василиса отвѣчала на привѣтствіе и тоже глядѣла на дѣвушку вопросительно и нѣсколько тревожно.

Дѣвушка постояла, словно ожидая вопроса или объясненія, но, увидавъ, что барыня отвернула голову и ничего не говоритъ, она пожала слегка плечами и подошла къ комоду.

Отыскавъ валявшуюся между книгами пару женскихъ манжетокъ съ голубыми запонками, она просунула въ нихъ руки, затѣмъ оглядѣла комнату, прибрала пиджакъ, висѣвшій на спинкѣ стула, поправила постель съ измятыми по-

душками и, сдѣлавъ все это, спокойно, не спѣша, подошла къ Василисѣ.

— Вы кого-нибудь ожидаете? спросила она.

Василиса кивнула головой. Она думала о томъ, какъ бы скорѣй бѣжать изъ этой комнаты; но присутствіе дѣвушки словно приковывало ее къ мѣсту.

— Можетъ быть, m-r Serge? Его нѣтъ дома, но онъ сейчасъ прійдетъ. Что съ вами?... спросила дѣвушка съ участіемъ, замѣчая блѣдность Василисы. Вы нездоровы? Угодно вамъ воды?

Она бросилась къ умывальному столу и принесла стаканъ съ водою.

— Благодарю васъ, не надо, произнесла съ усиліемъ Василиса. Я пойду теперь... Мнѣ пора.

Она встала, упираясь рукою на столъ.

— Если вамъ угодно передать что-нибудь m-r Serge... я его сейчасъ увижу... сказала дѣвушка.

Она, повидимому, недоумѣвала и не могла отдать себѣ отчета, къ какому разряду женщинъ слѣдовало причислять незнакомую ей посѣтительницу m-r Serge. Глубокій трауръ, изящную простоту котораго ея опытный глазъ немедленно оцѣнилъ, тихія спокойныя движенія внушали ей извѣстнаго рода уваженіе. Ей хотѣлось узнать навѣрное.

— Вы, можетъ быть, родственница m-r Serge? спросила она. Вы, вѣроятно, недавно пріѣхали?...

— Да, недавно, произнесла Василиса.

— Вы, можетъ быть, привезли извѣстія отъ его родныхъ... Угодно вамъ оставить ваше имя и адресъ? Я передамъ ему...

— Нѣтъ... нѣтъ... ненужно... благодарю васъ. Я сегодня же уѣзжаю...

Василиса направилась къ двери. Принудивъ себя, она остановилась и обратилась къ дѣвушкѣ:

— Прощайте... Не говорите ему... Ненужно...

Она вышла изъ комнаты.

Какъ она сошла съ лѣстницы, какъ сѣла въ карету, что сказала кучеру, она не знала. Ей помнилось, какъ сквозь сонъ, что кучеръ у нея что-то спросилъ, что она

что-то отвѣтила, и карета покатилась по мостовой. Она помнила подъѣздъ большой гостиницы, выбѣжавшихъ навстрѣчу кельнеровъ, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; одинъ изъ нихъ взялъ ея мѣшокъ и пледъ и повелъ по широкой лѣстницѣ и коридору, устланнымъ коврами, въ просторный номеръ. Спросивъ, не прикажетъ ли она чего-нибудь, онъ удалился. Вошла горничная въ фартукѣ и щегольскомъ чепчикѣ; она налила воду въ рукомойники, положила полотенцы на умывальный столъ и, тоже спросивъ, не нужно ли чего-нибудь, вышла, осторожно затворяя двойную дверь.

Василиса сидѣла неподвижно въ креслѣ, на которое сѣла, когда вошла. Сколько времени она такъ просидѣла, она не помнила. Взглянувъ случайно на свои руки, она увидѣла, что онѣ въ перчаткахъ, она сняла ихъ, сняла тоже шляпу и пальто, вынула изъ дорожнаго мѣшка нужныя принадлежности туалета, пригладила волосы, вымыла руки и снова сѣла на прежнее мѣсто.

Тишина была мертвая; тяжелыя занавѣски и двойныя двери смягчали звуки. Послѣ шума и трескотни желѣзной дороги, дребезжанія кареты по мостовой и лихорадочнаго волненія ожиданія, она внезапно очутилась среди безмолвнаго спокойствія. До той поры она, казалось, бѣжала къ какой-то цѣли, по людной дорогѣ, гдѣ раздавались смѣхъ и радостныя восклицанія, — и вдругъ, не достигнувъ цѣли, она упала и провалилась въ какую-то преисподнюю. Вокругъ нея и въ ней самой все замерло; некуда болѣе бѣжать, и незачѣмъ.

— Какъ тихо! думала Василиса. Это было единственное ясное ея ощущеніе, все остальное было, какъ въ туманѣ.

Маленькіе часы съ изображеніемъ нимфы и амура тихо постукивали на каминѣ, пробивая часы и получасы. Василиса сидѣла, не шевелясь. Она не замѣчала, какъ проходило время. Гдѣ она? зачѣмъ она тутъ сидитъ? чего она ждетъ! Она не могла отдать себѣ отчета.

Начинало смеркаться, когда раздался легкій стукъ у двери. Показалась фигура кельнера.

— Table d'hôte въ шесть часовъ, проговоритъ онъ, пріятно и почтительно улыбаясь. Не получивъ отвѣта, онъ промолвилъ:

— Madame, можетъ быть, угодно кушать у себя?

Василиса сообразила, какъ соображаютъ во снѣ, что нужно спросить обѣдъ; когда пріѣзжаютъ въ гостинницу, всегда спрашиваютъ обѣдъ, и завтракъ, и чай, а сидѣть только въ номерѣ и думать—нельзя, иначе содержателямъ гостинницъ было бы невыгодно, и никто болѣе не строилъ бы и не содержалъ бы гостинницъ.

— Да, здѣсь, проговорила она.

— До table d'hôt'a, или послѣ? спросилъ слуга.

Василиса заставила свои блуждающія мысли снова вернуться къ обѣду.

— Послѣ, сказала она.

— Такъ въ семь часовъ?

Слуга исчезъ.

Опять прошло нѣсколько времени. Раздался гдѣ-то продолжительный и рѣзкій звонъ.

— Это къ обѣду звонятъ, подумала Василиса. И ей представилось, какъ идутъ по лѣстницѣ и входятъ въ столовую разноплеменные жители отеля: американки съ высокими шиньонами, французскіе commis voyageurs, чопорныя англичанки въ желтыхъ перчаткахъ, многочисленныя русскія семейства съ дѣтьми, гувернантками и гувернерами. Удивляюсь, какъ этимъ людямъ можетъ хотѣться ѣсть! подумала Василиса; мнѣ совсѣмъ ѣсть не хочется.

Стемнѣло. Какой-то холодъ начиналъ пробираться вдоль плечъ и спины. Она встала, прошлась раза два по комнатѣ и остановилась у окна. Отодвинувъ кружевныя занавѣски, застилающія стекла, она стала глядѣть на улицу. Вечеръ стоялъ ненастный, дождь лилъ не переставая, широкій мокрый тротуаръ набережной, на которую выходило окно, былъ пустъ, направо мостъ черезъ Рону, налѣво широкій бассейнъ, большія архитектурныя линіи построекъ, похожихъ на дворцы, и все это укутано въ туманѣ сѣрой, вечерней мглы.

Покуда она стояла у окна и глядѣла, въ комнату вошелъ слуга съ подносомъ, накрылъ у дивана столъ, зажегъ двѣ свѣчи и доложилъ, что кушанье готово.

Василиса сѣла за столъ. Кельнеръ, съ салфеткой въ рукахъ, неслышными шагами входилъ и выходилъ, подавая, на крошечныхъ серебряныхъ блюдахъ, миніатюрныя порціи всякихъ явствій. Блюда тянулись длинной вереницей. Василиса попыталась было ѣсть, но съ первой ложкой супа почувствовала, что горло у нея сжималось. Она продолжала накладывать себѣ на тарелку ради приличія и, отхлебывая ледяную воду изъ стакана, думала: когда это кончится! когда уйдетъ этотъ кельнеръ, и я останусь одна! Оставаться одной казалось ей, въ настоящую минуту, единственно-понятною формою счастья.

Наконецъ, обѣдъ кончился. Слуга прибралъ тарелочки съ бисквитами и виноградомъ, сложилъ скатерть, постелилъ на столъ бархатную салфетку, собралъ принадлежности обѣда на подносъ и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышла и горничная, входившая приготовить постель. Василиса заперла за ними дверь на ключъ.

— Что такое со мною, подумала она; почему эта горничная и этотъ кельнеръ глядѣли на меня такъ странно?

Она взяла свѣчу и подошла къ зеркалу. Ничего особеннаго въ своемъ лицѣ она не увидѣла; волосы были причесаны гладко, креповый галстукъ обхватывалъ аккуратно стоячій воротничекъ.

— Странно, вѣрно ихъ удивило, что я не ѣла, заключила она.

Она ощущала тяжесть въ головѣ, руки были непріятно холодны; она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, съ тѣмъ, чтобы согрѣться.

Свѣчи, горѣвшія на столѣ, скудно освѣщали пространство: отдаленный уголъ, гдѣ стояла широкая постель подъ штофными занавѣсками, оставался въ тѣни, банально роскошная мебель была неудобно и однообразно разставлена вдоль стѣнъ. Посреди отуманеннаго состоянія, въ которомъ она находилась, Василиса ощущала впечатлѣніе неуютности, которое производила комната, назначенная для проѣзжихъ.

Въ ея мысляхъ составлялось какое-то соотношеніе между этой комнатой и ея жизнью, выбитой изъ колеи.

Ей вспомнился вдругъ почему-то князь Сокольскій.

— Гдѣ онъ теперь? подумала она. Ежели бы онъ вошелъ въ эту минуту, я была бы очень рада. Какой онъ хорошій, какъ онъ любитъ меня...

Она силилась остановить свои мысли на немъ, но мысли ей не повиновались. Другой образъ тѣснился ей въ душу. Она не хотѣла его видѣть, отгоняла его, но онъ возвращался и каждый разъ рисовался въ болѣе опредѣленныхъ контурахъ; она забывалась и вдругъ чувствовала, что вглядывается въ него. Тогда она жмурила глаза и сжимала голову руками, словно этотъ образъ былъ не въ ней самой, а наступалъ извнѣ и ей возможно было оборониться отъ него.

Лихорадочная дрожь пробѣгала по тѣлу. Она закуталась въ пледъ и, сѣвъ въ уголъ дивана, прислонилась къ подушкѣ. Вдругъ она испуганно открыла глаза: ей показалось, что какіе-то люди вошли въ комнату и громко говорили. „Какой вздоръ лѣзетъ въ голову, подумала она; мнѣ, вѣрно, хочется спать, надо раздѣться и лечь въ постель."

Она начала ночной туалетъ. — Расчесывая щеткой свою длинную золотистую косу, она вспомнила няню. „Бѣдная, какъ она любила расчесывать мои волосы! Что она теперь дѣлаетъ... Вѣрно, сидитъ и плачетъ".

Это было послѣднею мыслью Василисы, когда она легла въ постель и потушила свѣчу. Она тотчасъ же впала въ тяжелое забытье.

II.

Кому не приходилось, хотя разъ въ жизни, испытывать состояніе безпомощнаго ужаса, который вдругъ охватываетъ душу, когда, уснувъ подъ впечатлѣніемъ совершившейся бѣды, ночью просыпаешься, и то, что смутно ощущалось наканунѣ однимъ ошеломленнымъ чувствомъ, стоитъ ясно и отчетливо передъ внутреннимъ сознаніемъ?

Василиса лежала въ постели съ открытыми глазами, долго не замѣчая того, что она проснулась. Въ домѣ и на улицѣ все было тихо; свѣтъ газоваго рожка на тротуарѣ падалъ въ окно и стелился косоугольникомъ по ковру. Василиса помнила этотъ свѣтлый косоугольникъ у ногъ своей кровати, когда засыпала.

Событія предыдущаго дня, съ необыкновенною живостью малѣйшихъ подробностей, стояли передъ ней, и точно такъ же ярко и неотразимо поднималось со дна души сознаніе, что несчастіе ея было непоправимо. Борисовъ былъ навсегда отъ нея оторванъ, и то, что отрывало его, была собственная его воля, свободное и осмысленное нарушеніе той душевной связи, которая, она полагала, существовала между ними.

Она измѣряла глубину пропасти, въ которую пала съ высоты своихъ надеждъ и видѣла, что эта пропасть не имѣла выхода. Все потеряно, ея вѣра въ любовь Борисова, ея упованіе на его силу, — возможность для нея начать новую жизнь... И въ первый разъ, съ той минуты, когда она рѣшила ѣхать въ Женеву, она увидала ясно, безъ всякихъ прикрасъ, то, что было настоящимъ могивомъ принятаго ею рѣшенія. Такое признаніе, сдѣланное самой себѣ, въ такую минуту, не могло не казаться ей сугубо ужаснымъ и унизительнымъ. Она пробовала увѣрить себя, что любовь ея къ Борисову была только одною изъ побудительныхъ причинъ, въ силу которыхъ она дѣйствовала, но боль острая, какъ ударъ ножа, которую она испытывала всякій разъ, что вспоминала подробности своего присутствія у него на квартирѣ, заставляла ее сознавать, въ глубинѣ своей совѣсти, что продолжать обманываться невозможно. Передъ ея глазами безпрестанно мелькало слово „жена“! написанное на карточкѣ, и хотя она знала, въ какомъ смыслѣ слѣдовало понимать это слово, значеніе его было для нея все таки ужасно. Жена!... стало быть, близкая къ нему, любимая, имѣющая права... Неужели это она, та женщина, о которой думалъ Борисовъ, когда говорилъ ей: Ежели вы для меня не все, другая женщина станетъ около меня? И эта другая стала около него; она живетъ его жизнью, онъ дѣ-

лится съ ней всѣми своими мыслями. Василиса вспоминала ея лицо: было ли въ немъ то, что должно быть въ лицѣ женщины, которую любитъ Борисовъ? Оно показалось ей обыкновеннымъ, глаза были добрые, но безъ глубины, улыбка не совсѣмъ пріятная, интелектуальной силы и красоты въ этомъ лицѣ никакой не было, но она помнила, что дѣвушка была стройна и хорошо сложена. Неужели этого для него достаточно! подумала она. Воображеніе рисовало ей самые мучительные образы. Она зарывалась лицомъ въ подушку, чтобы не видѣть ихъ.

— Что же онъ сдѣлалъ изъ всѣхъ воспоминаній прошлаго, нашего прошлаго, его и моего! опять и опять возникалъ въ ней вопросъ. Неужели онъ забылъ? Неужели все стерлось и сгладилось въ его душѣ? Или, можетъ быть, въ его душѣ никогда ничего и не происходило? это была только минутная прихоть... отъ нечего дѣлать, удобный случай, почему же не попытаться?...

Анализъ неумолимо заставлялъ ее идти впередъ по скорбному пути, шагъ за шагомъ. Послѣдняя мысль показалась ей до того ужасной, что она вся похолодѣла и нѣсколько мгновеній лежала, не шевелясь. Нѣтъ, это не можетъ быть! произнесла она вслухъ. Такъ не говорятъ, такъ не смотрятъ, когда играютъ комедію: я помню его лицо, каждое слово...

Возможность разсуждать снова прекращалась, и на сцену являлась фантазія, и рисовала опять мучительныя картины: онъ и теперь говоритъ тѣ же рѣчи, смотритъ такими же глазами. Все это было заблужденіе съ ея стороны, святыня этой любви существовала только въ ея воображеніи, для него никакой святыни никогда не бывало, и воспоминаніе о ней, въ его душѣ, совмѣщается со всякими другими впечатлѣніями, — какъ на его столѣ ея письма валяются рядомъ съ разрисованными сувенирами, между окурковъ папиросъ.

Гордость заговорила въ Василисѣ: оскорбленная любовь уступила мѣсто оскорбленному самолюбію. Она почувствовала, какъ унизительно было для нея всякое сожалѣніе. —

Не о чемъ жалѣть, я ничего не потеряла, я пробудилась только отъ иллюзіи...

И вдругъ возникъ вопросъ: что же начать теперь?... Что дѣлать?.. Бѣжать изъ Женевы, какъ можно скорѣй, какъ можно дальше... Но куда? спросила она себя, какъ спрашивала себя нѣсколько часовъ тому назадъ, въ комнатѣ Борисова.

Матеріальный и правственный вопросы смѣшивались и образовывали въ ея жизни мучительно-неразрывный узелъ. Ей нужно было соображаться, даже въ эту страшную для нея минуту, съ денежными средствами, и нельзя было принять то или другое рѣшеніе, не разсчитавъ предварительно, насколько это рѣшеніе было исполнимо.

Денегъ у нея оставалось 1200 франковъ. Она раздумывала и разсчитывала, и, наконецъ, рѣшила, что на эту сумму можно доѣхать до Россіи. А затѣмъ? — Затѣмъ простиралась будущность, сѣрая, безотрадная и безцѣльная. Кругомъ развалины, и дороги не видать.

— Жизнь для меня кончена, подумала она. Теперь все равно, что дѣлать... Пріѣду въ Петербургъ, отправлюсь къ княгинѣ Маріе — она вспомнила одну добродѣтельную даму, занимающуюся дѣлами благотворительности — она поможетъ мнѣ опредѣлиться въ сердобольныя...

Это рѣшеніе нѣсколько успокоило ее.

Остатокъ ночи она провела въ лихорадочномъ ожиданіи разсвѣта. Она хотѣла ѣхать съ раннимъ поѣздомъ, и боялась отлагательства, сама не зная почему.

Съ разсвѣтомъ она встала и начала одѣваться. Ей показалось раза два, что голова у нея кружится, и полъ какъ будто убѣгаетъ изъ подъ ногъ; она не обратила на это вниманія и лишь съ нетерпѣніемъ ожидала перваго признака пробужденія въ домѣ. Скоро послышался легкій стукъ въ сосѣдней комнатѣ: тамъ тоже кто-то собирался на первый поѣздъ. Василиса подошла къ камину, чтобы позвонить горничную и спросить счетъ. Въ эту минуту она почувствовала, что у нея въ глазахъ потемнѣло, она пошатнулась и упала на полъ.

Когда она пришла въ себя, она лежала на кровати, и противъ нея на стулѣ сидѣла горничная. Было совсѣмъ свѣтло.

— Который часъ? спросила Василиса, и хотѣла подняться; но только что пошевельнулась, у нея опять потемнѣло въ глазахъ, и она на нѣсколько мгновеній потеряла сознаніе.

Два дня Загорская пролежала въ полномъ изнеможеніи силъ, мучимая желаніемъ уѣхать, и сознавая при каждой попыткѣ движенія безполезность своихъ усилій.

Докторъ приходилъ, щупалъ пульсъ и давалъ какія-то капли. Горничная навѣдывалась отъ времени до времени, приносила бульонъ и уговаривала выпить вина.

Томительно длинными показались ей эти два дня.

Каждый вечеръ она спрашивала счетъ и уплачивала его. Среди нравственныхъ волненій ее мучила мысль, что у нея не достанетъ денегъ.

На утро третьяго дня она выпила чашку крѣпкаго кофе и рѣшилась встать. Блѣдная, пошатываясь точно послѣ долгой болѣзни, она перешла на диванъ. Но она чувствовала, что силы возвращались.

— Во что бы-то ни стало, я завтра поѣду, твердила она.

И чтобы доказать себѣ возможность этого отъѣзда, она одѣлась безъ помощи горничной и начала укладывать дорожный мѣшокъ.

Въ это время у двери послышался стукъ.

— Войдите, сказала Василиса, не оборачиваясь.

Дверь отворилась, кто-то вошелъ. Она думала, что это была горничная, и продолжала свое дѣло.

— Василиса Николаевна! прозвучалъ подлѣ нея голосъ.

Она не вскрикнула, даже не вздрогнула, а замерла и на мгновеніе закрыла глаза. Потомъ обернулась и слабымъ движеніемъ протянула обѣ руки Борисову.

Онъ взялъ ихъ, крѣпко сжалъ и поцѣловалъ одну послѣ другой.

Замѣтивъ, что она съ трудомъ держится на ногахъ, онъ довелъ ее до дивана и, усадивъ, самъ сѣлъ въ кресло противъ нея.

Прошло нѣсколько мгновеній, впродолженіе которыхъ она смотрѣла на него растерянно, въ безпомощномъ волненіи. Она сознавала, какая безумная радость наполняла ея сердце, и ужасалась этому сознанію. Борисовъ тоже смотрѣлъ на нее, и, когда онъ заговорилъ, голосъ его былъ тихъ и нѣсколько невѣренъ.

— Ну-съ, какъ вы поживали, Василиса Николаевна?

Она была не въ состояніи говорить и не пробовала даже. Онъ продолжалъ:

— Увидѣлъ случайно ваше имя въ спискѣ пріѣзжихъ. Я не зналъ, что вы намѣревались ѣхать въ Женеву... Я былъ очень удивленъ...

Она не понимала смысла его словъ; она вслушивалась только въ звуки его голоса и всматривалась въ его лицо, каждая черта котораго была такъ ей знакома, и именно потому, что это лицо было такъ знакомо, казалось теперь такъ странно, такъ страшно глядѣть на него.

Борисовъ измѣнился втеченіе восьмимѣсячной разлуки. Онъ возмужалъ, словно выросъ; борода сдѣлалась болѣе окладистая, въ движеніяхъ проглядывала установившаяся рѣшимость и самообладаніе. Высокая, стройная фигура его съ широкими плечами сохраняла юношескую гибкость, но походила болѣе, чѣмъ прежде, на фигуру вполнѣ сложившагося мужчины. Одни глаза смотрѣли ласково и пытливо попрежнему и губы сохранили свою добродушную улыбку.

— Вы такъ давно не писали, промолвилъ Борисовъ... Я не зналъ, что и думать...

— Да, произнесла Василиса, и ей казалось, что это не она говорила, этимъ страннымъ, измѣненнымъ голосомъ. Я не могла писать, я была очень... Я дочь потеряла, проговорила она, наконецъ, съ усиліемъ и испуганно глянула на Борисова, боясь, чтобы онъ не заговорилъ объ этомъ.

Но онъ произнесъ лишь короткое восклицаніе, лицо его выразило участіе, онъ ничего не сказалъ.

— И вотъ вы въ Женевѣ! промолвилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, проѣздомъ. Я пріѣхала вчера, — эта небольшая ложь показалась ей необходимою, — и завтра утромъ ѣду.

— Такъ скоро! произнесъ Борисовъ; зачѣмъ?

Ее не поразило, что онъ не сдѣлалъ самаго естественнаго вопроса: какъ же, пріѣхавъ въ Женеву, вы не дали мнѣ знать объ этомъ? Она только старалась угадать по выраженію его лица, знаетъ ли онъ о ея посѣщеніи, или нѣтъ, — и по его лицу ей казалось, что не знаетъ.

— Я ѣду въ Россію, сказала она: есть дѣла...

— Днемъ раньше, днемъ позже, дѣла, я полагаю, отъ этого не потерпятъ. Если можно, пробудьте лишній денекъ... Отъ старыхъ друзей бѣжать такъ поспѣшно нехорошо, — тѣмъ болѣе, что у насъ съ вами найдется, о чемъ поговорить... У меня, по крайней мѣрѣ, много интереснаго, о чемъ хотѣлось бы съ вами побесѣдовать...

Василиса чувствовала, что если она согласится отложить поѣздку, рѣшимость ей измѣнитъ. Внутренно она уже сдавалась. Поэтому она проговорила рѣзко:

— Нѣтъ, я непремѣнно завтра ѣду.

Борисовъ не отвѣчалъ и продолжалъ, какъ будто не слыхалъ ея словъ.

— Я писалъ вамъ про библіотеку, помните? Это дѣло теперь окончательно организовалось, идетъ отлично, есть подписчики, пропасть книгъ...

Онъ сталъ разсказывать про библіотеку.

Василиса слушала. Во снѣ это, или на яву? Неужели это Борисовъ сидитъ передъ ней, ведя спокойнымъ и дружелюбнымъ тономъ разговоръ о постороннихъ предметахъ? Эта комната полна ея страданій: каждое въ ней кресло, турецкій узоръ ковра, самыя стѣны казались ей ненавистными... Теперь же все освѣтилось и улыбается: куда дѣвались мрачныя мысли и тяжелыя впечатлѣнія! Но Василиса крѣпится: она знаетъ, что ея радость обманчива: это цвѣты, брошенные на могилу: подъ этими цвѣтами лежитъ что-то ужасное, чего она не можетъ забыть и простить. Ѣхать! ѣхать поскорѣе... думаетъ она.

Разговоръ прервался приходомъ доктора.

Борисовъ всталъ и простился, сказавъ, — что придетъ провѣдать ее вечеромъ. — Ей было очень неловко, она чувствовала, что уличена во лжи.

Часу въ девятомъ Борисовъ вернулся.

— Я видѣлъ вашего доктора, сказалъ онъ ласково, садясь возлѣ нея. Ваша болѣзнь неопасна; онъ велитъ вамъ выходить и развлекаться. Я приду завтра утромъ, и мы совершимъ прогулку по Женевѣ.

Василисѣ хотѣлось казаться вполнѣ беззаботной; она спросила, какъ Борисовъ знаетъ доктора.

— Онъ профессоръ въ Академіи; я слушаю его лекціи, отвѣчалъ Борисовъ.

Онъ началъ разсказывать про Академію, какіе тамъ профессора, какъ относятся къ нимъ студенты. Затѣмъ разсказалъ объ интересномъ изслѣдованіи, сдѣланномъ недавно женевскими учеными надъ водяными парами, содержащимися въ атмосферѣ. Потомъ заговорилъ о библіотекѣ.

Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ. Василиса невольно заинтересовалась тѣмъ, о чемъ онъ говорилъ, и мало-по-малу сама разговорилась.

Въ девять часовъ подали чай. Она налила чашку и подала ее Борисову, какъ дѣлала это, бывало, въ Ниццѣ, въ своей маленькой гостиной, убранной цвѣтами. Ей уже не казалось страннымъ сидѣть съ нимъ вдвоемъ и спокойно бесѣдовать; напротивъ, она не была теперь въ состояніи представить себѣ, что оно могло быть иначе. Отъ его разговора вѣяло трезвостью; всякое расположеніе къ чувствительности исчезало въ соприкосновеніи съ живымъ разнообразіемъ мыслей и впечатлѣній, которыя составляли нравственную атмосферу Борисова. Чувство, въ его присутствіи, какъ-то невольно сдерживалось и уходило вглубь. Василиса испытала это, когда втеченіе разговора пришлось упомянуть о Наташѣ; она удивилась, какъ сдѣлала это просто, безъ всякаго болѣзненнаго желанія его сочувствія, въ которомъ такъ страстно нуждалась до этого.

Борисовъ разспросилъ о Наташиной болѣзни, потомъ вспомнилъ о нянѣ.

— А что Марфа Ильинишна, здравствуетъ? Жаль, что не привезли ее съ собой въ Женеву.

Въ концѣ вечера послѣдніе слѣды натянутости исчезли. О завтрашнемъ отъѣздѣ ни разу не упомянулось. Василиса не знала, какими путями это совершилось, но мысль объ отъѣздѣ была на время устранена, какъ бы въ силу какого-то безмолвнаго договора.

— Такъ я завтра утромъ явлюсь, проговорилъ Борисовъ, прощаясь. Мы попутешествуемъ по Женевѣ. А что будетъ далѣе, увидимъ?

— Какъ далѣе? спросила Василиса.

— Я хочу сказать, что будетъ далѣе относительно вашего здоровья. Полагаю, для васъ было бы полезно остаться здѣсь нѣсколько времени. Погода становится прекрасная; куда вамъ спѣшить?

Дѣйствительно, куда? подумала Василиса.

— Мы объ этомъ еще потолкуемъ, сказалъ Борисовъ. Теперь заснитe хорошенько; надѣюсь застать васъ завтра свѣжей и здоровой.

III.

Борисовъ явился въ одиннадцать часовъ, какъ было условлено, въ Hôtel des Bergues. Василиса, готовая, ожидала его. Они пошли.

Послѣ четырехдневнаго заключенія она въ первый разъ дышала свѣжимъ воздухомъ и испытывала чувство пріятнаго возбужденія. Погода была прекрасная, розовые туманы ранней осени стелились на горахъ, прелестное Женевское озеро лежало въ это утро неподвижно, блѣдно-голубое, съ нѣжными отливами лилово-серебристаго цвѣта, и простиралось въ даль, широкое, какъ море.

Переходя мостъ Mont-Blanc, на который въ день пріѣзда Василиса смотрѣла изъ окна своей комнаты съ такими тяжелыми чувствами, сквозь дождь и вечернюю мглу, она остановилась и любовалась обворожительною картиною. Бо-

рисовъ стоялъ возлѣ нея, закуривая папиросу. Его смѣющійся, ласковый взглядъ, казалось, говорилъ ей: не лучше ли такъ? И этотъ взглядъ подкупалъ ее. Въ ея душѣ подымались и двигались такіе же розовые туманы, какъ въ пейзажѣ, на который она смотрѣла, и, укутывая все своимъ обманчивымъ свѣтомъ, мѣшали видѣть ясно дальніе горизонты.

Перейдя мостъ, они пошли вдоль набережной, гдѣ находятся магазины извѣстныхъ женевскихъ часовщиковъ. Они шли медленно, часто останавливаясь передъ широкими окнами съ выставленными въ нихъ на показъ всякаго рода рѣдкостями и драгоцѣнностями. Потомъ вошли въ магазинъ оптика и болѣе часу занялись большимъ стереоскопомъ, показывающимъ виды Mont-Blanc. Выйдя оттуда, постояли у пристани и смотрѣли, какъ причаливалъ пароходъ.

— Надо будетъ выбрать хорошій день и съѣздить въ Шильонъ, сказалъ Борисовъ. Мѣстность прелестная, стоитъ посмотрѣть.

— Не знаю, если мнѣ можно будетъ остаться... начала было Василиса и запнулась.

— Почему же нельзя? Впрочемъ, вы еще успѣете рѣшить.

Онъ проронилъ это какъ бы мимоходомъ и заговорилъ о другомъ.

Они шли, не спѣша, по узкимъ улицамъ и переулкамъ, ведущимъ отъ набережной къ центру города. Тротуары начинали замѣтно пустѣть, нѣкоторые магазины закрывались.

— Это значитъ, что пробило половина перваго, — обѣденный часъ торговаго люда, сказалъ Борисовъ. Видите, съ какими голодными лицами всѣ торопятся домой.

— А вы, Сергѣй Андреевичъ, въ которомъ часу обѣдаете, спросила Василиса.

— Какъ прійдется; иной разъ вовсе не обѣдаю, вечеромъ закусишь что-нибудь...

— Ежели вамъ теперь пора, я не хочу васъ удерживать... Я дойду одна до гостинницы...

— Погодите немного, сказалъ Борисовъ. Мнѣ хочется показать вамъ нашу библіотеку.

Они подходили къ широкой, недавно проложенной улицѣ: красивые, на половину достроенные дома, возвышались по сторонамъ, съ пустыми между ними пространствами.

— Кварталъ будущности, замѣтилъ Борисовъ. Черезъ года два - три здѣсь къ квартирамъ приступу не будетъ: а покуда мы наняли, сравнительно дешево, отличное помѣщеніе. Вотъ мы и пришли. Войдите, Василиса Николаевна.

Онъ открылъ стеклянную дверь, ведущую въ свѣтлый, довольно просторный магазинъ. Помѣщеніе состояло изъ одной комнаты, раздѣленной надвое перегородкой. Въ первой половинѣ помѣщались полки съ книгами: вторая была читальня. У входа, за высокой конторкой, стоялъ человѣкъ небольшого роста, съ болѣзненнымъ лицомъ, безъ усовъ и бороды, съ гладкими волосами, широкимъ лбомъ и тонкими, сжатыми въ твердую линію, губами. За ухомъ у него торчало перо.

Онъ взглянулъ на Борисова и учтиво поклонился Загорской.

— Никого нѣтъ? спросилъ по-русски Борисовъ, указывая на дверь, ведущую въ читальню.

— Сидятъ двое, но должно быть скоро уйдутъ, отвѣчалъ тотъ, взглядывая на часы. Не угодно ли вамъ присѣсть, прибавилъ онъ, придвигая Василисѣ стулъ.

— Мы туда войдемъ, ничего, сказалъ Борисовъ.

Онъ открылъ дверь и, посторонившись, пропустилъ Василису въ отдѣленіе за перегородкой. Тамъ стоялъ диванъ, два кресла и нѣсколько стульевъ: посрединѣ круглый столъ, заваленный газетами и журналами. Господинъ съ черной бородой и черными глазами сидѣлъ на диванѣ, перелистывая толстый томъ какого-то сочиненія: замѣтивъ, что вошла женщина, онъ привсталъ и поклонился. Въ противоположномъ углу на стулѣ сидѣлъ рабочій въ синей блузѣ и читалъ номеръ „Раппеля“.

— Хотите журналъ какой нибудь? спросилъ вполголоса Борисовъ, подвигая Василисѣ кресло къ круглому столу. Мы получаемъ всѣ русскіе и много иностранныхъ журна-

ловъ и газетъ. Вотъ Kladderadatsch, Daily News, Times, National Zeitung, послѣдній номеръ Lanterne... Борисовъ перебиралъ груду журналовъ.

— Есть интересное еженедѣльное изданіе фотографическихъ снимковъ съ знаменитыхъ картинъ, проговорилъ онъ; хотѣлъ показать вамъ; пойду разыщу.

Онъ вышелъ въ другое отдѣленіе.

Василиса сидѣла, перевертывая разсѣянно страницы иллюстраціи. Мысли ея тихонько бродили, она чувствовала себя занесенною въ совершенно незнакомую атмосферу и старалась опредѣлить свои впечатлѣнія. Каждый разъ, что она подымала голову, она встрѣчала черные, блестящіе глаза господина, сидящаго на диванѣ, съ любопытствомъ на нее устремленными; онъ тотчасъ же опускалъ ихъ и углублялся въ чтеніе, подымая книгу такъ высоко, что даже лица его не было видно. Рабочій сидѣлъ, не шевелясь. Чуткое ухо Василисы слышало за перегородкой голосъ Борисова, спрашивающаго шопотомъ:

— Михайловъ былъ?

— Не пріѣзжалъ еще, отвѣчалъ тихо библіотекарь. Двѣ телеграммы послали сегодня утромъ въ Веве.

— Чего онъ застрялъ? Придется безъ него окончить корректуру; а завтра въ ночь примемся за фальцовку.

— Наврядъ ли поспѣемъ, возразилъ тотъ. Реднчъ говорилъ, что на цѣлый день хватитъ работы; придется часть ночи провести за наборомъ, и только завтра въ полдень можно будетъ начать метранпажить.

— Эва, какъ затянули... Народецъ! Надо будетъ ужо самому сбѣгать въ типографію...

Борисовъ вернулся къ Василисѣ, неся журналъ, о которомъ говорилъ, и сталъ разсматривать съ ней фотографіи.

Рабочій въ блузѣ дочиталъ номеръ „Раппеля“ до послѣдняго слова послѣдняго столбца, повѣсилъ газету на гвоздь, приспособленный для этого, и вышелъ изъ библіотеки, проговоривъ вѣжливо и сухо: Bonjour.

Немного погодя, господинъ, сидящій на диванѣ, тоже всталъ и послѣдовалъ за нимъ. Въ читальню вошелъ библіо-

текарь и положилъ на столъ передъ Василисой довольно большой альбомъ.

— Вотъ собраніе автографовъ замѣчательныхъ личностей французской революціи, довольно рѣдкое изданіе; можетъ быть, вамъ будетъ любопытно просмотрѣть, произнесъ онъ.

Василиса поблагодарила.

У входной двери зазвенѣлъ колокольчикъ. Вошла толстая барыня среднихъ лѣтъ, въ очень пестромъ костюмѣ. Библіотекарь поспѣшилъ къ ней навстрѣчу. Дверь въ читальню осталась полуоткрытой.

— Кто этотъ господинъ? спросила тихо Василиса. Онъ какъ-то непохожъ на простого книгопродавца.

— Одинъ изъ нашихъ товарищей, сказалъ Борисовъ. Дѣйствуетъ временно въ качествѣ библіотекаря. Тонкій человѣкъ; на всѣ руки годится, въ игольное ушко пролѣзетъ.

— Его лицо напоминаетъ мнѣ портретъ Робеспьера, сказала Василиса; такія же тонкія губы, широкій лобъ, и въ особенности выраженіе глазъ, холодное и острое, какъ лезвіе. Вы не находите, что есть сходство?

— Можетъ быть, я не замѣчалъ, отвѣтилъ Борисовъ.

Между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ барыня спрашивала громкимъ, нѣсколько пѣвучимъ голосомъ:

— Позвольте послѣдній номеръ „Набата“.

— Августовскій номеръ еще не выходилъ, отвѣчалъ съ своей спокойной вѣжливостью библіотекарь. А ежели вамъ угодно іюльскій...

— Читала уже, батюшка, читала, замахала руками барыня. Не надивлюсь я!.. Чего это ваши молодцы расписываютъ да размазываютъ. Нашлось десятокъ людей рѣшительныхъ, ну, съ ними и лѣзь напропалую... А то писать да писать, да разжевывать дѣло; подъ конецъ, надъ чернильницей такъ и скиснешь. Вѣдь я, батюшка, знаю, что это такое; сама пишу.

Библіотекарь не возражалъ, а только развелъ руками.

— Вотъ, напримѣръ, передовая статья іюльскаго номера, продолжала вошедшая въ азартъ барыня; развѣ ее можно назвать разжигательной статьей? Пожалуй, она и недурна:

но въ ней нѣтъ этого-то... знаете... этого-то... „шику“, что ли... Слабенько, батюшка, слабенько...

Библіотекарь пожалъ плечами.

— Всякій смотритъ на вещи съ своей точки зрѣнія, произнесъ онъ. На всѣхъ не угодишь.

Борисовъ слушалъ разговоръ и весело улыбался.

— Что это за „Набатъ“, про который она говоритъ? спросила Василиса.

— Новый журналъ; органъ нашей партіи... Издаемъ его общими силами, одни пишутъ статьи, другіе трудятся въ типографіи; тѣ, у которыхъ есть маленькія средства, даютъ нужные фонды... Я объясню вамъ все это подробно, принесу программу и вышедшіе номера.

Василиса вдругъ вспомнила, гдѣ она видѣла эти номера и откуда онъ ихъ принесетъ.

— Разумѣется, всякій судитъ по своему, продолжала неугомонная барыня. Стало быть, августовскаго номера еще нѣтъ? Ну, такъ прощайте... Завтра зайду.

— Мое почтеніе, проговорилъ библіотекарь съ той же невозмутимой вѣжливостью, и открылъ ей дверь. Она вышла, стояла уже на улицѣ, и вдругъ, вспомнивъ что-то, вернулась.

— Окажите, батюшка, услугу. Скажите, какъ передать точнѣе по французски слово: *раззорить*.

— Ruiner, перевелъ библіотекарь.

— Да; но есть и другія выраженія, какъ напримѣръ: dévaster, ravager и такъ далѣе. Будьте такъ добры, назовите мнѣ нѣсколько.

Она вынула изъ кармана смятую тетрадь и стала вписывать въ нее слова, по мѣрѣ того, какъ библіотекарь произносилъ ихъ.

— Ну, вотъ спасибо. Теперь, какъ бы получше выразить, знаете, такъ, дѣловымъ слогомъ: Я была обижена въ моихъ правахъ?

— J'ai été lésée dans mes droits, проговорилъ библіотекарь.

— Такъ-съ: это будетъ хорошо. Ну, а какъ бы перевести слово: *гнусно*?

— Sordidement.

— А еще какъ? Какія другія соотвѣтствующія выраженія?

— Это вы опять за синонимы? Вы бы потрудились сами въ словарѣ поискать.

— Некогда мнѣ, батюшка, съ словарями-то возиться. Вѣдь я человѣкъ занятой. Работы во до какихъ поръ навалило. — Она показала выше головы. — За то и выйдетъ книга! будетъ штучка! настоящій протестъ: всѣхъ подымемъ. Не то, что вашъ „Набатъ“.

Когда барыня, наконецъ, удалилась, библіотекарь вошелъ въ читальню, утирая лобъ.

— Уморила? сказалъ, смѣясь, Борисовъ. Экая неотвязчивая!

— Кто эта барыня? спросила Василиса. У нея какой-то странный видъ.

— Она и есть странная, чтобы не сказать сумасшедшая, проговорилъ Борисовъ. Помѣшалась на политикѣ... Засудили ее тамъ, въ ея уѣздѣ, по какому-то процессу за имѣньишко, она съ тѣхъ поръ и рехнулась, вообразила себя революціонеркой, пріѣхала сюда и пишетъ теперь какой-то протестъ на французскомъ языкѣ. Намъ хуже всякой мухи надоѣла.

— Вѣрите ли, вставилъ библіотекарь, раза четыре въ день прибѣжитъ, все о синонимахъ справляется... Не знаешь, какъ отдѣлаться.

— А вы, Горностаевъ, турнули бы ее хорошенько, посовѣтовалъ Борисовъ. Объявите ей, что за всякую справку деньги заставятъ платить, какъ за подержку словаря. Небось, скоро отучится.

— Вы посидите здѣсь? спросилъ Горностаевъ.

— А вамъ обѣдать пора?

— Да, второй часъ, сбѣгалъ бы покуда...

— Ну нѣтъ, батюшка, и намъ пора. Берите-ка съ собой ключъ, мы вмѣстѣ пойдемъ.

— Вы въ Баварію? спросилъ Борисовъ, когда они вышли на улицу.

— Да. А вы?

— Мы къ Жокмену. Хочу моей спутницѣ всѣ диковинки Женевы разомъ показать.

На углу улицы они разошлись.

— Куда мы идемъ, Сергѣй Андреевичъ? спросила Василиса.

— Я васъ приглашаю къ себѣ въ гости, весело проговорилъ Борисовъ. Хочу повести васъ въ маленькій ресторанъ для рабочихъ, гдѣ мы всегда обѣдаемъ. Тамъ все просто, но очень чисто. Вѣдь вамъ это не будетъ противно?

— Нѣтъ... произнесла она. Но, кажется, мнѣ было бы лучше вернуться домой.

— Успѣете еще дома обѣдать, сказалъ Борисовъ. Пойдемте: попробуйте разъ въ жизни, что такое la vie de bohème. Изъ товарищей кой-кого тамъ увидите... Народъ смирный, не кусается.

— Нѣтъ, пожалуйста, Сергѣй Андреевичъ... Я не хочу ни съ кѣмъ знакомиться.

— Не хотите знакомиться, и не надо. Мы сядемъ за особый столъ, никто на васъ вниманія не обратитъ. Не устали ли вы идти пѣшкомъ? спросилъ Борисовъ. Отсюда неблизко, а вотъ, кстати, ѣдетъ извощикъ.

Онъ подозвалъ кучера. Черезъ нѣсколько минутъ они ѣхали по широкимъ немощенымъ улицамъ предмѣстія Carouge.

Карета остановилась у небольшого дома безъ вывѣски. Борисовъ и Василиса прошли черезъ узкій коридоръ и поднялись по деревянной лѣстницѣ на маленькую площадку перваго этажа. Имъ навстрѣчу сходила толстолицая служанка, съ грудою тарелокъ въ рукахъ.

— Les Russes sont là, mademoiselle Fanchette? спросилъ Борисовъ.

Дѣвушка кивнула головой и указала наверхъ.

— Насъ здѣсь такъ и знаютъ, подъ именемъ: les Russes, объяснилъ Борисовъ. Человѣкъ шесть нашихъ ходятъ всякій день сюда обѣдать. Дешево. Весь обѣдъ и полъбутылки вина за девяносто сантимовъ: Балтазаровъ пиръ и

по карману! Кромѣ того, кредитъ, въ которомъ нашъ братъ нерѣдко нуждается.

Они прошли черезъ длинную, невысокую комнату, съ деревяннымъ поломъ и бѣлеными стѣнами и вышли на галлерею, гдѣ стоялъ посерединѣ большой столъ, а по угламъ нѣсколько маленькихъ, съ готовыми приборами. Человѣкъ пять мущинъ и одна женщина сидѣли за большимъ столомъ. За однимъ изъ маленькихъ столовъ помѣщались нѣсколько мастеровыхъ въ блузахъ, другіе столы были не заняты, у одного изъ нихъ Борисовъ усадилъ Василису и отправился заказывать обѣдъ. Мимоходомъ онъ остановился у большого стола и обмѣнялся нѣсколькими словами съ сидящими. Никто, повидимому, не обращалъ вниманія на Василису, никто ни разу даже не повернулъ головы въ ея сторону. Она же сидѣла такъ, что ей всѣхъ было видно, и разговоръ ихъ доходилъ до нея.

Во главѣ стола сидѣлъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, съ некрасивымъ, но пріятнымъ и умнымъ лицомъ, клинообразной бородкой и саркастическимъ выраженіемъ глазъ. Онъ мало говорилъ, а только посмѣивался добродушно-иронически, когда говорили другіе, и кое-гдѣ лѣниво вставлялъ свое слово. Возлѣ него сидѣла женщина, еще молодая, бѣлокурая, довольно полная, съ добрымъ и веселымъ выраженіемъ лица. Она безпрестанно обращалась къ мужу, называя его по фамиліи: Постновъ, и отшучивалась съ своимъ сосѣдомъ съ лѣвой стороны, убѣдительно ей о чемъ-то толковавшимъ. Это былъ рослый, голубоглазый молодецъ, съ румянымъ лицомъ, окладистой бородой и звонкимъ, заразительнымъ смѣхомъ. Онъ безъ умолку тараторилъ, разсказывалъ всякій вздоръ и читалъ отрывки стихотвореній: его курчавые, свѣтлые, какъ золото, волосы падали ему на глаза. Онъ былъ одѣтъ въ холщевый китель, но и подъ этой небрежной одеждой, его фигура выдавалась, красивая и молодцоватая. Его сосѣдомъ былъ юноша лѣтъ двадцати, худой, сутуловатый, съ цѣлой копной русыхъ волосъ на головѣ. Онъ улыбался и конфузился, когда съ нимъ говорили, и при всякомъ словѣ краснѣлъ. По другую сторону стола сидѣлъ господинъ съ еврейскимъ типомъ, съ черной бородой и блестя-

щими глазами, тотъ самый, котораго Василиса видѣла въ библіотекѣ, и другой человѣкъ лѣтъ тридцати, ничѣмъ незамѣчательный по своей наружности и только поразившій Василису, когда онъ заговорилъ тихимъ и необыкновенно пріятнымъ голосомъ. Его выговоръ имѣлъ легкій польскій акцентъ. Слово было за нимъ.

— Такъ какъ же? продолжалъ онъ начатый разговоръ. Рѣдича такъ и застали утромъ спящаго, сидя на окнѣ, съ книгой въ рукахъ?

Всѣ глаза обратились на конфузящагося юношу.

— Такъ и застали, подхватилъ курчавый весельчакъ. Просыпаемся, видимъ — окно открыто; онъ сидитъ на подоконникѣ, прислонясь головой къ косяку и спитъ; а на колѣняхъ развернутый томъ Гейне... Захотѣлось, вотъ видите ли, при лунномъ свѣтѣ, Лорелей почитать, и зачитался! Такъ всю ночь просидѣлъ, обращенный лицомъ къ лунѣ.

Бѣдный юноша, красный, какъ ракъ, не зналъ куда глядѣть.

— Полно вамъ врать, Леонтьевъ, просилъ онъ.

Но Леонтьевъ былъ неумолимъ.

— Не вру. Не я одинъ, и Северинъ видѣлъ. Ужъ молчите лучше, поэтичная душа, а то все разскажу; раскрою тайну, о комъ мечтали при лунѣ...

Рѣдичъ вспыхнулъ.

— Ни о комъ я не мечталъ, произнесъ онъ.

— Анъ неправда, даже покраснѣлъ! вотъ и Варвара Алексѣевна угадываетъ. А вы, Постновъ, лучше не спрашивайте, право, не спрашивайте.

Всѣ дружно засмѣялись.

— Не обращайте на нихъ вниманія, Рѣдичъ, проговорила весело Постнова, имъ бы только посмѣяться.

Служанка, между тѣмъ, принесла и поставила на столъ, около котораго сидѣли Борисовъ и Василиса, блюдо котлетъ съ макаронами.

— Plat du jour, проговорилъ Борисовъ, накладывая на тарелку Василисѣ. Вотъ вы и отвѣдаете нашего хлѣба, самаго что ни на есть революціоннаго! Hé! Mademoiselle Fanchette, вы позабыли вино.

— Mademoiselle Fanchette, прелестная нимфа! принесите еще картофеля, раздалось по французски за соседнимъ столомъ.

— Tout de suite, tout de suite, откликалась, на всѣ требованія разомъ, засуетившаяся дѣвушка и, исчезнувъ на минуту, воротилась съ огромнымъ блюдомъ картофеля, которое мимоходомъ поставила на большой столъ, и двумя полубутылками вина для Борисова.

Онъ налилъ въ стаканъ Василисы.

— Я вина не пью: нельзя-ли спросить воды? сказала она.

Борисовъ протянулъ руку и взялъ съ сосѣдняго стола графинъ.

— Вода водой, а вина вамъ все таки слѣдуетъ выпить, безъ этого нельзя. Мы даже чокнемся съ вами за преуспѣяніе извѣстныхъ вамъ идей. Разъ попали сюда, кончено: волей-неволей должны сочувствовать! Вы находитесь въ настоящую минуту въ самой пасти льва! Вѣдь не такъ страшно, какъ думали?

— Совсѣмъ не страшно, проговорила Василиса и стала опять прислушиваться къ говору сосѣдняго стола.

Леонтьевъ громкимъ голосомъ читалъ стихи про „Богатыря Потока". Всѣ умолкли и слушали со вниманіемъ. У Рѣдича глаза такъ и блистали. Леонтьевъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Потокъ попадаетъ въ анатомическій театръ и видитъ стриженыхъ красавицъ, потрошащихъ мертвое тѣло.

Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ бѣжитъ,
А онѣ замѣчаютъ ехидно:
Ахъ, какой онъ пошлякъ! Ахъ, какъ онъ неразвитъ!
Современности вовсе невидно.
Но Потокъ говоритъ, очутясь на дворѣ:
То-жъ бывало у насъ и на Лысой горѣ,
Только вѣдьмы, хоть голы и босы,
Да по крайности, есть у нихъ косы.

— А вѣдь это камень въ вашъ огородъ, Варвара Алексѣевна, прервалъ себя чтецъ. Попалъ поэтъ на любезную тему женской эмансипаціи, всласть бичуетъ.

— И весьма неостроумно, сдѣлавъ презрительно-равнодушное лицо, возразила Постнова. По моему, это самое неудачное мѣсто изъ всего стихотворенія.

— Уступка общественному мнѣнію, желаніе угодить великимъ міра сего, съ которыми жилъ, замѣтилъ Северинъ.

— Извините меня, но я не раздѣляю вашего взгляда, вмѣшался господинъ съ блестящими глазами, не произнесшій до той поры ни слова. Мнѣ кажется, поэтъ правъ; Онъ не порицаетъ въ женщинѣ стремленія къ развитію, а лишь ту — вы, пожалуйста, не сердитесь на меня, Варвара Алексѣевна — ту уродливую форму, въ которую это стремленіе вылилось. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ стричь волосы и надѣвать очки? Какъ будто стремленіе къ культурѣ нуждается въ какихъ-нибудь ярлычкахъ.

— Ну, начали о культурѣ, непремѣнно дойдете до Нирваны! насмѣшливо щуря глаза, проговорила Постнова. Я, Гельфманъ, съ вами спорить не буду.

У Гельфмана глаза загорѣлись.

— Какая охота говорить о томъ, чего не понимаешь? произнесъ онъ запальчиво. Изъ вашихъ словъ можно заключить, что понятіе о Нирванѣ для меня нѣчто вродѣ конька, на которомъ я выѣзжаю, припрягая его при всякомъ удобномъ случаѣ, къ разговору; а между тѣмъ, я всего одинъ разъ, въ вашемъ присутствіи, упомянулъ объ этой глубокомысленной концепціи буддизма. Безспорно, что Нирвана, какъ понимаетъ его западная культура, основной принципъ всякой логичной системы мышленія. Это намъ доказываетъ новѣйшая германская философія.

— Нѣмецкой философіей насъ, батюшка, не удивите, подхватилъ Леонтьевъ. Знаемъ мы вашихъ Шопенгауеровъ и Гартмановъ.

— Шопенгауэръ былъ великій мыслитель, отвѣчалъ Гельфманъ. А что касается до Гартмана, то, конечно, онъ самый послѣдовательный позитивистъ нашего времени. Не такъ ли Постновъ? Всѣми признано, что Гартманъ довелъ критическій анализъ до крайнихъ предѣловъ.

— Что до этого касается, такъ и французы не отстали, перебилъ Леонтьевъ. Auguste Comte пораньше вѣдь Гарт-

мана писалъ. А про англичанъ такъ и говорить нечего, съ самаго Бекона позитивизмъ у нихъ систематически разрабатывается.

— Я не отрицаю, — но безспорно, въ настоящую минуту на поприщѣ интеллектуальнаго развитія Германія заняла первое мѣсто, и въ ряду ея свѣтилъ ярко выдаются вышеупомянутыя имена. Постновъ, вы, какъ критикъ, должны судить безпристрастно, скажите ваше мнѣніе.

— Ну что, и безъ меня васъ двое, отшутился, лѣниво зѣвая, Постновъ.

— Нѣтъ, ужъ скажите, настоялъ въ свою очередь Леонтьевъ.

— Говорить то много нечего, произнесъ Постновъ. Шопонгауэръ рылъ яму, а Гартманъ попалъ въ нее, — вотъ и все!

— Позвольте, горячился Гельфманъ. Яма-то яма, но какая? Начнемте съ исходной точки. Пессимистическое міровоззрѣніе ставитъ базисомъ непреложную истину, что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ фактъ существованія есть ничто иное, какъ печальная необходимость давить другихъ, или быть самому давимымъ. Это подтверждается всѣми данными науки. Дарвинъ прямо указываетъ на роковую необходимость борьбы за существованіе, а Геккель въ своей Natürlichen Schöpfungsgeschichte...

— Опять забрались въ Геккеля и Нирвану! раздался веселый голосъ у входной двери. Всѣ обернулись и привѣтствовали вошедшаго.

Это былъ человѣкъ небольшого роста, съ худымъ, чахоточнымъ лицомъ, длинными, черными волосами и большими болѣзненно блестящими глазами. Вслѣдъ за нимъ вошла великолѣпная двухшерстая Санъ-Бернардская собака. Увидѣвъ Борисова, она бросилась къ нему, визжа и ласкаясь.

— Вотъ и Михайловъ! А мы васъ ждали, раздалось въ группѣ за столомъ.

— Эй, Сюльтикъ! позвалъ кто-то, подойди сюда, вотъ тебѣ косточку. Гдѣ ты пропадалъ?

Собака обошла кругомъ столъ, махая хвостомъ и тыкая всѣхъ дружелюбно холоднымъ носомъ. Она подошла и къ Василисѣ, которая погладила ее по головѣ.

Михайловъ снялъ фуражку и сѣлъ на незанятый стулъ между большимъ столомъ и столомъ, за которымъ сидѣли Борисовъ и Василиса.

— Здравствуйте, сказалъ Борисовъ, протягивая ему руку. Что такъ запропастились?

— Задержали; нельзя было.

— Когда вы вернулись, Михайловъ? спросила Постнова.

— Сію минуту, прямо съ желѣзной дороги. Зашелъ только въ библіотеку. Горностаевъ сказалъ, что я васъ здѣсь застану, прибавилъ Михайловъ, обращаясь къ Борисову.

— Дѣло улажено? спросилъ Постновъ.

— Какъ же, наилучшимъ манеромъ.

— Хотите обѣдать? спросила Постнова.

— Я въ Лозаннѣ пообѣдалъ. А вотъ выпить чего-нибудь можно, жара какая! да собаку накормить надо.

— За это дѣло я берусь, сказалъ Рѣдичъ.

Онъ собралъ остатки на тарелку и поставилъ ее передъ собакой, которая, видимо, избалованная подачками, не слишкомъ жадно принялась за ѣду.

— Вишь жретъ-то какъ, съ выборомъ! засмѣялся Леонтьевъ. Истый Султанъ. Что, сладокъ даровой хлѣбъ, самодержецъ ты песій?

Михайловъ налилъ себѣ вина.

— Маконъ!.. что такъ роскошничаете?

Постновъ указалъ на Леонтьева и Рѣдича.

— Вотъ они получили за наборъ хохлацкихъ брошюръ; ну, и кутимъ.

— Не раскутишься, небось, вставилъ съ печальною физіономіею Леонтьевъ. Сегодня получилъ и сегодня же отдалъ девяносто франковъ портному; три мѣсяца уже пристаетъ, а самъ при двадцати двухъ франкахъ остался. А Рѣдичъ купилъ четыре рубахи и шапку.

— Эхъ, вы, капиталисты! протянулъ Михайловъ, вынимая изъ кармана сложенную бумагу. Раскошеливайтесь-ка, дѣло есть. Вотъ что, батеньки мои, продолжалъ онъ, рас-

кладывая бумагу на столѣ, надо подписку составить. У Мухиной дѣло дрянь: мужъ совсѣмъ слегъ, ногами уже не двигаетъ и руки отказываются. Докторъ говоритъ, одно спасеніе — югъ: а денегъ ни копѣйки и трое маленькихъ дѣтей. Значитъ, — выручать надо.

— Сколько же нужно? спросила Постнова.

— Да на дорогу и на первыя надобности, по крайней мѣрѣ, франковъ четыреста. Пятьдесятъ уже налицо, — добрые люди въ Веве подписали. Отъ себя пишу сорокъ; завтра снесу часы chez ma tante. Остальное надо какъ-нибудь сколотить.

Всѣ вынули кошельки.

— Какъ я сожалѣю, у меня нѣтъ съ собой портмонэ, проговорилъ Гельфманъ.

Всѣ улыбнулись, но никто не предложилъ дать ему взаймы; да онъ и не просилъ.

— Варвара Алексѣевна, вы сколько? спросилъ Михайловъ у Постновой.

— Пишите двадцать франковъ за меня и двадцать за мужа, да зайдите ужо къ намъ получить.

— Только вы получите отъ нея самой; а то я заплачу, а она никогда мнѣ не отдастъ, сказалъ Постновъ.

Постнова пожала плечами.

— Не отдастъ! У меня еще пятьдесятъ франковъ нетронутые лежатъ.

— Разумѣется, не отдашь, повторилъ мужъ. Растратишь на театры да на кофточки, а мнѣ не отдашь.

— Ну-съ, капиталисты, теперь дѣло за вами, продолжалъ Михайловъ.

— Вотъ двадцать франковъ, сказалъ Леонтьевъ, подавая золотой.

— Отъ двадцати двухъ-то? Ишь хватилъ: что значитъ широкая натура! Подавай, братъ, ничего.

Рѣдичъ положилъ на столъ тридцать франковъ.

— Ну, нѣтъ, это не дѣло, вступился Леонтьевъ. Не берите у него, Михайловъ; онъ въ аптеку долженъ десять франковъ, и носковъ у него нѣтъ. Ботинки на босу ногу носитъ, ей богу.

— Пошли разсказывать, сконфузясь, съ досадой процѣдилъ Рѣдичъ.

— Юноша, не кипятитесь, проговорилъ Михайловъ. Ваша казна состоитъ изъ тридцати франковъ; изъ нихъ одну треть вы должны въ аптеку, одна треть пойдетъ на покупку носковъ, — а одна треть принимается съ благодарностью на подписку. Вы поступили великодушно. Баста! abgemacht.

Северинъ между тѣмъ открылъ свой портмонэ, значительно поношенный и испачканный, и выпросталъ его на столъ. Мѣдныя деньги и двѣ - три серебряныя монеты словно нехотя выкатились изъ него.

— Здѣсь не разживешься, засмѣялся Михайловъ.

— Все таки франка полтора наберется, да и цѣлыхъ два. Вотъ они, а тридцать сантимовъ на папиросы себѣ оставляю.

— Вотъ и спасибо, проговорилъ Михайловъ, собирая деньги. Остальное будетъ за вами, Борисовъ — такъ, что ли?

Борисовъ кивнулъ головой.

— Завтра утромъ, ежели можно, пусть Рѣдичъ махнетъ въ Веве и свезетъ деньги, продолжалъ Михайловъ. Я Мухиной обѣщалъ, что все для нея устроятъ.

— Ладно; я самъ, можетъ быть, поѣду, сказалъ Борисовъ и, понизя голосъ, спросилъ: А съ Ковшикомъ какъ покончили?

— Ну, батюшка, „могу сказать, была игра", тоже понизя голосъ, отвѣчалъ Михайловъ. Вывелъ все на чистую воду. Сначала малый запирался: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; уполномочилъ въ Россіи кружокъ, а какой — не скажу." Мы туда, сюда; ничего не подѣлаешь... Тѣ говорятъ: Онъ намъ предлагалъ фондъ; а онъ клянется, божится, что, кромѣ „Набата", ни съ какой редакціей переговоровъ не имѣлъ... Руготня страшная поднялась... Пришлось къ стѣнкѣ припереть, ну, и признался. Никакой кружокъ никогда не уполномочивалъ, а такъ, только слухъ пустилъ для пущей важности, значеніе себѣ хотѣлъ придать въ томъ и въ другомъ лагерѣ.

— Чѣмъ же все кончилось? спросилъ Борисовъ, слѣдившій за разсказомъ съ оживленнымъ выраженіемъ лица.

— Страшно сконфуженъ; проклинаетъ все и всѣхъ, а главнымъ образомъ васъ, которые подняли дѣло. Завтра уѣзжаетъ въ Россію.

— Скатертью дорога, проговорилъ Борисовъ. Однимъ пустымъ болтуномъ меньше станетъ.

— Ковшикъ въ Россію ѣдетъ? спросила Постнова, услышавъ послѣднія слова разговора. Да его на границѣ возьмутъ и сошлютъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

— Зачѣмъ ссылать! перебилъ ее мужъ. Напротивъ, рады будутъ, — заблудшая овца воротилась. Потребуютъ, куда слѣдуетъ, прочтутъ отеческое наставленіе и отпустятъ съ Богомъ.

— Еще на службу опредѣлятъ, вынырнетъ гдѣ-нибудь судебнымъ слѣдователемъ и насъ ссылать будетъ! подшутилъ Леонтьевъ.

Всѣ расхохотались.

Въ эту минуту вошелъ на галлерею человѣкъ, опрятно одѣтый, въ нѣсколько поношенномъ сюртукѣ, съ взъерошенными волосами, небольшой бородой и голубыми глазами на выкатѣ. Онъ обошелъ столъ, пожимая всѣмъ руки.

— Ну, что, какъ у васъ сегодня? спросила съ участіемъ Постнова.

— Да что, нехорошо! отвѣчалъ онъ, и лицо его имѣло трогательное выраженіе. Маня всю ночь прокашляла, утромъ кровь показалась. Я просто не знаю, что дѣлать! А теперь, бѣги на урокъ, до семи часовъ домой не попадешь. Она одна одинешенька...

— Я къ ней сію минуту пойду, сказала Постнова, вставая изъ за стола. Ты, Постновъ, меня вечеромъ не жди; я, можетъ быть, и ночь останусь.

— Не смѣлъ васъ просить, Варвара Алексѣевна, но, ей Богу, изъ силъ выбился... И за нее-то боюсь, и самъ весь расклеился...

Губы у него нервно задрожали.

— Полноте, Тулиневъ, поправится какъ нибудь. Идите покойно на урокъ; я сдѣлаю все, что нужно.

Общество встало изъ-за стола и начало расходиться.

— Извините меня на минуточку, Василиса Николаевна; сейчасъ вернусь, проговорилъ Борисовъ, и вышелъ вслѣдъ за Постновымъ.

— Василиса осталась одна въ комнатѣ съ Михайловымъ. Она гладила голову Султана, который довѣрчиво положилъ морду къ ней на колѣни. Ей почему-то казалось страннымъ и натянутымъ сохранять холодное молчаніе.

— Это ваша собака? спросила она.

— Да, отвѣтилъ Михайловъ и совершенно просто взглянулъ на нее.

— Какая она красивая, добавила Василиса.

— Добрый песъ, произнесъ Михайловъ, проводя рукой по спинѣ собаки.

Борисовъ возвратился.

— Сегодня фальцовка? спросилъ Михайловъ.

— Какой!... Сейчасъ объ этомъ говорилъ; до завтра ничего не будетъ готово. Ночь проработаютъ, чтобы какъ нибудь наверстать. Я съ вечера засяду, вплоть до утра.

— Такъ я вечеркомъ въ типографію зайду. А теперь прощайте.

— До свиданія, сказалъ Борисовъ. Приходите же, смотрите, переговорить надо.

Михайловъ взялъ фуражку и поклонился Загорской. Ей хотѣлось протянуть ему руку, но она не рѣшалась. Борисовъ замѣтилъ ея движеніе.

— Мой товарищъ и пріятель Михайловъ, рекомендую, проговорилъ онъ.

Василиса пожала Михайлову руку.

— Надѣюсь, мы увидимся...

— Былъ бы очень радъ, но я завтра ѣду.

— Ѣдете? Она чуть не прибавила: Какъ мнѣ жаль. Они сошли вмѣстѣ съ лѣстницы и на улицѣ разстались.

— Куда онъ ѣдетъ? спросила Василиса.

— Онъ? Въ дальній путь, въ Россію.

— Въ Россію? И на долго?

— Какъ прійдется; ѣдеть-то не надолго, а можетъ быть не воротится.

— Какъ же онъ ѣдетъ? спросила Василиса. Онъ долженъ заложить часы, чтобы помочь этой бѣдной женщинѣ, стало быть, у него нѣтъ средствъ...

Борисовъ засмѣялся.

— Развѣ онъ ѣдетъ для своего удовольствія? Онъ отправляется для дѣла, съ порученіемъ: значитъ, и средства найдутся.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Мы съ вами не разъ толковали о солидарности, еще въ Ниццѣ, помните? Вотъ одинъ изъ случаевъ, гдѣ этотъ принципъ находитъ свое примѣненіе. Одному нужно ѣхать, другіе припасаютъ средства. Это-то и составляетъ силу.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— А остальные, спросила Василиса, кто они? Чѣмъ они занимаются? Неужели эти веселые, добродушные люди — революціонеры? Какъ-то не вѣрится.

— Почему же не вѣрится? спросилъ Борисовъ. Революціонеры — люди, какъ всѣ другіе, кровожадными и неистовыми могутъ казаться ихъ идеи, но они сами, какъ личности, большею частію народъ смирный и безобидный. А что они дѣлаютъ? Постновъ пишетъ статьи; весь полемическій отдѣлъ „Набата“ находится подъ его редакторствомъ. Рѣдичъ и Леонтьевъ работаютъ наборщиками въ типографіи; Северинъ опредѣленной дѣятельности не имѣетъ, но, онъ чуть ли не самый полезный человѣкъ. Ему привелось жить въ разныхъ слояхъ общества, онъ пріобрѣлъ всюду сношенія и этими связями служитъ дѣлу, которому вполнѣ преданъ. Гельфманъ, какъ вы вѣроятно угадали, не принадлежитъ къ нашей партіи, онъ изъ евреевъ, человѣкъ способный, начитанный, чрезвычайно самолюбивый, а въ сущности пустой говорунъ. Водится съ нашими, но осторожно, боится скомпрометироваться. Вотъ вамъ, въ общихъ чертахъ, дѣятельность каждаго изъ нихъ.

— А этотъ господинъ, что при концѣ вошелъ, у него такое доброе лицо, кто онъ?

— Тулиневъ. Онъ дѣйствительно очень добрый человѣкъ. Онъ учитель. Даетъ уроки исторіи и русской словесности. По своему темпераменту и складу ума, онъ

далеко не революціонеръ, но стоитъ близко къ дѣлу черезъ свою жену, женщину замѣчательную. Она больна горловой чахоткой, врядъ ли долго проживетъ, — жаль!

Борисовъ довелъ Василису до дверей гостиницы и тамъ съ ней простился.

— Бѣгу въ типографію, сказалъ онъ. Надо будетъ какъ-нибудь отправиться туда вмѣстѣ. Вы вѣрно никогда не видали, какъ набираютъ; вамъ будетъ интересно посмотрѣть.

IV.

Василиса осталась въ Женевѣ. Она не пробовала обманываться и скрывать отъ себя, что таковое рѣшеніе удовлетворяло одинаково мало требованіямъ благоразумія, какъ и тайнымъ стремленіямъ ея сердца. И сердце, и разумъ страдали въ равной мѣрѣ отъ неопредѣленнаго положенія, въ которое она себя ставила. Она знала, что новая жизнь, о которой ей мечталось, утратила теперь всякій смыслъ; она знала, что товарищеская нога, на которую Борисовъ поставилъ ихъ отношенія, была ей не по силамъ: она знала, что будетъ волноваться, страдать, — и, сознавая все это, тѣмъ не менѣе согласилась на его просьбу провести нѣсколько недѣль въ Женевѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ предыдущихъ, она сдавалась не на разсужденія его, а на подкапываніе нравственной самостоятельности, которая обнаруживалась всякій разъ, что ея воля сталкивалась съ волею Борисова.

Было рѣшено, что онъ пріищетъ для нея помѣщеніе въ небольшомъ пансіонѣ.

— Только, пожалуйста, Сергѣй Андреевичъ, соображайтесь съ моими средствами; они очень, очень скромны.

— Будьте покойны, намъ это не въ диковинку.

Помолчавъ, онъ прибавилъ: — Если же явятся зацѣпки съ этой стороны, вы не затруднитесь, я полагаю, обратиться ко мнѣ... Я во всякое время располагаю, хотя неболь-

шими, но достаточными суммами. Меня это не стѣснитъ, а съ вашей стороны, было бы странно останавливаться передъ этимъ.

— Благодарю васъ, произнесла Василиса. У меня есть все, что нужно въ настоящую минуту.

— Такъ въ другой разъ, если понадобится. Это очень обыкновенный житейскій вопросъ, — на него слѣдуетъ и смотрѣть самымъ простымъ образомъ.

Дня черезъ два пансіонъ былъ сысканъ, и все было устроено.

— Прекрасная комната, говорилъ Борисовъ, передавая ей подробности. Утромъ кофе, въ двѣнадцать часовъ завтракъ, въ шесть обѣдъ, — и за все пять франковъ въ день. Не разорительно?

— Нѣтъ, отлично...

Загорская переѣхала въ пансіонъ. Комната ея была просторная, довольно хорошо меблированная, съ широкимъ альковомъ. Стеклянная дверь вела на балконъ, куда рядомъ выходила дверь изъ общей гостиной. Избалованной до извѣстной степени барскими привычками Василисѣ казалось сначала странно и тяжело жить въ пансіонѣ, не имѣть къ своимъ услугамъ горничной, заботиться самой о деталяхъ своего туалета. Она страдала отъ этихъ маленькихъ неудобствъ, но переносила ихъ, какъ неизбѣжное условіе той жизни, къ которой стремилась. Самымъ непріятнымъ обстоятельствомъ являлась для нея необходимость обѣдать за общимъ столомъ. Въ день ея переѣзда, когда въ шесть часовъ раздался звонокъ, она надѣла перчатки и долго не рѣшалась сойти. Наконецъ, пересиливъ это чувство, она вошла въ столовую.

Столъ былъ накрытъ на пять приборовъ. Мужчина и двѣ женщины сидѣли уже за столомъ, и, когда Загорская заняла свое мѣсто, учтиво ей поклонились. Въ мужчинѣ она узнала Тулинева. Одна изъ женщинъ была старая, съ острымъ носомъ, острымъ подбородкомъ и небольшими безпокойно-бѣгающими глазками. Другая, еще молодая, бѣлокурая, некрасивая, имѣла болѣзненный видъ; продолговатое ея лицо было совершенно безцвѣтно; на впалыхъ щекахъ

ярко горѣли два красныхъ пятнышка. — Вѣрно, жена Тулинева, подумала Василиса.

Прерванный на мгновеніе ея появленіемъ разговоръ, возобновился вполголоса.

— Какъ вы себя чувствуете сегодня, Марья Ѳадеевна? спросила старуха, обращаясь къ своей сосѣдкѣ на русскомъ языкѣ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и окидывая въ то же время бѣглымъ взгядомъ лицо и фигуру Василисы.

— Благодарю васъ; ночь провела изрядно. А Вѣра еще не приходила?

— Только что воротилась, сейчасъ сойдетъ.

— Я слышалъ, сказалъ Тулиневъ, что на дняхъ посѣтилъ консерваторію X, — онъ назвалъ итальянскую знаменитость — и Вѣра Павловна пѣла при немъ.

— Какъ же, какъ же, подтвердила старуха. Я нарочно ходила къ профессору: онъ разсказалъ мнѣ, какъ все это произошло, и какой успѣхъ имѣла Вѣрочка. Непремѣнно, говоритъ, надо готовить ее въ оперу.

— Отчего бы и нѣтъ, Каролина Ивановна? спросилъ Тулиневъ.

— Ахъ, милый Иванъ Андреевичъ, это нельзя такъ легко рѣшить! Театральная карьера для дѣвочки, вы сами знаете... Хотя, съ другой стороны, въ нашемъ положеніи, безъ всякаго состоянія... Но, впрочемъ, Вѣрочка сама не хочетъ, не рѣшается...

— Вы еще не такъ давно говорили о своихъ намѣреніяхъ относительно артистической будущности вашей дочери, перебила Тулинева. Съ какихъ же поръ вы имъ измѣнили?

За дверью въ эту минуту послышались легкіе шаги, и въ столовую вошла, граціозно и быстро ступая, молодая дѣвушка, почти дѣвочка, въ простенькомъ коричневомъ платьѣ и черномъ фартукѣ. Она была высокаго роста и казалась еще выше отъ манеры держать маленькую голову, съ которой спускались по поясъ двѣ густыя каштановыя косы. Вся ея фигура, еще не вполнѣ сложившаяся, но нѣжная и стройная, носила отпечатокъ здоровья, свѣжести и силы. Особенно прекрасенъ былъ матовый цвѣтъ кожи, на которомъ рисовались тонкой дугой черныя брови. Глаза были

темные, лучистые; ротъ нѣсколько великъ, румянъ и, раскрываясь въ полуулыбкѣ, показывалъ два ряда жемчужныхъ зубовъ.

Дѣвушка, еще въ дверяхъ, проговорила звонкимъ голосомъ: — Здравствуйте! Не очень опоздала? и, поспѣшно пройдя комнату, заняла пустое мѣсто около Василисы, взглянувъ на нее вскользь и немного сконфуженно, какъ дѣлаютъ это любопытныя дѣти.

— Что васъ сегодня такъ долго задержало, Вѣра Павловна? спросилъ Тулиневъ ласково, съ улыбкою глядя на дѣвушку.

— У насъ въ консерваторіи случилась уморительная исторія, я вамъ разскажу; но прежде поѣмъ. Ужасно проголодалась.

Она взялась за тарелку супа, стоявшую около ея прибора.

— А вы, Марья Ѳадеевна, хорошо ночь провели, не кашляли... сейчасъ по лицу вижу, сказала дѣвушка.

— Да, не кашляла, отвѣчала Тулинева и такъ же ласково, какъ и мужъ, смотрѣла на дѣвушку.

— Вѣрочка, кушай, супъ совсѣмъ простынетъ, замѣтила мать.

— Какой невкусный, даже голодной не хочется глотать! проговорила Вѣра, дѣлая гримасу; но тѣмъ не менѣе доѣла тарелку до конца.

— Что я слышалъ, Вѣра Павловна, заговорилъ Тулиневъ: вы имѣли на дняхъ блистательный успѣхъ?

— Вѣра, проговорила Тулинева, устремивъ на дѣвушку свои блѣдно-голубые, умные глаза, ваша матушка говорила намъ сейчасъ, что вы раздумали идти на сцену. Съ какихъ это поръ?

— Я? вскрикнула Вѣра. Не вѣрьте maman: это она нарочно говоритъ. Она съ нѣкотораго времени стала всѣмъ разсказывать, что я не рѣшаюсь; она, вѣрно, поджидаетъ, чтобы пріѣхалъ какой-нибудь импрессаріо дѣлать предложенія, и я думаю, что она хочетъ побольше съ него взять, добавила она, смѣясь.

— Вѣра! воскликнула укоризненно мать и даже всплеснула руками.

Дѣвушка покраснѣла, но не отъ укора матери, а потому что она взглянула въ эту минуту на Василису и ей показалось, что по серьезному лицу незнакомой барыни скользнула улыбка.

Она стала разсказывать о случившемся происшествіи въ консерваторіи и насмѣшила всѣхъ, даже свою мать.

Василиса встала изъ-за стола ранѣе конца обѣда. Подымаясь по лѣстницѣ, она услыхала за собой легкій шагъ и, обернувшись, увидала Вѣру.

— Вы уронили, проговорила дѣвушка съ улыбкой, подавая ей перчатку.

Василиса поблагодарила и тоже улыбнулась ей въ отвѣтъ.

Нѣсколько дней спустя она познакомилась съ своими сосѣдями. Случилось это совершенно неожиданнымъ для нея образомъ.

Какъ-то вечеромъ Борисовъ зашелъ провѣдать ее. Онъ принесъ нѣсколько номеровъ „Набата“ и сидѣлъ, толкуя ей основныя идеи программы этого журнала, органа новой, только что начинающей организоваться партіи. Программа была сложная, обширная; Василиса слѣдила за объясненіями Борисова, стараясь вникнуть въ ихъ сущность.

— Ваша партія, стало быть, отрицаетъ безвластіе? спросила она.

— Анархическій строй общества, идеалъ отдаленнаго будущаго, объяснялъ Борисовъ. Въ настоящую минуту принципъ анархіи непримѣнимъ. Вся соціальная неправда обусловливается неравенствомъ людей между собою; анархія немыслима логически, безъ предварительнаго установленія абсолютнаго равенства между всѣми членами общества,— равенства экономическаго, политическаго и проч. Достичь такой широкой цѣли возможно только посредствомъ борьбы; а чтобы борьба велась успѣшно, необходимы строгія условія дисциплины, іерархіи, централизаціи. Поэтому...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались звуки фортепіано и

вслѣдъ за ними раздался звучный женскій голосъ. Василиса и Борисовъ прислушались.

— Кто это поетъ? спросилъ Борисовъ.

— Должно быть, та дѣвушка, которая живетъ здѣсь съ матерью, русская; имени ея не знаю.

— А, Макарова! произнесъ Борисовъ. Я помню, говорили, что она бѣгаетъ въ консерваторію. Хорошенькая, говорятъ, дѣвченка, и съ талантомъ.

— Замѣчательно красивая, сказала Василиса; въ ней что-то необыкновенно милое... А знаете, кто еще здѣсь живетъ?

— Кто?

— Тулиневы, мужъ и жена.

— Вы съ ними познакомились? спросилъ Борисовъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ... я знакомствъ никакихъ не желаю.

— А я только что хотѣлъ просить у васъ позволенія привести къ вамъ кой-кого изъ моихъ товарищей...

Она ничего не отвѣчала и только взглянула на него.

— Чего вы боитесь? простое знакомство компрометировать васъ не можетъ. А люди это неглупые, потолковать съ ними интересно.

Въ сосѣдней комнатѣ звучала между тѣмъ баллада Шумана „Erl König."

— Это, кажется, общая гостиная? спросилъ Борисовъ. Пойдемте туда, лучше услышимъ.

— Я еще ни разу не была...

— Барыня! засмѣялся Борисовъ. Когда-то бросите ваши аристократическія замашки! Попробуйте жить попроще, какъ всѣ люди. Пойдемте-ка.

Василисѣ не хотѣлось съ нимъ спорить; она встала.

— Мало ли, чего иной разъ не хочешь дѣлать, а приходится! разсуждалъ Борисовъ, идя съ нею по корридору. Иногда отказываешься даже отъ счастья въ силу не своихъ, а чужихъ воззрѣній, которыя прямо считаешь предразсудками.

Василиса не могла не понять смысла этихъ словъ. Горячая кровь бросилась ей въ лицо. — „Какъ онъ смѣетъ такъ говорить, онъ, который все забылъ, всѣмъ пренебрегъ!" подумала она. Уснувшее на время негодованіе поднялось жгучѣе, какъ въ первую минуту, со дна ея души.

Гостинная была освѣщена нѣсколькими рожками газа. На диванѣ сидѣла Каролина Ивановна и вязала чулокъ; Тулиневъ читалъ газету: за фортепіано сидѣла его жена, одѣтая въ широкій шерстяной капотъ; возлѣ нея стояла Вѣра, оборотясь лицомъ къ гостинной и пѣла. Она кончала послѣднія ноты, когда вошли Борисовъ и Василиса.

— Вы не знакомы? спросилъ Борисовъ и назвалъ Тулинева Василисѣ.

— Мы, кажется, уже видѣлись, сказала она.

— Да, произнесъ Тулиневъ, видимо обрадованный, что она упомянула о ихъ встрѣчѣ. Это было въ тотъ день, когда Маня была такъ больна.

— Вашей женѣ теперь лучше? Это она? спросила Василиса, указывая на сидѣвшую за фортепіано барыню.

Тулиневъ утвердительно наклонилъ голову.

Василиса раздумывала, подойти ли ей къ Тулиневой, или нѣтъ. Въ это время Тулинева, съ которой говорилъ Борисовъ, встала изъ за фортепіано и сама пошла къ ней навстрѣчу.

— Позвольте познакомиться безъ лишнихъ церемоній, произнесла она, протягивая руку.

Василису удивило то пріятное выраженіе, которое сообщала привѣтливая улыбка ея некрасивому, съ большими желтыми зубами, лицу.

— Я очень рада, сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Тулинева. Мнѣ казалось, что вы не желали знакомства и потому я не рѣшалась заговорить съ вами.

Василиса почувствовала, что съ этой женщиной пустыя фразы не имѣли никакого значенія; она сразу вникала гораздо глубже.

— Я нелюдима, произнесла Василиса, улыбаясь. Мнѣ всегда стоитъ усилія выйдти изъ своей раковины.

— А я застѣнчива, хотя это и не кажется. Мы, стало быть, можемъ понять другъ друга.

Онѣ подошли къ фортепіано, около котораго съ разрумянившимся лицомъ стояла Вѣра, перебирая ноты.

— Рекомендую, сказала Тулинева, наша пѣвунья-пташка, и по всѣмъ статьямъ хорошій человѣкъ.

— Я слышала издалека ваше пѣніе; сказала Василиса, у васъ прелестный голосъ.

— Да? произнесла дѣвушка и въ замѣшательствѣ опустила глаза.

— Мнѣ бы очень хотѣлось васъ послушать. Не споете ли что нибудь?

Дѣвушка не отвѣчала и, вспыхнувъ, опустила голову еще ниже.

— Что съ вами, Вѣра? спросила Тулинева. Вѣдь вы такъ желали познакомиться съ madame Загорской... Позвольте узнать имя и отчество, прибавила она, обращаясь къ Василисѣ.

— Василиса Николаевна, подсказалъ Борисовъ.

— Моя дочь совсѣмъ въ васъ влюблена! заговорила старуха Макарова, подойдя къ Василисѣ. Съ тѣхъ поръ, что васъ видѣла, только о васъ и бредитъ.

— Неужели? я очень рада; значитъ, симпатіи обоюдныя.

Она протянула дѣвушкѣ руку.

— Споете что-нибудь?

— Что вы желаете слышать? спросила Вѣра, взглянувъ на нее изъ подлобья.

— Да хотя арію Гуно, которую вы передъ этимъ пѣли.

— Я буду вамъ аккомпанировать, сказала Тулинева, садясь за фортепіано.

Итакъ знакомство было сдѣлано. Василиса стала видаться съ своими сожителями и мало-по-малу сблизилась съ ними.

Тулинева она видѣла мало: онъ былъ цѣлый день на урокахъ и приходилъ только къ обѣду. Съ женой же его она постоянно встрѣчалась, сидѣла съ ней на балконѣ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовала. Она сталкивалась въ ея лицѣ съ незнакомымъ ей до той поры типомъ. Тулинева была въ полномъ смыслѣ слова женщина новой выработки: образованная, до извѣстной степени начитанная, съ опредѣленнымъ, крайне пессимистическимъ взглядомъ на жизнь. Но пессимизмъ ея былъ не узокъ: Василиса дивилась, какъ можно было

съ такимъ безпощаднымъ анализомъ соединять столько мягкости характера и скромности нрава. По темпераменту и по убѣжденію революціонерка, Тулинева раздѣляла образъ мыслей кружка, который группировался вокругъ Борисова, и горячо вѣровала въ осуществленіе извѣстныхъ идей. Съ Василисой она говорила сдержанно, тонко понимая неопредѣленность ея отношенія къ дѣлу и къ кружку. Вѣру Василиса видѣла за столомъ и встрѣчала въ гостиной; но дѣвушка, хотя и была, по словамъ ея матери, влюблена въ Загорскую, но дичилась ея и не выражала своего къ ней расположенія иначе, какъ яркимъ румянцемъ, который разливался по ея лицу, когда она съ нею встрѣчалась. Эта застѣнчивость противорѣчила первому впечатлѣнію, которое она производила.

Менѣе всѣхъ нравилась Василисѣ старуха Макарова. Тощая фигура ея, аккуратно затянутая въ черное, поношенное платье, заостренныя черты лица, быстрые глаза, острый подбородокъ, заискивающія и въ то же время непріятно-фамиліарныя манеры, имѣли что-то лисье, вызывающее невольно осторожность и недовѣріе. Съ перваго же дня она подсѣла къ Василисѣ и, быстро перебирая спицами своего вязанья, разсказала ей исторію своей жизни.

Во дни своей юности Каролина Ивановна пріѣхала, какъ и подобаетъ рижской нѣмкѣ, въ Петербургъ, съ цѣлью пристроиться въ качествѣ няньки, или, — какъ она выражалась, — подгувернантки. Она попала въ княжескій домъ и впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ занималась обученіемъ родному своему языку младшихъ дѣтей. Старшія княжны выѣзжали уже въ свѣтъ; а сынъ, Fürst Григорій, былъ такой милый, красивый, веселый гусаръ! Онъ очень любилъ музыку и пѣлъ самымъ восхитительнымъ голосомъ. Каролина Ивановна жила въ благодатной семьѣ русскихъ баръ, какъ у Христа за пазухой; всѣ, по ея словамъ, любили и баловали ее; — и вдругъ случилась очень непріятная исторія! Перехватили записку... Старый князь ужасно разсердился, и Каролина Ивановна была принуждена въ тотъ же день оставить домъ, не успѣвъ даже проститься съ молодымъ княземъ Григоріемъ. Впрочемъ внезапная отставка не по-

вліяла на ея матеріальныя средства: Каролина Ивановна тотчасъ наняла хорошую квартиру и открыла пансіонъ для приходящихъ дѣвицъ. Втеченіе перваго полугодія она вышла замужъ за добродушнаго и недалекаго Макарова, учителя ариѳметики, съ которымъ познакомилась въ княжескомъ домѣ, и вскорѣ затѣмъ родилась Вѣрочка. Сначала дѣла Каролины Ивановны шли превосходно, но впослѣдствіи пансіонъ ея пришелъ почему-то въ упадокъ, и дѣвицы не стали болѣе посѣщать его. Мужъ ея умеръ; финансовыя обстоятельства запутались, — и вотъ Каролина Ивановна рѣшилась продать свою мебель, бронзовые дорогіе часы и браслеты, подаренные ей когда-то на память. На вырученныя деньги она пріѣхала жить въ Женеву съ своею дочерью, которая получаетъ теперь въ городской консерваторіи музыкальное образованіе.

— Всѣ свои надежды на нее положила, заключила Каролина Ивановна свой разсказъ. — У Вѣрочки замѣчательный талантъ. Что-то изъ нея выйдетъ? — а покуда трудно перебиваться.

Этотъ разсказъ не увеличилъ расположенія Загорской къ старухѣ Макаровой. Къ дочери ея она стала приглядываться съ большимъ вниманіемъ, угадывая въ ней тонкую оригинальную натуру. Она разъ встрѣтила Вѣру на улицѣ, возвращающуюся съ урока, съ тетрадями нотъ въ рукѣ.

— И я домой иду, пойдемте вмѣстѣ, сказала Василиса.

Онѣ прошли нѣсколько шаговъ.

— Хорошо сегодня занимались? спросила Василиса.

— О да. Выраженіе сдержаннаго удовольствія промелькнуло на лицѣ дѣвушки. — Я разучила арію изъ Семирамиды, которую вы любите; я спою вамъ ее теперь хорошо.

Темные глаза ея поднялись на Василису, робкіе и нѣжные.

Загорская улыбнулась.

— Какая вы милая... Но почему вы такая пугливая, какъ дикая козочка? Васъ никакъ къ себѣ не приручишь.

Дѣвушка засмѣялась.

— А вамъ показалось, что я дикая?... Теперь я не буду болѣе дичиться: я стану съ вами совсѣмъ ручная.

— Буду очень рада; но почему такая перемѣна?

Дѣвушка взглянула на нее пытливо и, помолчавъ, сказала:

— Моя мать съ вами говорила... разсказывала вамъ свою исторію... и я замѣтила, что послѣ этого разсказа люди ко мнѣ измѣняются...

— Вы думали, что я измѣнюсь, и поэтому дичились?

— Мнѣ не хотѣлось этого думать; но я не знала навѣрное.

— А теперь знаете?

— Да.

— Вотъ и славно! стало быть, мы будемъ съ вами хорошіе друзья.

Онѣ подходили къ улицѣ, гдѣ находился ихъ домъ. Вѣра раздумывала что-то и наконецъ рѣшилась проговорить:

— Была еще другая причина. Моя мать сказала вамъ что-то обо мнѣ, въ тотъ вечеръ, когда вы въ первый разъ пришли въ гостинную, — помните?

Василиса старалась отгадать, о чемъ она говорила.

— Не помню, сказала она.

— Марья Ѳадеевна была съ вами — вы еще подошли къ фортепіано...

— Рѣшительно не помню: скажите, что такое?

Вѣра взглянула на нее, какъ бы желая убѣдиться, правду ли она говоритъ, или нѣтъ, и рѣшила про себя, что правду.

— Я вамъ скажу; только не теперь, промолвила она. Приходите сегодня вечеромъ на балконъ.

— Хорошо, согласилась Василиса, улыбаясь серьезному виду, съ которымъ дѣвушка назначала ей это свиданіе.

Дома она нашла Борисова, ожидавшаго ее съ однимъ изъ своихъ товарищей. Это былъ Северинъ.

— Привелъ вамъ человѣка, сказалъ Борисовъ, которому, можетъ быть, удастся убѣдить васъ. Онъ многое видѣлъ, многое знаетъ, самъ участвовалъ въ дѣлахъ... Мнѣ вы часто не вѣрите: здѣсь вы будете имѣть дѣло съ опытомъ. — Мы вотъ все толкуемъ съ Василисой Николаевной, обратился онъ къ Северину, о средствахъ и путяхъ; она никакъ не рѣ-

шается признать неизбѣжность насильственныхъ мѣръ... Постарайтесь доказать ей, что протестъ на легальной почвѣ — абсурдъ.

— Это неопровержимая истина, проговорилъ своимъ тихимъ голосомъ Северинъ. Зло лежитъ въ корнѣ: ясно, что только радикальными средствами можно истребить его.

— Насильственными? спросила Василиса.

— Да какъ же иначе? Эксплуатирующая буржуазія завладѣла капиталомъ, монополизируетъ въ своихъ рукахъ всѣ производительныя силы: нельзя допустить, чтобы она добровольно разсталась съ своими привиллегіями; слѣдовательно, нужно будетъ ихъ у нея отнять. Отымать — значитъ бороться: а чтобы рѣшить, насколько эта борьба справедлива, поставимъ себѣ вопросъ: должны ли интересы большинства подчиняться интересамъ меньшинства, или же наоборотъ?

— Понимаю, произнесла Василиса. Но такой переворотъ возбудитъ страсти, польются потоки крови, — неужели съ этимъ не слѣдуетъ считаться?

— Что же дѣлать? Чтобы спасти тысячи, нужно умѣть, въ данный моментъ, жертвовать сотнями. Ежели бы послушались Марата, когда онъ требовалъ двѣсти тысячъ головъ, наполеоновскія войны и послѣдующія революціи, стоившія Франціи несравненно болѣе двухсотъ тысячъ человѣческихъ жизней, не существовали бы.

— А во время Коммуны, прибавилъ Борисовъ, еслибъ, вмѣсто ста шестидесяти отажей перестрѣляли нѣсколько сотенъ версальскихъ предателей, реакція не восторжествовала бы, и страшная бойня Сатори была бы предотвращена. Тьеръ, котораго вы считаете великимъ государственнымъ человѣкомъ, покрытъ кровью съ головы до пятокъ.

— Да, проговорила Василиса. Но неужели нѣтъ другого исхода, какъ быть палачемъ или жертвою? Почему же нельзя убѣждать умы и этимъ подготовлять въ будущемъ мирный переворотъ? Вѣдь христіанство не имѣло другого орудія, какъ слово, а оно воцарилось же, торжествуя, въ мірѣ.

— Форма христіанства — да, сказалъ Борисовъ, но духъ его никогда не воцарялся. Теперь только начинаютъ понимать настоящую его суть.

— Основатели его были идеалисты, проговорилъ Северинъ. Они дѣйствовали исключительно духовнымъ орудіемъ на внутреннюю жизнь человѣка. Отдѣльныя личности воспламенялись, и имъ становились понятны основные принципы. — Но въ массу христіанство перешло не въ совершенной формѣ, и до сихъ поръ его идея понимается превратно.

— Кстати, сказалъ Борисовъ, я принесъ вамъ книгу Дрэпера „Столкновеніе католицизма съ наукой“ — мы только что получили ее въ библіотекѣ.

Бесѣда длилась до обѣда; Борисовъ и Северинъ ушли, когда раздался первый звонокъ.

Василиса осталась подъ впечатлѣніемъ этого разговора. Она вышла послѣ обѣда на балконъ и ходила взадъ и впередъ по узкому пространству, раздумывая. Начинало темнѣть, первая звѣзда появилась на небѣ. Чья-то рука просунулась подъ ея руку. Она обернулась и увидала Вѣру.

— Вы не забыли?

— Нѣтъ, сказала Василиса, вспомнивъ въ эту минуту свое обѣщаніе.

— Ну, вотъ теперь я вамъ скажу. — Сядемте здѣсь.

Она выдвинула для Василисы кресло изъ гостиной, а сама сѣла на скамейку у ея ногъ.

— То, что моя мать сказала вамъ обо мнѣ въ этотъ вечеръ, было мнѣ очень непріятно. Она сказала, что я въ васъ... влюблена.

И какъ ни была рѣшительна Вѣра, голосъ ея слегка дрогнулъ.

— Милая Вѣра Павловна! сказала ласково Василиса, проводя рукой по длиннымъ косамъ дѣвушки. Такъ вотъ что васъ тревожило?.. Право, я не вижу, изъ чего вамъ было огорчаться.

— Вы не видите, но я знаю. Вы мнѣ нравились, потому что вы милая, умная, красивая... и мнѣ было досадно, что моя мать употребила такое пошлое слово. Вы имѣли право подумать, что я пустая дѣвчонка и больше ничего.

— Но вѣдь я этого не подумала.

— Я васъ за это и люблю.

— А, любите? засмѣялась Василиса.

— Еще бы...

Вѣра взяла ея руку и, прижавшись сначала къ ней лицомъ, тихонько поцѣловала ее.

— Вѣра Павловна, что вы!

Дѣвушка громко разсмѣялась и, чмокнувъ ее еще разъ, уже совершенно откровенно, проговорила:

— Люблю, потому и цѣлую! У васъ такія красивыя руки, такъ хорошо пахнутъ... и вы вся красивая. Мнѣ нравятся ваши волосы и ваши глаза, и черное ваше платье, и все... Съ перваго раза, когда я васъ увидала, я сказала себѣ, что мы будемъ сидѣть съ вами, вотъ такъ, и разговаривать... Только я не люблю разговаривать при другихъ; я люблю быть вдвоемъ... И вотъ еще, о чемъ я хочу васъ попросить: не называйте меня, пожалуйста, Вѣрой Павловной, а называйте Вѣрой. Будете? да?

— Мнѣ хочется звать васъ совершенно другимъ именемъ, проговорила Василиса. Читали вы Гёте?

— Читала. А что?

— Тамъ есть въ Вильгельмѣ Мейстерѣ одна дѣвушка...

— Знаю, перебила Вѣра, вы хотите назвать меня Mignon?

— Да, хочу; почему вы угадали?

— Потому что вамъ кажется, что я такая же сумасшедшая.

— Не сумасшедшая, а такая же милая, непохожая на всѣхъ... Такъ хотите быть моей Mignon?

— Да, сказала страстно дѣвушка, прижимаясь головой къ ея колѣнямъ.

V.

— Вы долго здѣсь останетесь? спросила Вѣра, сидя на другой день, послѣ завтрака съ Василисой, въ ея комнатѣ.

— Нѣсколько недѣль.

— Только? А потомъ, куда вы поѣдете?

— По всей вѣроятности, въ Россію.

— Въ Россію, проговорила задумчиво Вѣра. У васъ тамъ, вѣрно, мужъ, дѣти... Вы къ нимъ поѣдете?

— У меня дѣтей нѣтъ, сказала Василиса.

— Какъ странно; мнѣ казалось почему-то, что у васъ, непремѣнно, должны быть дѣти, которыхъ вы любите и ласкаете...

— Помолчавъ, она прибавила:

— Вотъ у Марьи Ѳадеевны есть сынъ; ему теперь три года. Онъ остался въ Россіи, у ея матери и отца... Это очень богатые люди, но нехорошіе... Она ихъ не любитъ; она знаетъ, что они не будутъ воспитывать ея сына такъ, какъ она хотѣла бы, и эта мысль часто ее мучаетъ.

— Развѣ она не можетъ взять его къ себѣ и воспитывать сама?

— Гдѣ ей! вѣдь Марья Ѳадеевна очень больна. Она умираетъ, и она это знаетъ.

— Ея не было сегодня за столомъ, замѣтила Василиса; хуже ей?

— Она часто не бываетъ за столомъ. Когда она ночь прокашляетъ, ей на другой день трудно ходить по лѣстницамъ. Тулишевы живутъ очень высоко, потому что они не могутъ платить дорого за комнату; у нихъ только и есть то, что Иванъ Арсеньевичъ зарабатываетъ уроками; а это такъ мало, что вы представить себѣ не можете.

— Вы говорите, что родители ея богаты?

— Да, но они ей ничего не даютъ... Она вышла замужъ за Ивана Арсеньевича противъ ихъ воли; они долго не хотѣли ея видѣть, но когда родился ея сынъ, они ее простили, но денегъ не даютъ.

— Бѣдная, произнесла Василиса. Ей представились борьба и нравственныя пытки, черезъ которыя прошла эта женщина. — Вамъ ея жаль? спросила она, пораженная равнодушнымъ тономъ, которымъ говорила Вѣра.

— Очень жаль, она хорошая, но что же дѣлать! Въ жизни на каждомъ шагу встрѣчаешь страданія и неправду.

— Въ самомъ дѣлѣ? улыбнулась Василиса. Вы-то почемъ это знаете?

Дѣвушка взглянула на нее ласково, съ тихой усмѣшкой, какъ смотрятъ на очень любимыхъ людей, когда они ошибаются.

— Я вижу, вы считаете меня за дѣвочку. Вамъ все кажется, что я не понимаю и не знаю; а я понимаю и знаю многое, чего, можетъ быть, не слѣдовало бы знать... Я съ дѣтства насмотрѣлась на всякія житейскія дѣла, иногда очень некрасивыя. Ребяческая наивность давно съ меня соскочила.

Вѣра говорила просто. Ея прекрасные, правдивые глаза были прямо устремлены на Загорскую, улыбающіяся губы, нѣжный подбородокъ, весь обликъ лица, еще по дѣтски округленный, странно контрастировали съ словами, которыя она произносила. Василиса не могла не вѣрить имъ, и въ ней нарождалось невольное чувство нѣжности къ этой дѣвушкѣ.

— Сколько вамъ лѣтъ, Mignon? спросила она. На видъ вы совсѣмъ ребенокъ.

— Мнѣ восемнадцать лѣтъ. Но вѣдь это ничего не значитъ, не годы старятъ человѣка, а опытъ жизни.

— Какой же вы могли пріобрѣсти опытъ?

— Какъ вамъ сказать, проговорила Вѣра, и глаза ея задумчиво устремились въ пространство. Особеннаго ничего не припомню, фактовъ никакихъ нѣтъ... Я даже не помню, при какомъ случаѣ я начала думать; я знаю только, что я думала и понимала съ тѣхъ поръ, что себя помню. Это произошло, можетъ быть, оттого, что въ моемъ присутствіи не стѣснялись... обо всемъ говорили. Я слышала упреки и ссоры между моей матерью и... отцомъ. Я понимала ихъ, мнѣ было сначала больно и стыдно, потомъ я привыкла. Подрастая, я научилась никому не говорить о томъ, что происходило во мнѣ. Я много вращалась между дѣвицами, которыя приходили къ намъ въ пансіонъ; онѣ всѣ были старше меня, и отъ нихъ я понабралась всякой житейской премудрости. Потомъ пошли денежныя хлопоты и дрязги; покуда продавали вещи, и моя мать спорила съ покупщиками и съ кредиторами, я на многое насмотрѣлась. Вотъ вамъ моя исторія; не особенно интересная, какъ видите...

Настало молчаніе.

— Отчего вы не ходите къ Марьѣ Ѳадеевнѣ въ комнату? спросила вдругъ Вѣра. Я всякій день бываю у нея.

— Боюсь ее стѣснить; вѣдь она больна, ей можетъ быть непріятно...

— О, нѣтъ, ей надоѣло лежать цѣлый день одной. Пойдемте къ ней сейчасъ, хотите? Она будетъ рада.

Вѣра поднялась со стула и взяла Загорскую за руку.

— Мы вѣдь рѣшили съ вами, что я человѣкъ опытный въ житейскихъ путяхъ! проговорила она, смѣясь. Вотъ я васъ и поведу...

— Она права, подумала Василиса, подымаясь по узкой лѣстницѣ въ третій этажъ, гдѣ жили Тулиневы. У этой дѣвушки, даромъ что она молода, гораздо болѣе практичности, силы и умѣнья взяться за жизнь, чѣмъ у меня...

Она смотрѣла на стройную фигуру Вѣры, въ простомъ платьѣ, съ длинными косами, быстро и граціозно двигающуюся передъ ней.

— Теперь пансіонъ пустъ, объясняла ей Вѣра; сезонъ еще не начался. А вотъ скоро наѣдутъ всякіе нѣмцы и жиды... такіе курьезные типы бываютъ! Иногда рѣшительно не знаешь, о чемъ съ ними говорить: совсѣмъ дикіе люди.

— Вѣдь вы не обязаны съ ними знакомиться, замѣтила Василиса.

— Maman — Вѣра только въ серьезныхъ разговорахъ говорила „моя мать“ — maman любитъ знакомиться, такъ и на мою долю перепадаетъ. За обѣдомъ болтаешь съ тѣмъ и съ другимъ.

— И вамъ это не скучно, не противно?

— Нѣтъ, почему же? вѣдь ихъ глупость ко мнѣ не пристанетъ?

Онѣ остановились передъ дверью, Вѣра постучалась.

— Войдите, слабо раздалось внутри.

Комната, въ которую они вошли, была маленькая, низенькая. Больная лежала на постели, съ разрумяненнымъ лихорадкою лицомъ; возлѣ нея, на ночномъ столикѣ стоялъ

недопитый стаканъ молока; изъ-подъ подушки выглядывалъ кончикъ платка, запятнанный кровью.

Василиса подошла къ постели. Тулинева протянула ей свою руку, худую и костлявую, высовывавшуюся изъ обшлага смятой ночной кофточки.

— Пришли меня провѣдать; вотъ спасибо... Куда бы вамъ сѣсть? ни одного кресла здѣсь нѣтъ...

— Не безпокойтесь, сказала Василиса, садясь на стулъ у ногъ ея постели.

— Что, Марья Ѳадеевна, могли заснуть? спросила Вѣра.

— Немного вздремнула... Скверное дѣло быть больной, обратилась она къ Василисѣ.

— Вы поправитесь, проговорила Загорская оффиціальную фразу.

— Вы такъ думаете? я не надѣюсь и давно уже распростилась со всякими на этотъ счетъ иллюзіями... Разрушенныхъ легкихъ вѣдь не возвратишь; значитъ, конецъ; заманчивыми надеждами тѣшить себя не приходится.

Василиса взглянула на фотографическую карточку въ деревянной рамкѣ, висѣвшую надъ постелью.

— Это сынъ вашъ? спросила она, желая перемѣнить разговоръ.

— Да, это мой Алексѣй... некрасивый ребенокъ, но здоровый и крѣпышъ такой... Жаль мальчугана!...

Тулинева стала разсказывать о сынѣ; она немного оживилась воспоминаніями своего прошлаго. Передъ Василисой развернулась невеселая картина семейной жизни. Отецъ чиновникъ, необузданнаго нрава, жестокій и грубый. Мать слабая и безхарактерная, раздражающая мужа маленькими хитростями и безжалостно предающая нелюбимую дочь. Среда невѣжества, произвола и всякой неправды, прикрываемая словами „нравственность“ и „мораль“.

— Сыну моему будетъ легче, чѣмъ мнѣ, заключила свой разсказъ Тулинева. Старики теперь уходились; притомъ они его любятъ. Но я росла подъ гнетомъ самаго жестокаго деспотизма. Я помню, мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда отецъ таскалъ меня еще за косы по комнатѣ...

Бывало, сижу за столомъ, кусокъ въ горло не идетъ, щеки красныя, руки, какъ ледъ, — всякую минуту ожидаешь сцены.

— Зачѣмъ вспоминать тяжелое прошлое? забудьте, сказала Василиса, взявъ ея руку.

— Ничего, это дѣло прошлое, оно меня больше не волнуетъ. Я вамъ разсказала свою исторію, какъ любопытный бытовой очеркъ. Интересно иногда изслѣдовать, подъ вліяніемъ какихъ элементовъ семейной жизни вырабатывается духъ протеста. Терпишь, терпишь, — подъ конецъ становится невыносимо въ душной атмосферѣ, и стараешься изъ нея вырваться какими бы-то ни было путями. Между товарищами моего брата былъ человѣкъ, котораго я давно знала и уважала. Онъ видѣлъ мое положеніе и предложилъ мнѣ бѣжать и тайно обвѣнчаться съ нимъ. Я согласилась.

— Вы были счастливы? вырвалось у Василисы.

Тулинева взглянула на нее пристально.

— Я была счастлива, насколько это возможно, когда съ дѣтства надломлена вѣра въ счастье. Первое время супружества я только отдыхала въ тихой и мирной атмосферѣ, которую дѣлала мнѣ любовь моего мужа. Другого такого хорошаго, добраго, честнаго человѣка, какъ Иванъ Арсеньевичъ, трудно сыскать. Но вы хотите знать, можетъ быть, нашла ли я въ немъ мой идеалъ? Нѣтъ; не нашла. Я люблю его, — иначе я не жила бы съ нимъ, — но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть, что онъ человѣкъ вялый, безъ энергіи, любящій прежде всего комфортъ и покойную жизнь. Мы шли до сихъ поръ вмѣстѣ, по одному и тому же пути, но онъ шелъ за мной, а не самъ по себѣ. Когда меня не будетъ, чтобы тащить его, онъ, вѣроятно, свернетъ съ этой дороги; его натура не приспособлена для борьбы, а борьба— душа нашего дѣла. Черезъ два-три года Иванъ Арсеньевичъ превратится въ мирнаго прогрессиста, обуржуазится, отроститъ себѣ брюшко — и слава Богу! Безъ него довольно гибнутъ въ непосильной борьбѣ.

Въ это время кто-то постучался. Дверь отворилась, и въ ней показалось блѣдное, безбородое, съ тонкими губами и широкимъ, умнымъ лбомъ лицо библіотекаря Горноста-

ева. Онъ держалъ въ рукахъ большую корзину съ виноградомъ.

— Здравствуйте, Марья Ѳадеевна, какъ вы сегодня можете? проговорилъ онъ, подходя и ставя корзинку на ночной столикъ. — Мое почтеніе, обратился онъ къ Загорской и къ Вѣрѣ.

— Плохо, Горностаевъ, совсѣмъ капутъ, сказала Тулинева. Какой славный виноградъ! спасибо вамъ.

Она выбрала кисть и подала ее Василисѣ.

— Попробуйте, это особенный какой-то виноградъ: Горностаевъ приноситъ мнѣ его всякій день изъ сада своей хозяйки; онъ думаетъ, что это меня вылечитъ.

— Не вылечитъ, но и не повредитъ, произнесъ холодно Горностаевъ.

— Садитесь, сказала Тулинева. Вѣра, дружокъ, приберите мое платье со стула.

— А вы не посѣщали болѣе нашей библіотеки? спросилъ Горностаевъ, обращаясь къ Василисѣ.

— Не было времени; на дняхъ соберусь.

— Я съ вами пойду, сказала Вѣра.

— Что новенькаго? спросила Тулинева.

— Ничего особеннаго. Про вчерашнюю исторію слышали?

— Нѣтъ: а что?

— Въ собраніи скандалъ произошелъ.

— По какому поводу?

— Да все по поводу того же вопроса о фондѣ. Собралось ихъ вчера человѣкъ сорокъ; шумятъ, толкуютъ, подумаешь, государственный вопросъ рѣшаютъ... а все дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. При концѣ засѣданія кто-то и выдумай инсинуировать, что редакція „Набата" поступила, дескать, не совсѣмъ откровенно въ этомъ дѣлѣ. Все свалили на Постнова, и давай его ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ. Думали, что изъ нашихъ никого не было, а какъ нарочно, случился тамъ Борисовъ. Онъ далъ договорить, попросилъ слова и произнесъ спичъ... Да. Отстоялъ товарища! Никто послѣ этого не сунулся возражать! Всего потѣшнѣе то, что, по окончаніи засѣданія, тотъ, которымъ былъ поднятъ вопросъ, подошелъ къ нему и сталъ увѣрять, что я, молъ,

не имѣлъ намѣренія оскорбить Постнова, я лишь повторилъ слухъ, которому не придавалъ значенія, а васъ лично, Борисовъ, мы всѣ любимъ и уважаемъ и т. д. И вѣдь не вретъ; мнѣ самому случалось слышать о Борисовѣ самые теплые отзывы отъ людей противоположныхъ партій.

— Да, онъ умѣетъ внушать къ себѣ довѣріе и симпатію, сказала Тулинева. При всей его энергіи, у него удивительно мягкій и уживчивый характеръ.

— А это очень важно, замѣтилъ Горностаевъ, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ главная задача состоитъ въ томъ, чтобы группировать разрозненные элементы. Такіе люди нужны, а они, къ сожалѣнію, очень рѣдки между нами.

— Рѣдки? произнесла Василиса. Я думала, наоборотъ, что революціонная дѣятельность вырабатываетъ такого рода характеры. Такъ естественно, что человѣкъ, посвятившій себя высокой идеѣ, дѣлается равнодушнымъ къ второстепеннымъ соображеніямъ! Для него уже не существуетъ самолюбія; личныхъ взглядовъ у него никакихъ нѣтъ; онъ весь преданъ идеѣ, живетъ ею, всецѣло посвящаетъ ей свою душу и свои силы... и въ этомъ самоотверженіи находитъ счастье.

— Вы рисуете образъ идеалиста-утописта, проговорилъ Горностаевъ. На что они годятся, эти чистые, самоотверженные, непрактичные приверженцы отвлеченной идеи! Почва, на которой они стоятъ, непрочна. Въ пылу своихъ вѣрованій, они или бросаются, очертя голову, въ дѣло и погибаютъ безъ всякой существенной пользы; — или же, не видя возможности осуществить въ ближайшемъ будущемъ свои идеалы, понемногу охладѣваютъ; ихъ начинаетъ грызть сомнѣніе, является внутренній разладъ, они разочаровываются и черезъ нѣсколько времени погружаются въ апатію. Причина такого явленія понятна; абстракція можетъ вдохновлять только на время; она не въ состояніи породить сильныхъ поборниковъ.

— Что же въ состояніи породить ихъ? спросила Василиса.

По тонкимъ губамъ Горностаева скользнула холодная улыбка.

— Личное недовольство, произнесъ онъ. Возьмите человѣка безъ всякихъ идеальныхъ стремленій, но озлобленнаго и пострадавшаго отъ извѣстной жизненной обстановки, изъ которой нѣтъ другого выхода, какъ разрушеніе режима, обусловливающаго эту обстановку: развѣ исходная его точка не будетъ гораздо положительнѣе исходной точки самаго убѣжденнаго теоретика, и развѣ онъ не возьмется за протестъ съ гораздо большей энергіей и практичностью? Онъ знаетъ, что онъ борется не за какую-нибудь отвлеченную идею, а за свои кровные интересы: сомнѣнія породиться въ немъ не могутъ, онъ будетъ бороться до конца, потому что поставленъ въ безвыходное положеніе. И такъ, заключилъ Горностаевъ, хотя подкладка личныхъ мотивовъ, сама по себѣ, и не возвышенный факторъ, тѣмъ не менѣе, на дѣлѣ, онъ оказывается самымъ благонадежнымъ.

Горностаевъ говорилъ просто, холодно, безъ увлеченія: онъ излагалъ свои воззрѣнія дѣловымъ тономъ человѣка, хорошо знающаго то, о чемъ онъ говоритъ.

— Какъ все это сурово! думала Василиса. Она выносила всякій разъ изъ такихъ бесѣдъ какое-то гнетущее безпокойство, потребность идти дальше, вникнуть глубже, дойти до чего-нибудь существеннаго, на чемъ бы могла установиться ея мысль. — Что это за міръ? думала она; какіе это люди? въ какую броню одѣты они? Почему они спокойны, а меня эти вопросы мучатъ и наполняютъ сомнѣніемъ?

VI.

Прошло нѣсколько дней. Василиса, въ сопровожденіи Вѣры, посѣтила библіотеку. На обратномъ пути съ ними пошелъ Борисовъ.

Заговорили о Тулиневой. Василиса хотѣла знать, какое участіе она принимала въ дѣлахъ и какую играла роль.

— Она дѣлаетъ то же, что и всѣ мы, объяснялъ Борисовъ: пишетъ, переводитъ статьи изъ иностранныхъ журна-

ловъ, поддерживаетъ сношенія, какія у нея есть въ Россіи и заграницей, и толкуетъ съ новоприбывшими; — вообще, старается распространить, въ какой бы то ни было формѣ, извѣстную идею. Въ ней выработался вполнѣ опредѣленный взглядъ на вещи. Она дѣйствуетъ въ силу убѣжденія, безъ всякаго внѣшняго къ этому импульса. Жаль, что умираетъ; она могла бы занять, какъ дѣятель, совершенно самостоятельное положеніе, на что женщины вообще рѣдко способны.

— Это мое мнѣніе; сказала Василиса, но я не думала, что вы его раздѣляете.

— Почему же нѣтъ? Въ этомъ отношеніи я консерваторъ. Я смотрю на женщину, какъ на существо положительно субъективное, дѣйствующее большей частью подъ впечатлѣніемъ аффекта, и вслѣдствіе этого способное произвести значительную сумму работы, но только въ данный моментъ и въ извѣстномъ, очень ограниченномъ районѣ. Женщины—тѣ же фанатики; онѣ въ состояніи совершать, не задумываясь, самые отчаянные подвиги, когда ихъ подталкиваетъ чувство, но неспособны отнестись критически къ идеѣ и вообще смотрять на вопросы съ самой узкой точки зрѣнія.

— А эманципированныя женщины? тѣ, которыя ходили въ народъ?..

— Вотъ вамъ типъ такъ называемыхъ нигилистокъ. Сколько силъ богатыхъ, а въ результатѣ вся ихъ дѣятельность сводится къ нулю. Нельзя достичь какой бы то ни было цѣли, руководясь одними только порывами и стремленіями. Будущія поколѣнія выработаютъ, по всей вѣроятности, совершенно иной типъ; а покуда современная женщина живетъ нервами болѣе, чѣмъ мозгами, и вслѣдствіе этого самымъ сильнымъ для нея двигателемъ является впечатлѣніе.

— Стало быть, ни на какое серьезное дѣло она не годится?

— Напротивъ, очень годится, — только не въ роли самостоятельнаго дѣятеля, а въ качествѣ союзника. Впечатлительность ея сила... Умѣй только завладѣть ею, воспользуйся, какъ нужно, всей этой игрой аффектовъ для своей цѣли, и у тебя въ рукахъ несравненное орудіе... Маццини

и польскіе заговорщики понимали это отлично; они заручались этой силой и заставляли ее работать для себя.

— Но вѣдь это нѣсколько похоже на эксплуатацію.

— Почему же и не эксплуатировать такого полезнаго фактора? Это во первыхъ, а во вторыхъ, всегда есть возможность для женщины изъ безсознательнаго орудія обратиться въ сознательнаго помощника; тогда эксплуатація прекращается сама собой, и на ея мѣстѣ является сотрудничество.

— Да, но это случается очень рѣдко...

— Кто же виноватъ? средства даны...

Въ это время Вѣра замѣтила, что они не шли по улицѣ, ведущей къ ихъ дому.

— Я хочу провести васъ другой дорогой, сказалъ Борисовъ.

Они прошли по аллеѣ платановъ, мимо новаго зданія Академіи и вышли на другую сторону сада, на вновь разбитый бульваръ. Узкая и мрачная улица, въ которую они повернули, показалась Василисѣ знакомой. — Вотъ домъ съ рестораномъ и мелочной лавкой, она узнаетъ окна ресторана, нижняя половина которыхъ завѣшена кисейными занавѣсками. У двери стоитъ женщина, ея лицо ей знакомо, это та самая, которая указала ей квартиру Борисова и провела ее до лѣстницы. Василиса вспомнила этотъ горькій для нея день, со всѣми подробностями. Она взглянула вскользь на Борисова и встрѣтила его глаза, пытливо на нее устремленные.

„Онъ знаетъ,“ подумала она.

— Вотъ домъ, въ которомъ я живу, проговорилъ Борисовъ; это окна моей квартиры.

— Которыя? спросила Вѣра, наверху?

— Послѣднія два окна въ третьемъ этажѣ; комната просторная; мы живемъ въ ней теперь двое, я и одинъ мой товарищъ, Рѣдичъ. Вы его, кажется, видѣли? обратился онъ къ Василисѣ.

— Да, кажется...

Дойдя до дома, они остановились и начали прощаться.

— Что вы стали вдругъ такой задумчивой, Василиса Николаевна? спросилъ Борисовъ.

— Голова болитъ, отвѣтила Василиса сухо.

Борисовъ не вошелъ съ ними и простился у дверей.

— Завтра вечеркомъ зайду, проговорилъ онъ.

На другой день онъ пришелъ вечеромъ, довольно поздно. Вѣра была наверху у Тулиневой; Василиса приняла его въ общей гостиной.

— Охота вамъ сидѣть въ душной комнатѣ, проговорилъ Борисовъ. Вечеръ прекрасный, лунный; пойдемте походить.

Вечеръ, дѣйствительно былъ, прекрасный; луна освѣщала озеро, въ тепломъ воздухѣ была разлита осенняя влага. Побродивъ нѣсколько времени по улицамъ и набережной, мимо освѣщенныхъ оконъ магазиновъ, они пришли къ мосту, ведущему на островъ Руссо.

— Перейдемте и сядемте на скамейку, сказалъ Борисовъ; въ эту пору тамъ прелестно, тихо, никого нѣтъ, — развѣ какая-нибудь парочка бродитъ подъ каштанами.

Небольшой островъ былъ полонъ луннаго свѣта, падающаго серебристымъ дождемъ сквозь порѣдѣлую листву деревьевъ. Ни души тамъ не было, даже влюбленной парочки, о которой говорилъ Борисовъ, не оказалось. Бронзовая фигура философа-моралиста возвышалась одна, среди безмолвной тишины и уединенія.

Борисовъ и Василиса сѣли на скамейку. Передъ ними раскидывалось широкое пространство озера, очертанія горъ туманно освѣщались луннымъ сіяніемъ, за бассейномъ свѣтились маяки.

— Не вѣрится, что октябрь на дворѣ, какъ тепло и тихо, сказалъ Борисовъ.

— Да, проговорила Василиса.

Мечты ея въ эту минуту уносились далеко. Она видѣла передъ собой Средиземное море, сверкающее на солнцѣ, темно-лазуревое небо, огромныя скалы, покрытыя, какъ ковромъ, роскошной южной растительностью; на нее пахнуло струйкой душистаго воздуха, которымъ она дышала въ тотъ день, когда сидѣла съ Борисовымъ надъ обрывистымъ берегомъ моря и глядѣла вдаль. Какъ онъ былъ тогда къ ней близокъ; сколько невидимыхъ нитей протянулось между нимъ и ею; какими неразрывными казались онѣ, — и какъ скоро и легко оборвались!

„О чемъ онъ думаетъ въ эту минуту?“ невольно шевельнулся въ ней вопросъ, и она взглянула на него.

Борисовъ сидѣлъ, опустивъ голову, и чертилъ тростью на пескѣ.

— Помните, произнесъ онъ вдругъ, тотъ день, когда я пришелъ къ вамъ въ Hôtel des Bergues?

— Помню...

— Я отыскивалъ васъ цѣлыхъ двое сутокъ по Женевѣ: всѣ гостинницы обѣгалъ; наконецъ, нашелъ, въ ту самую минуту, когда вы расправляли крылышки, чтобы улетѣть... Но отъ насъ вѣдь не такъ легко улетишь...

„Зачѣмъ онъ объ этомъ заговорилъ?“ подумала Василиса.

— Вы ни разу не полюбопытствовали спросить, какимъ образомъ я узналъ о вашемъ присутствіи въ Женевѣ?

— Вы говорили, что въ газетахъ прочли...

— И вы повѣрили?...

— Почему же не повѣрить?...

Борисовъ усмѣхнулся.

— Вы хвалитесь тѣмъ, что никогда не говорили неправды, а сейчасъ покривили душой! Видите, какимъ неприложимымъ оказывается на практикѣ возлюбленный вами принципъ абсолютной правды... даже вы, его поклонница, бываете вынуждены подчасъ измѣнять ему...

— Въ чемъ же я измѣнила? произнесла слабо Василиса.

— Въ чемъ? А въ томъ, что вы, въ настоящую минуту, безъ всякой нужды — простите меня — страшно шарлатаните. Вѣдь вы не можете думать, что фактъ вашего присутствія на моей квартирѣ остался для меня тайной: вы должны были предполагать, что мнѣ объ этомъ сообщатъ и хозяйка, отпиравшая вамъ дверь, и лавочница внизу, у которой вы справлялись. Появленіе такой барыни, какъ вы, въ этой средѣ, не могло пройти незамѣченнымъ. Поэтому я знаю, что вы были у меня, — и вы знаете, что я знаю... Зачѣмъ же продолжать играть въ жмурки?

„Неужели признаться?“ думала Василиса. Ей представлялись всѣ унизительныя послѣдствія такого признанія.

— По какому праву допрашиваете вы меня? спросила она.

— Ей казалось, что голосъ ея былъ строгъ, но онъ былъ только взволнованъ, и въ немъ слышались слезы.

— По праву всякаго человѣка желать добраться до истины, и помочь другому человѣку глядѣть на нее прямо. Къ чему эта комедія? Мы вѣдь не сидимъ съ вами въ свѣтскомъ салонѣ... Вмѣсто того, чтобы продолжать лавировать безъ всякой пользы, сознайтесь во всемъ откровенно... Скажите мнѣ, что вы были у меня, что вы видѣли тамъ то и то, встрѣтились съ такимъ-то или съ такой-то... и мы съ вами поразсудимъ, насколько такая встрѣча должна была повліять на васъ, и имѣетъ ли вообще такого рода обстоятельство то значеніе, которое вы ему придаете.

— Пожалуйста, Сергѣй Андреевичъ, прекратимте этотъ разговоръ...

— Почему же? гораздо лучше дойти до конца. Открытіе извѣстнаго обстоятельства повліяло на васъ непріятно, — такъ непріятно, что вы рѣшились бѣжать и даже измѣнили вслѣдствіе этого первоначальнымъ вашимъ намѣреніямъ. Стало быть, вы ожидали совсѣмъ иного... Является вопросъ: на основаніи какихъ данныхъ строили вы воздушный замокъ, въ существованіи котораго вамъ пришлось разочароваться? Ничто не давало вамъ повода къ иллюзіямъ. Вспомните нашъ послѣдній разговоръ въ Ниццѣ. Развѣ вы оставили мнѣ какую-нибудь надежду, назначили какой-нибудь срокъ, хотя самый отдаленный?... Развѣ я, съ своей стороны, далъ вамъ какія-нибудь обѣщанія? Въ отношеніи васъ я былъ свободенъ и не имѣлъ даже права, послѣ вашего рѣшенія, смотрѣть на себя иначе.

„Правда!“ подумала Василиса. Побѣжденная прямой логикой этихъ словъ, она не смѣла прислушиваться къ слабому протесту своего сердца, которое подсказывало ей, что глубокое чувство никогда не теряетъ надежды и не торопится пользоваться выгодой нежеланной для него свободы.

— Ни по природѣ своей, ни по вкусамъ, я не Донъ-Жуанъ, продолжалъ Борисовъ. Ухаживать за женщинами и увлекать ихъ не составляетъ главнаго интереса моей жизни; но я и не монахъ, — не Лоэнгринъ какой-нибудь. Идеальной любви, вы знаете, я не признаю; я даже не понимаю

значенія такого слова, но я признаю страсть, и когда къ ней присоединяются симпатія и уваженіе къ нравственной личности человѣка, я думаю, что такое сочетаніе составляетъ очень завидное счастье. Это полная гармонія, и въ силу этого встрѣчается, какъ всякое совершенство, необыкновенно рѣдко. Неужели, потому что оно встрѣтилось разъ, и, прозвучавъ одинъ короткій мигъ, стихло и замерло, не достигнувъ своей полноты, человѣкъ не долженъ уже ничего болѣе испытывать, — долженъ на всю жизнь посвятить себя въ аскеты? Такое абсолютное отношеніе къ этому вопросу крайне непрактично. Можно хранить въ душѣ очень серьезное чувство и не избѣгать временнаго сближенія съ какимъ-нибудь граціознымъ, любящимъ созданіемъ, попавшимся случайно на дорогѣ... Такая связь никакого нравственнаго значенія не имѣетъ: нынче она существуетъ, завтра ея нѣтъ. Это вовсе не обозначаетъ въ мужчинѣ легкомыслія и неспособность привязаться глубоко... По крайней мѣрѣ, что до меня касается, я могу ручаться, что если бы осуществилось въ свое время то, что представлялось мнѣ желательной формой счастья, я оставался бы вамъ вѣренъ и никакихъ увлеченій себѣ не позволялъ бы... Вы тогда не соглашались: вамъ казалось возможнымъ замѣнить чувство любви — дружбою... Я принялъ ваше рѣшеніе, — и теперь, какъ другъ, вы должны радоваться, что мнѣ удалось совладать съ увлеченіемъ, и что не пришлось бороться и ломать себя, какъ это бываетъ съ неопытными юношами, которые увлекаются. Такъ вѣдь, Василиса Николаевна?

— Да, произнесла она сквозь зубы.

— А когда я вижу, наоборотъ, что такой исходъ васъ смущаетъ, какое я вправѣ дѣлать заключеніе, относительно искренности вашего рѣшенія?

Василиса не отвѣчала. Ей хотѣлось убѣжать, исчезнуть, укрыться куда-нибудь подальше отъ этихъ словъ, отъ звука этого голоса. Она ненавидѣла въ эту минуту Борисова, за его, какъ ей казалось, непониманіе, за грубое насиліе надъ ея чувствомъ.

— Что же вы молчите? скажите словечко... произнесъ онъ.

— Мнѣ нечего говорить. — Слезы брызнули у нея изъ глазъ. — Зачѣмъ вы допытываетесь? Какое находите вы наслажденіе въ томъ, чтобы меня мучить, заставлять высказываться насильно?

— Голубчикъ, что вы? произнесъ ласково Борисовъ. Вѣдь я не инквизиторъ какой, не клещами слова изъ васъ вытягиваю. Дѣло свободное; я воленъ спрашивать, вы вольны не отвѣчать... Эхъ, Василиса Николаевна, а еще все про дружбу толкуете!...

Онъ придвинулся къ ней и обхватилъ ея плечи.

— Такъ дружба?... спросилъ онъ шопотомъ.

— Называйте, какъ хотите... мнѣ все равно...

— Обстоятельство, которое васъ такъ смущаетъ, не существуетъ болѣе, проговорилъ Борисовъ надъ ея ухомъ.. Дѣвушки этой нѣтъ въ Женевѣ. Еще разъ я отдаюсь весь въ ваши руки...

Она не слушала и только старалась освободиться отъ его объятій.

— Не хотите? продолжалъ Борисовъ. Воля ваша. Стало быть, кончено, навсегда?... Поэма прочитана до послѣдняго стиха... Если такъ—закроемте книгу. Но прежде намъ слѣдуетъ проститься... Когда лебедь умираетъ, онъ поетъ въ первый и въ послѣдній разъ своей жизни; пусть же наше прошлое, умирая, пропоетъ свою лебединую пѣснь...

Онъ нагнулся и, тихо придерживая ея голову, поцѣловалъ сначала край ея щеки, потомъ губы его скользнули и прижались къ ея губамъ.

Она закрыла глаза.

„Умереть бы такъ...“ подумала она.

Борисовъ всталъ.

— Теперь пойдемте домой, проговорилъ онъ.

Они пошли молча по пустыннымъ улицамъ и у дверей дома простились.

Жизнь — быстро текущая рѣка, а не неподвижно стоящее озеро: одно впечатлѣніе гонитъ другое, одинъ психическій моментъ смѣняется другимъ.

Василисѣ не пришлось задумываться надъ впечатлѣніями, наполнявшими ея душу; дома ее встрѣтила Вѣра съ

извѣстіемъ, что Тулиневой хуже, и что ея положеніе сдѣлалось неожиданно безнадежнымъ.

Два дня Василиса провела вмѣстѣ съ Вѣрой у постели умирающей женщины.

Тулинева приближалась къ своему концу вполнѣ сознательно. Въ минуту самыхъ сильныхъ страданій твердость духа не покидала ея. Она ободряла мужа и друзей, силясь сообщить имъ спокойную покорность неизбѣжному, которой была проникнута сама.

Процессъ физическаго разрушенія совершался быстро, неумолимо. Всѣ это знали, и никто не сохранялъ надежды. Сначала Василисѣ казалось, что чего-то недоставало у этого смертнаго одра; сама умирающая и окружающіе ее не упоминали ни о какихъ духовныхъ утѣшеніяхъ. Предсмертная драма разыгрывалась во всей своей простотѣ, безъ обычной обстановки вѣрованій и упованій, въ которыхъ человѣческая скорбь привыкла искать себѣ утѣшенія. Всмотрѣвшись глубже, Василиса поняла величіе этой простоты. Человѣкъ, исполненный умственныхъ и нравственныхъ силъ, приближался къ концу своего сознательнаго бытія и, не содрагаясь отъ мысли разрушенія, съ гордымъ спокойствіемъ покорялся законамъ вѣчно работающей, разрушающей и вновь комбинирующей свои формы матеріи, которые онъ постигъ своимъ умомъ. Друзья и близкіе относились къ этому факту такъ же сознательно и просто, какъ онъ самъ. Мыслью каждаго было: умираетъ хорошее существо; много благихъ начинаній, горячихъ и свѣтлыхъ надеждъ погибаетъ съ нимъ, что же дѣлать! Миръ его памяти.

Сама твердая и до конца вѣрная своимъ философскимъ воззрѣніямъ, Тулинева допускала сомнѣніе въ другихъ и понимала, что происходило въ душѣ Василисы. Нѣсколько часовъ до смерти, въ глухую полночь, когда думали, что она спитъ, она вдругъ открыла глаза; Загорская сидѣла у ея постели, закрывъ лицо руками, мучительно волнуясь страшной загадкой, разрѣшавшейся передъ нею. Умирающая протянула къ ней руку. — Къ чему? проговорила она. И Василисѣ послышался въ этомъ словѣ отвѣтъ на ея мысли.

Къ утру Тулинева скончалась. Выраженіе чуднаго спокойствія лежало на ея лицѣ. Василиса опустилась на колѣни и по привычкѣ, машинально перекрестилась. Къ чему! прозвучало у нея въ ушахъ послѣднее слово покойницы. Къ чему пустая форма! къ чему обманчивыя иллюзіи! къ чему весь этотъ условный миѳъ, которымъ человѣческій умъ тѣшитъ свое безсиліе!...

VII.

На другой день, рано утромъ, Тулиневу схоронили безъ всякихъ обрядовъ.

Василиса провела этотъ день въ своей комнатѣ. Она лежала на диванѣ, пробуя уснуть и какъ-нибудь успокоить болѣзненно возбужденные нервы, когда вошла служанка и подала ей карточку.

— Господинъ этотъ желаетъ васъ видѣть и ждетъ внизу.

Василиса взяла карточку и, взглянувъ, уронила на колѣни. Ея лицо выразило изумленіе и испугъ. На карточкѣ стояло крупными буквами: Константинъ Аркадьевичъ Загорскій.

Василиса не была въ состояніи выговорить слова.

Служанка приняла ея молчаніе за знакъ согласія и поспѣшила внизъ съ отвѣтомъ.

Вскорѣ послышался стукъ, и въ дверяхъ показался мужчина лѣтъ сорока, плотный, бѣлокурый, съ тщательно выбритымъ лицомъ, въ дорожномъ клѣтчатомъ пиджакѣ и съ сумкой черезъ плечо. Онъ поклонился еще у порога и быстрыми шагами подошелъ къ Василисѣ, которая, вставъ съ дивана и упираясь обѣими руками на столъ, стояла въ тревожно-ожидающей позѣ.

— Сюрпризъ! проговорилъ онъ развязнымъ тономъ: ты меня не... Но, взглянувъ ей въ лицо, онъ поправился: Вы меня, по всей вѣроятности, не ожидали. Поѣздка моя рѣшилась

очень скоро, не успѣлъ васъ увѣдомить. — Я пріѣхалъ по дѣлу, прибавилъ онъ съ заискивающей и въ то же время какъ будто снисходительной улыбкой.

Поблѣднѣлыя губы Василисы шевельнулись, она съ усиліемъ перевела духъ и взглянула на Загорскаго.

— По дѣлу? произнесла она тихо, боясь звукомъ голоса выдать внутреннее волненіе. Какое дѣло?

Загорскій опять улыбнулся спокойно и самоувѣренно.

— Я объясню вамъ все въ подробности... Мы успѣемъ переговорить...

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ, какъ бы приглашая ее садиться, и опустился въ кресло, прислонившись плотными плечами къ спинкѣ и закинувъ ногу на ногу.

— Какая у васъ прекрасная погода въ Женевѣ! проговорилъ онъ. Я мчался изъ Петербурга курьеромъ... холодъ, дождь, весь продрогъ. Туманы преслѣдовали меня до самаго Базеля... А здѣсь чуть не весна: я замѣтилъ по дорогѣ, розаны еще цвѣтутъ...

Онъ говорилъ развязно, непринужденно, играя кольцомъ съ бирюзой на мизинцѣ. Вся его фигура, плотная, выхоленная, въ тонкомъ бѣльѣ, въ хорошо сшитомъ платьѣ, выражала самодовольство. Высокій, плоскій лобъ, голубые глаза на выкатѣ, довольно правильный носъ и губы, не имѣли никакого опредѣленнаго выраженія; одинъ подбородокъ, круглый и жирный, указывалъ, и то не рѣзко, на характерную черту этой натуры. Руки были пухлыя, бѣлыя; свѣтлые съ просѣдью волосы начинали рѣдѣть на макушкѣ.

— Порядочный это пансіонъ? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія. Должно быть, кормятъ отвратительно: въ пансіонахъ кухня всегда плоха. Я остановился въ какомъ-то новомъ отелѣ, весьма порядочный! Все говорятъ о заграничномъ комфортѣ: заграницей понятія не имѣютъ о настоящемъ комфортѣ, къ какому мы привыкли въ Россіи. Возьмите, напримѣръ, хотя эту комнату: маленькая, узенькая, — повернуться негдѣ, а должна служить и спальнею, и гостинною.

— Вы забываете, произнесла холодно Василиса, что въ пансіонахъ живутъ только люди недостаточные.

— Кстати, не забыть, проговорилъ Загорскій; у насъ съ вами счеты есть.. Позвольте безъ отлагательства разсчитаться.

Онъ открылъ сумку и вынулъ изъ нея нѣсколько руло золота.

— Я у васъ въ долгу; за наступающую треть не высылалъ пансіона, думая передать вамъ лично. А это — онъ вынулъ большой бархатный футляръ, занимающій почти всю сумку — это ваши брилліанты, которые были заложены въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Я позволилъ себѣ выкупить ихъ.

Онъ положилъ футляръ на столъ.

— Я не просила васъ, проговорила Василиса и на мгновеніе вся вспыхнула.

Онъ нагнулъ голову.

— Я думалъ сдѣлать вамъ пріятное...

Настало молчаніе.

— Ваша тетушка Зинаида Алексѣевна скончалась, проговорилъ вдругъ Загорскій, осторожно взглядывая на Василису.

— А! Бѣдная тетушка... Я не знала...

— Она оставила большое состояніе и, какъ оказывается, оставила его вамъ.

— Мнѣ?...

— Есть какое-то пустое условіе... Вы получите на дняхъ отъ вашего повѣреннаго письмо, въ немъ онъ изложитъ вамъ всѣ подробности. Я же смѣю надѣяться...

Въ эту минуту растворилась дверь, и показалась стройная фигура Вѣры въ пальто и мѣховой шапочкѣ.

Она вошла своей стремительной походкой, но, увидавъ незнакомаго посѣтителя, смущенно остановилась посреди комнаты.

— Извините, я не знала, произнесла она, и, покраснѣвъ, отдала поклонъ Загорскому, вставшему при ея появленіи.

— Вы не помѣшали, Вѣра, садитесь; садитесь сюда, проговорила ласково Василиса.

— Я иду гулять; я хотѣла спросить, не имѣете ли вы какихъ порученій?

Василиса на мгновеніе задумалась, соображая что-то.

— Есть, проговорила она. Если вамъ по дорогѣ, зайдите, пожалуйста, въ библіотеку, — она написала нѣсколько словъ на листкѣ бумаги — и передайте тамъ эту записку.

— Хорошо, сказала Вѣра и положила записку къ себѣ въ муфту.

— Какая красавица, кто это? проговорилъ Загорскій, когда Вѣра вышла.

Онъ, впрочемъ, тотчасъ же почувствовалъ неумѣстность своего вопроса и, вставъ, началъ прощаться.

— Если позволите, я завтра явлюсь, произнесъ онъ. По всей вѣроятности, завтра утромъ вы получите письмо; мы тогда переговоримъ...

Онъ стоялъ передъ Василисой съ наклоненной головой, ожидая какого нибудь съ ея стороны заявленія. Она молчала. Онъ сдѣлалъ нерѣшительное движеніе, чтобы взять ея руку, которую она отдернула.

— Не буду разбирать, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ, проговорилъ онъ. Желалъ бы лишь сказать, что если существовало когда нибудь недоразумѣніе, неужели оно должно продолжаться вѣчно? Каждый изъ насъ имѣетъ, по всей вѣроятности, свои недостатки: будемте снисходительны...

Онъ умолкъ на этомъ словѣ, давая ей возможность понять его, какъ угодно.

Молчаніе длилось нѣсколько мгновеній.

— Это все, что вы имѣли сообщить мнѣ? проговорила Василиса.

— Покуда все. Смѣю надѣяться, что вы примете во вниманіе мои слова.

Онъ подождалъ еще немного, поклонился и вышелъ.

Въ запискѣ, посланной съ Вѣрой, Василиса просила Борисова прійдти къ ней вечеромъ, для переговора о нужномъ дѣлѣ.

Она ждала его въ лихорадочномъ волненіи. Ея, уже и безъ того сложныя къ нему отношенія грозили сдѣлаться еще сложнѣе и запутаннѣе. Она не хотѣла ничего рѣшать.

не увидавшись съ нимъ, и возлагала всѣ свои надежды на выходъ, который онъ укажетъ.

Когда Борисовъ пришелъ, она объявила ему о пріѣздѣ Загорскаго и сообщила сущность своего съ нимъ разговора. Борисовъ слушалъ ее со вниманіемъ, какъ онъ это дѣлалъ всегда, когда она говорила о себѣ.

— Какое же вы приняли рѣшеніе? спросилъ онъ, когда она кончила.

— Я никакого рѣшенія не принимала. Я ждала васъ, и поступлю такъ, какъ вы посовѣтуете.

Борисовъ сдвинулъ брови и на нѣсколько минутъ сосредоточилъ все свое вниманіе на томъ, чтобы надрѣзать маленькими золотыми ножницами изъ ея несессера толстый переплетъ словаря, лежащаго передъ нимъ на столѣ.

— Въ такого рода дѣлахъ, чужимъ совѣтомъ руководиться нельзя, проговорилъ онъ, наконецъ. Всякій самъ знаетъ, чего онъ хочетъ: къ нему въ душу не проникнешь. Вы однѣ можете рѣшить, соображаясь съ своими силами и желаніями.

Это были не тѣ слова, которыхъ она ожидала.

— Я и не прошу васъ рѣшать за меня, произнесла она. Но вы составили же себѣ какое нибудь мнѣніе объ этомъ дѣлѣ? вотъ, это мнѣніе я и прошу васъ сообщить мнѣ.

— Это другое дѣло, сказалъ Борисовъ. Мое мнѣніе таково, что супругъ вашъ пожаловалъ сюда не съ проста; дѣло о наслѣдствѣ имѣетъ какую-то зацѣпку, отстраненіе которой зависитъ отъ васъ, иначе онъ не далъ бы себѣ труда явиться лично. Съ другой стороны, видя въ васъ будущую владѣтельницу значительныхъ капиталовъ, онъ желаетъ примиренія. Это очень понятно.

— Какъ же мнѣ слѣдуетъ смотрѣть на возможность такого примиренія?

— Опять таки совѣтовать я не могу. Вамъ жить съ вашимъ мужемъ, а не мнѣ; я не могу угадать, насколько перспектива сожительства съ нимъ вамъ противна, да и, вообще, противна ли она вамъ, или вы къ ней просто равнодушны.

„А онъ? Ужели ему все равно, если я соглашусь жить съ мужемъ?" подумала Василиса. Ее тревожилъ теперь уже не самый вопросъ, а то, какъ Борисовъ относился къ нему.

— Положимъ, что я равнодушна, произнесла она; вы какъ бы поступили на моемъ мѣстѣ?

— Трудно опредѣлить... Ежели бы я былъ вы, я, по всей вѣроятности, думалъ, мыслилъ и чувствовалъ бы, какъ вы.

— И какъ бы вы рѣшили?

Борисовъ улыбнулся.

— Однако, какъ вы умѣете добиваться, когда вамъ нужно... Я, мнѣ кажется, сталъ бы прежде всего разсматривать вопросъ съ дѣловой точки зрѣнія. Явно, что здѣсь кроются разсчеты, итогъ которыхъ супругъ вашъ старается подвести въ свою пользу. Узнать, въ чемъ состоятъ эти разсчеты, — ближайшая задача; а потому, мнѣ кажется, стекла бить не приходится. Обождите, дайте выясниться положенію; затѣмъ, окончательное рѣшеніе всегда остается въ вашихъ рукахъ.

У Василисы нервы болѣли; она была готова заплакать. Указывая ей практическій путь, Борисовъ не принималъ никакого участія въ ея душевныхъ треволненіяхъ. Ей казалось, что онъ намѣренно не понималъ ея и отказывалъ ей въ сочувствіи, въ которомъ она такъ нуждалась.

— Я буду, стало быть, выжидать? проговорила она.

— Это самый практичный образъ дѣйствій.

Она надѣялась услышать слово живого участія и потому такъ скоро пошла на уступку.

Онъ отвѣчалъ однимъ холоднымъ одобреніемъ. Каждое его слово, сдержанное и разсудительное, почему-то раздражало ее. Слезы брызнули у нея изъ глазъ. Она отвернулась и, прислонясь лицомъ къ дивану, сидѣла нѣсколько минутъ, не шевелясь. Борисовъ ходилъ по комнатѣ.

— Сергѣй Андреевичъ, окликнула она его.

Онъ остановился. Она встала, пошла къ нему навстрѣчу и взяла его обѣ руки.

— Сергѣй Андреевичъ!...

Глаза ея, полные слезъ, договаривали: Не мучьте меня.

Онъ молчалъ; руки его лежали въ ея рукахъ неподвижны.

— Чего вы хотите? произнесъ онъ, наконецъ. Я далъ вамъ самый дружескій совѣтъ. Вѣдь мы друзья... и только.

Эта холодность уничтожила ее. Она выпустила его руки и обернулась, чтобы идти. Въ этомъ движеніи длинный конецъ кружевного рукава задѣлъ за жардиньерку, находившуюся рядомъ. Борисовъ нагнулся и отцѣпилъ его.

— Вамъ удалось одинъ разъ вырваться, проговорилъ онъ. Будьте-же теперь осторожны; не искушайте боговъ!... Во второй разъ не такъ-то дешево отдѣлаетесь...

Эти слова обожгли ее. Она стояла передъ нимъ, растерянная, и не знала, что сказать. Онъ не далъ ей времени опомниться и сталъ разсказывать про утреннія похороны и про то, какъ держалъ себя во время печальной церемоніи Тулиневъ. Онъ просидѣлъ, толкуя такимъ образомъ, довольно долго и, уходя, просилъ увѣдомить, если будетъ что-нибудь новое.

На слѣдующій день пришло письмо отъ повѣреннаго, съ приложеніемъ копіи духовнаго завѣщанія. Покойная тетка Василисы Николаевны была женщина очень почтенная, религіозная, со строго-неуклонными понятіями о нравственности и принципахъ. Неправильное положеніе въ супружествѣ племянницы смущало старушку; на смертномъ одрѣ она вздумала поправить, насколько возможно, это положеніе и завѣщала все свое большое состояніе Василисѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она сошлась съ мужемъ. Въ случаѣ отказа съ ея стороны принять это условіе, состояніе поступало на богоугодныя заведенія.

— Было бы крайне неразсудительно отказываться, проговорилъ Борисовъ, прочитавъ письмо. Такіе шансы не всякій день на долю выпадаютъ...

— И я должна, ради денегъ, согласиться жить съ человѣкомъ, котораго я не люблю... презираю?...

— Когда рѣчь идетъ о сотняхъ тысячъ, можно и не такими антипатіями пожертвовать.

— Деньги мнѣ счастья не дадутъ, на что онѣ мнѣ?... проговорила Василиса.

— Такъ могла бы разсуждать пятнадцатилѣтняя дѣвочка! Деньги всегда нужны: это двигатель, безъ котораго ничего не подѣлаешь. — Откуда явились у васъ вдругъ эти колебанія? меня удивляетъ.

— Я уѣхала изъ Россіи потому, что не могла жить съ Загорскимъ. А теперь...

— А теперь выходитъ, что нужно съ нимъ жить. Вся житейская премудрость заключается въ умѣніи приспособляться къ обстоятельствамъ. Неужели вы пожертвуете болѣе высокой цѣлью для чисто личныхъ соображеній?

— Какою цѣлью?... заговорила было Василиса, но она встрѣтила взглядъ Борисова: ей стало стыдно исповѣдывать свое безсиліе.

— Я только хотѣла... сказать, что это будетъ сдѣлка, проговорила она вполголоса, а согласиться на такую сдѣлку какъ-то... нечестно...

— Нечестно, когда идешь на компромиссы ради своихъ личныхъ выгодъ... Но вѣдь вы не свои интересы имѣете въ виду... У васъ есть цѣль, для которой вы живете, вамъ дорого осуществленіе извѣстной идеи. Передъ вами открываются неожиданно пути. Пользуйтесь счастливымъ случаемъ и послужите теперь идеѣ.

Борисовъ помолчалъ и прибавилъ: Согласны?... или, можетъ быть, я ошибаюсь относительно вашего сочувствія къ дѣлу?

— Нѣтъ, сказала она, только я не вижу дороги. Обстоятельства сложились такъ, что для меня не можетъ быть опредѣленной дѣятельности. Я живу изо дня въ день, какъ птица, свившая гнѣздо на подломленной вѣткѣ.

— Надломленныя вѣтки оказываются подчасъ самыми выносливыми... Къ тому же, ваша исходная точка невѣрна. Вы не имѣете — по нежеланію или по невозможности, не будемъ теперь разбирать — прямого отношенія къ дѣлу, но вы ему сочувствуете и косвенно можете ему содѣйствовать. Въ ваши руки попадаетъ сила... капиталъ. Господи, боже ты

мой! другой человѣкъ на вашемъ мѣстѣ возрадовался бы и ухватился, какъ можно крѣпче, за кончикъ платья богини Фортуны, а вы сидите и раздумываете! Чего вамъ еще нужно?

Онъ смотрѣлъ на нее съ улыбкой. Въ душѣ Василисы зашевелились образы какой-то дѣятельности, какого-то свѣтлаго счастья въ будущемъ.

— Такъ принять? проговорила она нерѣшительно.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Вѣдь сожительство съ вашимъ мужемъ будетъ одною лишь формою. Трудно допустить, чтобы онъ желалъ поставить вопросъ иначе. Стало быть, никакихъ особенныхъ жертвъ отъ васъ не потребуется... Вы сойдетесь съ супругомъ, устроите дѣла; а затѣмъ, мало ли что можетъ случиться!...

„Да, мало ли!"... И опять отдернулась на мигъ занавѣска, и радужный миражъ заблисталъ заманчивыми красками.

— Эхъ, Василиса Николаевна! продолжалъ Борисовъ, судьба валитъ къ вашимъ ногамъ всѣ блага жизни; наслаждайтесь только и живите всей душой! а вы никакъ не можете отрѣшиться отъ любезныхъ вамъ иллюзій добродѣтели. Вѣдь она, ваша узенькая, личная добродѣтель, давно уже потерпѣла крушеніе; неужели вы этого не видите? Что шагъ, то капитуляція какого-нибудь принципа. Не лучше ли встать сразу на болѣе высокую точку зрѣнія, обнять пошире горизонтъ? Повѣрьте, грубая дѣйствительность, при всей своей неприглядности, въ тысячу разъ здоровѣе и честнѣе эгоистическихъ разсчетовъ вашей совѣсти. Вы затѣяли неправедный торгъ и безпрестанно побиты. Такъ-то. А вы не хотите этого сознать и все хватаетесь за звѣзды. Смотрите, чтобы не остаться подъ конецъ совсѣмъ съ пустыми руками...

На другой день Василиса имѣла съ своимъ мужемъ свиданіе, втеченіе котораго изъявила свое согласіе принять условіе духовнаго завѣщанія. Она не скрыла отъ него, что ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ она не будетъ смотрѣть на ихъ оффиціальное примиреніе, какъ на фактъ, имѣющій какое-либо нравственное значеніе.

— Мы дѣло дѣлаемъ; наши отношенія должны сохранять характеръ исключительно дѣловой, сказала она. Я полагаю, что вы смотрите на вещи точно такъ же.

Загорскій склонилъ молча голову. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые никогда не оспариваютъ никакого рѣшенія, потому что не вѣрятъ въ безусловность принципа, въ силу котораго оно было принято. Они надѣются на жизнь съ ея треніемъ и давленіемъ, чтобы ослабить пружины и привести все, въ концѣ концовъ, къ желаемому ими заключенію.

Установивъ такимъ образомъ условія перемирія, Василиса невольно задумалась о томъ, какой горькой усмѣшкой являлась для нея нравственная свобода, такъ ревниво ею отстаиваемая. Ея близкія или далекія отношенія къ мужу ни въ чемъ не измѣняли ея отношеній къ Борисову; наружныя обстоятельства, какъ бы они ни были значительны, сами по себѣ, могли только въ очень слабой степени повліять на ея внутреннюю борьбу. Вопросъ между ею и Борисовымъ оставался неразрѣшеннымъ, въ силу причинъ, зависящихъ исключительно отъ ея психической жизни, и она знала, что не могла искать его разрѣшенія нигдѣ, кромѣ въ собственной своей душѣ. Исходъ этого вопроса Борисовъ положилъ въ ея руки и держалъ себя пассивно; отъ нея зависѣло разорвать узелъ, или скрѣпить его окончательно; и она не могла рѣшиться сдѣлать ни того, ни другого. Разочарованіе, постигшее ее въ минуту самыхъ радужныхъ надеждъ, надломило въ ней вѣру въ себя и подкосило энергію, нужную для инищіативы. У нея не хватало болѣе силъ на совершенно свободный выборъ, она мучительно и безпомощно билась въ неразрѣшимой для нея дилеммѣ.

Дня два спустя Борисовъ и Загорскій, въ первый разъ, встрѣтились у нея. Мысль объ этой встрѣчѣ заранѣе волновала ее: она боялась проявленія взаимной антипатіи, которая, по ея мнѣнію, не могла не возникнуть между ними. Опасенія ея не оправдались. Борисовъ и Загорскій познакомились самымъ обыкновеннымъ образомъ, и между ними завязалась мирная бесѣда. Загорскій заговорилъ объ эконо-

мическомъ положеніи Россіи, относительно землевладѣнія. Онъ, какъ многія чиновныя лица высшаго разряда, былъ непрочь полиберальничать заграницей, въ особенности, когда сталкивался съ представителями молодого поколѣнія. Борисовъ слушалъ его со вниманіемъ, предлагалъ вопросы и высказывалъ самый живой интересъ. Василиса видѣла, что этотъ интересъ не былъ притворный, и это почему-то смущало ее. Она всматривалась въ лицо Борисова, стараясь угадать, что происходило у него на душѣ.

— Вашъ знакомый очень развитой молодой человѣкъ, замѣтилъ на другой день Загорскій. Мы дошли вчера вмѣстѣ до отеля, разговаривали. Онъ такъ разсудительно обо всемъ толкуетъ. Но видно изъ передовыхъ. Имя Борисовъ, вѣрно, псевдонимъ. Вы не знаете, кто онъ такой?

— Не знаю, сказала Василиса.

— По всей вѣроятности, эмигрантъ. Теперь заграницею, и въ особенности въ Швейцаріи, много такихъ личностей проживаетъ подъ именами Ѳедоровыхъ и Борисовыхъ. Ихъ нужно остерегаться. Впрочемъ, вашъ знакомый кажется малый съ головой; если и увлекается утопическими идеями, то остороженъ и пустяковъ не говоритъ: это доказываетъ въ немъ здравый смыслъ.

„Неужели придется часто выслушивать такія похвалы!" подумала Василиса. Съ каждымъ шагомъ ей представлялись новыя, еще не предвидѣнныя ею, унизительныя стороны ея положенія.

VIII.

Въ концѣ недѣли Загорскіе уѣхали изъ Женевы и поселились въ большой виллѣ, на берегу озера, между Клараномъ и Веве.

Когда возникъ въ первый разъ вопросъ о томъ, гдѣ поселятся въ ближайшемъ будущемъ супруги Загорскіе, Василиса, въ присутствіи Константина Аркадьевича, прямо обра-

тилась къ Борисову за совѣтомъ. Совѣта Борисовъ не далъ въ опредѣленной формѣ, какъ она этого желала, но выразилъ свое мнѣніе, и Загорскій очень хорошо замѣтилъ, что это мнѣніе имѣло вѣсъ, хотя, въ настоящемъ случаѣ, и не шло наперекоръ его желаній. Онъ удвоилъ къ нему свою любезность и съ этой минуты сталъ слѣдить за нимъ внимательно.

Рѣшеніе, на которомъ окончательно остановились, было провести зиму въ Швейцаріи, а весной отправиться въ Россію.

Наняли дачу въ окрестностяхъ Веве. Съ ними вмѣстѣ переѣхали Вѣра и ея мать.

Вѣра окончила курсъ въ консерваторіи. Ея будущность оставалась покуда неопредѣленною, а жизнь съ матерью становилась съ каждымъ днемъ невыносимѣе. „Я не люблю ея, не уважаю, я не могу съ ней жить!“ вырвалось у Вѣры, когда, узнавъ объ отъѣздѣ Василисы, она бросилась къ ней на шею, и, не сдерживая страстныхъ слезъ, въ первый разъ заговорила о своихъ отношеніяхъ къ матери. Василисѣ стало жаль молодого, прекраснаго существа.

— Знаете что, Mignon, я увезу васъ съ собой, проговорила она.

Подъ предлогомъ надзирать за хозяйствомъ, Василиса предложила старухѣ Макаровой переѣхать съ ней на дачу. Макарова приняла предложеніе съ благодарностью и, тотчасъ по прибытіи въ домъ, вошла въ роль экономки, какъ въ подобающее ей положеніе. Загорскому смѣтливая и лукавая старуха пришлась по душѣ, онъ немедленно почувствовалъ къ ней довѣріе, смѣшанное съ извѣстной долей неуваженія, которое всякій ловкій человѣкъ испытываетъ къ другому ловкому человѣку. Она, съ своей стороны, прислуживалась и немилосердно льстила ему. Константинъ Аркадьевичъ любилъ, въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, выказываться привѣтливымъ и простымъ. Онъ охотно фамиліарничалъ, расточалъ шуточки и любезности, и пріобрѣтенная такой дешевой цѣной популярность удовлетворяла его. Каролина Ивановна немедленно вошла въ роль внимательной, очарованной слушательницы, и подобострастно улы-

балась, когда Константинъ Аркадьевичъ за столомъ снисходительно и неостро шутилъ съ нею. Загорскій находилъ, что Каролина Ивановна перлъ экономокъ. Хорошенькую ея дочь онъ тоже цѣнилъ, какъ одно изъ ея достоинствъ, и чаялъ себѣ развлеченія отъ ея присутствія въ домѣ.

Вѣра проводила цѣлые дни съ Василисой. Она любила разсказывать о своемъ дѣтствѣ, о своихъ планахъ въ будущемъ, о всякихъ думахъ и впечатлѣніяхъ. Болтовня ея была откровенна, но со всѣмъ тѣмъ чувствовалось, что въ минуты самыхъ сердечныхъ изліяній она оставалась хозяйкою своего внутренняго міра, — она раскрывала, но не отдавала его. Василиса часто дивилась глубокому задушевному развитію этой дѣвушки, никѣмъ не воспитанной и сложившейся правильно и прекрасно, какъ дикій цвѣтокъ.

Вилла, въ которой жили Загорскіе, была просторная, удобная, устроенная со всей изысканностью комфорта. Домъ стоялъ среди большого сада, съ террассы, на которую выходили высокія стекляныя двери гостиной и кабинета Василисы, открывался прелестный видъ.

Восточный конецъ Женевскаго озера, съ обступившими его полукругомъ горами, образуетъ поэтическій, запертый со всѣхъ сторонъ уголокъ. Кажущееся однообразіе этой картины безконечно разнообразно въ игрѣ тѣней и свѣта, въ яркомъ окрашиваніи неба при вечерней зарѣ, въ измѣняющемся колоритѣ водъ. — Василиса полюбила эту картину съ перваго взгляда; эта замкнутость гармонировала съ настроеніемъ ея духа. Первые ноябрскіе дни въ этомъ году стояли теплые и мягкіе; листья попадали съ деревьевъ, горы утратили свое лѣтнее одѣяніе, но солнце еще пригрѣвало, и косые его лучи освѣщали прощальнымъ, тихимъ блескомъ поблекшую въ своихъ роскошныхъ цвѣтахъ картину.

Василиса сидѣла на террассѣ по цѣлымъ часамъ и смотрѣла на Шильонскій замокъ, на снѣжныя вершины савойскихъ Альповъ. Ей вспоминалось, какъ, ребенкомъ, она сиживала на берегу синяго Средиземнаго моря, и какую без-

отчетную тоску пробуждала въ ея ребяческомъ сердцѣ прибивающая волна. И вся жизнь ея была полна этой тоски, этого неудовлетвореннаго желанія развернуть подрѣзанныя крылья, которыя не были въ силахъ унести ее изъ міра напрасныхъ стремленій и неосуществимыхъ идеаловъ! Желать, желать постоянно и безполезно всего прекраснаго, всего высокаго, и никогда не достигать цѣли своихъ желаній — вотъ роковое зло, на которомъ основано людское горе! думала Василиса. Ей казалось въ такія минуты, что она отдѣлялась отъ своего маленькаго единичнаго *я* и уловляла чуткой душой тайну закона страданій, связывающаго общей цѣпью печали, слезъ и отчаянія весь человѣческій родъ. Не убѣжать никому отъ жестокой необходимости, не скрыться отъ нея, и чѣмъ выше человѣкъ поставилъ свой идеалъ, тѣмъ вѣрнѣе постигнутъ его погромъ и разореніе!...

Уѣзжая изъ Женевы, Загорскій пригласилъ Борисова посѣщать ихъ. Приглашеніе это было съ его стороны пустою формою; онъ надѣялся, что и Борисовъ понималъ это такъ, — и потому былъ крайне удивленъ, когда, недѣли двѣ спустя, въ одинъ прекрасный день Борисовъ неожиданно появился въ его кабинетѣ.

— А! Это вы, молодой человѣкъ; какими судьбами? привѣтствовалъ своего посѣтителя Константинъ Аркадьевичъ, принявъ разсѣянный и холодный видъ.

— По вашему приглашенію, отвѣчалъ съ непринужденною улыбкою Борисовъ, усаживаясь въ кресло и закуривая папироску.

Константинъ Аркадьевичъ поморщился, но почему-то почувствовалъ себя укрощеннымъ въ желаніи быть невѣжливымъ.

— Очень радъ, очень радъ... Не угодно ли, сойдемъ къ дамамъ въ садъ.

Неожиданное посѣщеніе Борисова было ему очень непріятно. Въ силу особой конструкціи своего внутренняго человѣка, гдѣ душевный элементъ отсутствовалъ вполнѣ, Константинъ Аркадьевичъ никогда не чувствовалъ ни къ кому сильнаго расположенія или рѣзкой антипатіи, и въ

отношеніи Борисова всеобщій его индифферентизмъ едва окрашивался легкимъ оттѣнкомъ неприязни. Лично къ нему, какъ къ Сергѣю Андреевичу Борисову, эмигранту и революціонеру, онъ былъ равнодушенъ; — но онъ боялся инстинктивно его вліянія, потому что боялся всего, что могло нарушить, самымъ дальнимъ образомъ, его спокойствіе и личное благоденствіе.

„Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?" разсуждалъ Константинъ Аркадьевичъ, спускаясь съ Борисовымъ по широкой лѣстницѣ, убранной цвѣтами, въ нижній этажъ, гдѣ имѣла свое отдѣльное помѣщеніе Василиса. „Все шло такъ мирно, тихо, — а теперь богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ! Нѣтъ, очень непріятно; какъ бы прекратить разъ навсегда эти посѣщенія..."

Въ гостиной никого не было. Они вышли на террасу и сошли въ садъ. На расчищенныхъ дорожкахъ лежали желтыми кучами вновь упавшіе листья. Акаціи и платаны простирали въ воздухъ свои голыя вѣтви; высокіе стволы розановъ сохраняли еще свою зелень, а кусты фукцій были покрыты кистями ярко-алыхъ цвѣтовъ съ синими и бѣлыми сердцевинками; изъ густого бордюра аллей распространялся нѣжный запахъ фіялокъ.

Василиса сидѣла у края воды, возлѣ нея Вѣра кормила хлѣбомъ семью бѣлыхъ лебедей. Ручныя животныя подплывали къ самому берегу, хватали на лету хлѣбъ или ныряли, когда кусокъ падалъ въ воду, и ихъ длинныя шеи изгибались, какъ змѣи, подъ прозрачной волной.

Вѣра первая увидала Загорскаго и Борисова.

— Константинъ Аркадьевичъ идетъ, — съ нимъ Сергѣй Андреевичъ, проговорила она.

Василиса обернулась. Впродолженіе двухъ недѣль она ожидала каждый день Борисова или письма отъ него. Она встала было, чтобы идти ему навстрѣчу, но опять сѣла и отвернула голову. Солнце, озеро, блѣдно-голубое небо смѣшались на минуту и закружились вокругъ нея.

Когда онъ подошелъ и сталъ съ ней здороваться, она не была въ состояніи выговорить слова.

— Какъ поживаете? спросилъ Борисовъ. Еще на прошлой недѣлѣ собирался къ вамъ, да никакъ не могъ улучить свободной минуты.

— Дѣла?.. проговорилъ съ ироническою усмѣшкой Загорскій.

— Да, дѣла, отвѣчалъ Борисовъ.

Вѣра подвинулась и предложила ему возлѣ себя мѣсто на каменномъ парапетѣ, служившемъ ей скамейкой.

— Вы, я вижу, совсѣмъ идиллическимъ занятіямъ здѣсь предаетесь, проговорилъ Борисовъ, и взявъ изъ корзинки горсть хлѣба, бросилъ ее лебедямъ, которые плавали взадъ и впередъ, мѣрно покачиваясь на поверхности воды и ожидая подачки.

— Вѣра Павловна любитъ птицъ; я обѣщалъ, ежели она будетъ вести себя хорошо, подарить ей цѣлый курятникъ, подшутилъ Загорскій.

— Вотъ какъ! Васъ поощряютъ быть паинькой, сказалъ Борисовъ. Видно, дитя не всегда ведетъ себя исправно?

— Надо полагать, усмѣхнулась Вѣра.

— Бѣдовая барышня! заговорилъ не то серьезно, не то шутя Загорскій. На все своя воля; даже матушки слушаться не хотимъ; все съ ней споримъ и норовимъ доказать, что мы правы!... А это нехорошо для молодой дѣвицы... очень нехорошо.

Вѣра вспыхнула, но тотчасъ же обратилась къ Загорскому съ легкой усмѣшкой:

— А по вашему, молодой дѣвушкѣ слѣдуетъ быть глупой и непонятливой, какъ дитя? проговорила она, глядя на него пристально. Это очень выгодная мораль.

Загорскій засмѣялся принужденно.

— Видите, какая вы! съ вами и пошутить нельзя, сейчасъ сердитесь. Я никогда не позволилъ бы себѣ серьезно читать вамъ наставленія; не мое дѣло.

— Хотите посмотрѣть садъ, Сергѣй Андреевичъ? сказала Василиса.

Она взяла Вѣру подъ руку; Загорскій съ Борисовымъ пошли позади. Онъ началъ толковать о намѣреніи своемъ

купить эту виллу. Когда Василиса и Вѣра вошли въ домъ, онъ повелъ Борисова осматривать оранжереи и конюшни. Они зашли даже въ кухню, гдѣ хлопоталъ русскій поваръ, выписаннный изъ Женевы. Константинъ Аркадьевичъ любилъ похвастать умѣніемъ своимъ устраиваться въ хозяйствѣ, и вниманіе, съ которымъ слушалъ его Борисовъ, льстило этой слабости и заставляло на время забыть, что онъ его недолюбливалъ.

Они вернулись, когда уже стемнѣло. Василиса сидѣла одна въ гостинной; Борисовъ не успѣлъ заговорить съ ней, какъ вошла Вѣра; вскорѣ доложили, что кушанье готово.

— Вы устроились совсѣмъ по царски, сказалъ Борисовъ, когда они сѣли обѣдать въ высокой, рѣзного дерева столовой, за изысканно-сервированнымъ столомъ.

— По правдѣ сказать, я не понимаю, какъ можно жить иначе, отвѣчалъ Загорскій. Я врагъ всѣхъ этихъ отелей и гостинницъ... По моему, первое условіе пріятной жизни — удобство и комфортъ.

— Комфортъ вещь отличная, когда для этого есть деньги, замѣтилъ Борисовъ; я думаю, никто отъ комфорта не отказался бы.

Загорскій взглянулъ на Василису, которая сидѣла, молчаливая, прислонясь къ спинкѣ стула, съ усталымъ и холоднымъ видомъ.

— Не правда ли, это такъ естественно? А иные люди къ этому равнодушны, оно имъ даже непріятно..... Что прикажете дѣлать!

Загорскій обратился къ Каролинѣ Ивановнѣ.

— Возьмите еще рябчика. Нарочно выписалъ изъ Парижа; но видно, даромъ хлопоталъ, не удостоили даже вниманія...

Каролина Ивановна взяла рябчика.

— Что за прелесть! Ваше превосходительство, вы не кушаете? обратилась она къ Василисѣ.

— Я просила васъ не называть меня такъ, проговорила Василиса тихо.

Каролина Ивановна сдѣлала видъ, что очень испугалась замѣчанія. Ея лукавые глазки быстро мелькнули отъ Василисы къ Загорскому и отъ Загорскаго къ Василисѣ.

— Извините, все забываю; Константинъ Аркадьевичъ приказали.

Смиренный тонъ словно подзадорилъ Загорскаго. Онъ заговорилъ желчно и запальчиво:

— Развѣ мои желанія берутся когда-нибудь въ соображеніе? Человѣкъ хлопочетъ, старается всячески угодить, а въ награду ничего не видитъ, кромѣ холодныхъ минъ и постоянной оппозиціи. — Пріятно это?

Константинъ Аркадьевичъ обратился съ этимъ вопросомъ къ Борисову и тутъ же прибавилъ:

— Я, разумѣется, не о личностяхъ, а такъ вообще...

— Вообще, — очень непріятно, отвѣчалъ Борисовъ, но вѣдь есть возможность отъ такой непріятности избавиться.

— Какимъ это способомъ, позвольте полюбопытствовать?

— Не предъявлять требованій, произнесъ Борисовъ.

По холодному лицу Василисы мелькнулъ теплый лучъ.

Обѣдъ кончился въ натянутомъ молчаніи.

Послѣ обѣда пили кофе въ гостиной. Каролина Ивановна, по обыкновенію, скромно исчезла: Вѣра сѣла за фортепіано въ сосѣдней билліардной: въ гостиной оставались Василиса, Борисовъ и Загорскій.

Большая, высокая комната, уставленная массивной мебелью чернаго дерева, съ тяжелыми бархатными драпировками, имѣла нѣсколько торжественный и мрачный видъ. Группы тропическихъ растеній стояли по угламъ, огромный bahut, компликированный образецъ искусства XV столѣтія, съ рѣзными колонками и религіозными haut-reliefs въ нѣсколько этажей, занималъ простѣнокъ между двумя средними окнами. По стѣнамъ висѣло нѣсколько большихъ картинъ испанской школы, въ старинныхъ рамкахъ.

Василиса сидѣла въ углу дивана. Горящая позади на консолѣ лампа освѣщала сверху свѣтлые волосы, собранные въ узелъ, бѣлый воротничекъ и контуры плечъ, подъ чер-

ной драпировкой платья. Весь разладъ ея внутренняго міра выдавался въ ея позѣ, въ томъ, какъ она слегка поникла головой, какъ тонкія брови задумчиво сдвинулись, — какъ безсильныя руки лежали сложенныя на колѣняхъ.

Противъ нея, въ широкомъ американскомъ креслѣ сидѣлъ Борисовъ и мѣрно покачивался. Всякій разъ, что она подымала голову, она встрѣчала его глаза, неподвижно на нее устремленные. Константинъ Аркадьевичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, курилъ папироску и разсуждалъ. Темой разсужденій была прочитанная имъ утромъ статья въ „Голосѣ,“ трактующая о русской молодежи, вообще, и объ одной фракціи этой молодежи, въ особенности.

— Всѣ эти идеи, сами по себѣ, еще не бѣда, пояснялъ свой образъ мыслей Загорскій. Неопытныя головы увлекаются утопіями: но когда у нихъ есть здравый смыслъ, они скоро отрезвляются. Скверно то, что отрицаніе гуртомъ всѣхъ принциповъ доводитъ этихъ господъ легко до гадости.

— Когда доводитъ до гадости, такъ это, конечно, нехорошо, отвѣчалъ Борисовъ. Но сперва нужно разобрать, что подразумѣвается подъ этимъ словомъ. Понятія относительно такого опредѣленія бываютъ очень различны.

— Я называю такимъ именемъ, напримѣръ: бѣгство заграницу, проживаніе подъ чужимъ прозвищемъ, революціонную пропаганду, — всякаго рода подпольную дѣятельность. Все, что тайно, то подло; вотъ мое мнѣніе. Подкапываться подъ основы общества, государства, религіи, возбуждать исподтишка смуты, а самому держаться въ сторонѣ, все это гадко. А по вашему честно?

— Какъ кто смотритъ. Вы порицаете, собственно говоря, образъ дѣйствій заговорщиковъ и необходимыя условія всякаго заговора: о честномъ и нечестномъ здѣсь не можетъ быть рѣчи, а есть цѣль, которая все оправдываетъ.

— Нѣтъ, извините меня, милостивый государь; есть цѣли преступныя, — и средства, ведущія къ нимъ, преступны.

— Съ точки зрѣнія узкой моралистики, вы, можетъ быть, правы; вся суть въ исходномъ принципѣ, а потому, при различіи точекъ зрѣнія, споръ безполезенъ. Я понялъ ваши

слова нѣсколько иначе: мнѣ показалось, что вы указывали на свободный образъ мыслей, какъ на причину нравственной распущенности въ частной жизни, между молодежью.

— Вы поняли мои слова совершенно вѣрно.

Константинъ Аркадьевичъ бросилъ папиросу и подошелъ къ камину, передъ которымъ всталъ, раздвинувъ полы сюртука и переминаясь съ ноги на ногу.

— Приведемъ для иллюстраціи слѣдующій случай: таковыхъ немало. Одинъ изъ вышеупомянутыхъ Сѣлецовъ, въ своихъ странствованіяхъ заграницей, сталкивается съ какой-нибудь барыней, — положимте соотечественницей, и вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, ему удается войти съ ней въ дружескія отношенія; — это случается сплошь да рядомъ. Нашъ молодецъ, разумѣется, голь, какъ соколъ; барыня — существо впечатлительное, неудовлетворенное жизнью, склонное ко всякаго рода идеальничеству. Онъ не дуракъ и очень скоро смекаетъ въ чемъ дѣло. Начинается тогда примѣненіе эксплуатаціонной системы. Сначала онъ беретъ съ нея сочувствіемъ, всякаго рода великодушными порывами; а затѣмъ, почему же и не принять болѣе существенную форму контрибуціи? Вѣдь это для *спасенія міра* — значитъ предлогъ самый благовидный, и даже возвышенный. Вотъ вамъ и гадость!

Василиса отдѣлилась отъ спинки дивана и съ поблѣднѣлымъ лицомъ глядѣла на мужа. Она звенѣла вся, какъ натянутая струна, и ожидала только еще слова, чтобы встать и заговорить. Загорскій стоялъ, усмѣхаясь, и потиралъ себѣ руки.

— Да, раздался вдругъ совершенно спокойный голосъ Борисова, да, карманъ такой барыни былъ бы таранатъ для міра, но, къ несчастью, у такихъ барынь обыкновенно водятся мужья, которые сами не зѣваютъ, и совершаютъ выгребаніе ихъ кармановъ съ большимъ успѣхомъ, на основаніи легальныхъ привиллегій.

Тонъ Борисова былъ самый хладнокровный и даже добродушный. Онъ повернулъ немного свое кресло, такъ, чтобы очутиться противъ Константина Аркадьевича, и въ то время, какъ говорилъ съ нимъ, пристально на него смотрѣлъ.

Молчаніе длилось нѣсколько секундъ. Загорскій перересталъ потирать себѣ руки, и язвительная усмѣшка сошла съ его лица. Онъ взглянулъ исподлобья на Борисова. Прошла еще минута, и онъ заговорилъ мягкимъ, любезнымъ тономъ:

— А кажется, Вѣра Павловна разыгрываетъ новый романсъ? Удивительный у нея талантъ. Вы ее слышали?

— Слышалъ, отвѣчалъ Борисовъ. Талантъ, дѣйствительно, замѣчательный.

Заговорили о музыкѣ. Вскорѣ подали чай, вмѣстѣ съ которымъ появилась Каролина Ивановна и сѣла за самоваръ.

Въ эту пору Константинъ Аркадьевичъ обыкновенно раскланивался и исчезалъ. Онъ ходилъ каждый вечеръ играть въ вистъ съ княгиней Трубиной, старой, надменной петербургской grande dame, съ которой Василиса, по своемъ пріѣздѣ, обмѣнялась визитами, но рѣдко видѣлась.

— Извините меня, проговорилъ Загорскій, я долженъ покинуть пріятное общество.

Онъ съ чувствомъ пожалъ руку Борисова. — До свиданія, мы еще увидимся. Надѣюсь, вы останетесь денька два, три?...

— Очень сожалѣю, не разсчитывалъ, отвѣчалъ Борисовъ. Мнѣ нужно возвратиться въ Женеву завтра, съ раннимъ поѣздомъ. Позвольте проститься съ вами уже теперь.

Кончили пить чай. Каролина Ивановна исчезла вслѣдъ за самоваромъ. Вѣра тоже простилась и ушла.

Борисовъ и Василиса остались одни.

Василиса подошла къ двери, ведущей на террассу, и растворила ее. Звѣздное небо стояло высокимъ сводомъ надъ темнымъ озеромъ и чуть замѣтнымъ очертаніемъ горъ; черныя вѣтви большого орѣшника бросали на одинъ конецъ террассы густую тѣнь; посреди глубокаго безмолвія раздавалось однообразное журчаніе струйки воды, падающей въ каменный бассейнъ фонтана.

Василиса вышла на террассу и облокотилась на рѣшетку. Борисовъ вышелъ за нею. Оба молчали довольно долго.

Свѣжо, — простудитесь, проговорилъ онъ вполголоса.

— Ничего, я привыкла...

Онъ вошелъ однако въ гостинную и принесъ шаль, которую набросилъ ей на плечи.

— А вы? проговорила она.

— Мнѣ не холодно.

Они стояли одинъ возлѣ другого въ мягкой, душистой, усѣянной звѣздами ночной мглѣ. Василиса высвободила свою руку изъ подъ шали и положила ее на руку Борисова.

— Простите!.. произнесла она чуть слышно.

Всѣ ощущенія этого дня колыхались и бились въ ея душѣ. Она прислонилась головой къ плечу Борисову и тихо заплакала.

— Что васъ такъ растрогало? проговорилъ онъ. Вы, какъ дитя, впечатлительны и неспособны скрывать своихъ ощущеній... Я такъ и ожидалъ давеча, что не выдержите и наговорите, богъ знаетъ, чего... Неполитично...

— Какъ онъ смѣлъ! рыдала Василиса. По какому праву!..

— Права онъ никакого не имѣлъ, а имѣлъ желаніе оскорбить, — очень понятно. Вы думаете, ему пріятно видѣть меня здѣсь? Онъ неглупъ, онъ давно понялъ, что за птица вашъ знакомый Борисовъ, и такимъ или другимъ манеромъ ему нужно было попробовать выжить меня вонъ. Теперь получилъ застрастку, все пойдетъ, какъ по маслу.

Василиса не отвѣчала. Спокойный, разсудительный тонъ дѣйствовалъ умиротворительно на ея нервы.

— Васъ возмущаютъ его слова, потому что вы смотрите на нихъ, какъ на клевету, произнесъ Борисовъ, помолчавъ. Но вообразите, что это была бы правда, — вы какъ бы къ этому отнеслись?

— Я вообразить этого не могу.

— Напрасно; стало быть, вы забыли, или не поняли, разговоръ, который мы имѣли съ вами въ Женевѣ, до вашего отъѣзда. Я вамъ говорилъ, и вы со мной согласились, что деньги необходимый факторъ, безъ котораго ничего не подѣлаешь. У меня есть свои средства, и до сихъ поръ ихъ хватало, но когда ихъ не станетъ, и деньги будутъ непремѣнно нужны для дѣла, неужели, вы думаете, я оста-

новлюсь попросить ихъ у васъ? Мнѣ и въ голову не прійдетъ разбирать, благовидно ли это, или нѣтъ; нужно — и все тутъ. А какъ оно отзовется на моемъ личномъ самолюбіи — все равно. Нашъ братъ привыкъ не считаться съ этимъ факторомъ и ставитъ свой нравственный идеалъ повыше. Погодите, прійдетъ время, я васъ совсѣмъ оберу, и буду считать, что поступаю хорошо и даже очень честно. Вы какъ объ этомъ думаете?

— Вы правы; сильный, праведный, дорогой мой!...

Она взяла его руку, и застѣнчиво, несмѣло, прижала ее къ своимъ губамъ.

Тонкая рука Борисова нервно дрогнула, но онъ овладѣлъ собой.

— Что вы дѣлаете? произнесъ онъ. Развѣ моя рука достойна такой великой чести? загорѣлая, неэлегантная, вся попорчена отъ набора; — а вы такая поклонница всего изящнаго!...

— Нужды нѣтъ, сказала Василиса.

Она прибавила тихо и страстно: Вы не знаете, какъ я уважаю васъ и въ васъ вѣрую!...

— Вы только и умѣете, что уважать, проговорилъ съ ласковой усмѣшкой Борисовъ. Какъ бы вдохнуть въ васъ живого огня, Галатея вы мраморная!

Онъ повернулъ къ себѣ ея голову и при звѣздномъ свѣтѣ глядѣлъ ей въ лицо.

— А вѣдь, кажется, все есть... Эти глаза не могутъ лгать! божественная искра существуетъ, но гдѣ-то далеко, далеко запрятана... И зачѣмъ природа дала вамъ такую обманчивую форму! Родились бы вы уродомъ, и отлично, никто на вашу добродѣтель и не посягалъ бы. А то привлекательность, грація, женственность, да еще придумали одѣваться въ эти черные кашемиры, которые такъ и льнутъ своими складками, дескать: На вотъ, любуйся, какая я соблазнительная монашенка! Даже противно, ей Богу!

— Я не красавица, проговорила вполголоса Василиса.

— Вы хуже... богъ васъ знаетъ, что въ васъ такое

Давеча я смотрѣлъ на васъ, когда мы съ вашимъ мужемъ разсуждали, и вы сидѣли на диванѣ, тонкая, стройная, роскошныя плечи, лицо смиренницы... Такъ, кажется, взялъ бы и сломалъ бы всю!

Онъ обхватилъ ее одной рукой за талію, а другой поднималъ къ себѣ ея лицо.

— Сергѣй Андреевичъ, оставьте... Вы знаете, что нельзя.

— Я и не добиваюсь, Богъ съ вами. Только не прикасайтесь ко мнѣ...

Онъ отвернулся и отошелъ.

— Не сердитесь, проговорила Василиса мягкимъ голосомъ. И безъ того я довольно несчастлива.

— Я не виноватъ въ вашемъ несчастіи. Живите, какъ всѣ люди, и вы не будете несчастливы.

— Какъ же мнѣ жить?

— Попроще: не лѣзьте въ облака. Ваши требованія отъ жизни, въ сущности, очень ограничены, всѣ ваши идеалы сводятся на личное счастье, и въ этой узкой рамкѣ вы имѣете одинъ объективъ — любовь. Если бы вамъ можно было идти къ своей цѣли прямо, не справляясь ни съ какими принципами и упреками совѣсти, вы были бы, повѣрьте, наисчастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Не думаю; я слишкомъ много поставила бы на одну карту...

— Значитъ, не хватаетъ только храбрости и увѣренности въ себѣ? Мотивы, достойные всякаго уваженія!

— Вы меня не поняли, произнесла она.

— Такъ поясните; намъ съ вами, кажется, не привыкать къ полной откровенности: по крайней мѣрѣ, я всегда говорю съ вами обо всемъ совершенно откровенно.

— Да, вы взяли себѣ право высказывать мнѣ, не стѣсняясь, самыя горькія истины!

— Возьмите и вы себѣ это право, кто вамъ мѣшаетъ? Указывайте мнѣ на мою несостоятельность всякій разъ, что мнѣ случится грѣшить противъ логики: я буду очень благодаренъ.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по террассѣ.

— Впрочемъ, зачѣмъ эти пренія? ни къ чему не ведетъ. Хотѣлъ побесѣдовать съ вами о дѣлахъ. Поклонъ отъ друзей изъ Женевы привезъ.

— Всѣ здоровы? спросила Василиса.

— Да, ничего. На дняхъ выйдетъ двойной № „Набата", очень интересный, большая корреспонденція; я вамъ пришлю.

Онъ сталъ сообщать разныя извѣстія. Они просидѣли до полночи, онъ — говоря, она — слушая.

— А теперь пора съ вами проститься, сказалъ Борисовъ, завтра въ 12 часовъ нужно быть въ Женевѣ. Вы будете еще почивать, когда укачу. Прощайте!

— Я позвоню, чтобы васъ провели, сказала Василиса, вставая.

— Зачѣмъ? Ненужно прислугу безпокоить, я самъ проберусь... Такъ до свиданья, покойной ночи.

Они стояли посреди гостинной, стройные ихъ силуэты отражались въ большомъ зеркалѣ.

— Вы скоро опять пріѣдете?

— Недѣли черезъ двѣ, постараюсь. Теперь много работы, куча писемъ, на которыя нужно отвѣчать, да на дняхъ ждемъ кой кого изъ Россіи.

— Стало быть, долго не увидимся...

Она держала его руку и невольно, слабымъ движеніемъ, привлекала его къ себѣ.

Борисовъ подался впередъ и вопросительно глядѣлъ на нее. Она чувствовала, что разстояніе между ними уменьшалось. Въ головѣ у нея туманилось, и кончики пальцевъ похолодѣли.

„Это было бы ужасно, вѣдь я знаю, что онъ меня не любитъ!" думала она, и въ то же время какая-то сила толкала ее и, вопреки своего ужаса и внутренняго сопротивленія, она сдѣлала шагъ впередъ. Борисовъ склонился къ ней, блѣдный, безмолвный и покрывалъ поцѣлуями ея лицо и волосы.

— Милый! шептала она, не помня ничего, кромѣ бла-

женнаго опьяненія этой минуты. Наконецъ-то!... Какую я темную ночь прожила...

— Зачѣмъ же вы такъ долго мучили себя и меня? проговорилъ Борисовъ.

Онъ сѣлъ на диванъ и посадилъ ее возлѣ себя. Она прислонилась къ нему головой и сіяющими глазами смотрѣла на него.

— Вотъ жизнь. Все остальное сонъ... Дорогой мой, проговорила она вдругъ, покраснѣвъ и улыбаясь, скажи мнѣ одинъ разъ „*ты*“... Мнѣ кажется, я буду ближе къ тебѣ.

— А что за это дадите? произнесъ онъ чуть слышно. До сихъ поръ, я васъ цѣловалъ, но вы меня еще ни разу. Поцѣлуй меня...

Онъ смотрѣлъ не нее, и ей казалось, что изъ его глазъ лилась чарующая сила и притягивала ее.

— Страшно!.. шепнула она.

— Нѣтъ... это только такъ кажется...

Она приблизила къ нему свое лицо съ улыбающимися, полураскрытыми губами. Онъ дождался, чтобы оно было совершенно близко, тогда нагнулся и обнялъ ее. Она почувствовала, что онъ всталъ съ дивана и, не выпуская ея изъ своихъ объятій, поднялъ и понесъ. Все для нея смѣшалось: міръ дѣйствительности перестал существовать; какія-то волшебныя перспективы раскрылись вдругъ и заблистали; сквозь опущенныя рѣсницы она видѣла вереницы мелькающихъ огней; въ ушахъ звучали неземныя гармоніи.

Когда она опомнилась, она лежала на широкомъ диванѣ, въ своемъ будуарѣ. Дверь въ гостинную была полураскрыта; китайскій фонарь на потолкѣ наполнялъ комнату мягкимъ свѣтомъ. Борисовъ стоялъ возлѣ нея на колѣняхъ, и съ улыбкой счастья на взволнованномъ лицѣ цѣловалъ слезы на ея мокрыхъ рѣсницахъ.

— Дорогая моя, шепталъ онъ, отчего вы плачете? Если бы вы могли посмотрѣть на себя, какой красавицей вы лежите! Неужели этимъ богатымъ силамъ должно было пропадать даромъ! Будьте молодцомъ... Ничего ужаснаго не

случилось: вы все та же пречистая и непорочная... Откройте глазки, улыбнитесь...

Но она не отвѣчала и не открывала глазъ. Она лежала, не шевелясь, съ распустившейся косой, съ разстегнутымъ воротомъ платья. Изъ-подъ черныхъ рѣсницъ лились слезы и катились блестящими каплями на грудь.

— Вы не хотите отвѣчать, не хотите взглянуть; вы сердитесь на меня? промолвилъ Борисовъ. Чѣмъ же я виноватъ, голубчикъ мой? Вѣдь вы сами хотѣли....

— Да, сама, проговорила она поспѣшно, точно это слово ужалило ее и заставило встрепенуться. Не будемъ говорить, я не жалѣю...

Она обвила руками его шею и прижалась лицомъ къ его волосамъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Заснули? произнесъ тихо Борисовъ.

Онъ освободилъ свою голову и, взявъ ея руку, машинально сталъ ею играть.

— Какіе у васъ пальчики хорошенькіе,—розовые такіе, тоненькіе...

Она отдернула руку и встала съ дивана.

— Куда вы? спросилъ Борисовъ.

— Пора спать идти.

Она стояла передъ нимъ, поправляя волосы.

— Уже? что такъ скоро?

Онъ посмотрѣлъ на часы и прибавилъ:

— Однако, третій часъ, въ самомъ дѣлѣ, пора.

Они вышли изъ будуара и медленно прошли гостиную. У камина, возлѣ котораго часъ тому назадъ они стояли, прощаясь, онъ остановился.

— Видите, проговорилъ онъ, улыбаясь, ничего не измѣнилось: лампы горятъ такъ же свѣтло, тѣ же цвѣты мирно распускаются въ вазахъ; все на своемъ мѣстѣ, никакой порядокъ не нарушенъ! только жизнь стала однимъ прекраснымъ мгновеніемъ богаче...

Василиса молчала и не поднимала опущенной головы.

— До свиданія, сказалъ Борисовъ, когда они подошли къ двери.

Онъ обнялъ ее.

— Какая вы гибкая, такъ и гнетесь въ рукѣ! Помните, въ виллѣ на Комо, группу Амура и Психеи? Вотъ она, настоящая Психея, тоненькая, стройная, прелестная, какъ сонъ!... и не мраморная, а живая моя красавица!

Онъ прижалъ ее къ себѣ, поцѣловалъ въ волосы и пошелъ по корридору.

Василиса вернулась въ свою спальню.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

„Господи! Господи!“ твердила Василиса, метаясь на подушкѣ въ лихорадочной безсонницѣ. Она потушила свѣчи и ночную лампадку, думая скорѣй забыться въ темнотѣ. Но темнота и глухое безмолвіе, окружающее ее, только усиливали волненіе, отъ котораго ей хотѣлось убѣжать. Она не могла думать послѣдовательно, одни отрывки мыслей мелькали въ ея головѣ.

„Надо будетъ сказать *ему*“, думала она, вспоминая о мужѣ. Ей представлялось, какъ приметъ это объявленіе Константинъ Аркадьевичъ. Онъ, вѣрно, станетъ потирать себѣ руки и попробуетъ, прежде всего, выгородить свою личную отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Упреки его будутъ пошлы, оскорбительны. „Я вамъ говорилъ, скажетъ онъ, — я предупреждалъ васъ, что всѣ эти умствованія ни къ чему хорошему не приведутъ, — вотъ и результаты! Съ мужемъ жить вамъ казалось безнравственно, а взять себѣ любовника, по вашему, болѣе нравственно?...“ И этотъ бездушный человѣкъ, который всю свою жизнь не вѣдалъ страсти, а зналъ лишь мелкій развратъ и разсчетъ, станетъ надъ ней судьей. „Богъ съ нимъ, думала она, пусть судитъ! Съ нимъ мои счеты кончены. Не это больно“...

Настоящая боль крылась въ самыхъ тайникахъ души. Это было сознаніе нравственнаго паденія, которое жгло ее, словно накаленнымъ желѣзомъ, и не щадило ни одной душевной фибры. Весь строй ея внутренняго міра лежалъ въ прахѣ, разбитый, изуродованный, лишенный всякаго смысла и значенія. „Чему я уступила?“ думала Васи-

лиса. И она ясно видѣла, что ея сближеніе съ Борисовымъ было простой случайностью. Она поддалась одному настроенію нервовъ, не зная, куда оно доведетъ ее, и очутилась на днѣ пропасти, куда не имѣла духа броситься и куда скользнула противъ своей воли, жалко, безсильно, — только оттого, что не съумѣла удержаться! Она чувствовала, что Борисовъ это знаетъ и понимаетъ, и не будетъ цѣнить ея любовь такъ, какъ онъ бы это дѣлалъ, если бы она рѣшилась на этотъ шагъ свободно и сознательно, въ то время, когда ему было дорого добиться осмысленнаго ея согласія. Теперь ея любовь, случайно и неожиданно легко доставшаяся ему, не будетъ имѣть цѣны въ его глазахъ, — сущность ея пропала, это уже не полная гармонія, а обезображенный отрывокъ, не имѣющій въ себѣ элементовъ жизни. Василиса сознавала это и съ ужасомъ и страхомъ измѣряла послѣдствія. „А что если разлюбитъ?... что если броситъ?... или, хуже, не бросая, просто отвернется, потому что скучно перечитывать уже давно знакомую книгу?... Тогда смерть, подумала Василиса, иного лекарства нѣтъ!“ И она стала думать о томъ, какъ она умретъ.

Ей вспомнилась другая ночь, въ началѣ знакомства ея съ Борисовымъ, когда она также лежала безъ сна и въ первый разъ передумывала его слова. Кроватка дочери стояла у ногъ ея постели, она прислушивалась къ тихому дыханію ребенка, въ сосѣдней комнатѣ раздавался протяжный храпъ няни. Господи, какъ давно! сколько измѣнилось съ тѣхъ поръ, къ какому обрыву привела ее отлогая тропинка. Мысли, волновавшія ее въ ту ночь, казались ей мучительными, но это были свѣтлыя, поэтическія мечтанія, въ сравненіи съ тѣмъ, что она испытывала теперь. Въ какую бурю разыгралась легкая зыбь, на которую было такъ заманчиво глядѣть издалека!

Она пролежала всю ночь, не закрывая глазъ. Утромъ, когда вошла горничная и отворила ставни, лицо Василисы до того измѣнилось за ночь, что простодушная швейцарка уставилась на нее и сочувственно спросила, не болитъ ли у нея голова и не желаетъ ли она напиться чаю въ постели? Но Василиса только велѣла подавать себѣ скорѣй одѣваться.

Она спѣшила, сама не зная, почему. Ей казалось, что Борисовъ сидитъ уже въ гостиной и ожидаетъ ее. Когда она вошла, Борисова тамъ не было, — была одна Вѣра, которая сидѣла съ книгой у окна. Онѣ поздоровались.

— Я кофе не пила, — васъ ждала, сказала Вѣра.

Она придвинула маленькій столъ съ кофейнымъ сервизомъ къ дивану и пріютилась возлѣ Василисы.

— Налить вамъ? Вотъ мы опять съ вами вдвоемъ, какъ хорошо! я не люблю, когда гости...

Вѣра казалась въ это утро особенно весела и разговорчива.

Василиса ласково погладила ее по волосамъ. Она ея не слушала, она напряженно прислушивалась къ легкому шороху шаговъ наверху.

— Какая сегодня прекрасная погода, продолжала Вѣра, мы пойдемъ гулять? Пойдемте пѣшкомъ въ Шильонъ, хотите?

— Хорошо, сказала Василиса и подумала: Черезъ часъ времени вся моя жизнь, быть можетъ, измѣнится!...

Вѣра кончила кофе и, расположившись, какъ для долгой бесѣды, вынула полосу канвы изъ рабочей корзинки.

— Начинаю новый узоръ, сказала она: какъ вы думаете, чѣмъ вышивать эту пальму, шелкомъ или шерстью?

— Шелкомъ, мнѣ кажется, лучше. — Отчего онъ не идетъ, думала Василиса. Развѣ послать сказать?..... Можетъ быть, онъ съ Константиномъ Аркадьевичемъ въ саду гуляетъ?...

Лакей вошелъ, чтобы убрать кофе, она хотѣла спросить и не рѣшилась.

— А я вчера ушла спать очень рано, вы не замѣтили, спросила вдругъ Вѣра, склонивъ голову надъ канвой, по которой отсчитывала нитки для узора.

— И очень замѣтила. Почему вы такъ рано скрылись, Mignon?

— А, это секретъ....

— Секретъ? повторила разсѣянно Василиса.

— Но я вамъ его повѣрю, ежели вамъ очень хочется.

Вѣра бросила работу и пересѣла на табуретъ, у ногъ Василисы.

— Вы очень любите своихъ старыхъ друзей, — а я... я ужасно ревнива!..,

Она усмѣхалась, но голосъ ея звучалъ нѣжно, и бархатные глаза смотрѣли ласково.

— Неправда ли, какая я гадкая? побраните меня...

Василиса, улыбаясь, приласкала Вѣру, но въ душѣ ей было очень нехорошо. Она не знала, какъ отозваться на этотъ теплый порывъ. Ей казалось, что она утратила право на чистую любовь этой дѣвушки, такъ довѣрчиво къ ней относящейся. Она подождала немного и встала.

— Пройдемся по саду, сказала она.

Воздухъ былъ свѣжій; за ночь выпалъ на горахъ первый снѣгъ: посыпанныя, точно мелкимъ слоемъ пудры, вершины ихъ блистали на безоблачномъ, блѣдно-голубомъ небѣ. Василиса и Вѣра прошлись нѣсколько разъ по аллеѣ вдоль берега озера.

— А Сергѣй Андреевичъ теперь уже къ Женевѣ подъѣзжаетъ, проговорила вдругъ Вѣра.

— Какъ къ Женевѣ? Развѣ онъ уѣхалъ?

— А вы не знали? вѣдь онъ вчера говорилъ. Онъ отправился рано утромъ; maman видѣла, какъ онъ уходилъ.

— А!... произнесла Василиса и ничего болѣе не сказала.

Онѣ прошлись еще раза два по аллеѣ.

— Вѣра, милая, я забыла перчатки на столѣ: будьте такъ добры, принесите.

Вѣра побѣжала въ домъ. Василиса упала на скамейку, и глухой стонъ вырвался у нея изъ груди.

— Уѣхалъ! твердила она.

Она просидѣла нѣсколько минутъ, не шевелясь, словно ошеломленная. Прозрачная волна озера прибивала къ берегу съ легкимъ плескомъ. Василиса прислушивалась къ этому плеску и, съ мокрыми отъ слезъ глазами, смотрѣла на поверхность воды, гдѣ полуденное солнце отражалось свѣтлой полосой. — Уѣхалъ! оставилъ меня одну въ эту страшную минуту! Неужели онъ не понимаетъ?...

Вѣра вернулась. Василиса встала со скамейки, утеревъ наскоро глаза. Онѣ прошлись молча по саду и возвратились домой.

Вѣра не упоминала о прогулкѣ въ Шильонъ. Василиса ушла въ свою комнату и оставалась цѣлый день одна. Она разобрала вопросъ со всѣхъ сторонъ, попробовала, насколько ей было возможно, отнестись къ нему хладнокровно. Къ вечеру она стала ожидать извѣстія отъ Борисова. Она думала, что онъ будетъ телеграфировать, чтобы объяснить причину, заставившую его покинуть ее такъ неожиданно. Но телеграммы не пришло. Она утѣшала себя мыслью, что получитъ на другой день письмо. И эта надежда оказалась тщетною. Ни письма, ни телеграммы Борисовъ не присылалъ ни въ этотъ день, ни на другой, ни на третій.

„Что же это значитъ"? спрашивала она себя, и, вся измученная томительнымъ ожиданіемъ, рѣшила, наконецъ, что не слѣдуетъ болѣе ожидать. Тогда настала для нея горькая минута. Она поняла ясно, какъ ей казалось, какой ничтожной игрушкой она была въ рукахъ Борисова, какъ онъ, пренебрегая всѣми ея душевными волненіями, постепенно привелъ ее къ своимъ цѣлямъ и сломилъ безъ всякаго усилія. Онъ ее не обманывалъ, она отдавала ему эту справедливость: съ самаго начала онъ былъ съ нею простъ и жестко-откровененъ, какъ человѣкъ, внутренній міръ котораго не задѣтъ и которому, вслѣдствіе этого, нечего беречь. Она помнила его отъѣздъ изъ Ниццы, эгоистически-холодный и безжалостный, а далѣе вся картина развертывалась передъ ней: ихъ переписка, Женева, ея пріѣздъ туда, ея встрѣча съ нимъ, и тотъ неуклонный образъ дѣйствій, которому онъ оставался вѣренъ съ этой минуты, поддерживая въ ней незамѣтно какія-то темныя надежды и не допуская въ то же время никакихъ утѣшительныхъ иллюзій. И вотъ, она дошла до послѣднихъ предѣловъ, за которыми нѣтъ ужъ ничего недомолвленнаго. И что же? сложная загадка разрѣшалась нулемъ.

Она ходила по своей спальной и ломала себѣ руки. Все въ домѣ спало; она отворила стеклянную дверь и вышла на террасу. Полуночное небо было усѣяно звѣздами; безчислен-

ныя миріады свѣтилъ блистали въ необъятномъ пространствѣ; одна крупная звѣзда горѣла нѣжнымъ, синеватымъ блескомъ, ея длинные лучи касались края горы, за которую она заходила. Вѣтеръ пошевеливалъ голыя вѣтви деревъ; озеро безпокойно бушевало, и плескъ его волнъ раздавался, какъ сердитый плачъ. Долго она простояла, облокотясь на перилы, бѣлая и неподвижная, какъ привидѣніе.

— Господи, что мнѣ дѣлать!... Какъ избавиться отъ этихъ мукъ!...

Она уже не думала о томъ, какъ бы спасти какую-нибудь долю счастья, а только старалась убѣжать отъ нестерпимо жгучей боли настоящей минуты.

Наконецъ, ей показалось, что она видитъ выходъ: она рѣшилась написать Борисову.

Она вошла въ комнату, сѣла за письменный столъ и писала до разсвѣту. Письмо ея оканчивалось словами: „Я васъ прошу забыть о моемъ существованіи. Что со мною будетъ, — не знаю; но я вѣрю и надѣюсь, что наши жизненныя дороги никогда уже болѣе не встрѣтятся.“

Утромъ она послала письмо на почту и съ этой минуты стала совершенно спокойна. „Такъ-то, думала она, настаютъ вѣчный миръ и тишина для умершаго, когда опустилась крышка гроба!“ Она чувствовала, что вколотила собственными руками послѣдній гвоздь въ эту роковую крышку, отдѣляющую ее теперь навсегда отъ того, что ей было близко и дорого.

И удивительная тишина нашла на нее. Не думать болѣе ни о чемъ, ничего не желать, ничего не ждать, — ей показалось, что она достигла этого совершеннѣйшаго состоянія человѣческой души.

Она проводила цѣлые дни на кушеткѣ; по утрамъ она сидѣла на террассѣ и лѣниво что-нибудь читала. Разъ ей попалась фраза: *Отчаяніе есть свободный человѣкъ, надежда — невольникъ.* Кончиками ножницъ она вырѣзала эти слова на каменной балюстрадѣ и поставила внизу крестъ и число. Надпись была похожа на эпитафію.

И точно: на берегахъ этого синяго озера, въ виду прекрасныхъ горъ, съ освѣщенными солнцемъ долинами, что-то

умерло и должно оставаться на вѣки похороненное. Жизнь, въ смыслѣ сознательнаго стремленія къ счастью, кончена; ничего не остается, какъ доживать свой вѣкъ темно, безцѣльно, съ сознаніемъ утраченной навсегда вѣры въ себя, въ свои силы, въ свою нравственную цѣльность. Можно, правда, дѣлать добро и этимъ кое-какъ наполнить свою жизнь; но вѣдь это только для самоутѣшенія; настоящей пользы не принесешь; какъ ни старайся, самое широкое сердоболіе остается только „исчерпываніемъ моря деревянной ложкой". Нѣтъ, лучшимъ утѣшеніемъ остается все-таки мысль, что жизнь не безконечна: придетъ часъ, и всѣмъ тревогамъ настанетъ конецъ, успокоишься, застынешь и исчезнешь съ лица земли.

Такъ мечтала безнадежно Василиса, и ей казалось, что прошелъ цѣлый вѣкъ, — а прошло всего четыре дня съ тѣхъ поръ, что она послала письмо, и въ пятый день, вмѣстѣ съ утренними газетами, появился на столѣ небольшой конвертъ съ штемпелемъ изъ Женевы. Она тотчасъ почувствовала, что сколоченный на скорую руку гробъ былъ непроченъ, во всѣ скважины скользилъ и просвѣчивалъ веселый солнечный лучъ

Борисовъ писалъ:

„Посылаю вамъ № „Набата" и двѣ брошюры Лассаля. Вамъ будетъ небезынтересно прочесть.

„Вчера получилъ ваше письмо. Вы, вѣрно, передъ тѣмъ, чтобы писать его, дурно спали ночь, и нервы были у васъ разстроены; иначе я не могу объяснить себѣ его содержанія. Къ концу недѣли надѣюсь справиться съ работой, которой навалило нежданно-негаданно очень много, и прибуду къ вамъ. Тогда потолкуемъ, а покуда имѣю къ вамъ небольшую просьбу.

„Одинъ мой товарищъ — вы его помните, его зовутъ Рѣдичемъ — заболѣлъ. Нажитой имъ еще на родинѣ, вслѣдствіе всякаго рода лишеній и невзгодъ, хроническій катарръ въ легкихъ грозитъ превратиться въ чахотку, женевская биза крайне вредна при такихъ обстоятельствахъ. Докторъ совѣтуетъ перебраться на зиму въ Веве: но пріятель мой человѣкъ безъ средствъ, живетъ исключительно своимъ тру-

домъ; желательно было бы доставить ему въ Веве средства къ существованію. Онъ хорошій учитель, можетъ преподавать математику, физику, исторію и т. д., всѣ предметы высшаго гимназическаго курса. Ежели у васъ есть знакомые, нуждающіеся въ русскомъ учителѣ, рекомендуйте его. Вамъ это не будетъ затруднительно. Юноша онъ вполнѣ доброкачественный и благонравный; за это могу я поручиться. Вопросъ, стало быть, въ томъ: есть ли возможность достать уроки въ Веве и, возьметесь ли вы милостиво покровительствовать моему товарищу въ этомъ дѣлѣ?

„Буду ждать отъ васъ отвѣта.“

Василиса подошла къ окну и долго стояла въ раздумьи, играя письмомъ, завертывая его и развертывая въ своихъ пальцахъ.

— Такъ вотъ какъ слѣдуетъ смотрѣть на вещи! думала она. Неужели онъ правъ?... Неужели отчаяніе, которое душило меня, ничто иное, какъ кошмаръ больныхъ нервовъ?

Она не могла усомниться въ Борисовѣ и потому должна была сомнѣваться въ самой себѣ.

Послѣ завтрака она поѣхала дѣлать визиты. Она знала два-три семейства, въ которыхъ были дѣти, и въ одномъ изъ нихъ ей удалось выхлопотать для учителя четыре урока въ недѣлю.

Вечеромъ она написала Борисову короткую записку, въ которой отдавала отчетъ о своемъ ходатайствѣ. О другомъ она ничего не говорила; она знала, что это было ненужно.

Черезъ нѣсколько дней явился Рѣдичъ. Василиса помнила долговязаго, конфузливаго юношу, съ гривообразной копной русыхъ волосъ на головѣ и съ некрасивымъ, симпатичнымъ лицомъ. Онъ былъ крайне застѣнчивъ и неуклюжъ. Она приняла его ласково и представила мужу, какъ стараго знакомаго. Константинъ Аркадьевичъ поморщился, однако подалъ два пальца, которые Рѣдичъ, конфузясь, энергично сжалъ въ своей рукѣ. Снабженный карточкой Василисы, онъ отправился въ домъ, гдѣ долженъ былъ давать уроки, и, когда дѣло было улажено, пришелъ поблагодарить ее.

Загорская усадила его около себя на диванъ и съ дружескимъ участіемъ стала разспрашивать о здоровьи, о томъ,

какъ онъ устроился на квартирѣ, знаетъ ли онъ доктора въ Кларанѣ и т. д.

— Когда вамъ будетъ скучно по вечерамъ сидѣть одному, приходите къ намъ, сказала она.

Рѣдичъ краснѣлъ, бормоталъ свою признательность и раскланивался.

Когда онъ всталъ, чтобы уйти, она повторила приглашеніе.

— Такъ я буду васъ ожидать... Кстати, какъ васъ зовутъ? спросила она ласково.

— Рѣдичъ.

— Это ваша фамилія, а имя?...

— Федоръ.

— Федоръ... какъ?

Рѣдичъ конфузился и молчалъ.

— Какъ ваше отчество?

— Зачѣмъ отчество, зовите меня просто Федоромъ или Рѣдичемъ, какъ вамъ будетъ удобнѣе.

— Это нельзя, а говорить *господинъ* Рѣдичъ выходитъ очень церемонно. Такъ какъ же? Федоръ... Николаевичъ?.. Петровичъ?... Александровичъ?

Она перебрала нѣсколько отчествъ.

— Пожалуй, Александровичъ, ужъ коли непремѣнно хотите... А то, право, не надо, только лишнее затрудненіе. Я не привыкъ.

— Ничего, привыкнете. Такъ до свиданія, Федоръ Александровичъ. Смотрите, приходите.

— Онъ ни за что не придетъ, сказала Вѣра, когда дверь затворилась за Рѣдичемъ. Ужъ очень вы его сконфузили.

Однако онъ пришелъ, и посѣщеніе его не ограничилось однимъ разомъ. Онъ сталъ бывать часто по вечерамъ. Застѣнчивый юноша оказался не скучнымъ и далеко не глупымъ собесѣдникомъ. Когда первая робость сошла съ него, и онъ сталъ поразвязнѣе, много хорошаго, теплаго, оригинальнаго вышло наружу изъ-подъ неуклюжей оболочки. Это была нѣжная, глубоко поэтическая натура. Онъ былъ преданъ вполнѣ извѣстнымъ идеямъ и говорилъ о нихъ съ

увлеченіемъ. Онъ вѣрилъ въ святость своихъ идеаловъ, всѣ помыслы и стремленія его души, незлобной и дѣтски прекрасной, были направлены къ ихъ осуществленію. Онъ думалъ, что и Василиса вѣрила такъ же безусловно, и охотно дѣлился съ нею своими мечтами и надеждами.

— Настанетъ время, говорилъ онъ, прекратится народное горе, падутъ цѣпи невѣжества и грубаго произвола. Порабощенные труженики подымутъ голову и увидятъ, наконецъ, божій свѣтъ... Это будетъ чудный день! Дружныя толпы двинутся впередъ, сзывая всѣхъ къ братской любви и всеобщему мирному труду... Ничто не будетъ болѣе раздѣлять людей между собою, всѣ сердца сольются въ общемъ ликованіи!

И когда Василиса, улыбаясь, покачивала головой:

— Будетъ! говорилъ онъ съ увѣренностью; но для этого нужно еще много жертвъ и слезъ, и крови... Кто же пожалѣетъ своей жизни для такого дѣла!

Глаза его свѣтились, лицо выражало глубокую, неподдѣльную искренность.

— И вы будете между нами, и впереди всѣхъ понесете въ своихъ рукахъ благословенное знамя освобожденія.

Вѣра, когда ей случалось присутствовать при такихъ разговорахъ, слушала его со вниманіемъ и нерѣдко съ нимъ спорила, чего она никогда не дѣлала съ Борисовымъ.

— Почему такая разница? спросила ее разъ Василиса.

— Этотъ — восторженный поэтъ... Онъ вѣритъ горячо и просто, какъ дитя: поневолѣ увлекаешься его задушевностью.

— А Борисовъ?

— У него болѣе мозгами выработалось... Все логика да выводы...

— Тѣмъ лучше: стало быть, прочнѣй...

— Да, основательнѣе...

— Почему же вы никогда съ нимъ объ этомъ не говорите? полюбопытствовала Василиса.

Вѣра засмѣялась.

— Какая цѣль? Помните, что сталось съ глиняннымъ горшкомъ, когда онъ вздумалъ вести товарищество съ вели-

чавымъ желѣзнымъ котломъ? — Знаю заранѣе, что буду побита. А бесѣдовать такъ, ради одного удовольствія выслушивать его проповѣди, не чувствую потребности. Притомъ же эти вопросы для меня не особенно интересны;—притолкалась.

Длинные осенніе вечера проходили въ мирныхъ бесѣдахъ. Василиса разспрашивала Рѣдича о его дѣтствѣ, его семьѣ, о жизни его до прибытія въ Женеву. Мало-по-малу онъ сообщилъ ей всю свою біографію.

По происхожденію Рѣдичъ былъ плебей, истый сынъ народа. Круглый сирота, чуть ли не съ пятилѣтняго возраста, онъ былъ взятъ въ домъ какимъ-то благодѣтелемъ, который только и думалъ, какъ бы сбыть его скорѣй на руки одного изъ филантропическихъ училищъ. Его пристроили такимъ образомъ въ какой-то сиротскій институтъ. Житье оказалось тамъ несладкое; царствовали во всей силѣ старые порядки бурсы и кадетскихъ корпусовъ. Каждую недѣлю происходила генеральная порка всего заведенія; пороли всякаго: одного для исправленія, другого для назиданія, а по окончаніи экзекуціи, заставляли цѣловать руку директора и благодарить его за попеченія. Разъ какъ-то терпѣніе учениковъ лопнуло, и они рѣшились на сопротивленіе; въ отвѣтъ на какое-то нелѣпое требованіе директора, они бросились на него и сильно его поколотили. Исторія надѣлала много шума; директора удалили отъ должности, многихъ учениковъ повысѣкли; новый директоръ отмѣнилъ, правда, инквизиціонные пріемы, но за то ругался и унижалъ учениковъ хуже прежняго. Окончивъ курсъ наукъ, облагодѣтельствованный питомецъ вышелъ изъ заведенія, не имѣя ничего, кромѣ аттестата и казенной пары платья. Какіе-то покровители ссудили рублей пять на дорогу въ Питеръ: на эти деньги онъ добрался до столицы и жилъ на нихъ впродолженіе двухъ недѣль. Поступивъ въ Медико-хирургическую академію казенно-коштнымъ студентомъ, онъ нашелъ уроки по 50 копѣекъ за часъ и могъ зарабатывать рублей до 25 въ мѣсяцъ. Уроки эти отнимали много времени; заниматься серьезно естественными науками, какъ мечталъ юноша, не удалось; но работалъ онъ все таки

добросовѣстно и перешелъ на второй курсъ. Во время лѣтнихъ вакацій фортуна улыбнулась ему, нашлась выгодная кондиція въ какомъ-то богатомъ семействѣ, съ которымъ онъ и уѣхалъ на дачу. Платили хорошо, и онъ мечталъ сдѣлать маленькую экономію, на которую можно было бы прожить часть зимы, не бѣгая на уроки; но случилось нѣчто, на что онъ не разсчитывалъ, и бѣдный студентъ бѣжалъ изъ дома своихъ патроновъ, проклиная тотъ часъ, когда попалъ въ него. Одна изъ дочерей, отъ деревенской скуки и неимѣнія другого развлеченія, пококетничала съ нимъ; неопытное сердце юноши поддалось влеченію, и, когда онъ вздумалъ раскрыть свою тайну, смѣхъ и нравоученія были отвѣтомъ. Этотъ эпизодъ сильно подѣйствовалъ на его самолюбивую и болѣзненно-впечатлительную натуру. Онъ сталъ серьезнѣе относиться ко всему окружающему, анализировать прошедшее, искать дорогу, по которой можно было бы идти прямо, не спотыкаясь. Самъ нищій и задавленный, онъ инстинктивно захотѣлъ послужить такому же бѣдному, задавленному брату. Натура, болѣе испорченная и вкусившая частичку матеріальныхъ прелестей жизни, задалась бы иною задачею; но полный еще свѣжихъ надеждъ и упованій юноша, съ неразвитыми аппетитами, думалъ только о томъ, какъ бы окончить курсъ и приняться скорѣй за полезную работу. Возвратясь преждевременно съ кондиціи, онъ взялся за книги, но неудача слѣдовала за неудачей. Серьезно заниматься не было возможности, бѣгая цѣлый день по урокамъ, а безъ нихъ пришлось бы умирать съ голоду. Что же дѣлать? Анализируя свое собственное положеніе, свои собственныя бѣды, понимая причину язвъ, разъѣдающихъ его личное существованіе, онъ нашелъ тѣ же явленія и въ общественномъ организмѣ. Личный опытъ заставилъ его сознательно отнестись къ общественнымъ вопросамъ, на которые онъ случайно наткнулся. У него сложилось убѣжденіе: Надо работать. Но какъ? Всѣ разъяснители, на которыхъ юноша попадалъ въ Россіи, не удовлетворяли его; онъ хотѣлъ знать все, отъ альфы до омеги, а ему говорили: ступай въ народъ, тамъ-то и есть вся суть, тамъ только и есть здоровые люди, слейся съ ними, — и

съ ними завоюемъ міръ. Тяжело становилось въ Питерѣ. Въ одинъ прекрасный день онъ продалъ все наличное имущество и пустился въ путь. Добравшись кое-какъ до Одессы, онъ отыскалъ стараго товарища, который ссудилъ ему десять рублей и далъ золотые часы. Онъ перебрался заграницу, продалъ часы и на эти деньги доѣхалъ до Женевы, гдѣ на другой же день, имѣя пять сантимовъ въ карманѣ, явился въ типографію „Набата," прося работы.

— Какая же была ваша цѣль, когда ѣхали заграницу? спросила Василиса, по окончаніи разсказа.

— Хотѣлось подышать посвободнѣе, разъяснить себѣ вопросы, которые не давали покоя: отдать имъ свои силы...

— И васъ удовлетворило то, что вы нашли?

— Я искалъ себѣ дѣятельности и нашелъ ее, отвѣчалъ Рѣдичъ. Въ идеѣ я не разочаровался.

— А можетъ быть, въ... ея представителяхъ?

— Люди бываютъ всякіе, проговорилъ задумчиво Рѣдичъ. И между такъ называемыми представителями идеи много посредственности и ничтожества. Но это неважно: настоящая суть не въ отдѣльныхъ индивидуальностяхъ и ихъ превосходствѣ, а въ общей массѣ силъ. Время прошло, когда въ революціонномъ дѣлѣ признавались какіе-то авторитеты, — и слава богу... Изъ всѣхъ товарищей я сошелся болѣе всего съ Борисовымъ. Вотъ симпатичная и недюжинная личность!

— Да, онъ хорошій человѣкъ, произнесла тихо Василиса.

Глаза Рѣдича заблистали.

— Такихъ, какъ онъ, мало! Характеръ, сила воли, необыкновенная способность самоотверженія, полная преданность дѣлу... Цѣльность этой натуры сказывается даже въ мелочахъ. Вѣдь онъ изъ баръ, съ дѣтства привыкъ ко всякимъ удобствамъ, а посмотрите, какъ онъ живетъ: переработалъ себя такъ, что сдѣлался, не только по образу жизни, но и въ душѣ, по вкусамъ, истымъ пролетаріемъ, не хуже нашего брата-бѣдняка. Потребности его приведены къ минимуму; гроша на свой личный комфортъ не тратитъ. А работникъ какой! за что возьмется, то, навѣрное, вынесетъ на своихъ плечахъ. Мало того, что основалъ на свои сред-

ства библіотеку и типографію, самъ цѣлый день трудится, набираетъ, держитъ корректуру, сидитъ въ библіотекѣ за кассой... А вѣдь это работа прескучная; не такая дѣятельность ему по плечу! Другой, посредственный человѣкъ и не захотѣлъ бы, а онъ, съ своими рѣдкими способностями, сидитъ день за день надъ неблагодарнымъ трудомъ, — потому что *нужно*.

— Я вижу, вы очень расположены къ Борисову, замѣтила Василиса.

— Да, я его люблю, да и нельзя не любить его; онъ отличный товарищъ. Прошлое лѣто я заболѣлъ, онъ перетащилъ меня на свою квартиру, самъ за мной ходилъ, по ночамъ не спалъ, никакихъ издержекъ не жалѣлъ: братъ родной того бы не сдѣлалъ...

— У него очень доброе сердце; въ этомъ нѣтъ особенной заслуги, замѣтила Вѣра.

— Конечно, это не увеличиваетъ его значенія, какъ общественнаго дѣятеля. Тѣмъ не менѣе, способность симпатично располагать къ себѣ людей имѣетъ свою важность. Это толкуетъ, почему у Борисова, при всей его энергіи и самостоятельности, какъ человѣка партіи, нѣтъ личныхъ враговъ.

— За то у него есть очень горячіе друзья! засмѣялась Вѣра.

Рѣдичъ не отвѣтилъ на ея замѣчаніе и, можетъ быть, не понялъ его. Онъ вообще обращалъ мало на нее вниманія и занимался гораздо болѣе тѣмъ, что дѣлала и говорила Василиса.

Въ концѣ недѣли прибылъ Борисовъ. Онъ пріѣхалъ изъ Женевы съ послѣднимъ поѣздомъ и явился поздно вечеромъ, когда никто болѣе не ожидалъ его.

Рѣдичъ собирался уходить и стоялъ передъ Василисой, комкая свою фуражку и договаривая прощальную фразу, когда вошелъ Борисовъ.

— А, пріятель! вотъ гдѣ застаю. Заходилъ къ вамъ на квартиру... Ну что, какъ можется?

Всѣмъ стало почему-то очень весело съ появленіемъ Борисова. Подали во второй разъ чай и разошлись довольно поздно.

Борисовъ пошелъ проводить Гѣдича и спустя минутъ десять вернулся.

— Можно? проговорилъ онъ, входя въ гостиную, гдѣ Василиса сидѣла одна.

Она знала, о чемъ онъ заговоритъ, и заранѣе собиралась съ духомъ.

Борисовъ, дѣйствительно, заговорилъ объ *томъ*, улыбаясь, непринужденно, безъ всякаго предисловія.

— Такъ какъ же, очень на меня разсердились?

Онъ сѣлъ возлѣ нея и взялъ ея руку.

— Голубчикъ, нельзя было не уѣзжать, — меня ждали... Я вамъ это говорилъ. И вырваться изъ Женевы раньше тоже не могъ. Одной корреспонденціи что навалило!.. Привезъ съ собой... Вы почитаете, ежели вамъ интересно.

— Не надо, сказала она. Я на васъ не сердилась...

— Неправда: вы и теперь еще сердитесь. За что?.. Ну, да богъ съ вами; — сочтемся. А гнѣвъ вашъ не помѣшалъ вамъ дѣло сдѣлать, — пригрѣли и приласкали больного, — нашли ему работу. Вотъ это хорошо! Распорядились, какъ умная барыня.

Онъ игралъ вѣеромъ, висѣвшимъ у нея на поясѣ, и смотрѣлъ на нее ласково, ожидая отвѣта.

Она молчала и отворачивала голову. — Онъ подождалъ еще минутку.

— Вы, вѣрно, устали и не расположены бесѣдовать. Такъ до другого разу, проговорилъ онъ.

Онъ всталъ, взялъ со стола пачку газетъ, которую принесъ съ собой, и зажегъ папироску.

— До свиданія; удаляюсь восвояси. Дайте же руку на прощаніе.

Она не рѣшалась; онъ взялъ ее самъ.

— Какая злопамятная!.. И, держа за руку, онъ потянулъ ее къ себѣ. — Стало быть, пожелать вамъ доброй ночи... или, можетъ... увидимся... наверху?...

Она сначала не поняла: потомъ вся вспыхнула и съ изумленіемъ взглянула на него.

— Что васъ такъ испугало? Мой вопросъ очень естественъ.

Она перевела духъ и съ усиліемъ проговорила:

— А мое письмо... забыли?...

— Какая вы странная! вѣдь я вамъ писалъ, что такое ваше письмо; — значитъ, — о чемъ же говорить... Я оттого зову васъ наверхъ, что меня могутъ услышать, — нехорошо, а вы проскользнете незамѣтно, какъ тѣнь...

„Что же это?“ подумала она и, чувствуя необходимость объясниться, произнесла:

— Вы меня не поняли. Я рѣшилась забыть прошлое... совершенно.

Борисовъ улыбнулся, спокойно и ласково.

— Полноте пустяки говорить. Какъ можно забыть прошлое? Вѣдь это только такъ, фраза, а въ фразы играть намъ съ вами болѣе не приходится. Снявъ голову, по волосамъ не плачутъ.

Онъ помолчалъ и прибавилъ.

— Вотъ, что я вамъ скажу: рѣшаться на какой-нибудь шагъ, не обдумавъ всѣхъ его послѣдствій, — наивно; но еще наивнѣе и безсмысленнѣе раскаиваться въ своей ошибкѣ. Отъ этихъ ретроспективныхъ сожалѣній бываетъ очень скверно на душѣ, а прошлаго все таки не воротишь. Стало быть, прямой разсчетъ идти впередъ и стараться извлечь изъ даннаго положенія елико возможно большую для себя выгоду. Вотъ какъ разсуждаютъ практическіе люди и становятся хозяевами надъ fait accompli... Вся житейская премудрость заключается въ этомъ умѣніи приспособляться къ обстоятельствамъ.

— Ваша логика всегда была непогрѣшима, проговорила вполголоса Василиса.

— Что же дѣлать! я, говорю какъ понимаю. Вы не можете себѣ представить, какъ обидно для здороваго человѣка смотрѣть на такое безсиліе...

Она молчала, опустивъ голову; онъ видѣлъ, какъ руки у нея слабо дрожали.

— Ахъ, барыня, барыня! проговорилъ онъ, постоявъ надъ ней въ раздумьи. Насъ, реалистовъ, упрекаютъ въ матеріализмѣ: настоящія матеріалистки вы, нѣжныя, идеальныя созданія, съ вашими избалованными нервами... Все подавай вамъ ласки, да конфетки, да добрыя слова!... Покуда сидите въ своей тепличкѣ, какъ дорогія тропическія растенія, коекакъ живете, а попробуешь вынести на свѣжій воздухъ, тотчасъ листики и повисли... Полно вамъ сокрушаться! Вы такая охотница читать евангеліе — забыли вы мудрое изреченіе: „Блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что избираетъ?“ — Избрали, такъ не сомнѣвайтесь, — и грѣха нѣтъ. Знаете, на кого вы похожи въ настоящую минуту? на школьника, который поймалъ паука, оторвалъ ему лапки и когда обезображенное туловище лежитъ безъ движенія, мальчикъ смотритъ на него съ испугомъ и твердитъ себѣ въ утѣшеніе: „Я не убивалъ паука!“ Нѣтъ, неправда, паукъ уже не можетъ жить, и мальчишка убилъ его. — Такъ-то, моя красавица...

Онъ сѣлъ возлѣ нея и, взявъ изъ ея рукъ платокъ, сталъ утирать ей глаза.

— Полноте, о чемъ плачете, дитятко вы неразумное? Вѣдь прошлаго уже не вернешь... Теперь все кончено, теперь вы моя... жена.

Искусный мастеръ въ техникѣ жизни, Борисовъ зналъ, какимъ словомъ покорить волнующееся, страстное сердце.

Въ эту ночь, когда все въ домѣ спало, дверь Василисы тихонько растворилась; она вышла изъ своей благоухающей, освѣщенной блѣдной лампадой, спальни и, вся дрожа отъ ужаса и отъ страха, неслышными шагами поднялась по лѣстницѣ. Она прошла мимо кабинета мужа. Въ концѣ коридора дверь Борисова была полуотворена, она скользнула въ комнату и, прежде чѣмъ Борисовъ успѣлъ замѣтить ее, потушила свѣчу, горѣвшую на столѣ.

— Вы? шепнулъ сдержанный, взволнованный голосъ.

Горячія объятія охватили ее, нетерпѣливая рука, путаясь въ ея волосахъ, рванула пуговицу пеньюара; широкое

одѣянье, съ легкимъ шелестомъ подкладки, скользнуло на полъ, и Василиса пала къ ногамъ Борисова, рыдая и цѣлуя его руки.

II.

Борисовъ остался въ Кларанѣ десять дней.

Трудно взбираться на высокую гору, по каменистому пути, подъ палящимъ зноемъ, но разъ достигнута высшая точка, усталость исчезаетъ и воспоминаніе объ осиленныхъ препятствіяхъ увеличиваетъ чувство наслажденія. Такимъ отдохновеніемъ, послѣ достигнутой цѣли, были эти десять дней въ исторіи любви Василисы и Борисова.

На высотахъ всегда тихо, на нихъ лежитъ ненарушимое спокойствіе. Даже Борисовъ, сынъ желѣзнаго вѣка и грозной житейской борьбы, чувствовалъ умиротворительное вліяніе этихъ высокихъ сферъ, и первые дни невольно поддавался ему. Полнота ощущеній, совершенное, во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющее его страстное счастье, такъ рѣдко дававшееся ему въ силу сложной двойственности его натуры, выражалось въ немъ тихимъ, сосредоточеннымъ, нѣжнымъ просвѣтленіемъ всего нравственнаго существа. Реалистъ по выработкѣ, по природѣ эпикуреецъ умственный и нравственный, Борисовъ, можетъ быть, первый разъ въ жизни, былъ глубоко и совершенно счастливъ: избранная имъ женщина соотвѣтствовала вполнѣ всѣмъ требованіямъ его натуры. Его прельщали въ ней красота, впечатлительный, чуткій умъ, привычки изящества въ деталяхъ жизни, изнѣженность нервовъ и души, — все, за что онъ съ ней спорилъ и въ чемъ упрекалъ ее, — и чего не могъ бы измѣнить въ ней ни на іоту, не нарушивъ идеалъ, жившій у него въ мозгу безсознательно, помимо его воли, переданный ему съ кровью его предковъ. Идеалъ женщины, выработанный имъ самимъ самостоятельно, по чисто реальнымъ даннымъ, съ существующихъ образцовъ, былъ совсѣмъ иной, и онъ старался, насколько это было возможно, передѣлать Загорскую и при-

близить ее къ этимъ формамъ: но если бы переработка эта удалась, возникнувшій такимъ образомъ новый типъ, едва ли удовлетворилъ бы его, и доказательство необыкновенной способности анализа въ Борисовѣ было то, что онъ это понималъ и совершенно сознательно относился къ затѣянному имъ процессу превращенія.

Василиса втеченіе этихъ десяти дней замѣтно похорошѣла. Успокоенная, вся проникнутая глубокимъ чувствомъ животворящей страсти, которая наполняла ее и удаляла отъ нея навремя всѣ сомнѣнія и заботы, она физически расцвѣла, какъ цвѣтокъ, пригрѣтый солнцемъ послѣ ненастья. Линіи стройнаго тѣла округлились; смуглый цвѣтъ лица порозовѣлъ и сталъ прозрачно-нѣжнымъ; глаза тихо свѣтились; румяныя губы складывались сами собой въ чарующую и вмѣстѣ съ тѣмъ строгую и гордую улыбку, которую древніе ваятели, въ своемъ глубоко-осмысленномъ пониманіи жизненныхъ чертъ, придавали устамъ богини наслажденій. Все въ ней стало гармонично, роскошно, привлекательно; даже тонкія руки сдѣлались бѣлѣй и нѣжнѣй, согрѣтыя горячими поцѣлуями любви.

— Красавица! говорилъ Борисовъ, лежа у ея ногъ. Онъ игралъ длинными прядями ея распущенныхъ волосъ и, обвивая ихъ вокругъ своихъ рукъ, нагибалъ къ себѣ ея голову и смотрѣлъ ей въ глаза.

— Наконецъ, добрался я до своего счастья!... Долго стояло оно передо мною, какъ прекрасное искушеніе, манило и не давалось мнѣ. Я испытывалъ муки Тантала; — и теперь оно мое! — Не упущу я его. Что мнѣ за дѣло, что моя красавица холодна, какъ мраморъ, не умѣетъ любить и цѣловать! И мраморъ раскаляютъ; я съумѣю согрѣть ее... я вдохну въ нее живую страсть, — научу эти цѣломудренныя губы отвѣчать на мои поцѣлуи...

— Милый! говорила Василиса въ упоеніи, сжимая его руки, неужели ты только желаешь моихъ поцѣлуевъ?... Вѣдь это только часть счастья... Я хочу его всего... Порой мнѣ кажется, что есть что-то недосягаемое... какая-то послѣдняя, самая высокая ступень, на которую нужно взойти... и тамъ счастье полное... совершенное!... Я не въ состояніи

объяснить, мои желанія темны и мучаютъ меня... Я хотѣла бы обнять тебя крѣпче, — перестать жить, какъ отдѣльное существо, — обратиться въ частичку твоей души... вѣчно съ тобой не разставаться, радость ты моя, сокровище, счастіе, богъ мой, — мое все!...

— Дорогая!... произнесъ Борисовъ шопотомъ.

Онъ закрылъ глаза и прильнулъ къ ея колѣнямъ, силясь овладѣть волненіемъ, которое на минуту словно сломило его.

— И у меня такія же желанія, проговорилъ онъ; но они меня не мучаютъ, наоборотъ, они даютъ мнѣ блаженство.

— Мнѣ приходитъ иногда на умъ, продолжала она, что я не люблю тебя простой любовью, какъ любятъ обыкновенныхъ людей. Я не знаю, какъ назвать это чувство, оно наполняетъ меня чѣмъ-то хорошимъ, святымъ. Мнѣ хочется плакать, стать на колѣни, — молиться! Жены, которыя ходили за Спасителемъ, мнѣ кажется, любили его такъ... Когда я думаю о счастіи, оно не представляется мнѣ, какъ длинная жизнь, проведенная съ тобою, — а какъ одинъ короткій мигъ чего-то невыразимаго, какого-то свѣтлаго блаженства,— и затѣмъ все темно, точно ты или я умираемъ.

— Зачѣмъ умирать! жизнь богата и прекрасна...

— Я смерти не желаю, я боюсь ея... Эта мысль противъ воли приходитъ мнѣ въ голову.

Она умолкла и сидѣла, играя его волосами.

— Скажи, дорогой, о чемъ ты думалъ въ эту минуту?

— Ни о чемъ. Голова пуста, всѣ мысли повылетѣли вонъ. Дай руку, — слышишь, какъ сердце бьется?

— Да, и ты страшно блѣденъ. Но я люблю твое блѣдное лицо; оно прекрасно, какъ лицо мученика... У тебя такіе ясные глаза,—кажется всю душу видятъ насквозь. Я думаю, никакой человѣкъ не рѣшился бы лгать, когда ты смотришь на него. Дорогой мой, отчего я такъ счастлива въ эту минуту? Въ моей душѣ, словно праздникъ... Я люблю весь міръ... Я хотѣла бы, чтобы всѣ люди были счастливы... Да, ты правъ, жизнь прекрасна! Все печальное отошло прочь, — ничего

болѣе для меня не существуетъ, — существуешь ты одинъ...

Борисовъ не отвѣчалъ. Онъ игралъ маленькимъ медальономъ, висѣвшимъ у нея на шеѣ, и задумчиво глядѣлъ не на нее, а куда-то вдаль. Она поймала его руку и прижала къ своимъ губамъ.

— Ежели бы меня пытали въ эту минуту и мнѣ можно было бы смотрѣть на тебя, слышать твой голосъ, мнѣ кажется, я самыхъ страшныхъ мукъ не почувствовала бы!.

Она прибавила, улыбаясь:

— Тебѣ это кажется страннымъ? ты не понимаешь?...

— Нѣтъ, понимаю.

Онъ поднялъ голову и нѣсколько секундъ смотрѣлъ на нее въ раздумьи.

— Васъ не поражаетъ, проговорилъ онъ, какое огромное значеніе имѣютъ для васъ отправленія вашей душевной жизни, и какъ, въ сущности, несоразмѣрны, въ настоящемъ случаѣ, дѣйствіе и его причины? Исходная точка, чисто субъективный аффектъ, а вы достигаете такого градуса энергіи, до котораго обыкновенно способны поднять лишь побужденія самаго неличнаго характера. Вотъ, когда люди вѣруютъ въ идею такъ, какъ вы увѣровали въ человѣка, они совершаютъ великія дѣла. Понятно вамъ теперь, что дѣлаетъ силу такихъ людей?

— Да.—Она обняла его голову и прижалась лицомъ къ его волосамъ. — Ты — такой человѣкъ!.. Вотъ почему я готова умереть за тебя: — купить цѣной жизни какое-нибудь высокое, неземное для тебя счастье!...

— Я кромѣ земного счастья никакого не хочу... Оно самое прекрасное, самое желательное. — Онъ потянулся къ ней. — Дай мнѣ только его...

Ночныя бесѣды Борисова и Василисы длились обыкновенно поздно — иногда до разсвѣта. Онъ сидѣлъ съ ней въ ея будуарѣ; весь домъ спалъ. Это были единственныя часы, когда они видѣлись наединѣ. Василиса жила этими часами. День проходилъ для нея вяло, въ какомъ-то сонномъ оцѣпѣненіи. До завтрака она оставалась въ своей комнатѣ; затѣмъ тянулся длинный рядъ часовъ

томительно скучныхъ, впродолженіи которыхъ Загорскій, Каролина Ивановна и Вѣра безпрестанно находились съ нею. Послѣ обѣда ѣздили кататься втроемъ или вчетверомъ, и это выходило еще скучнѣе. Въ первый разъ Василиса поняла, какъ мало каждый человѣкъ предоставленъ самому себѣ въ семейномъ общежитіи и какъ незамѣтно стѣснена его личная свобода, даже при самыхъ, въ этомъ смыслѣ, благопріятныхъ условіяхъ. Она увидала, что нельзя шевельнуться внѣ установленнаго издавна порядка, безъ того, чтобы не привлечь на себя чьего либо вниманія. Прежде, при правильномъ теченіи своей жизни, она этого не замѣчала. Постоянное присутствіе кого нибудь между ней и Борисовымъ раздражало ее чуть не до слезъ; она пробовала пересилить себя и видѣла, что это было невозможно. Тогда она оставляла Борисова бесѣдовать съ Загорскимъ и Вѣрой, и уходила въ свою комнату, гдѣ лежала на диванѣ по цѣлымъ часамъ, не шевелясь, закинувъ назадъ руки, недовольная собой, нервная и несчастная. По вечерамъ приходилъ Рѣличъ, и когда, въ одиннадцатомъ часу, онъ прощался и всѣ, наконецъ, расходились, она вздыхала свободно; душевное ея безпокойство разомъ утихало, — какъ стихаетъ на морѣ волненіе при вечерней зарѣ. Счастье брало ее на свое золотое крыло, и всѣ горькія ощущенія были забыты. Она садилась на низкій табуретъ у ногъ Борисова и, сложивъ руки на его колѣняхъ, смотрѣла на него глазами влажными отъ слезъ.

— Не можетъ быть, говорила она, чтобы любовь моя къ тебѣ была преступна! Она даетъ мнѣ слишкомъ свѣтлое счастье... Я нравственно выросла и стала лучше съ тѣхъ поръ, что тебя знаю... Зачѣмъ нѣтъ у меня какого нибудь великаго таланта или дарованія, — я служила бы твоей идеѣ!... Мнѣ кажется, я съумѣла бы выразить, что ты думаешь, — заставила бы дрогнуть сердца... Всѣ бы увѣровали и встали за твое дѣло...

— А вы сами вѣрите? спросилъ ее однажды Борисовъ.

— Я вѣрю въ *тебя*!

Она почувствовала, какъ его покоробило отъ этого слова и прибавила:

— Не все ли равно, откуда идетъ сила, лишь бы она достигала своей цѣли.

Но Борисовъ былъ непоколебимъ.

— Нѣтъ, не все равно, говорилъ онъ. Чувство — дѣло впечатлѣнія; случайность породила его, случайность можетъ и уничтожить. Идея же — продуктъ холоднаго разума и не можетъ быть подвержена колебаніямъ. Вообразите, что въ силу какого нибудь посторонняго обстоятельства чувство нечаянно пострадало, — тотчасъ и идея утрачиваетъ свое значеніе, убѣжденія исчезаютъ, цѣль дѣлается неясна, являются сомнѣнія, — все обратилось въ хаосъ, — хоть боженьку призывай на помощь! — Что, развѣ неправда? прибавилъ онъ, смѣясь.

— Какой ты ужасный! сейчасъ все анализировать...

Она вспомнила, что происходило въ ней самой нѣсколько дней тому назадъ, и пойманная, какъ виноватый ребенокъ, не хотѣла признаваться.

— Вотъ, ежели вы въ самомъ дѣлѣ задумали служить дѣлу, сказалъ Борисовъ, такъ намѣреніе это благое. Примитесь же за него настоящимъ манеромъ, и мы скажемъ вамъ спасибо.

— Я рада; только какъ?

— Сколько времени мы съ вами толкуемъ, а вы еще спрашиваете: какъ? Имѣющіе уши да слышатъ...

— Милый, сказала Василиса и придвинулась къ нему: я давно собиралась съ тобою поговорить... Надо чѣмъ нибудь рѣшить; нельзя оставаться въ настоящемъ положеніи. Какъ ни увѣряй себя и ни оправдывайся въ собственныхъ глазахъ, все таки это обманъ, и очень унизительный. Надо изъ него выйти. Вотъ я и рѣшила...

Она взглянула на Борисова, желая заранѣе заручиться его сочувствіемъ.

— Что же вы рѣшили?

— Я рѣшилась переговорить съ Загорскимъ, окончательно съ нимъ разойтись и переѣхать въ Женеву.

— Иными словами: бросить все и совершить великій подвигъ! Далѣе?

— Въ Женевѣ я думала нанять маленькую квартиру... самую скромную... вмѣстѣ съ тобой. Я работала бы, занималась бы твоимъ хозяйствомъ. Я труда не боюсь: я буду шить, убирать комнату, дѣлать все, что нужно... Словомъ, я стану соучастницей твоей жизни, твоимъ другомъ, хозяйкой, товарищемъ, — чѣмъ ты хочешь...

— Ну-съ?

— Ну, вотъ и все. Чего же болѣе?

— А служеніе дѣлу? Вѣдь вы объ этомъ завели рѣчь. Оно не выражается же для васъ въ пришиваніи пуговицъ къ моимъ рубашкамъ и приготовленіи для меня котлеты?..

— Надо же, чтобы кто-нибудь этимъ занимался, проговорила Василиса, смѣясь и немного покраснѣвъ.

— Надо: вы и предоставьте этотъ амплуа кому подобаетъ, а сами беритесь за болѣе полезную роль.

— Зачѣмъ же непремѣнно *роль*? Я буду помогать тебѣ въ твоей работѣ... Я вѣрю и сочувствую... этого довольно...

— Такихъ, которыя вѣруютъ и сочувствуютъ и безъ васъ много: что въ нихъ толку? Дѣло не въ сочувствіи, а въ томъ, насколько человѣкъ способенъ быть полезнымъ. Проанализируйте вашъ планъ хорошенько, какой его главный объективъ? Осуществленіе того, что вы считаете лично для себя счастіемъ... Такая цѣль едва ли способна, далѣе чѣмъ на срокъ, удовлетворить даже васъ. Есть другія требованія и интересы, въ сравненіи съ которыми идеалъ взаимной любви, даже самый полный, кажется очень ничтожнымъ. Не такое теперь время, чтобы можно было человѣку, мало-мальски мыслящему, утопать въ нѣгѣ эгоистическаго счастья. Время мирныхъ идиллій когда-нибудь настанетъ, — теперь пора страдная, гнѣзда вить не приходится, живешь короткими моментами и за нихъ спасибо!

— Мой планъ, стало быть, не годится? спросила Василиса.

— Не практиченъ, цѣли не вижу.

Онъ прошелся по комнатѣ, раздумывая.

— Или я не ясно говорю, произнесъ онъ, останавливаясь передъ нею, или вы намѣренно не разумѣете моихъ словъ. Я нѣсколько разъ указывалъ вамъ дорогу, по кото-

рой вы можете идти, не дѣлая никакихъ coups de têtes и не компрометтируя себя. Не могу же я взять васъ за руку и вести, какъ маленькаго ребенка!

Онъ говорилъ холодно, съ выраженіемъ неудовольствія.

— Сергѣй! воскликнула Василиса, со слезами въ голосѣ.

Онъ взглянулъ на нее, какъ бы досадуя, однако сѣлъ на прежнее мѣсто и взялъ ея руку.

— Не волнуйтесь, слушайте. Изъ вашего сочувствія шубы вѣдь не сошьешь; а вы можете, если пожелаете, быть полезнымъ сотрудникомъ. Ваше положеніе между нами исключительное: вы свѣтская барыня, у васъ есть связи, имя, извѣстное положеніе; какъ женщина, вы привлекательны, излишне вамъ это повторять: въ васъ бездна такту, чуткости ума; салонная жизнь выработала въ васъ умѣнье владѣть собою и до извѣстной степени угадывать людей. Все это, взятое вмѣстѣ, составляетъ силу: отъ васъ зависитъ сдѣлать изъ нея желаемое употребленіе. Понятно, что ежели вы останетесь прозябать въ этой швейцарской глуши, между четырьмя стѣнами, отъ васъ не будетъ никому ни худа, ни добра; — и Цирцея одна, на своемъ островѣ, ничего не значила! Но вы можете ступить на болѣе широкую сцену. . Кто вамъ мѣшаетъ ѣхать въ Россію и работать въ тѣхъ сферахъ общества, куда намъ нѣтъ доступа? Наше слово падало бы тамъ не разъ на богатую почву, но оно не долетаетъ: ваша рука посѣетъ его, и оно взойдетъ богатой жатвой. Неужели вамъ никогда не приходило въ голову, какое можетъ быть значеніе въ настоящую минуту такой женщины, какъ вы, ежели она пойметъ свою роль и рѣшится сыграть ее? Исторія полна примѣровъ, гдѣ женщины были душою партій, держали всѣ нити въ своихъ рукахъ. Всякая политическая эпоха нуждается въ своей Madame Roland; почему не сдѣлаться ею, когда на это существуютъ всѣ данныя? Лично вы, какъ субъектъ нервно-холерическаго темперамента, чувствуете потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ, вотъ вамъ они. Никакія перипетіи самыхъ сложныхъ душевныхъ драмъ не въ состояніи дать тѣхъ эмоцій, съ которыми вамъ придется познакомиться. Рѣшитесь только, и тысячу разнообразныхъ интересовъ наполнятъ вашу жизнь! Уполномоченный

и тайный сообщникъ нашъ, вы будете центромъ, вокругъ котораго все будетъ группироваться. Черезъ ваше посредничество совершатся сближенія, вы будете вербовать для насъ вашей улыбкой сильныхъ союзниковъ; какъ умный генералъ, посреди своего войска, вы будете комбинировать живыя силы, соединять ихъ, направлять... Какое широкое поле дѣйствія!... Если хватитъ у васъ отваги, — а ея должно хватить, потому что вы вѣрите въ окончательную цѣль,— игра вамъ по плечу. Въ настоящую минуту я васъ уговариваю, поживите полгода этой жизнью, придется васъ удерживать. Вы не подозрѣваете, какъ горизонтъ расширится, какія новыя силы разовьются въ васъ. Теперешніе ваши буржуазные идеалы сойдутъ со сцены. Для васъ откроются новые источники сильныхъ ощущеній, и вы поймете, какъ ничтожно-крохотны были въ сравненіи бурьки субъективнаго чувства.

Василиса глядѣла на Борисова, блѣдное лицо котораго сіяло одушевленное картиной, которую онъ рисовалъ.

— Но для этого нужно быть *тамъ*, а это разлука, вырвалось у нея.

— Не вѣкъ же вы будете сидѣть на мѣстѣ, — и я къ Женевѣ не прикованъ; мы будемъ встрѣчаться. Общіе интересы свяжутъ насъ тѣснѣе въ нравственномъ отношеніи, — да и во всѣхъ отношеніяхъ.

— Цѣлая Европа ляжетъ между нами!

Борисовъ нахмурилъ брови.

— Я не отказываюсь, проговорила она поспѣшно. Какъ ты рѣшилъ, такъ и будетъ, Я сдѣлаю все, что ты желаешь, ко всему приложу свое стараніе... Только, право, такая роль не по мнѣ. Нужно умѣнье... находчивость, всегда готовое хладнокровіе... Я на это не способна.

— Вы способны только сидѣть на диванѣ и хорошенькими фразочками продовольствоваться... Удобная форма сочувствія!

Она покраснѣла.

— Ты напрасно берешь такой тонъ, я тебѣ говорю, что не отказываюсь.

— Ну, тѣмъ и лучше, сказалъ Борисовъ. Вѣдь вы даете, а не продаете свои услуги, не правда-ли? стало быть, и торговаться нечего.

Онъ не продолжалъ этого разговора и Василиса не возобновляла его; но въ ея душѣ оставалось много невысказаннаго, что тайно волновало ее.

На другой день Борисовъ получилъ письма и телеграммы изъ Женевы, требовавшія его возвращенія. Онъ показалъ ихъ Василисѣ и рѣшилъ ѣхать на слѣдующее утро.

— Вѣдь ты хотѣлъ остаться до четверга? проговорила она.

— Да, но сами видите, невозможно.

Въ этотъ вечеръ Борисовъ былъ въ особенно возбужденномъ расположеніи духа. На него находили изрѣдка припадки какой-то ребяческой веселости, онъ могъ тогда смѣяться и школьничать по цѣлымъ часамъ. Послѣ чая онъ усадилъ Вѣру за фортепіано и просилъ ее сыграть что нибудь веселое. Онъ самъ выбралъ между нотами оперетку Оффенбаха, и стоялъ возлѣ нея, покуда она играла. Рѣдичъ сидѣлъ у окна и задумчиво смотрѣлъ въ темную ночь. Василиса подошла нему.

— Что вы такъ пріуныли, Федоръ Александровичъ? Я замѣчаю, что вы стали съ нѣкоторыхъ поръ что-то очень серьезны... Здоровы ли вы? не болитъ ли у васъ опять грудь?

— Нѣтъ, я, слава Богу, здоровъ, отвѣчалъ Рѣдичъ и всталъ.

Василисѣ пришло на умъ, что она послѣднее время совсѣмъ забыла о бѣдномъ юношѣ, она упрекнула себя за это.

— Просмотрѣли вы послѣдній номеръ Иллюстраціи? проговорила она ласково, тамъ очень интересные виды Кавказа. Хотите, я вамъ покажу, пойдемте въ гостиную.

Рѣдичъ пошелъ за ней и они усѣлись за круглымъ столомъ, на которомъ горѣла лампа.

Василиса отыскала Иллюстрацію. Рѣдичъ сначала какъ будто дичился, но потомъ разговорился и замѣтно повеселѣлъ.

Въ сосѣдней залѣ продолжалъ гремѣть Офенбахъ, отрывками долеталъ звонкій голосъ Вѣры, напѣвающій аріетку. Голосъ и музыка вдругъ умолкли и раздались стуканье билліардныхъ шаровъ.

— Вы въ билліардъ играете? спросила Василиса у Рѣдича.

— Нѣтъ... Я вообще ни въ какія игры не играю, не нахожу никакого удовольствія, — развѣ только то, что можно ловкость свою показать.

— Я сама не охотница до игръ, мнѣ отъ нихъ всегда дѣлается скучно... Мнѣ вообще часто бываетъ скучно, сама не знаю почему... Не правда ли, какъ это нехорошо?...

Она прислушивалась къ веселому хохоту въ сосѣдней комнатѣ и лицо ея имѣло какое-то тоскливое выраженіе.

— Не такъ... слышался оживленный голосъ Борисова. Какая вы неловкая, Вѣра Павловна! Дайте, я научу васъ держать кій.

— Не надо, я лучше васъ знаю...

Еще громче раздавался смѣхъ и началось отчаянное бѣганіе вокругъ билліарда.

— Какъ имъ весело! промолвила Загорская.

— Имъ не отъ игры весело...

Василису что-то кольнуло вдругъ очень больно въ самое сердце.

— Не отъ игры, такъ отчего же? проговорила она.

— Такъ, веселый часъ нашелъ, отвѣтилъ Рѣдичъ уклончиво.

Снова раздались звуки фортепіано. Въ гостиную вошелъ Борисовъ и бросился въ кресло, утирая себѣ лобъ.

— Уфъ, забѣгался! проговорилъ онъ.

Его возбужденное, играющее смѣхомъ и жизнью лицо, почему-то не понравилось Василисѣ.

— Видно, вамъ очень весело бѣгать, проговорила она холодно. Вы съ Вѣрой, какъ двое ребятъ, возились.

— А вы тутъ сидѣли, какъ старушка, и о возвышенныхъ предметахъ толковали! возразилъ онъ. Каждому возрасту свое удовольствіе...

— Да, я старше васъ, сказала Василиса тихо. Въ сравненіи со мною вы, Сергѣй Андреевичъ, почти...

— Младенецъ, подсказалъ Борисовъ. Вы мнѣ въ бабушки годитесь! Ну-съ, барыня преклонныхъ лѣтъ, покажите-ка и мнѣ, что такіе за кавказскіе виды: не все для одного Рѣдича...

Онъ сѣлъ возлѣ нея и сталъ разсматривать рисунки. Голова его, нагибаясь, касалась ея волосъ. Перевертывая страницу, онъ шепнулъ:

— Какая сердитая! сейчасъ такъ и ощетинилась...

— Что это? произнесъ вдругъ Рѣдичъ и сталъ прислушиваться.

Въ сосѣдней комнатѣ Вѣра пѣла романсъ на нѣмецкомъ языкѣ. Удивительно нѣжно и задушевно звучала несложная мелодія.

— Это Шумана, сказалъ Борисовъ.

— Нѣтъ, скорѣй Шуберта, произнесъ Рѣдичъ. Для Шумана слишкомъ нѣжно и просто.

— Ни того, ни другого, замѣтила Василиса. Слова попались мнѣ случайно въ старой книгѣ, а музыка компонирована самой Вѣрой... Слушайте, какъ это прелестно у нея вылилось.

Вѣра пѣла:

„Sehnsucht ist des All's Geheimniss!
„Alles Werden Blühn und Glühn.
„Nach der wandellosen Einheit
„Ist's ein ewig Hinbemühen!

„Der Verschmelzung ewig Scheitern
„Ist die Qual der Menschenbrust;
„Der Verschmelzung flüchtig Traumbild
„Ist der Liebe ganze Lust *).

---

*) Желанія — тайна вселенной! — Причина всякаго расцвѣтанія, пыла, бытія; — Это нескончаемое стремленіе — Къ нераздѣльному единству. — Неосуществимость этого желанія — Составляетъ муку любящей души; — Мимолетная греза слiянiя — Всю радость и счастье любви.

Рѣдичъ слушалъ, и по его болѣзненному лицу разлилось выраженіе удовольствія.

— Совсѣмъ вдохновенная музыка! произнесъ онъ. Вѣра Павловна дивно поняла мысль поэта...

— Не правда ли? сказала Василиса.

— Не даромъ прозвали вы ее Mignon, замѣтилъ Борисовъ. Настоящая Гетевская чародѣйка... Пойду выразить свое восхищеніе.

Онъ всталъ и, направляясь къ двери, остановился.

— Пойдемте и вы, Василиса Никалаевна. Попросите ее спѣть еще что нибудь; мы съ Рѣдичемъ послушаемъ.

Они вошли въ биллиардную. Вѣра вся розовая вскочила съ табурета и захлопнула было крышку фортепіано, но Василиса уговорила ее и она согласилась повторить свой романсъ.

— Только, пожалуйста, безъ комплиментовъ, обратилась она къ Рѣдичу и Борисову.

Послѣ романса она спѣла русскую пѣсню, а вслѣдъ за нею неожиданно прозвучали аккорды какого-то воинственнаго гимна.

— Вотъ это славно! воскликнулъ Борисовъ. Вы не знаете Марсельезы, Василиса Николаевна; послушайте, что за возбуждающая музыка.

— Только я себѣ аккомпанировать не могу, сказала Вѣра.

— Я буду вамъ аккомпанировать; настолько музыкальнаго знанія у меня хватитъ, произнесъ Рѣдичъ.

Онъ сѣлъ на ея мѣсто и неуклюжими пальцами сталъ ударять по клавишамъ отчетливо и вѣрно. Вѣра запѣла, и невольный трепетъ пробѣжалъ по нервамъ слушателей. Громкіе звуки лились полные, торжествующіе... Василиса смотрѣла на Вѣру, молодое лицо которой дышало жизнью; щеки ея разгорѣлись, темные глаза блистали; свѣжій, немного большой ротъ раскрывался правильно и красиво, показывая два ряда бѣлыхъ, какъ капли молока, зубовъ. Взглядъ Василисы перешелъ на Борисова. Онъ сидѣлъ, устремивъ неподвижно взоръ на дѣвушку, впивая всѣмъ существомъ своимъ гармоническое наслажденіе.

Въ это время раздалось громкое „браво", и въ дверяхъ показался Загорскій Его появленіе разомъ разрушило поэтическое настроеніе. Рѣдичъ сконфузился и всталъ съ табурета, Вѣра закрыла тетрадь, а Борисовъ взялъ ее и положилъ къ остальнымъ нотамъ.

— Развѣ вы уже кончили? Такой прелестный концертъ! проговорилъ Константинъ Аркадьевичъ. А я готовился послушать.

— Въ другой разъ, сказала Вѣра.

На слѣдующій день вечеромъ Борисовъ уѣхалъ. Василиса съ Вѣрой довезли его до вокзала желѣзной дороги. Вечеръ былъ ненастный, моросилъ мелкій дождь. Когда подъѣхали къ станціи, Борисовъ выскочилъ изъ коляски и взялъ кипу книгъ, которыя везъ съ собою.

— До свиданія, проговорилъ онъ, протягивая руку.

— Нѣтъ, мы выйдемъ, сказала Загорская.

Во время дороги она не произнесла ни слова. Слезы душили ее; она боялась, если заговоритъ, что не будетъ въ состояніи сдержать ихъ.

— Дождикъ, замѣтилъ Борисовъ; вы промочите ноги.

— Ничего; мы проводимъ васъ, какъ слѣдуетъ.

Они вышли на небольшую площадку, гдѣ толкались посыльщики и служители. Борисовъ пошелъ брать билетъ. Василиса по привычкѣ направилась съ Вѣрой въ отдѣленіе перваго класса.

— Ужъ ежели вы хотите провожать меня, проговорилъ Борисовъ, нагоняя ихъ, такъ пожалуйте сюда. Вотъ наше помѣщеніе.

Онъ открылъ перегородку, ведущую въ отдѣленіе третьяго класса. Одинокій фонарь освѣщалъ комнату; деревянныя скамейки тянулись вдоль стѣнъ, на полу валялись окурки сигаръ, пахло копотью и дешевымъ табакомъ. Человѣкъ десять рабочихъ и женщинъ съ корзинами размѣщались на скамьяхъ.

— Вотъ сядьте сюда, сказалъ Борисовъ.

Рабочій въ блузѣ подвинулся. Василиса сѣла возлѣ него

Вѣра пошла разсматривать висящій у фонаря планъ швейцарскихъ желѣзныхъ дорогъ. Борисовъ закурилъ папиросу.

— И такъ, мы разстаемся, произнесла тихо Василиса.

— Не надолго; опять прикачу.

— Скоро?

— Какъ будетъ возможно. Вѣдь и меня тянетъ... какъ вы думаете?

— Да?... Она вся просвѣтлѣла.

— А то какъ же, — разумѣется. Чудной вы, ей богу, человѣкъ. — Плакать? стыдъ какой! произнесъ Борисовъ, замѣтивъ, что слезы катились у нея подъ вуалеткой.

— Не буду.

Она ободрилась и стала глядѣть кругомъ.

— Однако, какъ здѣсь неуютно! какой спертый воздухъ, — на тюрьму похоже.

— Да, некомфортабельно, отвѣчалъ Борисовъ, однако этой обстановкой поневолѣ довольствуются двѣ трети путешествующаго человѣчества, покуда вы сидите на бархатныхъ подушкахъ и аристократически изолируетесь въ отдѣльныхъ купэ.

— Но вѣдь ты не изъ-за этихъ соображеній ѣздишь въ третьемъ классѣ? спросила, помолчавъ, Василиса.

Борисовъ засмѣялся.

— Разумѣется, нѣтъ, времена Рахметовыхъ прошли! Такъ, просто, не вижу надобности баловать себя. Я отъ роскоши отвыкъ... Да къ тому же, когда часто ѣздишь, и разсчетъ.

Вѣра, кончивъ осмотръ карты, подошла къ Василисѣ. Борисовъ всталъ, уступивъ ей свое мѣсто.

Скоро раздался звонокъ, подъѣзжалъ поѣздъ, толпа блузниковъ и женщинъ высыпала на площадку.

— Не выходите, мы здѣсь простимся, сказалъ Борисовъ.

Онъ снялъ шляпу и пожалъ руку Вѣры.

Василиса дошла съ нимъ до двери.

— Прощай, сказала она тихо. Какими долгими покажутся мнѣ теперь дни... По крайней мѣрѣ, напиши.

— Хорошо. А если вы соскучитесь, пріѣзжайте въ Женеву провести денекъ съ старыми знакомыми. Въ самомъ

тѣлъ, что вамъ стоитъ, — сѣли съ Вѣрой Павловной на пароходъ и пріѣхали. Въ тотъ же вечеръ и назадъ.

Василиса покачала головой.

— Нельзя...

— Отчего же? Впрочемъ, какъ знаете. — Пора, вотъ и поѣздъ остановился. Ну, до свиданія.

Василиса и Вѣра стояли въ дверяхъ и смотрѣли, какъ Борисовъ, неся книги, поднялся по наружной лѣсенкѣ вагона, — раза два фигура его промелькнула въ освѣщенныхъ окнахъ, поѣздъ тронулся и покатился.

III.

Прошло три мѣсяца. Весна въ этомъ году настала рано. Въ концѣ марта на горахъ сошелъ снѣгъ, внизу зацвѣли фруктовыя деревья, садъ зазеленѣлъ и разросся густой тѣнью, длинные зимніе вечера смѣнились розовыми сумерками, вся картина проснулась и зажила.

Василиса и Вѣра засиживались на террасѣ, смотря, какъ солнце садилось въ пурпурныхъ облакахъ, какъ тихая поверхность озера переливалась опаловыми цвѣтами, и въ прозрачномъ, еще голубомъ небѣ зажигалась лучистая Венера. Рѣдича съ ними не было. Съ появленіемъ первыхъ фіалокъ, онъ уѣхалъ въ Женеву, чтобы опять приняться за работу. „А то совсѣмъ деморализируешься, говоритъ онъ. Созерцаніе природы привлекательно, но вредно, оно слишкомъ успокаиваетъ и отчуждаетъ отъ жизни. Пора распроститься съ прекрасными видами и вернуться къ болѣе полезной, хотя и некрасивой реальности.“

Впродолженіи зимы Борисовъ пріѣзжалъ раза два въ Кларанъ, на недолгое время. Оба раза онъ останавливался у Рѣдича: его просила объ этомъ сама Василиса. Съ тѣхъ поръ, что ихъ отношенія измѣнились, ее возмущало принимать его у себя дома, подъ кровомъ мужа, какъ гостя. Она

не высказала ему этого прямо, но онъ понялъ и усмѣхнулся, пожавъ плечами.

— Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ, произнесъ онъ. Сговорчивая же у васъ совѣсть, если такая пустая деталь въ формѣ можетъ успокоить ее.

Въ концѣ декабря онъ совершилъ большое, кругосвѣтное, какъ онъ выражался, путешествіе по Европѣ, длившееся нѣсколько недѣль. Въ началѣ мая, онъ собирался ѣхать опять. Это была весна 1876 года: политическій горизонтъ застилался на востокѣ и туча грозила разразиться великими событіями.

Константинъ Аркадьевичъ поговаривалъ объ отъѣздѣ въ Россію. Василиса не рѣшалась, чего-то ожидала, жила изо дня въ день, темно надѣясь на что-то въ близкомъ будущемъ, что должно было разрѣшить для нея вопросъ. Во время своихъ странствованій Борисовъ писалъ къ ней. Последнее письмо было изъ Парижа и получено нѣсколько дней до его возвращенія. Онъ писалъ:

„Что сказать вамъ о себѣ? хорошаго мало. Время проходитъ, дѣла устраиваются плохо; скроенныя и сшитыя на скорую руку, они распарываются и разлѣзаются все больше и больше. Un coup de main, и все пойдетъ по старому; да ничего не подѣлаешь: чтобы заштопать и заплатать — матеріала нѣтъ. Причаливай къ берегу и дожидайся благопріятной погоды. Но вѣдь мы пираты, намъ нужно ѣхать сейчасъ или отдаться въ руки врагу. Лови моментъ! Кругомъ апатія, мелкія будничныя дѣла, революціонное дилеттанство для самоутѣшенія. Нѣтъ настоящаго дѣла, такъ и молчи, а не лѣзь изъ кожи, чтобы произнести шумную рѣчь на бездѣльномъ собраніи Интернаціонала, которое, отъ нечего дѣлать, вырабатываетъ статуты и программы, для того, чтобы пересочинить ихъ на слѣдующій мѣсяцъ. Нечего дѣлать, такъ шей сапоги и называйся сапожникомъ; разрабатывай науку и причисляй себя къ ученымъ; развратничай и пьянствуй, — имя тебѣ повѣса. — Но нельзя заниматься пустяками и называть себя дѣловымъ человѣкомъ.

„Что дѣлалъ я? Ничего. У меня есть цѣль въ жизни, я къ ней не иду прямо, слѣдовательно, я ничего не дѣлаю,

Апатія, — это страшная язва, бѣда заболѣть ею. Было бы мнѣ восемнадцать лѣтъ, я бы увлекся прелестями парижской жизни, страсти успокоились бы матеріальными наслажденіями, но такъ какъ пришлось прожить не много больше, то нервы притупились, явились другія требованія. Читаешь газеты и книги, писанныя умными людьми, слушаешь конференціи такихъ же умныхъ людей: въ итогѣ, какъ при первомъ, такъ и при второмъ препровожденіи времени — ничего. Ничего, потому что не идешь прямо къ цѣли.

„Проклятая славянская апатія! *Тамъ* спятъ, и мы должны спать, или ѣхать будить ихъ. Когда же проснется Русь отъ этого тяжелаго сна, переполненнаго кошмарами? Илья Муромецъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ и, наконецъ, всталъ! Съ татарскаго нашествія заснула Россія, повалилась, какъ снопъ и своей грузной массою загородила путь монголамъ дальше на западъ. Просыпалась нѣсколько разъ, охваченная какимъ нибудь страшнымъ кошмаромъ и опять засыпала. Когда же она проснется? Надо думать, что скоро. — Вы скептично улыбаетесь? Скажите, неужели мы развиваемся внѣ всякихъ историческихъ условій? Вѣдь вы признаете законы въ развитіи страны... Всѣ народы завоевывали себѣ свободу; славяне не могутъ! Неужели это такое особенное племя, которое можетъ обойтись безъ нея? Когда же мы сбросимъ этотъ татарскій деспотизмъ?...

„Дописалъ до конца страницу; болѣе нѣтъ мѣста. Извините великодушно за это словоизверженіе, — перо попалось хорошее.“

Въ одно жаркое апрѣльское утро Василиса сидѣла въ бесѣдкѣ, густо обросшей съ трехъ сторонъ акаціей и съ четвертой стороны открывавшей широкій видъ на озеро. Рамка живой зелени окаймляла чудную картину: синяя масса воды блистала на солнцѣ; огромныя скалы, отвѣсныя, какъ стѣны, окаймляли горизонтъ; налѣво тянулся широкій изгибъ берега съ зеленѣющими виноградниками, съ разбросанными по скаламъ дачами и съ замкомъ Шильонъ, подымающимся изъ самыхъ водъ; далѣе у устья Роны, островокъ съ растущими на немъ тремя деревьями, и въ самой глубинѣ долины

зубчатая масса Dent du Midi, въ своемъ еще зимнемъ бѣлоснѣжномъ одѣяніи; — замкнутый, отдѣленный отъ остального міра уголокъ, только немного расширяющійся въ направленіи Женевы, „откуда идутъ тучи и грозы“, подумала Василиса.

Прошелъ пароходъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ сада, шумя колесами и колыхая поверхность воды; запѣнилась длинная волна и, набѣжавъ, съ плескомъ разбилась о берегъ. Василиса ожидала Борисова и подумала, что онъ, можетъ быть, пріѣхалъ съ этимъ пароходомъ. Она думала это часто во время долгихъ его отсутствій, всякій разъ, что проходилъ пароходъ или мчался поѣздъ желѣзной дороги по насыпи, сзади дома. Ея надежды рѣдко осуществлялись; но эти короткія минуты ожиданія періодически оживляли ее. Она незамѣтно привыкла дѣлать изъ этихъ минутъ главные моменты своего, наполненнаго мечтами и ничѣмъ незанятаго дня. Просвисталъ поѣздъ — двѣнадцать часовъ. Можетъ быть!... думаетъ она и внезапно оживленная, вставала съ своей кушетки, поправляла цвѣты въ вазахъ, входила въ свою комнату и умывала руки въ свѣжей водѣ, потому что она привыкла душить ихъ, а Борисовъ всегда морщился и не любилъ, чтобы руки ея пахли духами. Отъ желѣзнодорожной станціи до дачи было минутъ десять ходьбы; проходило полчаса, часъ; самыя упорныя ея надежды, наконецъ, сдавались, кратковременное оживленіе исчезало и она опять лежала на диванѣ сумрачная и молчаливая. По вечерамъ, какая бы ни была погода, она выходила на террассу и стояла, часто подъ дождемъ и вѣтромъ, ожидая, когда пройдетъ послѣдній поѣздъ изъ Женевы. Съ конца террассы была видна насыпь; поѣздъ огибалъ поворотъ и огненной змѣей промелькивалъ въ темнотѣ. Она возвращалась въ гостиную и смотрѣла на часы: „не дойдетъ стрѣлка до десяти, какъ онъ будетъ здѣсь... ежели пріѣхалъ“ и она ждала, разговаривая съ Вѣрой и прислушиваясь къ каждому звуку. Но стрѣлка доходила до десяти, проходила эту цыфру и никто не являлся... Все, что Василиса выносила изъ этихъ безполезныхъ ожиданій было чувство сугубой тоски и капли дождя, повисшія, какъ слезы, въ ея волосахъ.

— Отчего я все жду и такъ нестерпимо мучаюсь этимъ ожиданіемъ? спрашивала она себя, сидя въ тоть день въ бесѣдкѣ и перебирая въ своемъ умѣ все ту же думу, которой была постоянно и непрерывно занята. Въ послѣднее время, передъ ней, иногда, возникали итоги.

„Что обрѣла я, что выиграла? Довольна и спокойна я? — нѣтъ. Стала я добрѣе и лучше? — нѣтъ. Расширился мой умственный горизонтъ? — нѣтъ; наоборотъ, онъ съузился, такъ какъ я вся поглощена однимъ мучительнымъ вопросомъ... Во внѣшней жизни неправда и разладъ, въ душѣ постоянная тревога: — гдѣ же счастье?...“

Василиса провела рукою по лбу, чтобы отогнать эти мысли. Ей представилась другая сторона картины. Существуетъ міръ идей, — міръ высокихъ, самоотверженныхъ идеаловъ, провозвѣстникомъ которыхъ явился ей Борисовъ. Вотъ спасительный якорь, вотъ могучій, чудотворный палладіумъ, подъ сѣнью котораго все личное исчезаетъ и самая слабость обращается въ силу: — вотъ, во что можно вѣрить, на что упираться, чему отдаться! Она всматривалась въ утѣшительный образъ и вдругъ со стыдомъ опускала голову. Неужели не идея была ей дорога, — а человѣкъ? неужели она въ него вѣрила, его любила и только ради этого своего личнаго случайнаго чувства, вѣрила и въ остальное?

Въ такія минуты невольнаго анализа ей становилось страшно горизонтовъ безплоднаго эгоизма и безсилія, которые вдругъ раскрывались передъ ней. „Онъ виноватъ! думала она. Зачѣмъ онъ поставилъ все такъ, что я должна постоянно недоумѣвать и мучиться? Вижу его лишь урывками; его жизнь для меня скрыта... Постоянная неизвѣстность и сомнѣнія, — вотъ что развращаетъ...“

Она сидѣла, сдвинувъ брови; пальцы ея машинально перебирали тоненькія пластинки китайскаго вѣера, который она держала въ рукахъ. „Одинъ выходъ, думала она, — уѣхать поскорѣй! но нѣтъ силъ оторваться...“

Въ это время ей послышался, недалеко отъ бесѣдки, легкій шорохъ. Повернувъ голову, она увидала сквозь листву Константина Аркадьевича, сидѣвшаго на скамейкѣ, въ

бѣломъ парусинномъ платьѣ, съ опрокинутой на затылокъ соломенной шляпой. Его поза и вялое, недовольное выраженіе лица говорили о самой неподдѣльной скукѣ. Вдругъ онъ оживился.

— Вѣра Павловна, куда вы? крикнулъ онъ.

— Ищу Василису Николаевну, отвѣчалъ голосъ Вѣры

— Ея здѣсь нѣтъ; она въ домѣ на кушеткѣ лежитъ, по обыкновенію... Подите сюда, сядьте.

— Времени нѣтъ.

— Подойдите же. Какая вы дикая, ей Богу!...

— Я не дикая, — звѣрьки бываютъ дикіе, произнесла Вѣра, подходя. Что вамъ нужно?

— Сядьте... вотъ тутъ... Побесѣдуемъ...

Онъ подвинулся на скамейкѣ.

— Благодарю; я садиться не желаю...

Она прислонилась спиной къ стволу платана, подъ которымъ стояла: дрожащая тѣнь падала на ея нѣжное лицо и скользила перебѣгающими пятнами по длиннымъ, блестящимъ косамъ.

— Какая вы хорошенькая въ розовомъ платьѣ, подъ этимъ зеленымъ деревомъ, сказалъ Загорскій.

— Можно безъ плоскостей? отрѣзала коротко Вѣра.

— Ужъ сейчасъ и плоскости, какая вы проворная! Впрочемъ, я могу и не говорить, ежели вамъ не нравится Вы и безъ меня знаете, что вы хорошенькая и миленькая...

— Знаю. — Это все, что вы имѣли сказать мнѣ?

Она повернулась, чтобы идти.

— Подождите... Неужели васъ не интересуетъ этотъ видъ? Вы не любите наслаждаться природой?...

— Люблю, — но не въ компаніи.

Загорскій засмѣялся. Когда онъ смѣялся, его затылокъ двигался вверхъ и внизъ, а пухлые пальцы быстро перебирали толстой бирюзой, которую онъ носилъ на мизинцѣ.

— Вы удивительно откровенный человѣкъ... такъ и рѣжете голую правду.

— Зачѣмъ же мнѣ украшать ее?

— Я не говорю... Но этимъ вы даете и другимъ право высказываться также откровенно, безъ всякихъ перифразъ.

— Я не запрещаю, сказала Вѣра.

— И хорошо дѣлаете... Въ наше время, вообще, нужно смотрѣть на вещи очень просто.. больше съ дѣловой, такъ сказать, точки зрѣнія. Ваша маменька понимаетъ это отлично. Умная женщина, ваша матушка!

— Чѣмъ же именно она вамъ доказала свой умъ? спросила Вѣра и съ большимъ вниманіемъ взглянула на Загорскаго.

— Во всемъ; а, главнымъ образомъ, въ томъ практическомъ здравомъ смыслѣ, съ которымъ она относится къ вашей будущности.

— Къ моей будущности?... усмѣхнулась Вѣра. Это дѣлается очень интересно; продолжайте.

— Да-съ; ваша маменька женщина опытная, всю житейскую премудрость до совершенства постигла. Она просила меня, когда вы будете въ Петербургѣ, замолвить за васъ словечко въ театральной дирекціи... Я очень радъ, почему же нѣтъ... Отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы доказательства моего къ вамъ расположенія не ограничились одной этой ничтожной услугой.

Онъ смотрѣлъ на Вѣру съ хищнымъ и нѣсколько боязливымъ выраженіемъ лица.

— Съ какихъ же поръ рѣшено, что моя мать и я ѣдемъ въ Петербургъ? спросила Вѣра.

Загорскому этотъ вопросъ не понравился.

— Я не знаю, отвѣчалъ онъ холодно; это ваше дѣло,— не мое.

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь... Вы очень умны; васъ, я знаю, фразами не проведешь; поэтому я буду говорить съ вами прямо, — на чистоту. Вы — будущая артистка. Нѣтъ причины, чтобы ваша участь различалась отъ участи другихъ артистокъ. Если у васъ окажется талантъ, вы достигнете извѣстности и тогда, пожалуй, увидите свѣтъ

у своихъ ногъ. А до той поры вы нуждаетесь въ поддержкѣ и въ средствахъ къ существованію... Все это, вѣроятно, для васъ не ново... Покровителей на вашей дорогѣ встрѣтится немало. Я не хуже и не лучше тысячи другихъ... Примите мою дружбу — и я обязываюсь обезпечить ближайшую будущность вашу.

Вѣра не перемѣнила своей позы, и выраженіе лица ея не измѣнилось; только губы чуть-чуть дрогнули. Загорскій, ожидавшій взрыва, былъ озадаченъ и непріятно смущенъ.

— Оскорбительнаго тутъ для васъ ничего нѣтъ, и я полагаю, что сердиться вамъ не за что.

— Я не сержусь; *вы* оскорбить меня не можете, проговорила Вѣра, ударяя немного на слово вы.

Загорскій этого не замѣтилъ.

— А ежели вы имѣете другія намѣренія, продолжалъ онъ притворно равнодушнымъ тономъ, такъ это съ вашей стороны, позвольте вамъ сказать, чистое ребячество. Ваша матушка, имѣвшая сначала сама виды, уже давно разочаровалась...

— На счетъ чего? спросила Вѣра.

— На счетъ этого многообѣщающаго юноши, Борисова.

— Борисова?

— Вы очень хорошо знаете, что ваша матушка прочила его вамъ въ мужья... Выборъ былъ политичный. Онъ хорошей семьи, богатъ; революціонная дурь съ него не сегодня, завтра соскочитъ, а покуда можно заняться управленіемъ его доходовъ въ Россіи... Условія немомнѣнно благопріятныя... Да на бѣду, не тѣмъ совсѣмъ повѣяло. Какая ужъ тутъ женитьба! Попалъ молодецъ въ кабалу: самъ, можетъ, не радъ, — да уже не вырвется.

Вѣра покраснѣла. Она ничего не сказала и только пристально и строго взглянула на Загорскаго.

Вы не думайте, что я подразумѣваю что-нибудь дурное, поспѣшилъ онъ увѣрить ее. Ежели бы я имѣлъ поводъ сомнѣваться хотя одну минуту, вы понимаете, что я не допустилъ бы. Я допускаю потому, что знаю, что противоза-

коннаго, въ извѣстномъ смыслѣ, ничего нѣтъ. Не такая женщина... Принципы больно возвышены... Супружеская моя честь въ сохранности.

Онъ засмѣялся иронически и язвительно.

— Стыдились бы! произнесла Вѣра.

— Отчего? я ничего обиднаго не говорю... Хочу только доказать вамъ, что даже такое идеальное и возвышенное созданіе, каковымъ вы считаете Василису Николаевну, и то при случаѣ можетъ снизойти на очень практическую сдѣлку. Вотъ вы меня, я знаю, осуждаете за холодный разсчетъ; а не было это разсчетомъ, и даже очень умнымъ, съ ея стороны, сойтись со мною? Въ силу чего она согласилась? не изъ нѣжности же ко мнѣ... Это былъ торгъ, которымъ она покупала себѣ право продолжать тѣшиться своей игрушкой. Я ей и не мѣшаю, пусть потѣшается; а настанетъ время, уѣдемъ домой, все это позабудется, канетъ въ прошлое... Курьезнѣе всего, что самъ герой отлично это понимаетъ — и держитъ себя en conséquence. Обмѣниваться возвышенными чувствами и идеями, сколько угодно! а попробуй Василиса Николаевна въ горячую минуту предложить ему, напримѣръ, съ ней бѣжать: — ни подъ какимъ видомъ не согласится.

— Вы очень прозорливы, сказала Вѣра.

— Опытенъ-съ, барышня; недаромъ на свѣтѣ пожилъ. Теперь, возьмите мое положеніе... Вотъ я не монахъ... Жены у меня нѣтъ; значитъ, я вправѣ смотрѣть на себя, какъ на человѣка свободнаго. Такъ или нѣтъ? рѣшите по справедливости.

— Не знаю, сказала Вѣра; можетъ и вправѣ.

— Пожалуйте за это ручку, произнесъ Загорскій и всталъ. Какая она у васъ бѣленькая, нѣжненькая!..

Онъ взялъ руку Вѣры и сталъ цѣловать.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ, сказала Вѣра. Приберегите ваши нѣжности и комплименты для тѣхъ, которые съумѣютъ оцѣнить ихъ, а мнѣ, я вамъ скажу прямо, они противны, не навязывайте мнѣ ихъ болѣе.

Она повернулась и ушла, не проговоривъ болѣе ни слова.

Константинъ Адкадьевичъ постоялъ нѣсколько минутъ въ раздумьи и тоже удалился.

Василиса сидѣла въ бесѣдкѣ, не шевелясь, словно окаменѣлая. Ей казалось, что ее давилъ какой-то страшный кошмаръ. Она очнулась, когда услыхала шаги въ аллеѣ. Это былъ былъ Борисовъ, онъ пріѣхалъ и искалъ ее.

— Что вы здѣсь сидите одна, и такая блѣдная? спросилъ онъ. Нездоровы?

— Нѣтъ, ничего... Я устала; пойдемте въ домъ.

Страннымъ и чудовищнымъ показалось Василисѣ сидѣть за столомъ со своими домочадцами и смотрѣть на ихъ спокойныя лица. Вотъ Константинъ Аркадьевичъ, немного струсившій и сконфуженный, и вѣрующій въ ея добродѣтель! вотъ Вѣра строгая, чистая и разсудительная! а вотъ Каролина Ивановна смотритъ на нее своими лукавыми глазками и думаетъ, что она отняла у нея мужа для дочери!... Драма превращается въ пошлую комедію... „Нѣтъ, такъ нельзя жить, думаетъ Василиса; это слишкомъ ужасно! Надо изъ всего этого выйти, покончить какъ нибудь...“

Вечеромъ, когда Борисовъ собирался уходить, она удержала его.

— Оставайся ночевать здѣсь; я велѣла приготовить тебѣ комнату. Вѣдь эта... форма была, съ моей стороны, пустое ребячество, аффектъ, какъ ты выражаешься; не правда-ли?

— Конечно, отвѣчалъ онъ. Только оставаться сегодня не стоитъ. Я распорядился уже въ гостинницѣ: завтра рано утромъ мнѣ нужно въ Женеву.

— Уже завтра?

— На слѣдующей недѣлѣ пріѣду съ вами проститься и тогда останусь денька два-три.

— Да, вѣдь ты отправляешься въ свое длинное путешествіе, — я чуть не забыла. Какъ быстро время проходитъ!

— Вѣдь вы тоже уѣзжаете, сказалъ Борисовъ, и прибавилъ: скоро ѣдете, или еще не рѣшено?

Она выпустила его руку.

— Какъ ты это равнодушно говоришь. Неужели тебѣ не жаль разставаться со мною, даже на время?...

— Жаль, но что же дѣлать.

— Очень жаль? спросила она.

— Какая вы смѣшная. Развѣ такія вещи можно измѣрять? Мнѣ кажется, что очень жаль, а вамъ, можетъ быть, показалось бы, что мало, — или наоборотъ.

— Я хотѣла съ тобою поговорить, сказала она, объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ... Но ты такой сердитый... я не рѣшаюсь.

— Напрасно; я всегда готовъ толковать съ вами. О чемъ же будетъ рѣчь? спросилъ онъ, усаживаясь и свертывая сигаретку.

Она подумала и произнесла медленно:

— Помнишь, въ Ниццѣ, въ началѣ нашего знакомства, ты звалъ меня ѣхать куда-то, я не припомню, въ Лондонъ, кажется; словомъ, уѣхать вмѣстѣ съ тобой?...

— Помню.

— Тогда мнѣ это казалось невозможнымъ. Я разсуждала тогда о многихъ вопросахъ иначе, чѣмъ теперь: я вообще была тогда совсѣмъ иная, свѣжѣй... моложе...

Она не окончила и задумалась.

— А съ тѣхъ поръ жизнь помяла? произнесъ Борисовъ. Ничего, это вамъ здорово... Слабыя деревца крѣпнутъ, когда постояли подъ бурей, и пускаютъ сильные корни. Въ чемъ же дѣло?

— Я хотѣла тебя спросить: если бы теперь не ты, а я вздумала бы уѣхать вмѣстѣ очень далеко съ тѣмъ, чтобы никогда не вернуться, ты бы согласился?

— Куда? спросилъ Борисовъ и засмѣялся: въ Америку?

— Хотя бы и въ Америку.

Она смотрѣла на него пристально и пытливо.

— Въ дѣвственныхъ лѣсахъ пожить? на бизона поохотиться? отчего же, можно.

— Я не шучу, сказала она серьезно.

— А не шутите, такъ это очень странный вопросъ. Съ какой стати бѣжать въ Америку? да и вообще бѣжать? Я цѣли не вижу.

— Я не говорю, что я непремѣнно этого *хочу*, но ежели бы я вздумала и попросила тебя, ты согласился бы?

— Вы меня ставите, ей Богу, въ очень затруднительное положеніе... Не знаешь, что вамъ отвѣтить.

— Согласился бы? пытала она. Вѣдь я тебѣ принадлежу, а ты мнѣ; стало быть, все остальное ничто...

— Во первыхъ, ни вы мнѣ не принадлежите, ни я вамъ не принадлежу, а каждый принадлежитъ самому себѣ... Затѣмъ, какъ могла прійти вамъ въ голову такая дикая фантазія?... Былъ какой нибудь разговоръ? Я замѣтилъ съ утра, что вы не совсѣмъ въ нормальномъ настроеніи духа...

— Никакого разговора у меня ни съ кѣмъ не было...

Она быстро вглянула на него и опустила глаза...

— Я несчастлива, мнѣ болѣе невтерпежъ... Силъ нѣтъ! понимаешь ты?

Она вдругъ разразилась неожиданно для семой себя, и все, что наболѣло у нея на душѣ впродолженіи долгихъ мѣсяцевъ вырывалось теперь наружу страстно, неудержимо. Она перевела только духъ и заговорила съ небывалой энергіей, смотря прямо ему въ глаза, вся дрожа отъ волненія:

— Я отдала тебѣ мою жизнь, — я въ правѣ требовать, чтобы и ты отдалъ мнѣ свою! Я пожертвовала всѣмъ, вырвала изъ своего сердца всѣ другія привязанности, отдала на судъ свое доброе имя, измѣнила всему, что привыкла считать святымъ и хорошимъ... По твоему, я знаю, это были предразсудки, но для меня эти застарѣлыя формы составляли смыслъ жизни; я ничего не пожалѣла, все разбила, отъ всего оторвалась и пошла за тобой! Ты сталъ для меня богомъ, въ котораго я вѣровала, и твое слово сдѣлалось моею совѣстью. Я мыслила, думала, чувствовала, какъ ты этого хотѣлъ: — у меня не осталось ничего своего, — даже гордости не осталось. Ты знаешь, когда я пріѣхала въ Женеву, что я тамъ нашла? вѣдь это было страшное униженіе, но я и съ этимъ помирилась, потому что не имѣла духа отказаться отъ тебя!... Въ Женевѣ я жила въ кругу твоихъ друзей, въ средѣ для меня совсѣмъ чужой. Мнѣ было неловко, тяжело, тѣмъ не менѣе я сближалась съ этими людьми и любила ихъ, потому что это были твои товарищи, и мое мѣсто было между ними. Потомъ ты указалъ другую дорогу: я и тутъ покорилась, я согласилась играть въ

твоихъ рукахъ позорную роль... Господи! да есть ли что нибудь такое, чего я для тебя не сдѣлаю!... Я на все рѣшусь, преступленіе совершу, — только дай мнѣ думать, дай мнѣ только обманываться, что ты меня любишь!..

Она схватила его руки и смотрѣла на него умоляющими глазами; губы ея нервно подергивало, руки были влажны и холодны.

— Вы больны, произнесъ тихо Борисовъ. Человѣкъ въ здоровомъ состояніи не можетъ доводить себя до такого возбужденія. Что съ вами? что случилось? объясните. О дѣлахъ мы послѣ потолкуемъ, когда вы успокоитесь и мозги заработаютъ нормально.

— Я не больна, сказала Василиса. Въ моей жизни узелъ: я стою передъ нимъ и добиваюсь его разрѣшенія.. Сегодня утромъ я думала объ этомъ. Какой страшный хаосъ! гдѣ счастье? куда дѣвалось все свѣтлое и хорошее, которое оно обѣщало? Короткія минуты какого-то опьяненія и безконечно длинные, темные промежутки, въ продолженіи которыхъ я жду, мучаюсь, не знаю!... Развѣ это жизнь? развѣ это любовь здоровая, нормальная, про которую ты говорилъ? Нѣтъ, это любовь ужасная, безнравственная. Вотъ что уродуетъ человѣка!

— Я не виноватъ, что у васъ такая безпозвоночная натура, что васъ калѣчитъ то, что другимъ людямъ здорово, проговорилъ угрюмо Борисовъ.

— Нѣтъ, у меня не безпозвоночная натура!... У меня была и сила, и энергія, и вѣра въ самую себя. Изъ меня могъ бы выработаться здоровый человѣкъ. *Ты* все надломилъ... *ты* сдѣлалъ изъ меня какое-то ничтожное существо, какую-то нравственную грелку, которая кромѣ своихъ эгоистическихъ желаній ничего болѣе не въ состояніи понимать! Ты виноватъ: зачѣмъ ты разбудилъ то, что спало?... Зачѣмъ ты обѣщалъ счастье и не далъ мнѣ его?...

— Оно было и теперь есть, произнесъ Борисовъ и цинически улыбнулся.

Василиса вскочила съ своего мѣста и нѣсколько секундъ стояла передъ нимъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Знаешь ли? произнесла она, и вдругъ страшно стихла, — знаешь, бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что я ненавижу тебя!... Ежели бы у меня хватило физическихъ силъ... я была бы въ состояніи задушить тебя, и съ наслажденіемъ смотрѣла бы, какъ ты умираешь...

Она обхватила его шею и сжимала свои тонкіе пальцы, глядя ему въ лицо.

— Перестаньте, сказалъ спокойно Борисовъ и отвелъ ея руки. Не давайте ходу своимъ нервамъ. Вѣдь такъ можно на все себя настроить. Успокойтесь; сядьте.

Онъ усадилъ ее въ уголъ дивана и сѣлъ возлѣ нея.

— Хотите, я принесу вамъ о-де-колонъ?

— Не надо, я спокойна. — Она закрыла на секунду глаза и тяжело вздохнула. — О чемъ я говорила?... Да, я разсказывала тебѣ, какъ я сидѣла сегодня утромъ въ саду и думала... Я долго думала... И вдругъ мнѣ стало ясно... Я все поняла... и пришла вотъ къ какому заключенію: дорога я тебѣ, такъ бросай все и живи со мною. Я не хочу болѣе дѣлить тебя ни съ твоимъ дѣломъ, ни съ твоими товарищами, ни со всѣми этими ненавистными интересами, которые удаляютъ тебя отъ меня. Я хочу, чтобы ты принадлежалъ мнѣ совершенно, исключительно, навсегда. Принеси мнѣ эту жертву, ничтожную въ сравненіи съ моей любовью къ тебѣ, и я повѣрю, что ты не пустой мальчишка, а честный человѣкъ, который не игралъ со мною, и понималъ, что и я съ нимъ не играю...

— Серьезно вы это говорите? спросилъ Борисовъ.

— Неужели похоже на то, что шучу?

— Такъ и я отвѣчу вамъ серьезно; — пеняйте на себя, коли мой отвѣтъ задѣнетъ непріятно ваши слишкомъ впечатлительные нервы. — Не только вы, но нѣтъ на свѣтѣ такой Клеопатры, такой соблазнительной раскрасавицы, которая была бы въ состояніи заставить меня бросить мое дѣло, пожертвовать задуманной цѣлью... Въ двадцать четыре года не отказываются отъ всѣхъ высшихъ интересовъ жизни, для того, чтобы посвятить себя всецѣло женщинѣ. Ни теперь и ни въ какое будущее время, я не намѣренъ ставить себя въ такое безсмысленное положеніе. Вотъ, что до меня

касается... Что же касается до васъ, то я долженъ вамъ замѣтить, что вы ошибаетесь, думая, что пожертвовали для меня какими-то вѣрованіями и убѣжденіями. Вы не могли ими жертвовать, потому что у васъ ихъ не было. Всѣ ваши убѣжденія сводились на традиціи чисто условной морали, подъ которыя вашъ разсудокъ давно подкопался; при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, гнилыя стѣны пошатнулись и рухнули сами собой. Я тутъ не причемъ. — Вы говорите о своемъ пріѣздѣ въ Женеву, какъ бы о шагѣ, сдѣланномъ вами сознательно, вслѣдствіе строго обдуманнаго плана; и въ этомъ вы иллюзируетесь. Вы пріѣхали въ Женеву и жили тамъ, потому что вамъ нельзя было поступить иначе. Вы дошли въ своемъ анализѣ до извѣстныхъ предѣловъ, вы не могли уже довольствоваться пассивнымъ отрицаніемъ, вамъ нужны были болѣе опредѣленныя формы, — да и обстановка жизни была неудовлетворительна. Подъ вліяніемъ извѣстнаго психическаго момента, вы рѣшились попробовать новой среды, и сдѣлали отчаянный шагъ... Опытъ не удался; — остается только пожалѣть. Вотъ вамъ вѣрная картина послѣднихъ двухъ лѣтъ вашей жизни. Вамъ кажется, можетъ быть, что я высказываю очень жесткія истины? Я понимаю, что вамъ нелегко ихъ выслушивать, но я долженъ говорить прямо, не щадя васъ, чтобы вы вполнѣ уяснили себѣ сущность вопроса. — А затѣмъ, желаю увѣрить васъ, что я вовсе не тотъ бездушный ловеласъ, которымъ вы меня почему-то считаете. Вашимъ неразумнымъ требованіямъ покоряться я не стану, дѣла своего не брошу, съ товарищами не разойдусь, но ежели, помимо этого, въ моей частной жизни есть какое-нибудь обстоятельство, которое васъ тревожитъ, дѣлаетъ васъ, какъ вы говорите, несчастной, — я готовъ вамъ уступить. Объясните, и я сдѣлаю, чтобы васъ успокоить, все, что отъ меня зависитъ.

Василиса смотрѣла на него, еще вся взволнованная и недовѣрчивая. Лицо Борисова впродолженіе разговора постепенно блѣднѣло, двѣ складки легли около губъ, темные круги окаймляли глаза. Она видѣла эти признаки явнаго страданія, но не хотѣла замѣчать ихъ и внутренно крѣпи-

лась, чтобы не уступить чувству справедливости и сожалѣнія къ нему.

— Такъ какія же мои прегрѣшенія? Я жду обвинительнаго акта, произнесъ Борисовъ, помолчавъ.

Она подняла на него глаза и встрѣтила его ясный, правдивый, непокорный взоръ. Что-то сломилось въ ней.

— Прости!... зарыдала она и бросилась къ нему.

Борисовъ обнялъ ее и гладилъ по волосамъ — какъ ласкаютъ капризнаго ребенка, когда онъ созналъ свою вину.

— Бѣдная вы моя, что мнѣ съ вами дѣлать? какъ помочь?... и не придумаешь... Эхъ, барыня! не по зубамъ пришелся вамъ нашъ хлѣбъ...

— Нѣтъ, сказала она, ужъ начала, такъ какъ-нибудь дотяну до конца... Только забудь, дорогой мой!... Мнѣ страшно подумать, что я тебѣ наговорила!...

Она помолчала нѣсколько минутъ и прибавила:

— Я очень хорошо понимаю, что то, чего я желаю, невозможно. Твои цѣли и стремленія не могутъ быть цѣли и стремленія обыкновеннаго человѣка... Ты долженъ свое дѣло дѣлать и не можешь сочувствовать моимъ мелкимъ желаніямъ... Я это знаю, и это-то и составляетъ мое мученіе! Я вижу въ тебѣ идеалъ всего сильнаго, хорошаго, прекраснаго: я люблю тебя, — и ты остаешься для меня недосягаемымъ, какъ солнце на небѣ...

— А вы хотѣли бы взять это солнце, запереть къ себѣ въ комнату и заставить его свѣтить вамъ ночной лампадкой, засмѣялся Борисовъ.

— Что же мнѣ дѣлать, когда я не въ состояніи подняться до солнца, а безъ него жить не могу! Вѣдь ты не можешь себѣ представить, что я испытываю... Каждый твой отъѣздъ въ Женеву для меня страшное мученье... Покуда ты тамъ, развѣ я живу? Я, какъ лунатикъ, двигаюсь во снѣ: умъ и душа мои точно скованы: я не въ состояніи думать, — я только жду. А когда я свижусь съ тобой, настаетъ другая пытка. Ты пріѣзжаешь, полонъ жизни, полонъ разныхъ впечатлѣній, — а я, словно отъ обморока просыпаюсь, ничего сказать тебѣ не умѣю — и мнѣ дѣлается

ненавистны всѣ эти вопросы, которыми ты занятъ. Когда Рѣдичъ былъ здѣсь, и ты по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, толкуя съ нимъ, мнѣ становилось досадно до слезъ, я возненавидѣла бѣднаго, ни въ чемъ невиновнаго Рѣдича. — А при другихъ условіяхъ, я знаю, я сама интересовалась бы; вѣдь и у меня есть умственныя потребности, — только все это ушло теперь на задній планъ, потому что нравственная атмосфера, которой я дышу, невыносима. Будь я покойна душой, имѣй я увѣренность, что непремѣнно увижу тебя завтра и послѣ завтра, и всегда, — что ты думаешь обо мнѣ и любишь меня, какъ я тебя люблю, — эта мысль не поглощала бы меня всецѣло, и я обратилась бы снова въ нормальнаго, мыслящаго человѣка.. Понимаешь ты?..

— Понимаю, сказалъ Борисовъ и, вставъ, потянулся, какъ усталый человѣкъ. Казусъ не такъ замысловатъ, какъ вы думаете, только тутъ ужъ никакими пластырями не поможешь.

— То есть какъ?...

— А такъ, что въ вашу нравственную экономію новой крови пожалуй и вольешь, но составныхъ частицъ тканей, которыя будутъ всасывать и перерабатывать эту кровь, не передѣлаешь, — а потому въ результатѣ останется все то же. Какъ ни расширяй передъ вами горизонты, а ваша нравственная печень и селезенка все будутъ продолжать себѣ вырабатывать крохотные идеальчики по привычнымъ шаблонамъ, все будетъ выходить та же старая пѣсенка, только на новый ладъ.

— Да чѣмъ же я виновата?

— Виноваты не вы, а условія, при которыхъ вы развивались. Васъ коверкали съ пеленокъ, воспитаніе ничего въ васъ не выработало, кромѣ впечатлительности нервовъ и способности жить воображеніемъ. Жаль, матеріалъ былъ богатый, развивайся вы при правильныхъ условіяхъ, изъ васъ вышелъ бы человѣкъ, хоть куда!

— А теперь поздно?

— Разумѣется, поздно. Блинъ готовъ, его уже не перепечешь. А можно, ежели онъ изъ хорошей муки и только на половину подгорѣлъ, посолить его, помаслить и

все таки съѣсть съ превеликимъ аппетитомъ. Это вѣрно, улыбнулся Борисовъ и, приподнявъ ея лицо за подбородокъ, хотѣлъ поцѣловать.

Василиса отвернулась.

— Неужели желаніе счастья такое уродливое явленіе? произнесла она. Вѣдь это самая суть жизни, настоящая ея цѣль...

— Кто же вамъ сказалъ, что личное счастіе цѣль жизни? Оно даже не есть одно изъ необходимыхъ ея условій. Всмотритесь, что происходитъ въ природѣ: подъ вліяніемъ силы, атомы матеріи комбинируются, видоизмѣняются, разлагаются и переходятъ въ другія формы. Тоже и человѣкъ — одно видоизмѣненіе вѣчно работающей матеріи, одинъ моментъ, ничтожный фазисъ непрестаннаго движенія силъ. Гдѣ же тутъ мѣсто для счастья, какъ опредѣленной цѣли? И откуда взялъ человѣкъ предъявлять на него права? Живи, борись, удовлетворяй свои потребности, насколько это возможно въ данный моментъ, вотъ вамъ программа, за предѣлы которой никакими силами не выбьетесь. Все, что лѣзетъ дальше и выше, — пустое фразерство или уродливо развитые аппетиты. Топорно, но вѣрно.— А затѣмъ пожелаю вамъ доброй ночи. Надѣюсь, что будете спать хорошо.

— Не думаю, сказала она.

— Будете, вотъ увидите; коснетесь только подушки, сейчасъ уснете и всю ночь проспите.

Онъ забралъ газеты, шляпу, портъ-сигаръ. У двери онъ обернулся.

— Не засиживайтесь, ступайте, проговорилъ онъ. Ничего новаго не откроете. Механизмъ большинства явленій въ нравственномъ, какъ и въ матеріальномъ мірѣ, такъ простъ... Право, не стоитъ сидѣть и задумываться.

IV.

Василиса, дѣйствительно, спала всю ночь непробудно, какъ спятъ люди послѣ чрезмѣрнаго напряженія душевныхъ или физическихъ силъ. Первою ея мыслью, когда она проснулась, было: что такое случилось? Ей вспомнился вчерашній разговоръ съ той отчетливой ясностью, которую имѣютъ всѣ воспоминанія въ минуту пробужденія. „Какъ я была малодушна! Какъ я обнаружила свое безсиліе!... Онъ мнѣ уступилъ; но вѣдь уступаютъ только тѣмъ, кого не уважаютъ... И онъ уѣхалъ подъ этимъ впечатлѣніемъ!...“

Она бросилась одѣваться. Посреди этого занятія ее взяло отчаяніе. „Къ чему? подумала она. Онъ уѣхалъ, теперь уже поздно, зло сдѣлано... Онъ навсегда утратилъ вѣру въ меня...“

Она просидѣла долго на стулѣ, полуодѣтая, съ распущенными волосами, не шевелясь.

Но Борисовъ не уѣзжалъ. Когда она вышла въ гостиную, онъ поднялся изъ широкихъ креселъ, въ которыхъ читалъ газету. Его лицо смотрѣло усталымъ и словно осунулось за ночь.

— Здравствуйте, сказалъ онъ, подходя къ ней.

Она не ожидала его видѣть, сердце у нея забилось. — Она покраснѣла и стояла передъ нимъ, опустивъ глаза, не смѣя на него взглянуть, чтобы не выдать своей радости.

Онъ взялъ ея руку и крѣпко пожалъ.

— Такъ ты не уѣхалъ? проговорила она въ замѣшательствѣ. Отчего ты такой блѣдный? что съ тобой?...

— Голова болитъ. А вы свѣжи, какъ цвѣтокъ! Вамъ бури здоровы...

И опять на одинъ день Василиса была счастлива.

Она провела утро въ саду съ Вѣрой и Борисовымъ. Онъ читалъ имъ вслухъ. Къ обѣду неожиданно явился посѣти-

тель; это былъ графъ Рѣповъ, давнишній знакомый супруговъ Загорскихъ. Онъ былъ проѣздомъ въ Веве и, узнавъ объ ихъ пребываніи въ Кларанѣ, поспѣшилъ явиться. Его круглое, чисто выбритое лицо, неистощимый запасъ свѣтскихъ сплетенъ, добродушное злословіе, даже звукъ его голоса живо напомнили Василисѣ то время, съ которымъ были связаны впечатлѣнія ея перваго знакомства съ Борисовымъ, — весны ея любви, и поэтому она приняла графа болѣе ласково и радушно, чѣмъ, можетъ быть, сдѣлала бы это при другихъ обстоятельствахъ.

Послѣ обѣда поѣхали кататься въ Шильонъ. Вечеръ былъ теплый, тихій. Осмотрѣвъ замокъ и походивъ въ окрестностяхъ, рѣшили вернуться домой въ лодкѣ.

Василиса сидѣла у кормы. Борисовъ помѣстился, полулежа, на днѣ, прислонясь плечемъ къ скамейкѣ, на которой сидѣла Вѣра. Отчаливъ отъ берега и покачнувшись раза два-три, лодка плавно и быстро полетѣла по гладкой поверхности воды. Въ чуткомъ воздухѣ раздавался плескъ веселъ: на западномъ небосклонѣ горѣли послѣднія розовыя тѣни заката; звѣзды появлялись чуть свѣтящимися искорками на ясномъ небѣ; по горамъ зажигались кое-гдѣ огоньки, костры блуждающихъ пастуховъ.

— Я слышалъ, вы собираетесь въ Россію, проговорилъ графъ Рѣповъ. Скоро?

— Да... еще не рѣшено, отвѣчала Василиса.

— Я самъ думаю возвратиться на родину. Живешь, живешь по этимъ заграницамъ... Страшная скука подъ конецъ беретъ... А про Швейцарію ужъ и говорить нечего!... C'est usé jusqu'à la corde. Неужели вамъ не надоѣло?

— По горло! проговорилъ, вздыхая, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, Загорскій. Жду, не дождусь, когда тронемся.

— Вы, вѣроятно, поселитесь на зиму въ Петербургѣ?

Загорскій кивнулъ головой.

— Будете выѣзжать?

— Не отъ меня зависитъ.

— Надѣюсь, что будете, обратился графъ къ Василисѣ. Au fond, какъ тутъ ни говори, а только и есть три города

въ мірѣ, гдѣ можно жить и наслаждаться жизнью: Парижъ, Вѣна и Петербургъ. Нынѣшнюю весну я былъ въ Вѣнѣ, какая прелесть! Нигдѣ я не видалъ такого множества блондинокъ съ черными глазами, совершенно черными, какъ уголь... А что за плечи!... На балѣ у эрцгерцога пришлось танцовать съ одной маленькой контессой, совсѣмъ молоденькой дѣвочкой. Долго не забуду; чуть не сдѣлалъ предложенія...

— Въ самомъ дѣлѣ, проговорила разсѣянно Василиса.

Она отвѣчала графу и въ то же время прислушивалась къ разговору, который вели между собой Вѣра и Борисовъ.

— Когда вы совершенно однѣ, спрашивалъ Борисовъ, о чемъ вы думаете?

— Какой вопросъ! Мало ли о чемъ думаешь; всего нельзя припомнить и привести въ порядокъ.

— Нѣтъ, должно. Прежде я самъ думалъ безъ всякаго метода о разныхъ предметахъ вперемежку, какъ на умъ взбредетъ. Теперь же, когда цѣль опредѣлилась, я мыслю болѣе систематично... У всякаго человѣка есть одна преобладающая мечта, одна сторона психической его жизни, болѣе развитая, чѣмъ другія... Какая ваша мечта? о чемъ вы задумываетесь всего чаще и охотнѣе?

— Право, не знаю.

— Не вѣрю... Каждый человѣкъ знаетъ, о чемъ думаетъ; только вы скрытны, вы не хотите сказать.

— Вотъ ужъ меня нельзя упрекнуть въ скрытности! я иногда черезчуръ много болтаю.

— Это не упрекъ, сказалъ Борисовъ, напротивъ: сосредоточенныя натуры не могутъ не быть скрытными. Я самъ скрытенъ до извѣстной степени: я не люблю говорить о томъ, что происходитъ во мнѣ... А вамъ я иногда говорю, потому что чувствую къ вамъ довѣріе и симпатію, какъ товарищъ къ товарищу.

— Вы давно не имѣли извѣстій отъ князя Сокольскаго? спросилъ графъ Рѣповъ у Василисы. Прошлую зиму я встрѣтилъ его во Флоренціи... Совсѣмъ сталъ старикомъ, въ свѣтъ не ѣздитъ, за женщинами болѣе не ухаживаетъ;

все по галлереямъ ходитъ, къ Рафаэлевскимъ мадоннамъ пристрастился.

Рѣновъ долго разсказывалъ о Флоренціи, о тамошнемъ русскомъ обществѣ, о послѣднихъ элегантныхъ скандалахъ, вышедшихъ на божій свѣтъ. Плескъ веселъ мѣрно раздавался по водѣ, звѣзды свѣтились все многочисленнѣе и ярче, горы одѣлись въ черную тѣнь. Василиса сняла перчатку и опустила руку въ воду. Холодная струя бѣжала быстро сквозь пальцы. Ей вдругъ почему-то подумалось: „Что я буду дѣлать завтра въ это время?“ Она уже не прислушивалась къ разговору Борисова и Вѣры, а, напротивъ, старалась не слышать его. Но голосъ Борисова, помимо ея воли, заставлялъ ея ухо внимать и, тихій, сдержанный, одинъ наполнялъ для нея все пространство.

— Вѣдь то, что называется пролетаріатомъ, не состоитъ только изъ нуждающихся въ матеріальномъ, грубомъ смыслѣ этого слова, говорилъ Борисовъ, продолжая развивать раньше начатую мысль. Подъ эту рубрику подходитъ и большинство интеллигенціи, — мыслители, ученые, художники, которыхъ обстоятельства ставятъ въ положеніе ненормально эксплуатировать свои способности, то есть напрягать ихъ не въ смыслѣ ихъ развитія, а въ смыслѣ практической для себя выгоды. Отсюда столько неудавшихся жизней, столько неудовлетворенныхъ стремленій, не достигнувшихъ полнаго развитія талантовъ, а каждый не вполнѣ развившійся талантъ — потеря для общества. Вы ясно видите, какъ въ этомъ случаѣ общество — первая жертва своихъ неправильныхъ учрежденій. Нельзя исчислить, какой процентъ богатыхъ силъ и дарованій гибнетъ непроизводительно въ борьбѣ за насущный хлѣбъ, мы можемъ только приблизительно угадывать, всматриваясь въ жизнь даровитыхъ людей, которымъ удалось осилить препятствія и развиться, вопреки невыгоднымъ условіямъ, въ которыхъ они стояли. Въ каждой изъ этихъ жизней есть какая-нибудь анормальность, какая-нибудь возмутительная диспропорція между истраченной энергіей и достигнутой цѣлью... Неужели вы думаете, что геніальныя способности какого-нибудь Бальзака не достигли бы гораздо болѣе полнаго и ши-

рокаго развитія, еслибы онъ не былъ принужденъ работать изъ-за куска хлѣба, писать свои романы на скорую руку, часто нехотя, только для того, чтобы поскорѣй продать ихъ издателю и заплатить кредиторамъ? Я назвалъ Бальзака, но производящихъ въ такихъ же условіяхъ художниковъ и литераторовъ,—масса. Въ области науки то же самое... Иной человѣкъ съ мозгами, устроенными для изобрѣтеній и научныхъ открытій, остается всю свою жизнь домашнимъ учителемъ или уѣзднымъ лекаремъ, не имѣя возможности выбиться изъ предѣловъ науки, — науки только для того, чтобы не умереть съ голоду. Клодъ Бернаръ лучшіе годы своей молодости состоялъ провизоромъ въ аптекѣ. Недавно мнѣ попалась біографія Гаспара Фридриха Вольфа, этотъ великій біологъ и естествоиспытатель до того бѣдствовалъ, что былъ вынужденъ бросить свои ученые труды и, для добыванія средствъ къ жизни, практиковать, какъ докторъ.

— Ахъ, стойте, воскликнула вдругъ Вѣра и, перевѣсившись через бортъ лодки, стала доставать шаль Василисы, которая упала въ воду.

Василиса встрепенулась. Шаль вытащили изъ воды совсѣмъ намокшую. Вѣра предложила ей свой плэдъ и, накидывая его ей на плечи, прижалась къ ней головой ласково, по дѣтски, какъ она часто это дѣлала. Василису что-то рѣзнуло по душѣ. „Неужели я ненавижу ее? подумала она. За что? она невиновата...“

Пересиливъ себя, она взяла руку Вѣры и пожала ее.

— A propos, проговорилъ Рѣповъ, я вамъ сказывалъ, что графиня Сухорукова умерла?

— Неужели? произнесъ Загорскій.

Передъ Василисой мелькнулъ граціозный, веселый, нарядный образъ графини.

— Да, въ Парижѣ, мѣсяцъ тому назадъ, отъ аневризма: кто бы могъ это подумать! Она была, кажется, вамъ кузиной? спросилъ графъ съ участіемъ у Борисова.

— Дальней родственницей. Мнѣ писали, я забылъ вамъ сказать, обратился онъ къ Василисѣ.

Лодка причалила у сада дачи. Послѣ чая Рѣповъ распростился и уѣхалъ. Все общество разошлось; въ гостиной остались Борисовъ и Василиса.

— Прощай, сказала Василиса, вставая; я устала, я спать иду.

— Уже? — Онъ взглянулъ на часы. — Еще десяти нѣтъ... Я думалъ, мы посидимъ и потолкуемъ.

— Я не расположена, сказала она.

— Не расположены? это другое дѣло. Въ такомъ случаѣ не буду удерживать...

Онъ забралъ книги, сигаретки и всталъ.

— Ты когда ѣдешь? спросила Василиса.

— Послѣ завтра утромъ.

— Такъ мы успѣемъ еще завтра наговориться. Прощай.

— До свиданія.

Онъ прошелъ всю гостиную, не оборачиваясь, и взялся за ручку двери.

Василиса стояла у стола и, сдвинувъ брови, глядѣла ему вслѣдъ.

— Въ другой разъ, произнесла она, и голосъ ея прозвучалъ такъ рѣзко, что Борисовъ невольно обернулся, — въ другой разъ, когда ты вздумаешь кружить молодой дѣвушкѣ голову всякими изліяніями, не дѣлай этого во всеуслышанье: со стороны очень скучно слушать.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорилъ онъ, и такая же рѣзкая нота зазвенѣла въ его голосѣ. Но такого рода скуку нужно умѣть, мнѣ кажется, осиливать и дѣлать простое разсужденіе, что когда въ обществѣ молодая дѣвушка и молодой человѣкъ находятся вмѣстѣ, очень естественно, что они занимаются преимущественно другъ другомъ, безъ всякаго намѣренія кружить одинъ другому голову. Для вашего же личнаго назиданія прибавлю, что обращаться съ кѣмъ бы то ни было индифферентно я вообще считаю неумѣстнымъ, а въ настоящемъ случаѣ считалъ бы даже и непрактичнымъ.

— Вотъ какъ! произнесла она. Ты, такой строгій въ въ своихъ требованіяхъ правды и честности отъ другихъ, не боишься признаться, что ты дурачишь дѣвушку для того,

чтобы отвести глаза! Я этому не вѣрю. Но положимъ, я приму эту пустую отговорку: неужели ты воображаешь, что никто до сихъ поръ ничего не знаетъ и не угадываетъ?

— Воображать это было бы очень наивно, а я, чѣмъ другимъ, а наивностью, кажется, не грѣшу. Я очень хорошо знаю и беру въ разсчетъ, что люди не слѣпы; но допускать ихъ догадываться, или давать своей аттитюдой прямой поводъ къ заключеніямъ, — большая разница. Въ этомъ состоитъ то, что называютъ умѣньемъ держать себя съ тактомъ, — иными словами, техника жизни, усвоить себѣ которую побольше вамъ не мѣшало бы. До свиданія; желаю вамъ спокойной ночи и пріятныхъ сновидѣній.

Онъ открылъ дверь и ушелъ.

Его шаги раздавались еще на лѣстницѣ, какъ раздраженіе, которому поддалась Василиса, исчезло, и на его мѣстѣ явилось раскаяніе. Она бросилась было за нимъ, но, не дойдя до двери, раздумала и остановилась. Она знала, что ежели онъ вернется, ей не будетъ отъ этого легче; второе объясненіе будетъ для нея горше перваго.

Она стояла посреди комнаты, опустивъ голову. И вотъ какъ долженъ былъ кончиться этотъ день! Она съ утра ожидала минуты, когда останется вдвоемъ съ Борисовымъ: послѣ вчерашнихъ горькихъ упрековъ съ одной и съ другой стороны, она нуждалась въ мирной бесѣдѣ, въ добромъ отъ него словѣ. Цѣлый день она готовилась къ этому разговору; ея душа была полна потребности любви и примиренія, и когда насталъ, наконецъ, желанный часъ, какой-то злой духъ повѣялъ на нее, и она не побоялась коснуться еще разъ дерзкой рукою самыхъ чуткихъ и глубокихъ струнъ его души. Она, какъ расточитель, безумно тратила свое сокровище, ради мелкихъ удовлетвореній минуты. А что, если оно въ самомъ дѣлѣ отнимется отъ нея!

Въ гостинной, полной цвѣтовъ, было и жарко, и душно. Василиса вышла на террассу, и струя свѣжаго, ночного воздуха оживила ее. Она взглянула наверхъ; длинный фасадъ оконъ второго этажа, за исключеніемъ комнаты Каролины Ивановны, гдѣ виднѣлся свѣтъ, былъ теменъ; угловое

окно, принадлежавшее комнатѣ Борисова, было открыто и тоже темно.

„Онъ не пошелъ къ себѣ, гдѣ онъ?“ подумала она.

Ночь была тихая, звѣздная; небольшія тучки быстро плыли въ верхнихъ слояхъ воздуха, точно ихъ гналъ нечувствительный внизу вѣтеръ; края ихъ чуть серебрились отраженіемъ восходящаго мѣсяца. Въ воздухѣ разливался сильный запахъ глициньі, лоза которой обвивала террассу и была теперь покрыта большими кистями цвѣтовъ; гдѣ-то очень далеко раздавались слабые раскаты грома, и отъ время до времени красная зарница мелькала за горами.

Василиса облокотилась на рѣшетку и долго смотрѣла на знакомую картину, каждый изгибъ, каждая черта которой были ей такъ извѣстны. Она знала наизусть этотъ пейзажъ, какимъ онъ представлялся утромъ и вечеромъ, при яркомъ сіяніи солнца, при блѣдномъ свѣтѣ луны, успокоительно-мирный, или мрачный и грозный во время непогоды, и она не уставала смотрѣть на него, въ какомъ бы она ни была настроеніи духа, точно эта картина, въ которой ничего не мѣнялось, кромѣ освѣщенія, была для нея образомъ собственной души, въ которой оттѣнки ощущеній мѣнялись, но главная всепоглощающая дума оставалась неизмѣнно та же.

Дня три тому назадъ она получила письмо отъ старой няни Марфы Ильиничны. Она вспомнила теперь объ этомъ письмѣ, и мысли ея отдѣлились на минуту отъ настоящаго и перенеслись въ прошлое. Няня писала ей въ день кончины Наташи, вернувшись изъ церкви, гдѣ она отслужила послѣ ранней обѣдни панихиду. Пространно и слезно вспоминала няня о покойномъ ребенкѣ. „Уже годочекъ прошелъ, писала она, а барышня все стоитъ передо мной, какъ живая; вѣкъ не забыть мнѣ ея. Скоро ли, матушка, Господь Богъ приведетъ свидѣться съ вами, расцѣловать ваши драгоцѣнныя ручки? Жду, не дождусь, когда вы пожалуете...“

Въ день смерти дочери Василиса рано утромъ собралась было писать Борисову. Ей хотѣлось его сочувствія въ эту печальную для нея годовщину; но съ первой строки въ ней появилось какое-то необъяснимое чувство, которое мѣшало

ей высказаться. Она разорвала письмо, не окончивъ его. Константинъ Аркадьевичъ не счелъ нужнымъ вспомнить о дочери, или вовсе забылъ о ней, такъ что этотъ день прошелъ для всѣхъ, кромѣ Василисы, незамѣченнымъ.

Уже годъ! думала Василиса. Пережитая въ то время боль вспыла на мигъ опять въ ея сердцѣ. Но впечатлѣнія настоящаго были слишкомъ рѣзки и не позволяли забывать долго о себѣ. Ея мысли вернулись къ размолвкѣ съ Борисовымъ.

Въ эту теплую, чуткую, благоухающую весеннюю ночь одиночество, въ которомъ она постоянно находилась, при не измѣняющемся напряженіи мысли и чувства, казалось ей особенно тяжелымъ и несправедливымъ. Сколько уже такихъ ночей она простояла на этой террасѣ, одна, подъ звѣзднымъ небомъ, мучимая безполезными думами и желаніями! Борисовъ былъ постоянно далекъ отъ нея, ихъ раздѣляло матеріальное пространство, теперь же онъ былъ здѣсь, въ томъ же домѣ, гдѣ она, и все таки его съ нею не было.

„Гдѣ онъ?" подумала она и тоскливо взглянула на темное окно наверху.

Ей представилось, какъ безплодны были всѣ эти долгіе часы, проведенные въ тоскѣ и ожиданіи. Ея лучшія душевныя силы мало по малу истощились, какъ истекаетъ незамѣтно вода изъ сосуда, на днѣ котораго образовалась чуть замѣтная трещинка. Протестъ, заговорившій въ ней наканунѣ, проснулся опять съ новой силой. Неужели оно должно продолжаться такъ всегда, и желанная цѣль никогда не будетъ достигнута? Подавленный такъ долго инстинктъ эгоизма въ любви заявлялъ свои права, и къ нему присоединялось что-то новое, еще небывалое. Василисѣ казалось, что въ ней пробуждалась и выростала другая женщина, про которую до той поры она ничего не знала, и эта женщина не была похожа на холодную весталку, про которую говорилъ Борисовъ; въ ней бились порывы горячей физической страсти, она сознавала власть и силу своей красоты и гордилась ею. Нравственная личность Борисова, какъ идеалъ ея духовной любви, исчезъ, и передъ Василисой стоялъ только

образъ ея молодого любовника, къ которому влекло ее желаніе страстныхъ его объятій и горячихъ поцѣлуевъ.

„Гдѣ онъ?“ подумала она уже не тоскливо, а сердито. Слабыя ея руки сжимали желѣзныя перила; она склонила голову и прильнула горячими губами къ душистымъ кистямъ глициньі. Сильный запахъ опьянялъ ее; сердце билось часто и неровно; она закрыла наполовину глаза и сквозь опущенныя рѣсницы смотрѣла, какъ багровыя молніи освѣщали за горами небосклонъ. Ей казалось, что она видѣла и себя, какой она стояла въ эту минуту, склонившись надъ цвѣтами, гибкой, стройной, съ распустившейся косой, съ вызывающей улыбкой на устахъ.

Прошли ли минуты, часы — Василиса не знала. Ее заставилъ очнуться стукъ хлопнувшей двери и шумъ раздававшихся наверху шаговъ. Комната Борисова освѣтилась, онъ подошелъ къ окну, минуты двѣ постоялъ, глядя на озеро, громко зѣвнулъ и, не замѣтивъ ея, закрылъ ставни.

Василиса словно очнулась отъ сна. Она подняла голову и съ удивленіемъ посмотрѣла кругомъ. Гроза удалилась, небо было ясно; полная луна освѣщала серебрянымъ свѣтомъ горы и озеро, на отдаленной колокольнѣ медленно пробило двѣнадцать часовъ. Она долго не приходила въ себя, потомъ вспомнила и содрогнулась. — Я ли это? подумала она. Постоявъ еще нѣсколько минутъ, холодная и неподвижная, она медленными шагами вернулась къ себѣ въ комнату.

V.

На другое утро Василиса лежала на кушеткѣ въ своемъ кабинетѣ; Борисовъ въ креслѣ, противъ нея, пилъ чай.

— Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ? спросила она. Я слышала, какъ ты вернулся въ свою комнату; уже было поздно.

— А вы еще не спали? Мнѣ нужно было видѣть Каролину Ивановну, я зашелъ къ ней и засидѣлся.

— И Вѣра тамъ была? спросила Василиса, помолчавъ.

Онъ взглянулъ на нее: добродушная улыбка, съ которою онъ отвѣчалъ на ея первый вопросъ, исчезла съ его лица.

— Была, произнесъ онъ сухо.

Въ эту минуту сама Вѣра появилась въ дверяхъ, ведущихъ на террасу. Увидѣвъ Василису на кушеткѣ, она воскликнула:

— Лѣнитесь?... А я уже гуляла, вамъ первые ландыши принесла... Пахнутъ-то какъ!

Она опустилась на колѣни около кушетки и стала выбирать изъ корзинки цвѣты.

— Вы любите ландыши? я ихъ ужасно люблю.

Василиса смотрѣла на нее. „Нѣтъ, эта не обманетъ, не продастъ", думала она. Она взяла ее за подбородокъ и заглянула ей въ глаза.

— Mignon, вѣдь все можетъ случиться, не правда ли?.. Ежели мнѣ когда-нибудь придетъ черезъ васъ горе, я буду крѣпко вѣрить, что вы невиноваты и этого не хотѣли.

— Вы будете правы, сказала Вѣра. Только я надѣюсь, что горе не придетъ къ вамъ ни черезъ меня, ни черезъ никого.

Она прибавила, улыбаясь:

— Вѣдь это часто отъ насъ самихъ зависитъ.

— Да, правда, сказала Василиса: надо умѣть быть самостоятельной, — какъ вы, Mignon... Пожалуй, тогда отстоишь свое счастье.

Она обняла Вѣру и черезъ ея голову смотрѣла на Борисова. Онъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и раскрылъ журналъ.

Василисѣ стало досадно. Ей казалось, что онъ не понялъ и не оцѣнилъ усилія, которое она сдѣлала, поборовъ свои непріязненныя чувства къ Вѣрѣ. Она размышляла объ этомъ, когда Борисовъ, кончивъ газету, посмотрѣлъ на часы и всталъ.

— Мнѣ нужно сегодня въ Вевэ: отправлюсь, а то будетъ жарко. До свиданія...

Но Василисѣ не хотѣлось, чтобы онъ ушелъ именно теперь.

— Куда вы, Сергѣй Андреевичъ, погодите. Я только что готовилась сообщить вамъ и Вѣрѣ планъ, который пришелъ мнѣ въ голову.

— Какой планъ? спросилъ онъ.

— На меня пашла охота путешествовать... Я хочу отправиться завтра въ Мельери.

— И отлично, поѣзжайте.

— И вы съ нами... разумѣется.

— Мнѣ нельзя; я долженъ завтра быть въ Женевѣ.

Она ждала этого отвѣта.

— Что за необходимость; вы уѣдете послѣ завтра; пожертвуйте намъ завтрашнимъ днемъ...

— Очень сожалѣю; но не могу.

— Я васъ прошу, сказала она.

— Не могу, повторилъ Борисовъ.

Она видѣла, что этотъ разговоръ въ присутствіи Вѣры былъ ему непріятенъ; она сама чувствовала, что онъ былъ неумѣстенъ, но не хотѣла и не могла уже вернуться назадъ. Въ отказѣ Борисова она видѣла что-то, для себя обидное, и ей казалось, что она должна была, во что бы то ни стало, заставить его уступить ей. Видя, что онъ молчалъ съ холоднымъ и недовольнымъ видомъ, она прибавила:

— Я рѣшила, что вы непремѣнно поѣдете съ нами въ Мельери; я дала себѣ слово... Что же мнѣ теперь дѣлать?..

— Не надо было давать себѣ такого слова.

— Но это уже сдѣлано...

Она перемѣнила тонъ:

— Сергѣй Андреевичъ, не отказывайте мнѣ! Я увижу въ этомъ согласіи доказательство вашей ко мнѣ дружбы.

— Странное доказательство дружбы! Вѣдь это только капризъ съ вашей стороны.

— Положимъ, что капризъ; но въ настоящую минуту удовлетвореніе этого каприза для меня очень важно, очень дорого, болѣе, чѣмъ вы это думаете... Неужели вы откажете?

— Очень сожалѣю, что не могу измѣнить своему намѣренію: меня ждутъ въ Женевѣ... Я не могу отложить нуж-

ныя дѣла для удовольствія сдѣлать съ вами прогулку. Были бы какія-нибудь важныя причины, не говорю...

— Въ настоящемъ случаѣ, важная причина — мое желаніе, проговорила Василиса.

— Это еще не очень важно. Случайную фантазію можно и не брать въ разсчетъ, когда вопросъ идетъ о болѣе серьезномъ дѣлѣ. Впрочемъ, я полагаю, что на этомъ можно и кончить... До свиданія.

Онъ протянулъ ей руку.

— Нѣтъ, сказала Василиса. Ежели вы въ самомъ дѣлѣ отказываете мнѣ въ этой ничтожной просьбѣ, такъ между нами война, предупреждаю васъ... Я не шучу...

Она говорила это съ улыбкой, но голосъ ея дрожалъ, и въ глазахъ стояли слезы.

— Что же дѣлать, сказалъ Борисовъ. Война, такъ война! Мало ли какіе встрѣчаются casus belli, гдѣ приходится воевать при самыхъ мирныхъ намѣреніяхъ... Но на начинающаго богъ...

Онъ взялъ ея руку, которую она ему не протягивала и пожалъ ее.

— До свиданія, Вѣра Павловна.

Дойдя до двери, онъ промолвилъ:

— Пожалуйста, не ждите меня къ обѣду; по всей вѣроятности, мнѣ нельзя будетъ вернуться ранѣе вечера.

Ранѣе вечера! Стало быть, весь этотъ день — послѣдній день его пребыванія въ Кларанѣ—его не будетъ съ нею. Василиса подавила желаніе громко заплакать: она встала съ кушетки и весело проговорила:

— Стало быть, мы однѣ цѣлый день, Mignon. Что же мы будемъ дѣлать? Хотите, поѣдемъ кататься...

Вѣра не помнила Василису такой оживленной и разговорчивой, какой она была впродолженіе всего этого дня. Онѣ поѣхали кататься въ poney chaise; Василиса правила сама.

— Не бойтесь, Вѣра, провезу, говорила она.

Онѣ ѣхали по узенькой дорогѣ, вдоль обрывовъ и, дѣйствительно, она такъ искусно управляла лошадьми и такъ

ловко огибала крутые повороты, что легкій экипажъ, не задѣвъ нигдѣ, благополучно спустился въ долину.

Въ этотъ день Василиса сняла въ первый разъ трауръ и явилась къ обѣду вся въ бѣломъ. Кисейное платье съ широкими рукавами шло необыкновенно хорошо къ ея стройной фигурѣ. Волосы были заплетены въ косу и нѣсколько разъ обвивались вокругъ головы; нѣжная шея и круглыя плечи сквозили подъ кисеей.

— Я никогда не видала васъ такой красивой! сказала Вѣра. Вы мнѣ очень нравитесь сегодня... Я желала бы быть въ половину такой хорошенькой, какъ вы!

— Чѣмъ же вы плохи, Mignon?

— Видите, долговязая какая, на полголовы выше васъ, и ротъ такой большой... А вы такая стройная, нѣжненькая!.. Мнѣ все кажется, что васъ надо взять на руки и нести, чтобы вы не касались земли...

Послѣ обѣда сидѣли на террассѣ. Константинъ Аркадьевичъ скоро ушелъ. По мѣрѣ того, какъ склонялся вечеръ, возбужденіе Василисы утихало. Утромъ она рѣшила, сгоряча, что уйдетъ къ себѣ до возвращенія Борисова и не увидитъ его въ этотъ вечеръ; на другой день онъ уѣзжалъ рано и не могъ, безъ непослѣдовательности, отложить свою поѣздку; — стало быть, наказаніе это будетъ совершенно. Но теперь являлся вопросъ: онъ ли будетъ наказанъ, или она? Василиса пошла на компромиссъ: ежели онъ явится до половины девятаго, это будетъ значить, что онъ чувствуетъ свою вину и желаетъ ее загладить; ежели же нѣтъ, то его упорство столкнется съ упорствомъ не менѣе настойчивымъ. Посреди такихъ разсчетовъ вдругъ мелькнула мысль: какъ все это мелко, недостойно!... Но кто же виноватъ? думала она и винила его не только въ томъ, что она теперь страдала, но и въ томъ, что эти страданія унижали ее въ собственныхъ глазахъ.

Солнце сѣло; гладкая поверхность озера заиграла радужными цвѣтами, высоко на небѣ въ блѣдно-розовыхъ отраженіяхъ заката зажигалась Венера, рядомъ появилась другая звѣздочка, крошечная и мерцающая, какъ чуть замѣтная точка въ пространствѣ, тѣни подымались все выше,

взбираясь на горы, захватывая одну полосу за другой и понемногу обезцвѣчивая яркую картину: послѣднее теплое сіяніе на снѣговомъ вѣнцѣ Dent du Midi сосредоточилось нѣсколько секундъ на самой вершинѣ и, наконецъ, потухло; весь пейзажъ принялъ тусклый и сѣрый видъ.

Давно пробило половина девятаго, и девять часовъ: Василиса не замѣчала, что проходили назначенные ею себѣ сроки. Она уже не думала о томъ, уйти ли ей, или нѣтъ, въ ней оставалось одно лишь желаніе: увидѣть Борисова и примириться съ нимъ. Предыдущіе дни съ ихъ глухой борьбой лежали гнетомъ на ея душѣ, ей хотѣлось поскорѣй сбросить этотъ гнетъ, вздохнуть опять свободно.

•Въ гостинной накрывали къ чаю. Появилась Каролина Ивановна и сѣла на свое мѣсто за самоваромъ. Въ это время отворилась дверь, и вошелъ Борисовъ. Василиса съ террассы увидѣла, въ освѣщенной комнатѣ, его высокую фигуру, блѣдное лицо, какъ-то необыковенно оживленное. Сердце у ней забилось.

— Что вы такъ запыхались, словно бѣжали? спросила его Каролина Ивановна.

— Опоздалъ на поѣздъ, изъ Веве пѣшкомъ пришелъ, отвѣчалъ Борисовъ.

Онъ окинулъ глазами комнату.

— А Василисы Николаевны нѣтъ? ушла уже?

Каролина Ивановна указала на террассу.

Василиса встала. На порогѣ они встрѣтились, Борисовъ отступилъ на шагъ и воскликнулъ весело, съ удивленіемъ:

— Какъ вы расфрантились! для кого это?

Она забыла о своемъ бѣломъ платьѣ. Теперь она вспомнила объ этомъ и ей стало досадно и на себя, и на Борисова, за его восклицаніе.

Послѣ чая Каролина Ивановна, а вскорѣ за ней и Вѣра, ушли къ себѣ. Василиса вышла на террассу. Борисовъ послѣдовалъ за ней. Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ рядомъ съ нею у рѣшетки, обвитой душистой глициной. Она не шевелилась, онъ нагнулся и молча обнялъ ее.

— Нѣтъ, произнесла она и посторонилась.

Борисовъ опустилъ руки, и, отойдя, сѣлъ на скамейку. Она сѣла возлѣ него.

Ночь стояла тихая, свѣтлая: полная луна медленно двигалась, словно плыла, по звѣздному небу, на озерѣ серебрилось ея отраженіе широкой полосой, зубцы горъ вырѣзывались рѣзкимъ силуэтомъ. Та часть террассы, гдѣ сидѣли Борисовъ и Василиса, была въ тѣни, лунный свѣтъ падалъ съ боку сквозь листву широкаго орѣшника и мелкимъ серебрянымъ дождемъ разсыпался по плитамъ.

Бесѣда не клеилась. Пробило одиннадцать часовъ, Борисовъ всталъ.

— Ты уходишь? спросила Василиса.

— Мнѣ кажется, вы устали, отвѣчалъ онъ.

Она взяла его за руку и притянула къ себѣ.

— Ежели тебѣ не очень хочется спать, останься со мною. Мнѣ какъ-то грустно сегодня...

Онъ ничего не отвѣтилъ и сѣлъ на прежнее мѣсто. Она придвинулась и положила голову къ нему на плечо. Неудовольствіе, мелкое раздраженіе, всѣ дрязги исчезли изъ ея души.

— Ты завтра ѣдешь въ Женеву, проговорила она; а потомъ мнѣ предстоитъ еще болѣе долгая разлука съ тобою! я не знаю, какъ я проживу эти длинныя недѣли...

— Ничего, проживете, сказалъ Борисовъ.

— Разумѣется, какъ нибудь проволочу; отъ тоски еще никто не умиралъ; но будетъ очень скверно!...

Настало молчаніе.

— Ты непремѣнно на будущей недѣлѣ ѣдешь?

— Да. Можетъ быть въ субботу, ежели успѣю.

— Въ субботу!... Такъ сюда уже болѣе не пріѣдешь?

— Едва ли пріидется.

— А ты сейчасъ хотѣлъ уйдти! Мы бы такъ и не простились...

— Какія же прощанья!... Черезъ три недѣли буду назадъ и, по всей вѣроятности, застану васъ еще въ Кларанѣ.

— Да мнѣ-то эти три недѣли покажутся вѣчностью. Что я буду дѣлать, чѣмъ наполню время?

— Я Рѣдичу скажу, чтобы онъ васъ навѣщалъ. Онъ будетъ пріѣзжать на васъ молиться. Вы это любите; вотъ вамъ развлеченіе.

— Какъ ты можешь шутить! сказала Василиса. Мнѣ сегодня такъ тяжело на сердцѣ, словно бѣда какая надъ тобою виситъ.

— Предчувствія!.. усмѣхнулся Борисовъ. Ежели вагонъ соскочитъ съ рельсовъ, и я буду убитъ, успѣете горевать; а теперь рано.

Василиса не отвѣчала.

— Ты напишешь хоть разъ? спросила она.

— Болѣе чѣмъ разъ, по всей вѣроятности.

— Длинныя письма?

— Какъ придется.

— И я буду тебѣ писать... Я буду каждый день писать.

Она приподнялась со скамейки и, стоя возлѣ него, обняла его голову и прижала къ себѣ. Онъ не шевелился и угрюмо молчалъ, утирая нетерпѣливымъ жестомъ теплыя слезы, падавшія ему на лицо.

— Не сердись, сказала Василиса. Я знаю, ты не любишь, чтобы я плакала; не буду.

— Ежели было бы о чемъ! а то вѣдь такъ только плачете, себя тѣшите.

— Не буду, проговорила она. Пройдемся, хочешь?

Они вышли изъ-подъ маркизы, покрывавшей половину террасы. Пройдя два-три раза, Василиса остановилась у балюстрады.

— Какая прелестная ночь! сказала она. Когда я стою здѣсь одна по цѣлымъ часамъ и смотрю, какъ звѣзды медленно передвигаются на этомъ широкомъ небѣ, мнѣ иногда кажется, что я начинаю слышать гармонію сферъ!

— Нашли занятіе, усмѣхнулся Борисовъ.

Онъ стоялъ спиной къ рѣшеткѣ и съ равнодушнымъ видомъ вертѣлъ между пальцами цѣпочку часовъ. Василиса уловила его взглядъ, обращенный на освѣщенное окно второго этажа.

— Я тебя удержала, проговорила она; можетъ быть, ты хочешь уйти...

— Ежели бы хотѣлъ, пошелъ бы, отвѣчалъ онъ коротко.

Отъ окна однако онъ отвернулся и болѣе на него не взглядывалъ.

— Утѣшься, сказала Василиса. Это Каролина Ивановна надъ счетами сидитъ; Вѣра давно спитъ... а то бы я отъ тебя такой жертвы не попросила.

— Я никогда никакихъ жертвъ не приношу, считаю это безполезнымъ, сухо проговорилъ Борисовъ.

Василиса отошла отъ него и сѣла въ качалку. Борисовъ занялъ свое прежнее мѣсто на скамейкѣ.

— Иди, ежели хочешь, я тебя не удерживаю, произнесла она.

— Чего вы пристали? сначала оставайся, а теперь иди... Захочу, самъ пойду, — слава богу, не маленькій...

— Мнѣ кажется, что ты сегодня со мной скучаешь...

— Ежели бы скучалъ, — не оставался бы; я уже говорилъ вамъ, что никакихъ жертвъ никогда не приношу...

— Такъ будь же добръ.

— Развѣ я золъ? проговорилъ Борисовъ и засмѣялся.

— Ты такой нервный, точно весь нравственно съежился. Что съ тобой?

— Со мною ничего... А вотъ вы лягте-ка лучше въ постель и примите валеріану; вишь, руки-то у васъ какія холодныя.

— Скажи мнѣ одно доброе слово, — и валеріану не нужно.

Онъ держалъ ея руку небрежно и такъ же небрежно поцѣловалъ ее.

— Балозанная вы, все бы вамъ цвѣточки да конфетки.

— Конечно, сказала Василиса, повеселѣвъ отъ ласковаго тона Борисова. Ты самъ говоришь, что въ жизни надо пользоваться всѣми радостями, попадающимися на дорогѣ... Каждое твое ласковое слово — лучъ счастья для меня... Я и цѣпляюсь за нихъ.

— Но за лучи, вы знаете, вѣдь не зацѣпишься: они скользятъ сквозь пальцы...

— Знаю; но я все-таки за нихъ хватаюсь и никогда не помирюсь съ мыслью, что могутъ ускользнуть отъ меня

— Что же вы сдѣлаете?

— Не знаю, а что-нибудь да сдѣлаю...

Борисовъ зажегъ папироску и сталъ курить.

— Какія женщины странныя созданія! разсуждалъ онъ. Вотъ вы, напримѣръ, кажется уже не дѣвочка, знаете жизнь, кое-что испытали, а чувствуете, ни дать, ни взять, какъ шестнадцатилѣтняя барышня... Та же непрактичность, тѣ же иллюзіи...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Да то, что умѣнія взяться за жизнь у васъ никакого нѣтъ.

— Что же, по твоему, я неопытна и наивна, какъ какая-нибудь Вѣрочка, да?

— О, нѣтъ!.. Вѣрочки это совсѣмъ иного пошиба женщины. Вѣрочки, при всей своей поэтичности, относятся къ жизни точно такъ же трезво и практично, какъ нашъ братъ реалистъ; Вѣрочки ни передъ какими явленіями не растеряются, крѣпко на ногахъ стоятъ, а при случаѣ, если надо, пожалуй, и другихъ на ноги поставятъ... Дай-то намъ Богъ побольше Вѣрочекъ!

— Чтобы можно было съ ними чаще по ночамъ сидѣть, и головы имъ кружить? вырвалось у Василисы.

— Это вы нелѣпость сказали... Вѣрочкамъ не такъ легко вскружить голову. А что онѣ представляютъ собою тотъ типъ женщинъ, которыхъ можно полюбить, это несомнѣнно и еще какъ полюбить!...

— И люби, кто же мѣшаетъ?...

— Захочу полюбить, разрѣшенія не попрошу... А вотъ вы, вмѣсто того, чтобы останавливаться на однихъ поверхностныхъ впечатлѣніяхъ и сердиться, дали бы себѣ трудъ вникнуть поглубже и разобрать критически... По вашему,

Вѣра Павловна — ребенокъ, хорошенькая поэтическая дѣвочка, и только; а вы посмотрите, какъ этотъ ребенокъ умѣетъ себя держать, какъ эта дѣвочка поставила себя самостоятельно въ отношеніи всѣхъ въ домѣ, даже въ отношеніи васъ, которую она любитъ отъ всего сердца! Ея положеніе вѣдь не совсѣмъ удобное; вашъ супругъ преисправно за ней ухаживаетъ; мать готова продать; а между тѣмъ съ ея стороны никогда ни ошибки, ни малѣйшей безтактности... Поневолѣ станешь смотрѣть на такую дѣвушку, какъ на равнаго себѣ человѣка, какъ на товарища... А ко всему этому красота, молодость, непочатая свѣжесть страстей; да тутъ, чортъ знаетъ, какъ можно влюбиться!... Никакая Армида не въ состояніи такъ очаровать, какъ такая дѣвушка...

— Скажи уже прямо, что ты ее любишь...

— Я не могу говорить того, чего нѣтъ. — Онъ прибавилъ какъ-то злобно: Но, что оно никогда не случится, за это я тоже ручаться не могу.

„Чего же я еще хочу!“ подумала Василиса. Ей представилось, что передъ ней внезапно раскрылась черная, огромная бездна, и ее тянуло подойти къ самому краю и смотрѣть въ нее.

— А мои права, проговорила она медленно, ты забываешь про нихъ?...

— Права?... какія такія права?

— На тебя; — или ты считаешь себя, можетъ быть, ничѣмъ не связаннымъ въ отношеніи меня?

— Какъ я лично отношусь къ этому вопросу, мое дѣло; я не обязанъ отдавать отчета. А правъ фактическихъ у васъ никакихъ нѣтъ... Вы угождали себѣ, я дѣлалъ то же самое; этимъ ограничиваются наши обоюдныя обязательства, а затѣмъ каждому предоставляется полная свобода.

Василиса слушала эти слова въ смущеніи; она испугалась чудовища, которое сама вызвала. Она не хотѣла уже идти далѣе; теперь нужно было, во что бы то ни стало, сдѣлать шагъ назадъ, загладить сказанное.

Она нагнулась и взяла руки Борисова.

— Ты шутилъ, Сережа? Тебя раздосадовали мои приставанія... ты, богъ знаетъ, что наговорилъ!... Ты самъ этому не вѣришь... Возьми назадъ свои слова...

Она старалась улыбнуться.

— Ты знаешь, какая я малодушная... я, какъ купчиха у Островскаго, боюсь страшныхъ словъ...

— Какія шутки? произнесъ Борисовъ. Я, можетъ быть, никогда въ жизни не былъ такъ откровененъ; я сказалъ именно то, что думаю... Вы еще потребуйте, чтобы я далъ клятву любить васъ единственно и неизмѣнно, и не только въ этой жизни, но и въ будущей, за гробомъ!... Дико, согласитесь!

— А развѣ ты меня не такъ любишь, всей душей, всѣмъ существомъ, какъ я тебя люблю?... проговорила она.

— Вы хотите слышать правду, голую, реальную?

— Да.

— Я васъ не такъ люблю...

Онъ подождалъ и прибавилъ:

— Вообще, *любви*, какъ привыкли понимать это слово, и какъ вы его понимаете, я къ вамъ не имѣю.

Она взглянула на него съ испугомъ и чуть слышно произнесла:

— И никогда не имѣлъ?...

— Нѣтъ, былъ одинъ такой моментъ; увлеченіе было очень сильно и могло бы развиться въ любовь. Но это было, и быльемъ поросло. Вы тогда не поняли, не хотѣли воспользоваться... Оно, можетъ быть, и къ лучшему.

— Къ лучшему? повторила Василиса, и голосъ ея сталъ еще тише: а то, что существуетъ между нами теперь... ты какимъ именемъ называешь?...

— Никакимъ особеннымъ именемъ... Вы могли утратить въ моихъ глазахъ значеніе, какъ поэтическій идеалъ, но вы не переставали оставаться для меня хорошимъ человѣкомъ, которому я довѣряю и котораго люблю за его добрыя качества. Между нами не мало точекъ соприкосновенія: наши умственные интересы почти одинаковы; я могу говорить съ

вами о многомъ, о чемъ съ другими не говорю; въ случаѣ надобности всегда обращусь къ вамъ съ увѣренностью за совѣтомъ или услугой...

— И только!... сказала она. Стало быть, ради одного дружескаго расположенія ты отыскалъ меня въ Женевѣ и удержалъ, когда я хотѣла ѣхать?

— Нѣтъ; тутъ дѣйствовали другіе мотивы, съ чувствами ничего общаго не имѣющіе. У меня есть въ жизни цѣль, къ которой я иду; все, что попадается на дорогѣ, должно такъ или иначе способствовать этой цѣли. Столкнувшись въ вашемъ лицѣ съ натурой недюжинной, способной, какъ мнѣ казалось, при извѣстныхъ условіяхъ подвинуться сильно впередъ по желаемому направленію, я, понятно, старался заручиться богатымъ матеріаломъ; я пріобрѣталъ его, какъ могъ, вовсе не имѣя при этомъ ввиду вашего счастья или несчастья. Вы, можетъ быть, скажете, что такой образъ дѣйствія не согласенъ съ правилами строгой морали; но мы вѣдь и не претендуемъ на названіе добродѣтельныхъ людей... У насъ своя нравственность: полезно и нужно какое-нибудь дѣло, мы его дѣлаемъ, не заботясь о томъ, какъ оно отзовется на нашемъ нравственномъ индивидуумѣ, удовлетворитъ ли оно, или нѣтъ, какимъ-то личнымъ потребностямъ душевнаго изящества. Въ этомъ отсутствіи самолюбія и состоитъ наша сила, — потому что самолюбіе дурной проводникъ и изолируетъ людей, а намъ нужно то, что группируетъ и соединяетъ ихъ.

— Неужели все было разсчетъ? и не было ни одной минуты, гдѣ ты забывалъ о своемъ дѣлѣ и принадлежалъ мнѣ совершенно?...

Она положила руку къ нему на плечо.

— Вѣдь были такія минуты?...

— Были, сказалъ онъ.

— И что же, это не любовь?...

— На что вамъ? зачѣмъ вы допытываетесь?...

— Я хочу знать.

Борисовъ усмѣхнулся.

— Впрочемъ, мы договорились уже до такихъ откровенностей... Минуты, про которыя вы говорите, имѣютъ очень простое истолкованіе: вы живой человѣкъ, не кукла... У васъ роскошныя плечи, гибкая талія, выразительное, симпатичное лицо. Мои нервы не застрахованы; извѣстные моменты должны были являться; это очень естественно.

Настало молчаніе.

Фигура Василисы, вся въ бѣломъ, облитая бѣлымъ луннымъ сіяніемъ, стояла неподвижно, съ опущенными руками, словно застывшая въ позѣ какого-то недоумѣванія.

— Вамъ не нравятся мои слова, сказалъ Борисовъ: что же дѣлать — это не я говорю, — говоритъ анализъ. Какая надобность обманывать себя иллюзіями, когда дѣйствительность и такъ прекрасна? Называйте, какъ хотите,— страстью, поклоненіемъ красотѣ, — но фактъ на лицо, влеченіе существуетъ... и оно вполнѣ понятно. Посмотрите на себя, вѣдь вы красавица!...

Онъ отбросилъ широкій рукавъ платья и дотронулся до ея обнаженнаго плеча.

— Такой бюстъ и такія руки видишь только на картинахъ... Вѣдь это прекрасный мраморъ, въ которомъ бьются пульсы и вращается горячая кровь... Одно прикосновеніе къ этой свѣжей, душистой кожѣ опьяняетъ человѣка...

Онъ взялъ ее за кончики пальцевъ и потянулъ къ себѣ.

— Психея вы моя!... сердитая, прекрасная!...

— Оставь! сказала Василиса.

Но онъ обхватилъ ея талью.

— Мы съ вами пофилософствовали, и довольно... Теперь бросьте думать...

Онъ обнималъ ее и старался привлечь къ себѣ на колѣни.

Василиса откинулась назадъ.

— Какъ ты смѣешь!... Неужели ты не понимаешь, что твои поцѣлуи для меня позорны?... По какому праву ты оскорбляешь меня?

Она вырвалась изъ его рукъ.

— Или ты думаешь, что я для тебя тоже самое, что какая нибудь... Маріетка?

— Зачѣмъ вы дѣлаете такое сравненіе? мнѣ оно и въ голову не приходило.

Онъ прибавилъ ласково и смѣясь:

— Между вами и Mariette большая разница.

— Какая?

— Mariette послушна, она не смѣетъ бунтовать, а вы, вонъ какъ у меня расходились!

— Это вся разница по твоему?...

— Нѣтъ, есть другая... Mariette черная, а вы бѣлокурая...

Онъ пересталъ смѣяться и произнесъ дружескимъ тономъ:

— Бросимте эти пренія, жизнь коротка, право не стоитъ терять лучшія ея мгновенія на пустые споры. Дайте руку. Ежели я высказалъ непріятныя истины, такъ это потому, что вы сами вызвали меня на это. Какъ вамъ могло прійти въ голову ревновать меня къ Вѣрѣ?.. Случалось, не спорю, что я сидѣлъ съ ней довольно долго, болтая всякій вздоръ, но это еще не значитъ, что я въ нее влюбленъ; у меня, какъ у всякаго человѣка, является потребность отдохнуть... Не все же буря, какъ ни живется въ ней полно и богато, — и тишь порой бываетъ пріятна! Было бы что нибудь серьезное въ этомъ чувствѣ, повѣрьте, я съумѣлъ бы вести дѣло такъ, что вы никогда бы не догадались.

— Вѣрю, проговорила она.

Помолчавъ, она промолвила, не то про себя, не то обращаясь къ нему:

— Что же мнѣ теперь въ будущемъ остается?

— Мало ли что, господи боже мой! Работа, дѣло, мысль... Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, что въ жизни только и есть одинъ интересъ — любовь!... Это ея роскошь, случайно попавшійся на дорогѣ цвѣтокъ, — болѣе ничего. Наконецъ, и этотъ интересъ можетъ возобновиться; мало ли съ какими личностями вамъ придется сталкиваться...

— И ты можешь предположить?.. ты можешь...

Она не договорила, и ужасъ изобразился на ея лицѣ.

— Я не вижу... началъ было онъ. Она прервала его:

— Не говори болѣе ни слова!... Ради бога, уйди... оставь меня одну... Мнѣ кажется, я съ ума схожу...

— У васъ нервы устали, проговорилъ Борисовъ. Выспитесь ночь, все пройдетъ: встанете завтра утромъ свѣжей и здоровой, — и опять жизнь потечетъ гладко, попрежнему.

Онъ всталъ и, держа ея руку на прощанье, прибавилъ:

— Вѣдь я вамъ ничего новаго не сказалъ: все это было уже вамъ болѣе или менѣе извѣстно. Ежели до сихъ поръ вы мирились съ этимъ, я не вижу, что можетъ мѣшать вамъ дѣлать то же самое въ будущемъ...

Когда Борисовъ вышелъ и, пройдя гостиную, закрылъ за собою дверь, Василиса знала, что она его болѣе не увидитъ; она понимала, что все было кончено! Она стояла теперь уже не на краю бездны, а попала на самое ея дно и ясно сознавала невозможность оттуда выбраться, потому что все, за что можно было ухватиться, рухнуло вмѣстѣ съ нею. Это было разореніе полное, отъ котораго не уцѣлѣло ни малѣйшей крохи, на которую могла бы продолжать жить ея мысль. Да и вообще, возможно ли теперь жить? Отъ всякой бѣды есть какое нибудь убѣжище, есть поводъ къ усиліямъ, потому что есть надежда на спасеніе; но какая надежда остается человѣку, который стоитъ передъ неприступной стѣной и, зная, что его спасеніе лежитъ по ту сторону, въ тоже время неотразимо ясно сознаетъ невозможность достичь его, потому что каменная глухая стѣна не разступится передъ нимъ, не услышитъ его мольбы, не пойметъ его отчаянія; она не можетъ этого сдѣлать, именно въ силу того, что она каменная, глухая стѣна. Такой стѣной неумолимой подымалось вдругъ передъ ней, заграждая ей дорогу, откровенное признаніе Борисова. Онъ не былъ ей невѣренъ, не обманывалъ ея, не измѣнялъ ей: онъ просто отрицалъ въ самомъ себѣ существованіе къ ней любви и не допускалъ, чтобы и въ ней эта любовь могла имѣть иное, чѣмъ проходящее и поверхностное значеніе. И это простое

отрицаніе было для нея смертнымъ приговоромъ; оно уничтожало ея настоящее, ея прошлое, ея будущее. Стало быть, все, на что она полагалась, за что отдала себя, на что смотрѣла, какъ на неотъемлемое и драгоцѣнное достояніе всей своей жизни, утрачивало смыслъ, обращалось въ ничто! Слова Борисова: „Мало ли, съ какими личностями вы можете еще столкнуться,“ хлестнули ее по душѣ, какъ бичемъ. Она понимала, какую глубину равнодушія выражали эти слова, и знала, какъ были бы безнадежны всякія объясненія по этому поводу. Что же теперь дѣлать?... Продолжать цѣпляться за ускользающее счастье, насильно отстаивать сердце Борисова, входить съ нимъ въ борьбу за каждое его увлеченіе, заставлять его отказываться? — какая жалкая, унизительная роль! Уступить ему, помириться на полулюбви, на полу-счастьи, отвыкнуть считать его своимъ, мало-по-малу охладѣть къ нему, — опошлиться?... нѣтъ, — легче въ тысячу разъ умереть!... И Василиса стала думать о смерти, о смерти добровольной, какъ о единственномъ выходѣ. Она испытывала потребность сбросить съ себя непосильную ношу, укрыться въ темноту безсознанія и небытія. Люди въ минуту окончательнаго банкротства, въ виду неминуемаго, никакими усиліями неотразимаго краха, финансоваго или душевнаго, ликвидировали свое положеніе, исчезая изъ числа живущихъ, посредствомъ яда, веревки, пистолетной пули... Почему же ей не сдѣлать того же? И она думала объ этомъ совершенно спокойно, потому что эта необходимость вытекала сама собой, вполнѣ послѣдовательно, изъ всего предыдущаго, была ничѣмъ инымъ, какъ суммою сложившихся въ ея умѣ извѣстныхъ цифръ. Вотъ если бы эти цифры, эти роковыя a, b, c никогда не попадали въ ея голову, было бы иное дѣло! Она могла бы утѣшиться, начать жизнь на новыхъ началахъ; но теперь это невозможно: ей нельзя вырвать изъ души понятія, выросшія вмѣстѣ съ этой душею, о томъ, что было для нея счастьемъ и несчастьемъ, радостью и горемъ, благомъ и зломъ...

Теперь все потеряно!

Она лежала на скамейкѣ лицомъ внизъ, какъ упала на нее послѣ ухода Борисова. Кругомъ все было тихо и

стало какъ будто еще тише, когда лампа, угасавшая уже нѣкоторое время въ гостиной, начала меркнуть и совсѣмъ потухла...

„Конецъ, конецъ"!... думала Василиса, лежа на скамейкѣ.

Наверху стукнуло окно; раздался голосъ Вѣры, веселый и звонкій.

— Вы всегда такъ, Сергѣй Андреевичъ! Говорите, что зашли на минутку, а сидите цѣлый часъ... Тьфу, какъ накурили! дышать нельзя...

— Кончилъ, не сердитесь, отвѣчалъ Борисовъ, и недокуренная папироска полетѣла на террасу. — Чего вы бранитесь? вѣдь я не самъ пришелъ, ваша маменька позвала, порученій въ Женеву надавала.

— Теперь-то, по крайности, скоро ли уйдете?

— Что вамъ такъ не терпится?

— Я спать хочу.

— Чего же вы раньше не ложились?

— Читала.

— Маколея?

— Маколей, или „Мальчикъ съ пальчикъ", вамъ какая забота?

— Такъ, мнѣ интересно... Вѣдь это, кажется, Василиса Николаевна руководитъ васъ въ выборѣ вашего чтенія...

Вѣра не отвѣчала.

— Сейчасъ уйду, проговорилъ Борисовъ; только прежде надо, чтобы вы спѣли мнѣ что-нибудь.

— Вотъ придумали! давно за полночь, весь домъ разбудишь;—да и комната Василисы Николаевны подо мной.

Борисовъ нагнулся изъ окна и посмотрѣлъ на террасу.

— Все темно; она давно спитъ, не услышитъ. Ну, одну, коротенькую... только ради того, чтобы эта прекрасная ночь не оставалась безъ звука.

— Нѣтъ, это пустяки, я не буду пѣть.

— Не будете?.. такъ мы васъ заставимъ... погодите...

Борисовъ схватилъ ножницы и, прежде чѣмъ Вѣра успѣла отойти отъ него, держалъ въ рукахъ одну изъ ея длинныхъ, тяжелыхъ косъ.

— Ежели вы тотчасъ не запоете, ей Богу, отрѣжу кусокъ косы, вотъ такой, болѣе полъ-аршина... и будете ходить куцой, съ одной длинной и съ одной обстриженной косой.

— Сергѣй Андреевичъ, пустите!.. Вѣдь отъ васъ все станетъ... Какой вы, право!

— Споете?...

Василиса приподнялась со скамейки и видѣла, какъ Борисовъ, сидя на подоконникѣ, — вся его стройная, гибкая фигура на виду — смѣясь, тянулъ Вѣру за конецъ косы и опрокидывалъ къ себѣ ея голову. Василиса закрыла на минуту руками глаза, потомъ тихими шагами сошла со ступенекъ террассы. Она не знала, куда она идетъ, ей хотѣлось только не видѣть этой картины, не слышать болѣе этихъ голосовъ.

Она шла по узкимъ аллеямъ сада, гдѣ высокія деревья образовали черную тѣнь. У берега озера она остановилась и ей стало ясно, почему она пришла именно сюда.

„Я очи зналъ, и эти очи...“

раздался въ это время голосъ Вѣры.

Василиса подошла къ краю воды. Полуночная тишина лежала на гладкой поверхности озера, какъ заколдованный сонъ; небесный сводъ подымался высоко, усѣянный безчисленными мірами.

Она опустилась на колѣни.

— Господи!... Творецъ!... ежели не все нѣмо и глухо въ созданной тобою вселенной, ежели горе людей доходитъ до тебя... внемли!.. услышь меня! я погибаю...

Далекія звѣзды мерцали тихо и мирно; вода слабо плескала о берегъ; въ воздухѣ пахло распускавшеюся сиренью.

Василиса стояла передъ великою разгадкою жизни. Ея смущенная душа не ощущала ужаса смерти; боль, отъ которой она рвалась, была мучительнѣе смерти.

Она взялась за желѣзныя перила и начала спускаться по ступенькамъ, ведущимъ въ воду.

— Наташа, дитя мое милое... произнесла она вслухъ. Вода подымалась ей до колѣнъ; по тѣлу пробѣгала дрожь; она невольно ухватилась другой рукой за мокрую, скользкую стѣну. Постоявъ минуту неподвижно, она закрыла глаза и сошла еще ниже...

„И въ эти чудныя мгновенья
„Ни разу мнѣ не довелось..."

кончала Вѣра романсъ. Нѣжные, страстные звуки наполняли чуткую тишину ночи и неслись надъ поверхностью озера. Голосъ Вѣры умолкъ, и послышалось восклицаніе Борисова:

— Ночь-то богатая какая! Жить бы да жить... и умирать не надо!

Василиса скользнула съ послѣдней ступеньки и погрузилась въ воду. Черная, тихая гладь чуть колыхнулась.

VI.

Такъ какъ Борисовъ долженъ былъ ѣхать съ первымъ поѣздомъ, онъ всталъ рано. Открывъ окно, онъ увидалъ на озерѣ, еще подернутомъ розовымъ утреннимъ туманомъ, лодку, двигающуюся медленно у самаго берега и сидящихъ въ ней садовника съ двумя работниками. Всѣ трое, перевѣсясь черезъ бортъ, вытаскивали что-то изъ воды, причемъ лодка сильно накренивалась. Одинъ изъ работниковъ поднялъ голову и, увидавъ Борисова у окна, сталъ махать руками.

Борисовъ сошелъ внизъ. Покуда онъ не спѣша проходилъ садъ, лодка уже причалила; садовникъ бросился къ нему, въ то время, какъ работники выгружали изъ лодки что-то бѣлое и клали на траву.

— Сударь, несчастіе случилось!

— Какое несчастіе? спросилъ Борисовъ.

Вмѣсто отвѣта садовникъ посторонился, и Борисовъ увидалъ на травѣ безжизненное тѣло женщины въ бѣлой одеждѣ, съ распущенными волосами, покрывавшими отчасти ея лицо.

— Madame!.. произнесъ кто-то испуганнымъ шопотомъ.

Борисовъ опустился на колѣни и, откинувъ мокрые волосы, взглянулъ утопленницѣ въ лицо. Оно было спокойно; вѣки были опущены, ротъ закрытъ, съ выраженіемъ не то покорности, не то сдержанной, горькой улыбки; между бровями образовалась прямая складка, являвшаяся всякій разъ, когда при жизни Василиса сдерживала какой-нибудь порывъ или задумывалась. Борисовъ пощупалъ пульсъ, подавилъ грудь, желудокъ; прильнулъ ухомъ къ сердцу: все тихо, холодно, мертво.

— Когда это случилось? спросилъ онъ у садовника.

— Не знаемъ. Часъ тому назадъ Пьеръ пошелъ къ озеру за водой и увидалъ между сваями что-то бѣлое; онъ позвалъ, мы бросились въ лодку и — вотъ...

Садовникъ собирался сообщить свои личныя соображенія по поводу трагическаго происшествія, но Борисовъ прекратилъ дальнѣйшее повѣствованіе и велѣлъ нести тѣло въ домъ. Онъ шелъ рядомъ, поддерживая голову и бережно подбирая мокрые волосы, волочившіеся по землѣ. Тѣло внесли въ гостиную и положили на кушетку; Борисовъ покрылъ его попавшимся ему подъ руку чернымъ кружевомъ и, отпустивъ людей, отправился наверхъ будить Загорскаго.

Онъ прошелъ черезъ кабинетъ и вошелъ въ его спальную.

— Константинъ Аркадьевичъ, встаньте, несчастіе случилось...

— А?.. что? пробормоталъ Загорскій спросонья, и вдругъ испуганно крикнулъ: Пожаръ?... Домъ горитъ?..

— Нѣтъ; Василиса Николаевна...

— Борисовъ не могъ выговорить сразу рокового слова.

— Занемогла? произнесъ Загорскій, уже гораздо спокойнѣе. Надо за докторомъ послать...

Онъ потянулся къ звонку.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, не звоните, а одѣньтесь поскорѣй и придите сами.

— Да что же случилось?.. говорите, наконецъ... Умираетъ, что ли?

— Умерла, сказалъ Борисовъ.

Загорскій поблѣднѣлъ отъ неожиданности такого извѣстія и испуганно уставился на Борисова.

— Сегодня въ ночь утонула, пояснилъ Борисовъ. Вѣроятно сошла въ садъ, какъ нибудь оступилась и упала въ воду. Тѣло сейчасъ вытащили...

— Скончалась!...

Загорскій машинально перекрестился.

Наскоро одѣвшись, онъ пошелъ за Борисовымъ.

— Да что же это! что же! твердилъ онъ растерянно, спускаясь съ лѣстницы.

Константинъ Аркадьевичъ боялся смерти и вообще тщательно избѣгалъ всего, что могло давать поводъ къ душевному разстройству. Изъ сѣней онъ направился было въ спальную.

— Нѣтъ, сюда, проговорилъ Борисовъ и открылъ дверь въ гостиную.

На диванѣ лежало тѣло, покрытое чернымъ вуалемъ, съ кружевной подушкой подъ головой. Утренній вѣтерокъ врывался въ открытыя окна и приносилъ съ собою запахъ цвѣтовъ, въ саду щебетали птицы, озеро сверкало на солнцѣ, весеннее утро просыпалось ясное, роскошное...

Загорскій подошелъ, взглянулъ и нервно содрогнулся, удостовѣрясь, что признаковъ жизни никакихъ не оставалось.

— Стало быть, все кончено, произнесъ онъ какъ-то безсмысленно, глядя на трупъ. У него мелькнуло въ головѣ: А духовнаго завѣщанія никакого не существуетъ.

Онъ взглянулъ на Борисова и проговорилъ язвительно:

— Радуйтесь!... дѣло рукъ вашихъ! Вотъ до чего вы довели...

— Что?... что вы сказали?

Блѣдное лицо Борисова стало вдругъ до того злобно и страшно, что Загорскій отступилъ на шагъ и робко пробормоталъ:

— Вы, пожалуйста, не взыщите, Сергѣй Андреевичъ... Я человѣкъ нервный... все это крайне меня разстроило... Я взволнованъ... самъ не знаю, что говорю...

— Такъ старайтесь опомниться, проговорилъ угрюмо Борисовъ. Онъ прибавилъ: Жена ваша умерла, вотъ фактъ; нарочно ли она утопилась, или случайно попала въ воду,— никто не въ состояніи разъяснить. Вы можете представить въ мерію то или другое объявленіе, какъ вамъ покажется удобнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни подъ какимъ видомъ, какъ же можно, заговорилъ поспѣшно Загорскій. Разумѣется, несчастіе... неосторожность... Иного ничего и предполагать нельзя... Да я и не... .

— Чего вы такъ перепугались? холодно перебилъ его Борисовъ. Боитесь отвѣтственности передъ полиціей, или совѣсть въ васъ заговорила?

— Какая отвѣтственность?... Я рѣшительно ничего не знаю; возвратился вчера вечеромъ домой, легъ спать и до сегодняшняго утра ничего не видѣлъ и не слышалъ... Какъ все это непріятно! воскликнулъ Константинъ Аркадьевичъ, переходя окончательно въ слезливый и жалобный тонъ. Сколько хлопотъ!... Нужно получить свидѣтельство, дать знать священнику въ Женеву; а я рѣшительно ни на что не способенъ... совсѣмъ разстроенъ... Нужно же было случиться такой бѣдѣ!

Константинъ Аркадьевичъ былъ непритворно искрененъ и трогателенъ въ глубокомъ чувствѣ состраданія къ самому себѣ.

— Попу пошлите телеграмму, проговорилъ Борисовъ; къ вечеру онъ можетъ быть здѣсь. А на счетъ свидѣтельства, ежели хотите, я похлопочу; я здѣшніе порядки знаю.

Въ это время вошла Вѣра. Она узнала отъ горничной о случившемся и вся въ слезахъ бросилась въ гостиную.

Она упала на колѣни около дивана и стала цѣловать безжизненныя руки.

— Пойдутъ теперь вопли и рыданія! произнесъ Загорскій, морщась съ недовольнымъ видомъ человѣка, которому приходится переносить совершенно незаслуженную обиду. Я не въ состояніи этого слушать, уйду къ себѣ... Сергѣй Андреевичъ, такъ ужъ будьте такъ добры... я на васъ разсчитываю... Кстати ужъ и телеграмму священнику пошлите: я рѣшительно ни на что негоденъ...

Когда Загорскій вышелъ, Вѣра повернула къ Борисову свое лицо, облитое слезами.

— Сергѣй Андреевичъ, вы знаете, когда это случилось?...

— Нѣтъ.

— Я знаю. Это было въ то время, когда я пѣла у окна... Я видѣла что-то бѣлое мелькало между деревьями и шло къ озеру... но мнѣ въ голову не могло войти!... а теперь я совершенно увѣрена и платье узнаю...

У Борисова какъ-то болѣзненно сдвинулись брови: нѣсколько мгновеній онъ молчалъ, опустивъ голову.

— Очень правдоподобно, глухо произнесъ онъ.

— Я никому не говорила, продолжала Вѣра: матери не сказала, только вамъ.

— И не нужно говорить; къ чему?

Вечеромъ пріѣхалъ священникъ и отслужилъ первую панихиду.

Тѣло лежало въ гробу, убранномъ цвѣтами. Въ комнатѣ толпились домочадцы, горничныя, лакеи; кое-гдѣ раздавались отрывистыя всхлипыванія. Прислуга любила Василису, да къ тому же скорбный напѣвъ панихиды и незнакомые обряды дѣйствовали на ея впечатлительность. Каролина Ивановна, аккуратно затянутая по обыкновенію въ черное платье, поглядывала туда и сюда быстрыми глазами, наблюдая за порядкомъ; Константинъ Аркадьевичъ въ глубокомъ трaурѣ крестился и клалъ земные поклоны; Вѣра стояла на колѣняхъ у гроба и не шевелилась. Борисовъ въ дверяхъ, при-

слонясь плечомъ къ косяку, повидимому, весь углубился въ созерцаніе тонкаго пламени восковой свѣчи, горѣвшей у него въ рукѣ. Запахъ ладона напоминалъ ему что-то. Ему пришла на память его первая встрѣча съ Василисой; такъ же пахло ладаномъ и раздавалось церковное пѣніе. Передъ нимъ мелькнулъ ея образъ, какъ она шла въ тотъ день по ниццкой церкви, стройная, опустивъ глаза, чуть улыбаясь румяными губами. Ему вспомнилось, какъ онъ тутъ же подумалъ: „Интересная наружность! любопытно было бы побесѣдовать съ этой барыней и узнать, что въ ней такое кроется.“ И онъ узналъ, что въ ней крылось; онъ перетрогалъ, заставляя ихъ звенѣть, всѣ струны, здоровыя и больныя, этой души, и до пресыщенія наслушался ихъ звуковъ. Онъ взглянулъ на неподвижное, бѣлое лицо подъ прозрачной кисеей; по его собственному лицу, осунувшемуся и пожелтѣвшему, промелькнуло выраженіе не то скорби, не то жалости; онъ отвернулъ глаза и снова сосредоточилъ все свое вниманіе на пламени горящей свѣчи.

На другое утро были похороны. Кладбище Кларана лежитъ на высотѣ, откуда открывается широкій видъ на горы и озеро; аллеи плакучихъ ивъ и кипарисовыхъ деревьевъ тянутся между рядами памятниковъ, обсаженныхъ цвѣтами. Въ одномъ изъ этихъ рядовъ, подъ тѣнью плакучей ивы, была вырыта могила и опущенъ гробъ Василисы. Видъ, который она такъ любила, легъ навѣки передъ нею.

По окончаніи церемоніи, когда начали расходиться, Борисовъ подошелъ къ Загорскому и пожелалъ ему всякихъ благополучій.

— Вы развѣ не зайдете съ нами завтракать? спросилъ Загорскій.

— Нѣтъ, благодарю. Я отсюда прямо на желѣзную дорогу.

Они холодно распростились.

У могилы на каменной ступенькѣ сидѣла Вѣра и, опустивъ голову въ руки, крѣпко задумалась.

— Прощайте, Вѣра Павловна, сказалъ Борисовъ: мы съ

— Я ея никогда не забуду, проговорила Вѣра. Какая она была хорошая, правдивая, добрая...

Вѣра зарыдала.

— Да, сказалъ Борисовъ; это была чуткая и нѣжная натура; задатки были богатые, но надломленность характера мѣшала идти съ увѣренностью по избранному пути и привела въ концѣ концовъ всѣ силы къ нулю. Этотъ хорошій человѣкъ былъ вполнѣ непригоденъ къ самостоятельной нравственной жизни; его заѣдалъ и заѣлъ до конца внутренній анализъ... Пора Гамлетовъ, Чайльдъ-Гарольдовъ и Обермановъ прошла; они сошли со сцены; ихъ терзанія и душевныя болѣсти, не выступавшія за предѣлы узкой субъективности, никому болѣе не кажутся интересными; трезвый критическій анализъ развѣнчалъ этихъ страдальцевъ идеализированнаго эгоизма и непомѣрной жажды счастья. Современная жизнь создала новыя стремленія, выработала новые идеалы: Гамлетамъ въ юбкахъ и во фракахъ нельзя уже пристроиться ни къ какой ея сторонѣ; дѣйствительность съ своими требованіями втягиваетъ ихъ въ общій водоворотъ и рано или поздно, окончательно сломивъ ихъ, выбрасываетъ, какъ ненужныхъ, на берегъ. Миръ ихъ праху!

Борисовъ подалъ Вѣрѣ руку на прощаніе. Они дошли до воротъ кладбища; Вѣра обернулась и еще разъ взглянула на могилу; Борисовъ скорыми шагами пошелъ по направленію къ желѣзной дорогѣ.